

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

22

1927

ИЗДА-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

СМР

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Слока	Напечатано	Следует
40	18 снизу	расчета	просчета
40	1 снизу	снижения	снижением
48	20 снизу	17 миллиардов	17 1/2 миллиардов
53	22 сверху	идет на продажу рабочим тяжелой промышл. гос. сект. взамен чего и т. д.	идет на продажу рабочим тяжелой промышл. гос. сект. и на фонд воспроизводительного потребления, взамен чего и т. д.
56	18 сверху	в сфере производства	в сфере обмена
57	2 снизу	товарного хозяйства	крестьянского хозяйства
58	12 снизу	2 с	II с

**КОЙ
И**

МНИ

Коммунистическая академия 11859
3555-7

ВЕСТНИК

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

КНИГА
XXII

ИЗДАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1927

AS262
M58

Типограф и Словол.
„Красная Пресня“
= (Мосполиграф) =
Москва, М. Грузинск.
Столярный пер, 5/7.

LIBRARY OF CONGRESS
RECEIVED
MAR 1 1928
DOCUMENTS DIVISION

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С т а т ь и

	Стр.
Покровский, М. О деятельности Коммунистической Академии	5
Преображенский, Е. Хозяйственное равновесие в системе СССР	19
Грановский, Е. Иностраный капитал в системе монополистического капитализма в России	72
Асмус, В. Логическая реформа А. Богданова (по поводу доклада А. Богданова „Пределы научности рассуждения“)	122
Ефимов, А. Производительные силы и диалектика их развития	145
Франкфурт, Ю. Плеханов о диалектике в психологии	186
Ухтомский, А. Доминанта как фактор поведения	215

Критика и библиография

Лелевич, Г. Воинствующий идеализм на фронте литературоведения (Б. Эйхенбаум—„Литература“. „Прибой“, 1927)	243
Михайлов, А. Д. Недович. „Задачи искусствоведения“.—„Вопросы теории пространственных искусств“. Г. А. Х Н., 1927.	253
Милонов, К. Борис Рудаев. На путях к материализму XX века. Маркс и Аристотель. Маркс и Эйнштейн	262

П р и л о ж е н и е

Теоретическая работа коммунистов в 1926 г. (Библиографические материалы)	269
--	-----

ИЗДАНИЕ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Когда говорят у нас о строительстве социализма, то, с конкретностью, свойственной марксистскому мышлению, прежде всего имеют в виду наиболее материальные формы этого строительства: Волховстрой, Загэс, аэроплан Шестакова (очень большое наше достижение — по поводу такого достижения американцы кричали бы на весь мир, будь они в нашем положении), Средне-Азиатско-Сибирская железная дорога, лесовоз «Сталин» и т. п. Очень хорошо и совершенно правильно, что мы начинаем с того, что есть, что облечено или облачается во плоть, а не с того, что еще только должно быть и что не имеет еще конкретно-уловимых очертаний. Теория всегда следует за фактом, а не факт за теорией. Но совершенно не по-марксистски было бы из-за факта забывать теорию. Очень нехорошо было бы, если бы теория следовала за фактами на расстоянии выстрела из сверхдальнобойного орудия. «Без революционной теории не может быть и революционного движения», говорил Ленин. «Роль передового бойца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией»¹.

А так как мы не отказались и не думаем отказываться от роли передовой революционной партии, самой передовой во всем мире, — то теория для нашего строительства социализма необходима нам именно теперь более, чем когда бы то ни было.

Могут возразить, что теория у нас есть — в 20 томах полного собрания сочинений Ленина и что никакой другой, новой теории не требуется. Это совершенно верно, что у Ленина можно найти, хотя бы в зародыше, всю теорию революционного марксизма: даже первоначальный эскиз той схемы русского исторического процесса, против

¹ Том V, стр. 136.

которой так ратовал в свое время тов. Троцкий. Но сам Ленин, нет никакого сомнения, жестоко осудил бы превращение его мыслей в формулы, годные на все случаи жизни во все времена и во всех странах. Сослагательное наклонение здесь даже совершенно лишнее, поскольку такое «употребление» марксизма Ленин уже осуждал, и не раз, самым категорическим образом. «Наше учение не догма, а руководство для действия,—так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь намечать *общие* задачи, необходимо видоизменяемые *конкретной* экономической и политической обстановкой каждой особой *полосы* исторического развития», писал Ленин в апреле 1917 года, полемизируя с тов. Каменевым, пытавшимся именно превратить большевистскую схему революции 1905 г. в «формулу», пригодную и для 1917 г. «Эта формула уже устарела», отвечал ему Ленин. «Жизнь ввела ее из царства формул в царство действительности, облекла ее плотью и кровью, конкретизировала и *тем самым* видоизменила»¹.

Это, как все знают, не случайное «полемическое» место—к этой мысли Ленин возвращался неоднократно, это одна из его центральных мыслей. За десять почти лет до полемики с Каменевым он писал: «марксизм требует безусловно *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы; ставить этот вопрос вне исторической конкретной обстановки—значит не понимать азбуки диалектического материализма»². А через шесть лет после этой полемики в одной из последних статей Ленина мы читаем: «Слов нет, учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже отказаться от мысли, что будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории». Предусмотреть конкретные формы исторического процесса вообще невозможно; немного выше, в той же статье, иллюстрируя эту мысль, Ленин говорил: «Мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как брестский мир, или нэп и т. п.»³. Между тем, именно для *практики* в этих конкретных формах *все*—всякая «формула» прежде всего должна быть проверена на конкретных условиях данного места и времени: «марксизм требует

¹ Том XIV, стр. 27 и 29.

² Том VII, ч. 2, стр. 78.

³ Том XVIII, ч. 2, стр. 120.

от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и *конкретных особенностей каждого исторического момента*. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики»¹.

«Разработка» ленинизма не есть пустая фраза именно потому, что каждое ленинское положение нам приходится все заново и заново *конкретизировать* на все новых и новых исторических фактах. В этом—а не в запоминании ленинских слов—и заключается последовательный ленинизм. Несмотря на существование 20 томов Ленина—точнее, именно, благодаря их существованию,—нам неустанно приходится работать над все новыми и новыми горами сырого материала, которые подваливает нам ни на один миг не отдыхающая диалектика исторического процесса.

И необходима именно *теоретическая* разработка этих груд сырого материала. Тут приходится бороться с некоторой «абerrацией», весьма, к сожалению, распространенной в наших кругах. Науку расценивают у нас иной раз с точки зрения ее непосредственной практической полезности. Одно время—к счастью, время прошлое—этот «практический» уклон в наших школьных программах свирепствовал: зоологию изучали исключительно на предмет успешного разведения свиней, ботанику—на предмет улучшения урожаев, а историю Октябрьской революции можно было и вовсе не изучать, поскольку это дело прошлое, а из летошнего снега шубы себе не сошьешь. Мы, конечно, берем самые крайние *уродства* линии—на резких случаях она виднее: если бы она вся состояла из таких резких случаев, она не продержалась бы в нашей среде и месяца. А она держалась годами,—и отзвуки ее слышатся до сих пор. Не без удивления наши «практики» слушали, как в Германии, в технических вузах, огромное место отводится такому «академическому» предмету, как *история* техники, и что вообще хорошим инженером нельзя сделаться, не получив очень хорошей *теоретической* подготовки. Но так как это говорили настоящие практики, и притом перворазрядные, то пришлось слушать и слушаться. В результате линия выпрямлялась; но чтобы по поводу чисто теоретической работы вы совсем не рисковали услышать вопроса—а какой в этом толк?—этого еще никак нельзя сказать.

¹ Т. XIV, ч. I, стр. 27. Курсив мой. М. П.

С этим тупым практицизмом приходится бороться не только по тем общим основаниям, по которым шиллеровские боги боролись (и притом тщетно!) с глупостью: этот практицизм—весьма непрaktический, поскольку он калечит людей и заставляет тратить лишнее время на их излечение—представляет собою несомненное внедрение в нашу, пролетарскую, идеологию чуждых *классовых* влияний. В основе здесь лежит, несомненно, мелкобуржуазная—в частности, зажиточно-крестьянская—узок, создаваемая замкнутостью самодовлеющего мелкого хозяйства, живущего из поколения в поколение одними и теми же «испытанными» приемами и потому органически враждебного всякой диалектике. Приходится подчеркивать, что эта психология «зжиточно-крестьянская», потому что бедноту уже одни отхожие промыслы выводят из этого аграрного идиотизма. Но навстречу этой косности застывшие мелкого хозяйства идут уже совсем не стихийные, сознательные приемы того слоя, который достался нам от старых хозяев жизни, от буржуазии крупной, капиталистической.

Доставшаяся в наши руки буржуазная наука составляла интегральную часть буржуазной идеологии вообще. Пролетарская диктатура кастрировала эту идеологию, поскольку открытая защита основ буржуазного мирозерцания стала невозможна. Буржуазным ученым, не перешедшим на точку зрения победившего пролетариата—а перешли на эту точку зрения долгое время отдельные единицы, тоненькой струйкой, капля за каплей,—ничего другого не оставалось, как ограничить себя областью *научной техники*. «Наших» обобщений большевики все равно не пропустят, а «иных» обобщений мы не хотим и знать: это—скверна, это от лукавого. Так не будем обобщать вовсе. Постараемся быть «им» полезными, как «практики». Этим мы спасемся в «лихолетье» и переждем его. И вот возникают дюжинами сапропелевые институты, и одно высокое научное учреждение пытается придать актуальность даже... изучению торговых путей Киевской Руси. Может, пригодится Константин-то Багрянородный, при постройке новой железнодорожной сверхмагистрали, например.

Мелкий буржуа—в силу условий своего хозяйничанья не в силах вырваться из «практики». Крупный буржуа или его отставной идеолог сознательно загоняют себя в практику, не желая признавать «чужой» теории и служить ей. И то, и другое в значительной степени уже в прошлом, в значительной степени уже преодолено. Но еще не совсем в прошлом, не совсем преодолено. Вот отчего чисто теоретическую работу приходится еще до некоторой степени «защищать». И вот отчего так туго мы на создание собственных

теоретических, научно-исследовательских учреждений. Вот отчего и теперь время от времени возникают еще дикие, с позволения сказать, проекты совсем ликвидировать самостоятельную научно-исследовательскую работу, привинтив эту работу, как частицу, как один из аппаратов «практической» работы—учебной работы вузов.

Но было бы в высокой степени ошибочно думать, что буржуазный «практицизм» означает просто отсутствие всякой идеологии. Что так обстояло дело с некоторыми из наших товарищей, увлекавшихся этим практицизмом, не подлежит сомнению. Есть, нечего греха таить, у нас кое-какие теченьица среди наших практиков (партийных), что, дескать, идеология, это нужно для агитации и пропаганды, а когда дело делать, так идеологию можно и в сторону. Партия, мы сейчас увидим, никогда на такой точке зрения не стояла и не может, само собою разумеется, стоять, но на этой точке зрения не стоят, прежде всего, сами буржуазные ученые. Их «нейтральность» есть просто одна из форм военной маскировки: авось мол из-за сапропелей не разглядят, каково наше мировоззрение. Но мировоззрение-то у них есть, и, когда приходится давать науку в уплотненном и максимально ясном виде—а это приходится делать всякому преподавателю,—оно выступает на свет самым безжалостным образом, как пятна на плохо вычищенном старом пиджаке. Молодая аудитория, настроенная по иному камертону, эту «барсову шкуру» приспособившейся науки сейчас же замечала и реагировала на нее иногда даже острее, чем бы следовало. Не могла не обратить внимания на это явление и партия, уже в 1923 году, на XII съезде, высказавшая свое мнение по этому вопросу в резолюции, которую мне неоднократно приходилось цитировать—говоря о работе наших партийно-научных органов без нее, как исходного момента, не обойдешься—и которую, несмотря на ее общеизвестность, поэтому приходится повторить и здесь¹.

В этой резолюции приходится выделить три основных момента. Во-первых, впервые совершенно официально было констатировано,

¹ «В теснейшей связи с необходимостью организованного противодействия влиянию в первую очередь на учащуюся молодежь со стороны буржуазной и ревизионистски настроенной профессуры, следует в большей степени, чем в настоящее время, выдвинуть задачу оживления работы *научной коммунистической мысли*, сделав центром этой работы Социалистическую Академию и расширив объем ее деятельности за пределы общественно-научной. Социальная академия должна теснейшим образом связаться в своей работе с *научно-исследовательской деятельностью* различных учреждений и органов (ВУЗы, Коммуниверситеты, Наркоматы и т. п.), постепенно превращаясь в научно-методологический центр, объединяющий всю научно-исследовательскую работу».

что работа научной коммунистической мысли не может и не должна ограничиваться пределами общественнознания. Это самоограничение, несомненно, было одной из форм того «практицизма», о котором говорилось выше. Из того совершенно правильного положения, что в науках точных и естественных, кроме классового содержания, есть элементы простого приспособления к природе (электрическую энергию одинаково, с технической точки зрения, может использовать и буржуа и пролетарий), делали неправильный и совершенно немарксистский вывод, что и *методы научного исследования* в точных и естественных науках классово-нейтральны. Но это глубочайшее заблуждение. Те или другие методы исследования возникают на определенной классовой почве. Феодалное общество не могло поставить самой проблемы изучения явлений электричества. Феодалному человеку эти явления внушали только животный страх, ничего более. Нужно было освободиться от этого страха прежде всего другого—и бесстрашие исследователей электричества XVIII века (на этой почве было не без трагедий) было результатом трехвекового буржуазного развития, выведшего массы из рабства и оконечило неподвижности, характерных для феодальных отношений, приучившего людей пробовать и пытаться всякие штуки—от попытки переплыть океан до попытки поймать молнию. Но дерзания буржуазного общества ограничены, как и сам буржуазный мир. Буржуа может допустить, что весь мир вокруг него меняется,—он не может допустить, что меняется он сам. Представление, что он был когда-то обезьяной и перестанет когда-то быть собственником, выводит его из себя, и он с одинаковой яростью обрушивается на социализм и на теорию эволюции. В высокой степени наивно было бы думать, что и то и другое не отражается на методах исследования буржуазного ученого. Кто следил за историей геологии, например, тот не мог не заметить, как французская школа, самая консервативная в вопросах эволюции (что тесно связано с тем, что редкий французский ученый не ходит к обедне), суживала биологическую хронологию человека, почти сводя ее к библейским цифрам. Только что переведенный на русский язык Перрье («Доисторическое прошлое земли») считает роду человеческому не более 40.000 лет существования, тогда как более свободные от предрассудков ученые давно уже примирились с цифрой в 500.000 лет¹. Это всего менее случайность—так же, как и то, что

¹ См. брошюру акад. Ферсмана, «Время».

«обезьяний процесс» имел место в одном из самых отсталых штатов Северо-Американского союза.

Буржуазные ученые могут произвести тысячи практически полезных исследований, но двигать методологически науку вперед, ставить новые проблемы и по-новому их решать они могут, только вылезая из буржуазной кожи. Во всем мире это происходит не без жестоких трагедий—пример Каммерер,—но всюду это происходит кустарным способом, по индивидуальному почину. Мы имеем возможность дать лучшим из буржуазных ученых возможность делать это *организованно*, в массовом масштабе, и мы должны этим воспользоваться. Неосторожно, конечно, было бы утверждать, что марксистская философия природы совпадает с научным естествознанием, но что без этого естествознания не может быть никакого диалектического материализма, а могут быть только праздные и пустые разговоры о диалектике, это ясно представляет себе всякий, кто не только читал «Диалектику природы» Энгельса, но кто хотя бы видел три картона с *математическими* рукописями Маркса в архиве Института Маркса и Энгельса. Что у Коммунистической академии есть своя секция естественных и точных наук, что при академии есть физиологическая лаборатория и институт для изучения высшей нервной деятельности, это вовсе не «прихоть», это только показывает, что директиву об «оживлении работы научной коммунистической мысли» академия приняла всерьез.

Коммунистическая академия не есть, таким образом, учреждение только обществоведческое, это есть несомненный (и довольно уже зрелый) зародыш *Коммунистической Академии Наук*. В силу цельности марксистского мирозерцания—не меньшей, надо надеяться, с этим все согласятся, чем цельность буржуазного мирозерцания—академия, как и гласит ее устав, должна работать «во всех отраслях знания». Попытки сузить в чем-либо работу академии в этом отношении были бы попытками определенно ослабить значение этого «научно-методологического центра». И так как *центр* у всякой окружности бывает только *один*, то из этого вытекает, не будем бояться слов, известная монополия нашей академии на руководство партийно-научной работой во всесоюзном масштабе. Это не значит, конечно, что академии должно быть предоставлено право хватать за рукав всякого коммуниста, который осмелится заниматься наукой вне пределов академии, это было бы самое странное понимание централизации научно-партийной работы. Но это значит, что все *учреждения*,

ведущие такую работу, должны координировать ее с работой академии. Не может быть двух, трех и так далее теорий марксизма и ленинизма,—может быть только одна. И если другие учреждения будут заниматься разработкой той же теории в том же направлении, вне всякой связи с академией, это будет явный параллелизм, с точки зрения режима экономии нетерпимый; нужно какое-то разделение труда, какое-то выравнивание этой работы в рамках *общего плана*. Если же эти учреждения будут разрабатывать нашу теорию в каких-то иных направлениях, то очевидно, что или академия не стоит на правильной марксистско-ленинской точке зрения, или эти учреждения не стоят на ней,—и тогда нужно как-то выправлять их работу, что опять-таки удобнее сделать из какого-нибудь *одного* центра.

И, наконец, *третий* момент директивы, чрезвычайно ценный: во круг академии должна быть объединена научно-исследовательская деятельность не только вузов и комвузов, но и *наркоматов*, т. е. Академия должна стать руководящим центром не только чисто-теоретической, но и *научно-прикладной работы*, какая ведется в нашем союзе, ибо *научно-теоретической* работы учреждения каких-либо наркоматов, кроме Наркомпроса, не ведут. Конечно, академия может руководить этой научно-прикладной работой не в смысле непосредственного ее направления. *Заданья* этой работе давали и будут давать сами наркоматы, в отношении ее *техники* вполне можно положиться на тех специалистов, которые наркоматами к работе привлекаются. Речь может идти опять-таки во-первых, о *методологическом* контроле, о неиспользовании чрезвычайно дорого стоящей работы целой сети учреждений для пропаганды идеологии, нам чуждой и враждебной, а во-вторых, и главным образом, об увязке этой работы в *общем плане*. До сих пор научная работа различных учреждений Союза носит невероятно партизанский характер (вплоть до настоящей партизанской войны между учреждениями, которые объект своего исследования поделить никак не могут). Этой научной партизанщине необходимо положить жонец: она стоит стране не один десяток лишних миллионов.

Это предписание академии связаться и с наркоматами лишний раз подчеркивает ленинское положение: *нет практики без теории*. Не только в революционной борьбе, но и в строительстве социализма каждый наш шаг вперед требует от нас «самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов». «Соотношение классов» может сказаться и сказывается и в направлении биологических и даже физических исследований. Теорию относительности можно

толковать и материалистически, и идеалистически, и самый материализм может принять антипролетарский характер и заставить самого Энгельса говорить о «материалистическом тупоумии». Ибо, действительно, вульгарный мелкобуржуазный материализм, свирепствовавший в Германии 60—70-х годах, был не менее вреден для рабочего движения, чем всякие другие мелкобуржуазные благоглупости.

С этой точки зрения—классовости отношения к науке,—характерно отношение отсталых классов к *технике*, самой, казалось бы, наглядно-убедительной форме научного воздействия на жизнь. Железные дороги встретили ожесточенное сопротивление со стороны многих «государственных людей» крепостнической России. Николай I оказался выше своих министров и оценил выгоды парового транспорта, но и он долго думал, что винтовой пароход есть «игрушка», и что игрушку эту скоро бросят. Его, современный нам, тезка терпеть не мог телефона и очень неумело им пользовался (свидетельство Сазонова). Когда построили храм Спасителя, долго велись разговоры о том, можно его освещать электричеством или нет. Электрические трамваи в Москве были созданы при ожесточенном сопротивлении знаменитого обер-полицеймейстера Трепова и т. д., и т. д. С другой стороны, как только рабочее государство вылезло из тисков самой крайней нужды—даже только еще начало чуть-чуть вылезать,—Ленин поставил вопрос об электрификации. Волховстрой, Загэс, Днепрострой возникли и возникают на основе завоеваний пролетарской революции—без нее мы бы долго еще их не дождались. Даже в технике, может быть, и есть на самом деле определенный классовый подход. Директива XII съезда—связаться с научно-прикладной работой наркоматов—есть, таким образом, чисто ленинская директива, и остается только пожалеть, что в текущей работе Комакадемии она так мало пока отражается.

Отдельные поручения государства академия уже выполняла и выполняет. Так, ее аграрная секция, по поручению Совнаркома, разрабатывала и представила в высший орган проект основных начал землепользования и землеустройства. Секция права и государства рассматривает в настоящее время проект нового гражданского уложения. Наконец, академии в ближайшее время придется изучать капитальнейший вопрос—о тяжести налогового обложения в деревне. Все это, однако, лишь начало участия академии в научном обслуживании государства. Но надо иметь в виду, что в 1923 году, когда эта директива давалась, сама Коммунистическая (тогда она называлась еще «Социалистической») академия, как «научно-методический центр», едва начинала

складываться. Подавляющее большинство ее секций и институтов возникли в последующие годы, главным образом 1925—1926 годы.

Когда партия летом 1927 года поставила на проверку работу академии, партии пришлось, в сущности, проверять, *начала ли* что-нибудь делать академия в указанном ей направлении.

Проверка эта, как проверка *приступа* академии к работе, дала благоприятные для академии результаты. Заслушав доклад президиума академии, Центральный Комитет констатировал «значительное оживление научной работы Комакадемии, выразившееся как в постановке научной работы в ряде учреждений Комакадемии (секция права и государства, о-во историков-марксистов, аграрная секция и др.), так и в научно-издательской деятельности Комакадемии, играющей важную роль в деле развития марксистской мысли («Вестник Комакадемии», «На аграрном фронте», «Энциклопедия права и государства» и т. д.), а также начало работы по созданию новых научных кадров».

Особенно следует подчеркнуть последнюю задачу, отмеченную ЦК. Старое поколение теоретиков-марксистов сходит понемногу со сцены. Готовить ему смену совершенно необходимо,—и только чисто-историческими, в тесном смысле этого слова, условиями можно объяснить, что подготовка этой смены до сих пор не связана органическим образом с академией. Эта подготовка ведется, как всем известно, в стенах Института красной профессуры,—учреждения, тесно связанного с Коммунистической академией многоразличными персональными связями, но организационно совершенно самостоятельного. Дело объясняется тем, что, когда возник институт, академия сводилась к библиотеке (тогда, правда, более богатой, чем теперь, поскольку часть ее книжных фондов с тех пор перешла в Институт Маркса и Энгельса). Первые семинарии института с этой библиотекой были тесно связаны, отчасти проходили в ее стенах, но нельзя же было поручить руководство подготовкой красных профессоров библиотеке. Естественным образом, это дело было поручено живым людям, которые, почти без исключения, состояли тогда уже членами «Социалистической» академии, но в академии не работали, ибо там вообще никакой почти работы не велось. Теперь академия есть энергично работающее научное учреждение, ее молодежь на 75% состоит из «красных профессоров», и вполне ясно, что подготовку этого молодежь рано или поздно академия должна будет связать и организационно со своей работой. Это только вопрос времени, в данном же случае важно отметить признание ЦК, что «начало работы по созданию новых научных кадров» академией уже ведется.

Но Центральный Комитет не ограничился характеристикой того, что академия делает,—он дал ей в высшей степени важные указания относительно того, что академия должна делать, сделав дальнейший шаг в том направлении, какое было дано работам академии XII съездом.

Прежде всего, перед академией ставится задача «вовлечения в нее всех теоретических сил, которыми располагает партия, привлечение к этой работе всех близких к партии работников в области теории». Центральный Комитет, как видим, рассматривает академию именно, как *центр* научно-партийной работы, центр, располагающий «всеми теоретическими силами» партии. Таким образом, данное выше толкование резолюции XII съезда находит себе полное подтверждение в последней директиве Центрального Комитета. Всякие попытки создавать какие-либо новые центры изучения теории марксизма и ленинизма вне связи с работой Комакадемии могут считаться заранее обреченными на неудачу. Те или другие учреждения могут разрабатывать те или другие отдельные стороны и вопросы марксизма, но работа их обязательно должна быть координирована с работой Коммунистической академии, которая, как говорит дальше директива совершенно определенно, является «центром научной работы коммунистической мысли».

В чем же должна состоять эта работа? Центральный Комитет не нашел нужным давать какие бы то ни было новые указания относительно *объема* этой работы. Но он выделил из всей массы вопросов, охватываемых планом академии, те, которым академия «должна уделять особое внимание». В центре этого внимания, по директиве ЦК, должны стоять «проблемы современности», стоящие «перед Коминтерном и ВКП».

Коммунистическая академия—так можно и нужно истолковать эти слова—должна отличаться от всех других «академических» учреждений тем, что в ее деятельности должно быть как можно меньше исключительности тем, что как можно дальше отстоит от грубой житейской сутолоки. Лишь горькая необходимость заставила некоторые из этих учреждений связывать исследование в области истории торговых путей Киевской Руси с задачами современного транспорта,—и связь получилась комически-натянутая и выдуманная. Марксистская наука, марксистская теория всегда и неразрывно связаны с практикой, поэтому современность является исходной точкой для всякой теоретической работы марксиста, чему бы она ни была посвящена. Мне как-то пришлось сказать, что, даже рассуждая о камен-

ном веке, марксист неизбежно отправляется от современности. С этой точки зрения, особенно любопытно проследить работы Коммунистической академии в чисто-исторической области. Возьмите общество историков-марксистов,—в списке поставленных ими докладов вы не найдете ни одного, который не был бы связан с интересами того дня, когда читался доклад, с теми проблемами, над которыми в тот именно момент работала партия. Оба юбилея — пугачевский и 1905 года—представляют собою не что иное, как исторический аспект лозунга «Лицом к деревне». Нужно было понять крестьянство со всех сторон, между прочим и со стороны роли крестьянства в революции. Нужно было выяснить, что может сделать крестьянство в революции *одно* (доклады о Пугачевщине), и что представляет собою крестьянское движение, руководимое *пролетариатом* (доклады о 1905 г.). Партия поставила на очередь вопросы преподавания обществоведения—общество историков-марксистов создает методическую секцию и ставит целый ряд докладов по преподаванию обществоведения в школах различных типов. Подходит 10-летие Октябрьской революции—ставится ряд докладов на эту тему. И т. д. и т. д. Всюду и в этом маленьком уголке своей работы академия стремится быть научным аппаратом партии.

То же самое приходится, конечно, сказать и о всех других отделах академической работы. Академия изучает экономические последствия аграрной революции в России,—работа совершенно необходимая для того, чтобы подойти к современной деревне и диалектически, по-марксистски оценить, какие пути развития стоят перед этой деревней. Тут любопытно сравнить то, как изучают эту аграрную революцию, с одной стороны, коммунисты из академии, с другой стороны, чрезвычайно благожелательно (так они, по крайней мере, уверяют) настроенные по отношению к нашей стране буржуазные наблюдатели. Мы стремимся выяснить, какие объективные перемены произошли в нашей деревне в результате революции, чтобы, основываясь на этой объективной действительности, притти или дать возможность другим притти к тем или другим практическим выводам. А один иностранный наблюдатель, занявшись тем же вопросом, собрал огромное количество материала обо всех погромах, произведенных крестьянами в 1917 году: он *это* считает историей аграрной революции в России. А другой рассказывает об аграрном перевороте в русской деревне со слов бывшей титулованной помещицы, «ограбленной» крестьянами весной 1918 года (шесть месяцев ждали терпеливо мужички, пока «княгиня» прочтет декрет Совета Народных Комиссаров о земле,

но, видя, что «княгиня» совершенно разучилась читать, взяли инициативу на себя),—и он это тоже считает историей аграрной революции в России. Повторяю, все это люди чрезвычайно благожелательные. Но не марксисты.

«Теоретическая подготовка актуальных и политических проблем современности» входит, таким образом, интегральной частью в постоянную, повседневную работу Коммунистической академии и ее органов, и соответствующую часть директивы приходится, таким образом, признать одобрением линии, уже ведущейся, почти по инстинкту, свойственному всякому ученику Ленина, академией в течение всех последних лет. Я перехожу к последней и чрезвычайно важной части директивы.

«В целях всестороннего изучения теоретических проблем,—говорит директива,—Ком. академия должна проводить на страницах своих изданий широкое обсуждение, при чем дискуссионные работы по вопросам, имеющим актуальное политическое значение, должны сопровождаться со стороны Ком. академии изложением точки зрения партии».

Можно сказать, что и в данном случае отмечается такое явление, которое уже около года имеет место в стенах Коммунистической академии,—но на этот раз отмечается, конечно, не как нечто такое, что и дальше должно продолжать существовать в том же самом виде. Факт совершенно очевидный: партийная дискуссия давно проникла в стены академии, целый ряд ее докладов превращался в горячие схватки сторонников партийной линии с оппозицией, некоторые доклады были замаскированным или полумаскированным выступлением этой оппозиции, но все это носило совершенно хаотический характер. Можно было это вовсе прекратить. Можно было всему этому придать новый, не хаотический, а организованный вид. Центральный Комитет решил, что нужно пойти именно по этому последнему пути,—и решил совершенно правильно. Само собой разумеется, это вовсе не значит, что Академия собирается открыть «дискуссию по платформам». Надо различать, говорил Ленин, «пропаганду идей внутри борющихся политических партий» от «обмена мнений в специальных изданиях и сборниках». Есть теоретики, которые всегда дадут партии полезный совет. Это необходимо. Но разве это похоже на борьбу платформ, разве это можно смешивать? Этого никто из желающих вникнуть в наше политическое положение не смешает¹.

¹ Речь об единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне на X Съезде. Сочин., том. XVIII, стр. 160.

Это мнение Ленина отразилось и в резолюции X Съезда, где сказано (п. 6), что «в специальных изданиях, сборниках и т. п. может и должно быть уделено место для наиболее обстоятельного обмена мнений членов партии по всем указанным вопросам». Тогда имелись в виду «решительно отвергнутые» Съездом анархо-синдикалистские идеи. Но это вполне применимо и к теориям теперешней оппозиции. Само собой разумеется также, что страницы изданий Академии не будут и не могут быть предоставлены для всех и всяческих высказываний, какие кому придут в голову.

Так понять слова директивы о «широком обсуждении» и «дискуссионных работах» было бы в высшей степени странно. На страницах изданий академии могут найти свое место лишь научно-обоснованные взгляды товарищей, расходящихся с господствующими мнениями по тем или другим вопросам. Академия и в этой области будет заниматься теорией, — специальным предметом ее занятий. Само собою разумеется, далее, что академия не думает понимать «дискуссию» исключительно в партийном смысле этого слова, — все и всякие спорные вопросы всегда найдут себе одинаковое внимание со стороны академии, к какой бы области они ни относились, хотя бы даже к области биологии. И самое главное: не только по отношению к вопросам, имеющим «актуальное политическое значение», но решительно по всем принципиальным вопросам академия будет противопоставлять «дискуссионерам» последовательную ленинскую точку зрения, как она, академия, ее себе представляет. Правильно ли себе представляет эту точку зрения академия, решит партия. Но «парламентом мнений» академия отнюдь быть не собирается. Благоклонно взирать на правого и виноватого, «объективно» давая место самым противоположным взглядам, по принципу «с одной стороны нужно признаться, с другой должно сознаться», совершенно не дело большевистского научного центра, каким всегда останется академия. Большевики выслушивают противника, и если они выдержанные большевики, выслушивают терпеливо только для того, чтобы тем обстоятельнее и убедительнее его опровергать. Допущение дискуссии на страницах академических изданий равносильно обязательству академии неуклонно разоблачать все антиленинские мысли и взгляды, откуда бы они ни исходили, раз они имеют претензию на теоретическое обоснование. Выбить это основание из-под ног авторов, пытающихся «поправлять» ленинизм — в этом весь смысл и значение допущенной Центральным Комитетом в Коммунистической академии дискуссии.

М. Покровский.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАВНОВЕСИЕ В СИСТЕМЕ СССР¹

Об экономике военного коммунизма

Прежде чем перейти прямо к советской экономике сегодняшнего дня и использовать для анализа равновесия в этой экономике все то, что было выше сказано о воспроизводстве при конкретном капитализме, мы скажем несколько слов о периоде так называемого военного коммунизма. У нас часто недооценивают того наследства, которое период нэпа получил от военного коммунизма в области взаимоотношений между государственным и частным хозяйством. Будет нелишним поэтому восстановить истинные пропорции тех изменений, которые были внесены во взаимоотношения частного и государственного хозяйства переходом к новой экономической политике.

Наиболее характерной чертой периода военного коммунизма в сфере взаимоотношений между государственным сектором хозяйства и частным было, если можно так выразиться, экономически раздельное существование между мелким производством, преимущественно крестьянским производством, и между государственным хозяйством. Между этими двумя секторами не существовало правильного рыночного обмена, хотя вообще говоря, нелегальный и полунелегальный рынок продолжал существовать на протяжении всего периода военного коммунизма. Тот же обмен веществ, который существовал в форме разверстки, с одной стороны, и наркомпродовского снабжения деревни продуктами городского производства, с другой, носил совершенно специфический характер. Этот специфический характер взаимоотношений города с деревней, поскольку они регламентировались государством, вытекал из общих политических и хозяйственных условий периода военного коммунизма, когда основной целью всего производства и распределения (целью, навязанной мелкому производству деревни извне) было не расширенное воспроизводство в государственном и частном секторе, а производство максимального количества предметов потребления для армии, городского пролетариата и деревенской бедноты, а также производство орудия обороны, без всяких забот об амортизации. Не меньшую роль играло в хозяйстве плановое распределение старых запасов, распределение, также подчиненное задачам обороны, а не задачам

¹ Печатается в дискуссионном порядке.

расширенного воспроизводства. Это было хозяйство осажденного города, которое преследовало цель продержаться максимально долгий срок и выиграть войну, а не цель нормального воспроизводства в хозяйстве. Взятое независимо от типа производственных отношений, наше хозяйство периода военного коммунизма было снижающимся воспроизводством: это сближает его со снижающимся капиталистическим производством Европы периода мировой войны и после мировой войны, о чем у нас шла речь выше. Но у нас, если брать государственный сектор, было снижающееся воспроизводство в экономике *социалистического типа*. И в этом все своеобразие этого этапа нашей хозяйственной истории.

Можно ли эту экономику снижающегося воспроизводства и возрастающего разрыва между государственным и частным хозяйством иллюстрировать со стороны обмена такими же арифметическими схемами, как мы это делали при анализе капиталистического и мелкобуржуазного воспроизводства?

Такая иллюстрация, принципиально говоря, невозможна. Мы должны помнить, что ведь в данном случае дело идет отнюдь не об иллюстрации процесса воспроизводства товарнокапиталистического общества, где все процессы подчинены закону ценности, а об обмене веществ, в основе которого лежали *иные закономерности*, прежде всего потребности обороны, при полной ликвидации какой бы то ни было эквивалентности как при размене общей суммы предметов потребления деревни на продукцию города, так и при распределении внутри деревни того, что получалось из города по планам наркомпродовского снабжения. Для иллюстрации воспроизводства в экономике этого типа Марксовы схемы не годятся: Маркс иллюстрировал своими арифметическими примерами условия равновесия ценностного обмена при чисто капиталистическом воспроизводстве: эти схемы не годятся, когда хозяйство натурализуется, перестает быть денежным в значительной мере, когда на сцену выступает не равновесие обмена ценностей, а пропорциональность в распределении материальных элементов производства в натуральном виде, когда ценностные измерения начинают заменяться измерениями рабочим временем или суррогатами этого измерения, когда, наконец, производство подчинено не задачам накопления и даже не задачам простого воспроизводства, а задаче сознательного проедания постоянного капитала, превращаемого в предметы потребления и обороны. Поэтому научный анализ конкретной экономики военного коммунизма нельзя сделать в ценностных категориях. А в то же время мы знаем, что наше хозяйство периода военного коммунизма, вследствие крайней непродолжительности своего существования, не успело выработать органически присущих ему методов учета, т.е. учета натуральных элементов хозяйства и средств потребления, сводимых в последнем счете к трудовым затратам, т.е. рационально измеряемых рабочим временем, т.е. измеряемых социалистически. В период военного коммунизма мы пользовались суррогатами социалистического учета, как довоенные рубли, товарные рубли, хлебные и иные пайки (формы натурального учета), исходили из

количественного учета продукции промышленности, из количественного учета получаемой по разветке крестьянской продукции и т. д., при чем это натуральное измерение не было параллельным ценностному как теперь, а составляло базу всех расчетов. Если бы мы смогли хотя бы приблизительно воспроизвести баланс народного хозяйства Советской России за каждый год военного коммунизма, т.е. отчасти за 1918 г., а главным образом за 1919 и 1920 гг., то эти годовые балансы не оказались бы балансами воспроизводства. Мы установили бы тогда следующие основные экономические факты.

1. Вследствие полной ликвидации капиталистического производства и капиталистической торговли в хозяйстве существовало только два сектора: сектор государственного хозяйства и сектор мелкого производства, в значительной степени потерявший характер *товарного* производства вследствие натурализации крестьянского хозяйства и упадка ремесла и кустарной промышленности.

2. Основной капитал государственного сектора в той его части, которая растрчивалась за каждый год военного коммунизма, возобновлялся только в очень небольшом проценте, следовательно, происходила систематическая его растрата. Потребительский характер всего производства в государственном хозяйстве находил свое выражение в том, что не восстанавливаемый основной капитал легкой промышленности, принимавший в результате производства вещественную форму предметов потребления, увеличивал размеры производства средств потребления за счет воспроизводства износа. Вследствие этого соотношение между той частью постоянного капитала второго подразделения, которая состояла из основного капитала, и между размерами натурального воспроизводства этой части \lll в первом подразделении было в корне нарушено в сравнении с производственными пропорциями не только расширенного, но даже простого или медленно снижающегося воспроизводства. С другой стороны, та часть средств производства мелкого хозяйства, которая вырабатывалась раньше в первом подразделении капиталистического сектора (или импортировалась), теперь также растрчивалась без возмещения в первом подразделении государственного сектора. Наконец, средства производства первого подразделения госсектора, состоящие из основного капитала, не возмещались в самом этом секторе, поскольку изнашивались на выработку предметов обороны, включая сюда военные перевозки транспорта, т.е. проглатывались непроизводительным военным потреблением. Все это означало паралич, прежде всего, тяжелой промышленности, работающей для возмещения основного капитала \lll государственного и частного сектора.

3. Та часть постоянного капитала государственного сектора, которая состояла из топлива, импортного сырья или сырья крестьянского производства, не могла быть воспроизведена в нужной пропорции вследствие потери на длительные сроки основных топливных районов (Донбасс, Баку), блокады, сокращения производства технических культур в крестьянском хозяйстве, при увеличении в деревне собственной переработки этого сырья.

4. Что касается обмена веществ между городом и деревней, то здесь самый важный факт, объясняющий неизбежность существования всей системы военного коммунизма, заключался в следующем: если бы даже между городом и деревней существовал обычный рыночный обмен, то крестьянское хозяйство при снижении общего производства его до 50% довоенного не могло бы дать городу *в порядке обмена* то количество предметов потребления, то количество промышленного сырья и то количество труда в натуральной форме (гузевой транспорт и т. д.), которые были нужны государству в период гражданской войны. И, наоборот, если бы все эти количества ценностей деревня могла бы дать в порядке обычного рыночного обмена, то государственное производство, принимая во внимание минимальные размеры его продукции и огромные размеры непродвинутого потребления, вызванного войной, объективно не было бы в состоянии возместить получаемую им от крестьянства продукцию в порядке даже весьма неэквивалентного обмена, даже при наличии весьма высокого денежного налога на деревню. Это с очевидностью вытекает из учета всего производства средств потребления в государственной промышленности, если сделать этот учет в довоенных рублях, принять во внимание потребление города и фронта и сравнить возможный обменный излишек с ценностью в довоенных рублях всего того, что получалось от деревни в порядке разверстки. Если в первом году военного коммунизма несоответствие еще не так велико, поскольку советское правительство еще располагало старыми, дореволюционными запасами, то уже 1920 год, наиболее типичный год военного коммунизма, дает огромное превышение крестьянских отдач городу над крестьянскими получениями от города. Это доказывает, что отношения рыночного обмена вообще были невозможны в этот период между государственным хозяйством и мелким производством. Военнопотребительский характер экономики этого периода находил свое выражение и в том, что получавшиеся деревней в порядке планового снабжения продукты промышленности распределялись среди крестьянства комитетами бедноты особым образом: больше получали не те слои деревни, которые больше давали государству по разверстке, а как раз наоборот, снабжались прежде всего слои беднейшего крестьянства, которые, ничего не давая материально государству, оказывали ему политическую и военную поддержку в гражданской войне. Распределение городской продукции было, следовательно, вдвойне неэквивалентным; и со стороны количества, которое шло в деревню против того, что получалось из деревни, и в смысле принципа, на основе которого осуществлялось распределение внутри деревни. Коррективом к этому классовому распределению, не подчиненному задаче воспроизводства в крестьянском хозяйстве, служил нелегальный обмен между городом и деревней в форме знаменитого «мешечничества». Здесь деревня отчасти брала реванш за навязанную ей городом систему распределения и покупала за бесценок в обмен на хлеб, картошку и другие продукты питания мануфактуру, одежду, мебель и прочие запасы города от старых лет.

Противоречие между городом и деревней возрастало. В форме крестьянских восстаний конца 1920 и начала 1921 г. деревня поставила в порядок дня вопрос о приспособлении системы обмена в советском хозяйстве к условиям товарного производства в земледелии. Это приспособление было осуществлено переходом на новую экономическую политику. Но для перехода к новой экономической политике имелись причины, лежавшие в самом государственном хозяйстве, поскольку оно переходило к мирному периоду своего существования. Переход государственного хозяйства от снижающегося воспроизводства военного периода к расширенному социалистическому воспроизводству мирного времени требовал изменения в крестьянской стране взаимоотношений между пролетарской промышленностью и крестьянским хозяйством, требовал рыночной системы обмена, стимулирования производства крестьянского сырья, необходимого для госпромышленности, роста экспорта и т. д. Не надо только при этом смешивать изменений в методах управления государственным хозяйством, которые вызывались необходимостью выжать все, что могло быть пригодно, из привычных капиталистических способов учета, калькуляций и т. д. на первых этапах социалистического строительства и в интересах самого государственного хозяйства на данном уровне социалистической культуры, с теми изменениями в экономике страны, которые навязывались государственному хозяйству преобладанием в стране мелкого товарного производства. Если бы дело шло о первых годах или о первом десятилетии социалистического строительства в такой стране, как, например, современная Германия, то общие условия развития социалистической экономики могли бы и здесь, быть может, потребовать сохранения рыночной системы обмена, пока не нащупаны на слухе методы распределения, свойственные социалистической форме производства. И здесь, возможно, была бы оставлена не только мелкая, но, может быть, и средняя торговля, оперирующая на стыке государственного хозяйства с незначительным по удельному весу частным хозяйством. Но здесь не было бы условий для *развития* товарных отношений, для развития частного капитала в разных видах. Между тем в СССР такое развитие, особенно в земледелии, есть неизбежный факт, навязываемый экономике страны огромным удельным весом мелкого товарного производства и сравнительной слабостью государственного сектора. Этот факт ставит государственное хозяйство в условия непрерывной экономической войны с тенденциями капиталистического развития, с тенденциями к капиталистической реставрации, поддерживаемыми извне давлением на наше хозяйство со стороны мирового капиталистического рынка. Поэтому наша экономическая система не может обладать той внутренней устойчивостью, которая характеризовала страны молодого капитализма, разложившего феодальные отношения и подчинившего себе мелкое товарное производство. Это единоразовое социалистических элементов хозяйства с капиталистическим, опирающимся на массив мелкого товарного производства, приводит к дуализму и в сфере регулирования, а значит, к специфическим условиям равновесия во всей системе.

Предварительные замечания

Анализ условий равновесия в системе советской экономики теперешнего периода делает необходимым деление хозяйства на три сектора: а) сектор государственного хозяйства; б) сектор частно-капиталистического хозяйства; в) сектор простого товарного производства. Однако часто характер исследования будет требовать противопоставления первого сектора двум остальным, вместе взятым, поскольку два последние сектора представляют из себя объединенный круг всего частного хозяйства вообще, а отсутствие нужных цифр о капиталистическом секторе делает при конкретном изучении воспроизводства единственно возможным именно деление на два сектора.

Другая особенность, а вместе с тем трудность исследования заключаются в том, что, поскольку равновесие в системе достигается не на основе закона ценности и эквивалентного обмена, а на основе столкновения первого сектора с законом первоначального социалистического накопления, постольку при анализе равновесия нам нельзя исходить из Марксовой предпосылки о том, что, как правило, товары продаются по их ценности. Во втором томе «Капитала» Маркс при самой постановке вопроса об анализе воспроизводства делает в связи с этим следующую оговорку: «...Далее предполагается, что не только продукты обмениваются по их ценности, но что также никакой революции не происходит и в ценности (keine Werthrevolution) составных частей производительного капитала. Впрочем, поскольку цены отклоняются от ценностей, это обстоятельство не может оказать никакого влияния на движение общественного капитала. Теперь, как и раньше, обмениваются в целом те же массы продуктов, хотя отдельные капиталисты не получают теперь массы ценностей, которые уже непропорциональны ни их соответствующим авансированиям, ни произведенным каждым из них индивидуально массам прибавочной ценности¹.

Как мы уже указывали выше, эта предпосылка Маркса является вполне правильной при анализе равновесия капиталистической экономики. Наоборот, при анализе воспроизводства в нашей системе мы исходим из отклонения цен от ценностей, как из правила, если сравнивать наши внутренние цены с мировыми. Особенность нашей экономики периода первоначального социалистического накопления, с точки зрения равновесия, как раз и заключается в отсутствии эквивалентного обмена, к которому, как к господствующей тенденции, тяготеет капиталистическая экономика и который достигается с меньшими или большими отклонениями, прежде всего на основе свободы конкуренции и свободного проявления закона ценности в деле распределения общественного труда. При капитализме эквивалентный обмен можно считать господствующей тенденцией, как бы ни многочисленны были отклонения от общего правила и как бы ни нарастали эти отклонения исторически с развитием монополизма. Наоборот, при советской экономике, в период смены всей технической базы государственного хозяйства, правилом является неэквивалентность обмена. С этой

¹ Das Kapital. II B., dritte Auflage, Hamburg. 1903.

неэквивалентностью связано все существование государственного хозяйства, и в ней заключается одна из важнейших особенностей нашей системы на данном этапе ее развития. Военный коммунизм означал неэквивалентность размена¹ продукции государственной промышленности на отчуждаемую путем разверстки продукцию деревни, во-первых, и отсутствие рыночной, товарно-денежной формы такого размена, т.-е. отсутствие рыночного обмена, во-вторых. В период военного коммунизма уровень развития производительных сил как государственного, так и крестьянского хозяйства был так низок, а непроемчивое военное потребление так велико, что рыночная форма обмена не выдержала бы и лопнула бы под напором того перераспределения национального дохода, которое было необходимо в период гражданской войны. Либо наоборот: если бы рыночная система обмена удержалась бы, то не удержались бы те пропорции распределения дохода, которых требовали условия войны, а вместе с тем могли и пасть шансы на победу. Что же касается периода нэпа или, точнее говоря, периода первоначального социалистического накопления, то развитие производительных сил в обоих секторах не только допускает, но даже требует рыночной формы обмена, которая в состоянии обеспечить государственному хозяйству необходимые условия для существования и развития. Но размен продукции государственного хозяйства и частного, прежде всего государственной промышленности и крестьянского хозяйства, не может быть еще эквивалентным ни с точки зрения соотношения реальных трудовых затрат, стоящих за обмениваемой продукцией, ни с точки зрения соотношения с пропорциями обмена, существующими в мировом хозяйстве. Наша система не выдержала бы эквивалентного обмена, контролируемого мировым рынком, и весь процесс реконструкции государственного хозяйства должен был бы приостановиться.

Таким образом, хозяйственное равновесие советской системы периода первоначального социалистического накопления отличается от периода военного коммунизма тем, что здесь восстановлена рыночная форма связи между государственным хозяйством и частным, а также на сцену появляется капиталистический сектор. Сближает же теперешнюю систему с военным коммунизмом неэквивалентность обмена, которая продолжает существовать, хотя и в весьма смягченной форме по сравнению с 1919—20 гг. Это обстоятельство не мешает помнить всем тем исследователям, которые проводят непримиримую пропасть между военным коммунизмом и нэпом и не умеют научно установить историческую преемственность между той и другой формой регулирования хозяйства. Не говоря уже о том, что нэп ровно ничего не изменил в системе собственности на крупную промышленность и транспорт, он сохранил преемственность с эпохой военного коммунизма, удержав в смягченной форме неэквивалентность обмена. Некритическое лягание военного коммунизма за то, в чем виновата

¹ Я употребляю слово «размен» вместо «обмен», чтобы не брать термин, относящийся к товарному хозяйству с установившимся значением для экономики совсем другого типа.

общая экономическая отсталость страны, есть ребяческое недомыслие и непонимание причин и следствий в нашей экономической истории, и неизвестно, по какому адресу обращена жалоба на то, что уровень развития производительных сил был и долго еще останется у нас довольно-таки низким. Надо понимать, к каким следствиям это ведет на разных этапах существования советской системы.

Но если мы за период первоначального социалистического накопления *держимся* на неэквивалентном обмене, используя его для пере-конструирования нашей технической базы, то это не значит, что мы на очень долгий срок *удержимся* в таком исключительном положении, если будем не догонять капитализм, а будем отставать от него, либо будем динамически сохранять относительно ту же дистанцию от него в области техники и развития производительных сил. Если принудительным условием существования советского хозяйства, с его государственным сектором, является неэквивалентный обмен, со всеми аппаратами ограждения такого обмена, как, например, монополия внешней торговли, плановый импорт и жесткий протекционизм, то вторым принудительным условием его *дальнейшего* существования является постепенное преодоление этой неэквивалентности, постепенное приближение уровня наших производительных сил к уровню наиболее передовых капиталистических стран. Таковы два условия равновесия в нашей системе, поскольку они связаны с расширенным воспроизводством именно социалистических отношений, т. е. с тем, что нас отличает от капиталистической экономики, и поскольку дело идет о воспроизводстве капиталистических отношений в экономически отсталой стране и на период преодоления этой отсталости.

Теперь нам необходимо сделать несколько предварительных замечаний о капиталистическом секторе советской экономики. Совершенно неправильно думать, что если существование государственного сектора за период его экономической и технической отсталости в сравнении с капитализмом является основным источником неэквивалентного обмена (который является, в сущности, налогом на все хозяйство в пользу социалистической реконструкции), то капиталистический сектор советской экономики, *взятый в целом*, является территорией эквивалентного обмена, либо ему свойственны в целом тенденции к более эквивалентному обмену уже в рамках советской системы хозяйства. Нужно помнить, что торгово-промышленный участок капиталистического сектора, с одной стороны, и его аграрный участок, с другой, находятся в различных условиях в смысле тяготения к эквивалентному обмену. Основные пропорции в области цен внутри страны складываются между государственной промышленностью и транспортом и между крестьянским хозяйством. *Эти пропорции частная промышленность изменить не в состоянии* и ни в малой степени не заинтересована в этом. Она играет здесь пассивно-паразитическую роль. Если для государственного хозяйства неэквивалентный обмен есть материальный источник технической реконструкции и предпосылка развития производительных сил на будущие годы, то *частная промышленность просто присасывается к создавшемуся поло-*

жению, размещается в порах неэквивалентного обмена между советской крупной промышленностью и деревней в целях накопления, не переходящего в индустриально-производственное накопление и потому не могущего явиться ни источником снижения себестоимости, ни от-правным пунктом положительной конкуренции с государственной промышленностью. Там же, где частная промышленность успешно конкурирует с государственной промышленностью—некоторые отрасли легкой промышленности, в которых дорого стоящее машинное оборудование еще не играет большой роли или неприменимо и где роль личной инициативы и энергии, личной заинтересованности в деле относительно велика—там она достигает этого главным образом чрезмерной эксплуатацией рабочей силы, часто рабочей силы собственной семьи. Накопленные же ресурсы буржуазия предпочитает хранить в денежной форме, считая опасным для себя превратить их в затвердевшую форму новых орудий производства. Совершенно в таком же положении находится и частно-торговый капитал. В условиях товарного голода и при отсутствии рациональной постановки распределения в государственно-кооперативной сети, особенно в первые годы существования этой сети, частный торговый аппарат, кроме обычной прибыли, забирает конъюнктурную прибыль и торгует, в общем, по ценам более высоким, чем государственно-кооперативная сеть. И здесь частный капитал играет преимущественно паразитическую роль в том смысле, что *использует не им созданную конъюнктуру неэквивалентного обмена, ничего не делая для достижения большей эквивалентности*.

В ином положении находится аграрная половина капиталистического сектора, представленная кулачским хозяйством и хозяйством зажиточных крестьян, уже стоящих одной ногой на почве систематической эксплуатации чужого труда. Об удельном весе этой части капиталистического сектора и об его растущем значении в экономике страны мы скажем ниже. Здесь же отметим, что основная сила капиталистического сектора, поскольку он будет вообще развиваться, будет несомненно перемещаться именно в его аграрную часть, где накопление идет как раз в форме накопления средств производства и арендуемой у бедноты земельной площади. Именно аграрный капитализм советской системы прежде всего и больше через рынок страдает от неэквивалентного обмена, потому что кулацкое хозяйство покупает больше середняцкого, а значит больше переплачивает на наших внутренних ценах в сравнении с мировыми; оно больше продает, и расширенное производство в нем может происходить только через рыночный обмен, при посредстве которого реализуется растущая количественно продукция его и в том числе та ее часть, которая составляет прибавочную ценность. Вот почему кулацкое хозяйство так остро враждебно, так сознательно враждебно относится к теперешней экономической системе в СССР, хотя от неэквивалентного обмена страдает в известной мере все крестьянство вообще, поскольку оно связано с рынком и не замкнулось в скорлупе натурального хозяйства. Кулацкое хозяйство пытается выправить неэквивалентность обмена с горо-

дом путем воздержания от продажи в месяцы, когда бедняцко-средняцкие слои продают хлеб по заготовительным ценам, пытаются поднять цены на хлеб весной; оно пробует смену других культур другими, более выгодными; оно пытается накапливать в натуральной форме, минуя рынок, что возможно для него путем увеличения количества скота собственного производства, птицы, построек и т. д. Но возможности таких хозяйственных маневров не очень велики, и в конце концов кулацкое хозяйство приходит в столкновение со всей советской системой и, чем дальше, тем больше будет искать решения проблемы не экономическим путем на базе советской системы, не в частичном исправлении равновесия в свою сторону, а в попытках пробиться к мировому рынку контрреволюционным путем. Здесь проблема хозяйственного равновесия прямоком упирается в проблему социального равновесия, в проблему соотношения классовых сил за и против советской системы. Борются две системы равновесия: равновесие на капиталистической основе, на основе включения в мировое хозяйство, регулируемое законом ценности, путем ликвидации советской системы и придавления пролетариата; равновесие на основе временного неэквивалентного обмена, служащего источником социалистической реконструкции и неизбежно означающего придавление капиталистических тенденций развития, особенно в земледелии.

Из сказанного ясно, что если Марксов анализ пропорционального распределения труда при чисто капиталистическом воспроизводстве исходил из эквивалентного обмена, как обязательной предпосылки; если из этой предпосылки исходили и мы выше при анализе равновесия конкретного капитализма, то предстоящее нам исследование воспроизводства в хозяйстве СССР должно исходить из неэквивалентности обмена, хотя бы и ликвидируемой постепенно и систематически. *А это значит, что в основе всего процесса постоянно предполагается существование двух разных систем собственности на средства производства и двух разных регуляторов хозяйственной жизни, т. е. закона ценности и закона первоначального социалистического накопления.*

Алгебраическая схема воспроизводства в СССР

Алгебраическая схема трех секторов хозяйства, если условно применить Марксову терминологию, относящуюся к капиталистическому хозяйству, к хозяйству государственному, также и мелко буржуазному сектору будет иметь следующий вид:

Государственный сектор

I подразделение $c + v + m$ + прибавочный продукт | прибавочный продукт
 II " " " " " " | от других секторов

Капиталистический сектор

I подразделение $c + v + m$
 II " " " " " "

Мелкобуржуазный сектор

I подразделение $c + v + m$ + фонд потребления + прибавочный продукт
 II " " " " " " + " " " "

Однако приведенная схема является для нас недостаточной, потому что не дает представления о том, как распадаются отдельные величины с точки зрения их обмена с различными подразделениями различных секторов. Более детальная схема, которой мы будем пользоваться в дальнейшем, беря однако часто оба частных сектора вместе, должна выглядеть следующим образом:

Государственный сектор

	Весь основной капитал c	Ежегодно воспроизводимая в расширенном масштабе часть постоянного капитала:	Фонд заработной платы:	Прибавочный продукт:
1-е подразделение	c	а) производством внутри подразделения б) обменом с другими 1-ми подразделениями в) импортом.	а) часть, возмещаемая обменом с II госсектора б) обменом с II других секторов	а) фонд накопления 1) на расширение действующих предприятий 2) постройки новых заводов б) фонд непрод. потреб. советск. системы, и идущий в II всех секторов и в с военной промышленности.
2-е подразделение	c	а) обменом с I госсектора б) обменом с фондом потребления первых подразделений других секторов в) обменом с частью фонда непрод. потребления первого д) импортом	а) часть, возмещаемая внутри собственного подразделения б) часть, возмещаемая обменом с фондом потребления других вторых подразделений	а) фонд накопления в собственном подразделении (добавочное v , добавочное увеличение своего c) б) фонд непрод. потребления советск. системы

Прибавочный фонд социалистического накопления 1)

1) Движение натурального состава фонда социалистического накопления ясно из всей схемы воспроизводства. Более подробно об этом при цифровом анализе контрольных цифр Госплана.

Капиталистический сектор

		c	+ e	+ m
1-е подразделение	c	То же, что в госсект., кроме импорта	То же, что в госсект.	а) фонд накопления б) фонд потр. капиталист. в) фонд непроезв. потр. с. с. д) отчуждение в фонд социалистич. накопл.
		То же, что в госсект., кроме импорта	То же, что в госсект.	То же, что в первом подразд. того же капит. сектора + m

Мелкобуржуазный сектор

		Средства производства для производства средств производства, ежегодно воспроизводимые в расширенном масштабе:	Фонд потребления:	Прибавочный продукт:
1-е подразделение	a)	воспроизводимые внутри подразделения	воспроизводимый обмен с cII госсектора	а) фонд накопления б) фонд непроезв. потр. советской системы в) фонд отчуждения в фонд социалистическ. накопления
	b)	обмен с cI госсектора и cI капитал. сектора	обмен с cII капиталист. сектора	
	c)	импортом	обмен с cII собственного сектора	

2-е подразделение.	c	Средства производства для производства средств потребления, ежегодно производимые в расширенном масштабе: а) создаваемые внутри подразделения	Фонд потребления: а) собственного производства (подавляющая часть)	Прибавочный продукт: 1) фонд прибавочного потребления, собственн. производства 2) размен на прибавочн. средства производства из других подразделений других секторов 3) собственн. средства производства б) фонд непроезв. только по потреблению сов. общества в натуральн. форме в) фонд отчуждения в фонд социалистическ. накопления
		б) воспроизводимые обменом с фондом потребления и с частью фонда непроезв. потр. собственн. сект. в) обмен с cII госсектора, cII капиталистического сектора г) обмен с cIII и с частью фонда непроезв. потребления I госсектора д) обмен с частью e и m первого подразделения капиталист. сектора	б) обмен с частью cII госсектора, cII капиталистического сектора	

Скажем несколько слов в объяснение этой схемы, которая даже в таком виде далеко не исчерпывает всех направлений, по которым идет размен при расширенном воспроизводстве в нашей системе.

Постоянный капитал первого подразделения государственного сектора с точки зрения обмена распадается на 3 части: первая часть, воспроизводимая внутри самого подразделения; вторая часть, воспроизводимая путем обмена с первыми подразделениями капиталистического и мелкобуржуазного сектора; третья часть — воспроизводимая путем импорта средств производства из-за границы.

Заработная плата первого подразделения госсектора делится на две части: одна часть, которая обменивается на средства потребления, изготовляемая во втором подразделении государственного сектора; другая часть воспроизводится путем обмена с обоими вторыми подразделениями капиталистического и мелкобуржуазного секторов.

Прибавочный продукт этого же подразделения распадается: 1) на фонд накопления, который распределяется пропорционально между c и v , с соответствующим разменом добавочного r на средства потребления; 2) на фонд непроизводительного потребления. Последний фонд потребляется *in natura* в самом же подразделении только в виде средств производства военной промышленности, а в остальной части идет в размен со вторыми подразделениями всех секторов.

Постоянный капитал второго подразделения госсектора воспроизводится: путем обмена средств потребления на одну часть фонда заработной платы первого подразделения госсектора; на обмен с фондом потребления капиталистического и мелкобуржуазного сектора (главным образом на крестьянское сырье); путем импорта средств производства (и в форме машин, и в форме сырья, как хлопок, шерсть, каучук, кожи и т. д.).

Заработная плата второго подразделения госсектора частью воспроизводится в самом же этом подразделении, частью разменивается на фонд потребления мелкобуржуазного сектора, частью взаимно на c и v капиталистического сектора.

Прибавочный продукт второго подразделения госсектора распадается таким же образом, как и прибавочный продукт первого подразделения: он состоит, следовательно, из фонда накопления и фонда непроизводительного потребления. Последний потребляется *in natura*, первый же распадается на две части: одна состоит из добавочного r и воспроизводится по типу всего c и v госсектора, другая, предназначенная на закупку средств производства, воспроизводится по типу c и v госсектора.

Мы оставляем без детального рассмотрения обмен капиталистического сектора с другими секторами, поскольку этот процесс ясен из сделанного выше анализа в подразделениях госсектора. Различие есть в разделе прибавочной ценности. Здесь прибавляется потребление класса капиталистов, что вносит модификацию в обмен средств производства на средства потребления отдельных секторов, а также прибавляется вычет из m в фонд социалистического накопления, что тоже усложняет анализ воспроизводства¹.

Средства производства первого подразделения мелкобуржуазного сектора, состоящие из машин, скота, семян, удобрений и т. д. крестьянских хозяйств, занятых производством технических культур, а также и инструментов и сырья определенной части ремесленной промышленности, делятся на две части: одна часть воспроизводится в самом подразделении, другая часть может быть получена только путем внутреннего размена на c и v госсектора, отчасти импортом.

¹ Вопрос о том, как должно учитываться воспроизводство, осложненное, отчуждением в фонд социалистического накопления прибавочной ценности капиталистического сектора и прибавочного продукта мелкобуржуазного сектора, мы пока не ставим. Это большой важности методологическая проблема. При ее решении приходится ставить вопрос о соотношении внутренних цен и цен мирового рынка.

Фонд потребления первого подразделения мелкобуржуазного сектора, имеющий натуральную форму средств производства, размещается в двух направлениях: на c и v госсектора и капиталистического сектора, с одной стороны, и на часть фонда средств производства второго подразделения того же мелкобуржуазного сектора.

Прибавочный продукт первого подразделения мелкобуржуазного сектора делится на три основные части: а) на фонд накопления, б) на фонд непроизводительного потребления в том размере, в каком данное подразделение вынуждено участвовать в его покрытии и в) на фонд социального накопления, идущий в госсектор.

В свою очередь фонд накопления состоит: а) из добавочных средств производства собственного изготовления, которые идут на увеличение *in natura* собственного же c путем внутреннего перераспределения, т. е. без привлечения к обмену других секторов, в) из средств производства, которые обмениваются на средства производства, изготовляемые в первых подразделениях государственного и капиталистического секторов; с) из средств производства в натуральной форме, которые служат фондом добавочного потребления новых работников и должны поэтому, чтобы поступить в потребление, обменяться на средства потребления вторых подразделений всех трех секторов в пропорциях, в каких обменивается весь вообще потребительский фонд данного подразделения.

Фонд непроизводительного потребления, подобно фонду непроизводительного потребления I госсектора (кроме средств производства военной промышленности), должен превратиться в предметы потребления путем размена в соответствующих пропорциях со *вторым* подразделением всех трех секторов, возмещающих свой постоянный капитал.

Отчуждение в фонд социалистического накопления. Сюда относится та часть налогов на мелкое производство, которая идет не на непроизводительное потребление агентов государства и торговой сети, а на увеличение капитальных фондов государственного хозяйства, включая сюда и государственные фонды сельскохозяйственного кредита. Сюда относится, во-вторых, та часть фонда первоначального социалистического накопления, которая образуется вследствие обмена экспортного фонда мелкого, главным образом, крестьянского производства, расцениваемого по внутренним ценам (которые ниже мировых) на импортный фонд средств производства для госсектора, расцениваемых по внутренним ценам (которые много выше мировых). Если же брать весь процесс воспроизводства в СССР в ценностных отношениях мирового рынка, то в рассматриваемый фонд пришлось бы внести все сальдо, образующееся при размере государственной продукции на частную, беря продукцию и государственного и частных секторов в ценах мирового рынка и вычитая из этой суммы ту ее часть, которая поглощается непроизводительным потреблением.

Средства производства второго подразделения мелкобуржуазного сектора состоят из четырех частей: первая, самая большая часть воспроизводится в самом же втором подразделении, поскольку дело идет преимущественно о крестьянском земледелии. Сюда относятся:

семена, отделяемые от урожая, собственное производство рабочего скота, собственное производство кормов для скота, собственное удобрение, собственные постройки и т. д.; вторая часть воспроизводится путем обмена на потребительский фонд первого подразделения мелкобуржуазного сектора или на часть I капиталистического; третья часть обменивается на часть фонда заработной платы первого подразделения госсектора; четвертая воспроизводится путем импорта.

Потребительский фонд второго подразделения мелкобуржуазного сектора состоит из двух частей: первая, подавляющая часть воспроизводится внутри самого подразделения; вторая, значительно меньшая часть размещается на часть фонда заработной платы второго подразделения государственного и капиталистического секторов.

Что касается фонда прибавочного продукта второго подразделения мелкобуржуазного сектора, то он распадается на те же четыре части, что и прибавочный продукт первого подразделения того же сектора; разница же заключается во всех тех изменениях в системе размена, *которые связаны с другой натуральной формой всего продукта.* В самом деле. Фонд накопления прежде всего делится пропорционально между фондом добавочного потребления и фондом добавочных средств производства, при чем добавочный фонд потребления имеет тот же состав, что и основной фонд потребления. Отличие процесса воспроизводства этого фонда от воспроизводства такого же фонда в I-м подразделении мелкобуржуазного сектора состоит в том, что в I-м подразделении этот фонд до обмена имеет натуральную форму средств производства, которые целиком надо обменять на средства потребления, тогда как здесь, т. е. во втором подразделении, этот фонд с самого начала имеет натуральную форму средств потребления и в основной своей части здесь же и потребляется. Размещается же на средства потребления других двух вторых подразделений лишь его меньшая часть. В свою очередь фонд добавочных средств производства имеет такой же состав, какой имеют средства производства данного подразделения вообще. Это значит, что часть фонда добавочных средств производства создается в самом же мелкобуржуазном секторе, а другая часть получается путем размена с другими секторами.

Что касается непроизводительного потребления, то под ним подразумевается, как и выше, та часть прибавочного продукта данного сектора, которая идет в доход групп советского общества, представляющих непроизводительное потребление: расходов на государственный аппарат, армию, непроизводительная часть расходов торгового обмена и т. д. Разница с первым подразделением того же сектора состоит в том, что в данном случае фонд непроизводительного потребления с самого начала имеет натуральную форму предметов потребления и не подлежит дальнейшему размену с другими подразделениями, как это неизбежно для фонда непроизводительного потребления, имеющего натуральную форму средств производства.

Что касается прибавочного продукта, идущего в фонд социалистического накопления, то все сказанное для I-го подразделения мелкобуржуазного сектора относится без изменения и ко второму подразделению.

Приведенная нами схема воспроизводства в системе СССР дает возможность выяснить общие условия пропорциональности в хозяйстве рассматриваемого типа и в рассматриваемый период его существования. Эти общие условия нам необходимо выяснить раньше, чем мы применим вышеупомянутую схему к анализу цифровых данных за отдельные годы, раньше, чем мы попытаемся подставить под алгебраические символы конкретные арифметические цифры, например, 1925—26 или 1926—27 хозяйственных годов.

Первое условие равновесия

Начнем сначала с условий равновесия между всем государственным сектором и обоими секторами частного хозяйства, взятыми вместе, с точки зрения обеспечения расширенного воспроизводства в государственном секторе, отвлекаясь пока от натурального состава обмениваемой продукции.

Предположим, что валовая продукция государственного сектора по существующим ценам в червонных рублях равна 12 миллиард. в год и распадается следующим образом: $8c + 2v + 2$ прибавочный продукт. (В 1925—26 году валовая продукция государственного хозяйства по ценам производителей, вместе с выручкой транспорта, связи, коммунального и лесного хозяйства и вместе с валовой продукцией строительства равнялась 14.350 млн. рубл., без некоторых второстепенных статей).

Предположим далее, что обменный фонд со всем частным производством равен сумме 3 миллиарда, т. е. что государственный сектор продает частному хозяйству средств производства, предметов потребления и транспортных услуг на 3 миллиарда черв. рублей и на ту же сумму получает от него средств производства, главным образом, крестьянского сырья и предметов потребления и экспортный фонд. Принимается, следовательно, баланс без сальдо в пользу того или иного сектора, т. е. без одностороннего накопления нереализуемых товарных излишков. Предположим теперь, что вся экономика СССР включается в мировое хозяйство на основе свободного действия закона ценности и нашей промышленности принудительно навязываются цены мирового рынка при тех же размерах экспорта и импорта, т. е. отвлекаясь пока от возможных изменений в динамике внешней торговли. Тогда все равновесие будет опрокинуто, и прежде всего опрокинуто равновесие во взаимоотношении всего государственного сектора, как целого, с сектором частного хозяйства. В самом деле, предположим, что вся продукция государственного сектора расценивается теперь по ценам мирового рынка, т. е. минимум в два раза дешевле, чем теперь. Если та часть продукции первого подразделения госсектора, которая идет на возмещение части постоянного капитала второго подразделения государственного же сектора (машины, топливо для производства средств потребления), равна приблизительно той части продукции второго подразделения госсектора, которая в возмещение этого идет в первое подразделение и состоит из мануфактуры, обуви, сахара и т. д., то принудительное снижение цен не изменит существенно натуральных пропорций обмена внутри самого государственного

круга, если процент вздорожания продукции тяжелой и легкой промышленности государственного сектора не очень сильно отличается от индексов цен тяжелой и легкой промышленности мирового хозяйства (если, допустим, наши средства потребления государственного производства также в два раза дороже продукции легкой промышленности мирового хозяйства, как цены на машины в два раза дороже цен на машины иностранного производства). В самом деле. Если какой-нибудь наш машино-строительный трест продает теперь в два раза дешевле свои машины нашей же текстильной промышленности, то и наоборот, текстильная промышленность вдвое дешевле продает свою мануфактуру, идущую на потребление рабочих и служащих машиностроительной промышленности. Короче говоря, вследствие изменения покупательной способности денег одновременно для обеих сторон натуральный баланс обмена останется тем же, как если бы стороны оценивали свою продукцию не в червонных рублях 1927 г., а в другой денежной единице, допустим, по покупательной способности фунта стерлингов на мировом рынке. Могут пострадать или выиграть при этом отдельные отрасли, где отклонения от мировых цен тех же отраслей больше, чем в два раза, или меньше, чем в два раза. В том же случае, когда размен между первым и вторым подразделением государственного сектора не балансируется и остаток покрывается за счет обмена с частным производством, больший ущерб понесет то подразделение государственного сектора, которое окажется больше связано в обмене веществ с частными секторами.

Но наиболее важное изменение произойдет в рассматриваемом нами случае во взаимоотношениях *всего государственного сектора ко всему частному производству*. Связь государственного сектора со всем частным производством отнюдь не ограничивается размерами сальдо, непокрываемого внутри государственным обменом. Первое подразделение государственного сектора при всяких условиях должно продать в частное производство такое количество средств производства, которое равно по цене той части заработной платы его рабочих, на которую покупаются продукты потребления крестьянского производства плюс соответствующая часть средств производства, возмещающая долю непроизводительного потребления, падающего на первое подразделение госсектора за вычетом средств производства военной промышленности. Еще большие размеры обмена у второго подразделения госсектора с частным хозяйством. Путем такого обмена возмещается значительная часть Π госсектора, а также значительная часть фонда заработной платы этого подразделения. В нашем примере, цифра которого близка к реальной цифре обмена госсектора с частным хозяйством в 1925-26 хозяйственном году, покупки частного сектора в государственном секторе и государственного в частном равны сумме в 3 миллиарда для каждой стороны.

Если частное хозяйство продало своей продукции на эти 3 миллиарда по ценам мирового рынка, то продажа со стороны государственного сектора своей продукции частному хозяйству по ценам мирового рынка, т.е. по ценам вдвое сниженным, даст возможность

государственному сектору выручить за свою продукцию вместо 3 миллиардов только $1\frac{1}{2}$ миллиарда, т.е. госсектор недополучит половины по сравнению с хозяйственным годом, проходящим в условиях неэквивалентного обмена. Какую пертурбацию это произведет во всех условиях воспроизводства в государственном секторе, это совершенно очевидно из первого же взгляда на наш числовой пример. Недополучение $1\frac{1}{2}$ миллиарда с'ест, во-первых, весь фонд накопления и, во-вторых, затронет в какой-то части непроизводительное потребление. В-третьих, в дальнейшем это должно привести к невозможности правильной амортизации основного капитала, а также той части оборотного, которая состоит из крестьянского сырья. В целом это будет означать полный срыв процесса расширенного воспроизводства, а, при сохранении значительного непроизводительного потребления, может сделать невозможным даже и простое воспроизводство, на уровне предыдущего года.

Пертурбация получится еще более сильная, если установление цен мирового рынка на сырье и средства потребления, производимых в частном хозяйстве, будет означать фактическое увеличение их в сравнении с настоящим положением вещей.

Мы приходим, таким образом, к первому выводу огромнейшего значения, а именно к следующему. *При наличии разрыва между мировыми промышленными ценами и внутренними промышленными ценами в хозяйстве СССР, т.е. когда внутренние цены советской промышленности гораздо выше мировых цен, хозяйственное равновесие, обеспечивающее расширенное воспроизводство в государственном секторе, может существовать только на базе неэквивалентного обмена с секторами частного производства¹. Это значит, что в условиях вышеописанного разрыва цен закон первоначального социалистического накопления есть закон поддержания равновесия всей системы, прежде всего в ее отношениях с мировым хозяйством. Этот закон должен неизменно проявляться до момента преодоления экономической и технической отсталости государственного хозяйства пролетариата в сравнении с передовыми капиталистическими странами.*

Второе условие равновесия

Переходим теперь к следующему условию равновесия системы, оставаясь пока, опять-таки, в сфере взаимоотношений всего государственного сектора со всем частным производством.

¹ Это положение, лежащее в основе моей конструкции закона первоначального социалистического накопления, вызвало многочисленные lamentации моих критиков на счет «срыва смычки, политики повышения цен и т. д.». Но на мое приглашение моим критикам доказать, что на данной стадии развития государственного хозяйства расширенное социалистическое воспроизводство совместимо с эквивалентным обменом, никто не отозвался. И понятно почему. Приведенная формулировка констатирует лишь то, что есть в действительности. Я пытаюсь лишь научно понять то, что есть. Если бы у нас уже существовал эквивалентный обмен, то и самая проблема смычки не существовала бы вовсе.

Возьмем нашу цифровую схему для государственного сектора и предположим, что начинается новый хозяйственный год на базе итога накопления, полученного в предыдущем году. Мы предполагаем, следовательно, что при наличии прибавочного продукта в государственном хозяйстве, равного двум миллиардам, из которых половина идет на непроизводительное потребление, а другая половина — на производительное накопление, при увеличении обменного фонда с частным производством с 3 миллиардов до $3\frac{1}{4}$ миллиарда, равновесие во всей хозяйственной системе является обеспеченным. Теперь возьмем обратный случай, а именно, что фактическое накопление по каким бы то ни было причинам, будь то резкое снижение отпускных цен, не оправдываемое себестоимостью, будь то рост непроизводительного потребления, равняется не одному миллиарду, а только 700 миллионам. К каким последствиям должно неизбежно привести это недонакопление в государственном секторе?

Совершенно очевидно, что это приведет к нарушению пропорциональности между государственным и частными секторами советской экономики. Недонакопление на 300 миллионов будет означать отсутствие возможности расширить до необходимых пределов воспроизводство в обоих подразделениях, при чем дефицит на средства производства будет равен 240. Одновременно мы будем иметь расширение в обоих подразделениях государственного сектора на 60 миллионов ниже нормы, что помимо всего прочего будет означать более медленное увеличение занятых в производстве рабочих, а следовательно, относительное увеличение безработицы. Наконец, это даст уменьшение на 60 миллионов прибавочного продукта во всем государственном хозяйстве. По отношению же к общей продукции государственного сектора мы будем иметь в конце года недовыработку на 360 миллионов в сравнении с первым примером. Если доля частного сектора в реализации продукции государственного сектора равна, как мы сказали, $\frac{3}{4}$ миллиарда, т.е. равна почти $\frac{1}{4}$ всей валовой продукции государственного сектора, то недобор 360 миллионов продукции может означать недостаток товаров для частного сектора минимум в размере около 90 миллионов¹. А это будет означать то хорошо знакомое нам явление, которое мы называем товарным голодом. Если из этих 90 миллионов² относятся к средствам потребления государственного производства, то неудовлетворение платежеспособного спроса частного, прежде всего крестьянского, хозяйства приведет к принудительному сокращению индивидуального потребления в деревне продуктов легкой государственной промышленности, к замене фабричной продукции домашней, кустарной, т.е. к увеличению переработки сырья (кожа, шерсть, лен, пенька) первобытными домашними способами, т.е. к задержке экономического развития на этом участке. Во-вторых, это приведет к воздержанию крестьянства от продаж

¹ Мы говорим минимум, потому что товарный спрос города на государственную продукцию удовлетворяется естественно в первую очередь, и в данном случае дефицит может в большей своей части перенестись на спрос частного хозяйства.

своей продукции для экспорта и к увеличению внутри крестьянского потребления собственных продуктов питания. В-третьих, указанная диспропорция усилит расхождение между розничными и оптовыми ценами в торговой сети, прежде всего в частно-торговом обороте. Что же касается остающейся одной трети, состоящей из неудовлетворенного спроса на средства производства, то, при невозможности кустарной выплавки металла, при невозможности кустарного производства сложных сельскохозяйственных машин и т. д., диспропорция будет иметь гораздо более вредные последствия, лишая возможности крестьянское хозяйство увеличивать, в условиях расширенного воспроизводства, необходимое ему количество машин, инвентаря и других средств производства. И в том и в другом подразделении мелкобуржуазного сектора повторные явления товарного голода будут неизбежно приводить к воздержанию от продажи части крестьянской продукции, поскольку за этими продажами не может следовать закупка, и к появлению знакомого уже нам явления накопления нереализуемых натуральных запасов в крестьянском хозяйстве. Означенную диспропорцию может смягчить только денежное накопление в крестьянском хозяйстве, вообще возможное только или при стабильности валюты или при росте покупательной способности денег вследствие понижения цен. Однако само собой ясно, что такое накопление, поскольку оно соответствует той части резервов крестьянского хозяйства, которая должна была бы превратиться в средства производства, изготавливаемые государственным сектором, неизбежно означает искусственную задержку процесса расширенного воспроизводства в крестьянском хозяйстве, в сравнении с имеющимися в самом этом крестьянском хозяйстве возможностями.

Из сказанного с полной очевидностью вытекает, что 1) размеры накопления в государственной промышленности при данном уровне цен не являются величиной произвольной и подчинены железным законам пропорциональности, выявить которые и составляет одну из важнейших задач теории советского хозяйства и практики планового руководства хозяйственной жизнью; 2) нарушение необходимого минимума накопления является ударом не только по государственному хозяйству и по рабочему классу, но и задерживает развитие крестьянского хозяйства, искусственно снижая темп расширенного воспроизводства в земледелии.

Рассмотрим теперь тот же вопрос, но с другого конца: рассмотрим то, что некоторые экономисты, проводя некритическую аналогию между советской системой и капитализмом и впадая в мелкобуржуазную обывательщину, склонны были одно время называть перенакоплением в государственной промышленности и забеганием промышленности вперед. Надо с самого начала условиться относительно того, что разуметь под словом «перенакопление». Если под перенакоплением разуметь такое соотношение между производством и потреблением во всем обществе, когда новые средства производства, пускаемые в ход в обоих подразделениях, приводят в последнем счете к столь резкому увеличению выработки средств потреблений, что эти средства потребления

не могут, при данных ценах и данном уровне, рассосаться на потребительском рынке, вследствие чего и соответственное накопление в первом подразделении оказывается бесцельным, то такое явление очень хорошо знакомо капиталистической экономике и неизбежно должно вызвать кризис сбыта, разорение ряда предприятий в обоих подразделениях, вынужденное понижение цен и падение нормы прибыли. Если же, беря теоретически возможный случай, в нашем государственном хозяйстве, на основе накопления предыдущего года, выработка средств потребления превышает платежеспособный спрос и рабочих и всего частного хозяйства при данных плановых ценах, то положение создается гораздо менее серьезное, чем в капиталистической экономике, и вот почему. Динамическое равновесие нашей системы имеет своей предпосылкой между прочим: 1) рост заработной платы рабочим, 2) постепенное снижение промышленных цен, 3) переоборудование и расширение всей технической базы государственного хозяйства. Наличие кризиса сбыта может при таких условиях означать одно из трех:

I) Либо мы неправильно рассчитали во времени осуществление программы по первым двум пунктам, и тогда равновесие может быть достигнуто или путем превышающего программу повышения заработной платы, или мерой, более радикальной, т. е. путем более быстрого в сравнении с программой общего понижения цен на предметы потребления, изготавливаемые государственным сектором. В этом случае диспропорция может быть преодолена наиболее быстро и без особых потрясений, при чем «перенакопление» окажется лишь кризисом производственного плана в той его части, где этот план неверно учитывал во времени выполнение первых двух задач. Кроме того, не надо забывать, что при общем недостатке у нас кредитных, производственных и торговых резервов, диспропорция не может долго накапливаться в скрытом виде, как это бывает при капитализме, и ликвидация ее неизбежно начнется гораздо раньше, чем весь процесс, пойдет слишком далеко. Вредные последствия планового расчета, о котором идет речь, скажутся в дальнейшем в том смысле, что выполнение третьей из отмеченных выше задач будет задержано во времени.

II) Либо мы неправильно рассчитали осуществление во времени третьей задачи, т. е. мы расширили производство средств потребления при данных ценах в большем объеме, чем это допускается подготовленностью всего технического базиса государственного хозяйства и размерами достигнутой рационализации труда к снижению себестоимости, к снижению продажных цен, или, в худшем случае, к увеличению только одной заработной платы. При таком положении «перенакопление» оказывается результатом неправильного распределения производительных сил внутри государственного хозяйства, результатом отставания процесса технического перевооружения промышленности от общего развития всего хозяйства. Мы будем иметь здесь внутреннюю диспропорцию в рамках государственного круга, а не перенакопление с точки зрения взаимоотношений государственного хозяйства с частным производством. Выход из такого кризиса путем снижения цен, хозяйственно неподготовленного снижения,

снижения себестоимости, может задержать временно весь процесс расширенного воспроизводства, как задержит его и такое решение проблемы, когда часть продукции временно останется в виде неликвидного фонда, но при сохранении данных цен. Это несоответствие будет сохраняться, пока передвижка в распределении производительных сил не восстановит равновесия.

III) Либо переоборудование основного капитала, происходящее скачкообразно, отвлекает так много средств производства на производство средств производства, способных дать продукцию только через несколько лет, что все это задержит рост потребительского фонда населения и, при наличии товарного голода, приостановит процесс снижения цен. В этом случае у нас будет не общее перенакопление (иначе отсюда может быть товарный голод хотя бы даже на средства потребления) в государственном секторе, а непропорциональное распределение во времени отдельных задач расширенного воспроизводства. В данном случае мы будем иметь перед собой не столько ошибку в построении плана, сколько естественный результат перехода от так называемого восстановительного процесса к реконструктивному. Мы будем иметь перед собой естественные последствия такого положения, когда основной капитал страны, сильно уменьшенный амортизационными провалами предыдущих лет, воссоздается при ограниченной связи с мировым хозяйством и при общем недостатке внутреннего накопления в натуральной форме средств производства. То, что имеет внешний вид перенакопления в тяжелой промышленности, есть только своеобразная форма недокопления во всем государственном хозяйстве, взятом, как целое. Сама природа воссоздания основного капитала в описываемых условиях такова, что этот процесс не может не носить скачкообразного характера. Чтобы расширить, допустим, на 100 миллионов рублей производство средств потребления в год в легкой государственной промышленности, приходится предварительно увеличить на 400—500 миллионов производство средств производства. Это может временно задержать необходимый темп производства средств потребления, вызвать особое свойство товарный голод, задержать снижение цен, особенно в том случае, если изменение строений крестьянского бюджета приводит к повышению спроса на средства потребления в сравнении с довоенным положением. Но зато через несколько лет это даст возможность сразу снизить себестоимость производства, снизить продажные цены и сразу быстро увеличить фонд потребления. Вместо систематического снижения цен, допустим, на 2—3% в год, вместо систематического увеличения выработки средств потребления, допустим, на 6—7% в год, это даст реализацию той же программы в течение 3—4 лет, но только в более скачкообразной форме. Если не говорить о политических затруднениях этого периода, то вредные экономические последствия такого разворачивания государственного хозяйства сведутся прежде всего к тому, что в крестьянском хозяйстве будет задержано производство экспортных культур, а производство технических культур окажется ниже тех запросов, которые предъявит к

нему быстрое развертывание легкой государственной промышленности. Это последнее затруднение для нашего хозяйства еще в основном впереди, тогда как искусственное сокращение крестьянского экспорта уже имеется налицо. С точки зрения общего поступательного движения государственного хозяйства рассматриваемый случай будет означать не кризис перенакопления и перепроизводства в точном смысле, а лишь материальную невозможность гармонически уложить развертывание всех сторон расширенного воспроизводства *во времени*. Эта невозможность при переходе от восстановительного процесса к реконструктивному вообще неизбежна, потому что самый переход, как это мы увидим более подробно ниже, означает резкое изменение в общих пропорциях распределения производительных сил страны. Тот факт, что новые заводы начнут давать продукцию через 3—4 года после начала их постройки, есть результат более технической, чем экономической необходимости. Здесь задержка сначала, скачок потом — неизбежны. Сгладить этот скачок можно было бы отчасти лишь на основе более значительного экспорта и внешних кредитов. Невозможность же последних вызывается как раз тем, что у нас происходит не просто расширенное, а расширенное *социалистическое* производство промышленности, помогать которому мировой капитализм не намерен.

Таким образом мы приходим к выводу, что размеры накопления в государственном хозяйстве в каждый данный год не есть величина произвольная, что определенный минимум накопления властно диктуется общими пропорциями распределения производительных сил между государственным сектором и частным, а также размерами нашей связи с мировым хозяйством. Во-вторых, мы приходим к выводу, что перенакопление в государственном секторе, при наличии огромной задачи быстрого переоборудования и расширения основного капитала промышленности (для решения этой задачи не хватит и десятилетия), вообще невозможно. Это переоборудование есть, в сущности говоря, колоссальной емкости внутренний рынок, не говоря уже о росте внутреннего рынка вследствие роста спроса со стороны частных секторов нашей экономики. Можно говорить не о кризисе перенакопления в государственном хозяйстве, которое не имеет своей целью производство прибавочной ценности, а о колоссальном недонакоплении, которое отражается и на крестьянском хозяйстве, задерживая его развитие. Мы можем говорить также о недостаточном накоплении в сфере крестьянского производства промышленного сырья. О диспропорции этого рода будет речь при анализе натурального состава обмена между государственным и частным производством.

Необходимо заметить еще здесь, что те два общие условия равновесия, которые мы успели рассмотреть, различаются между собой вот в каком отношении. Равновесие неэквивалентного обмена в условиях разрыва внутренних цен с мировыми, т. е. равновесие экономики, регулируемой законом первоначального социалистического накопления в борьбе с законом ценности, есть специфическая особенность нашего хозяйства, есть закон нашего существования, как советской

системы, на весь период преодоления нашей экономической отсталости по сравнению с передовым капитализмом. Здесь равновесие достигается в результате постоянной борьбы пока еще отсталого коллективного производства, одинокой страны с диктатурой пролетариата с капиталистическим миром и с капиталистическими и мелкобуржуазными элементами собственной экономики. Равновесие этого типа есть неустойчивое равновесие борьбы двух систем, достигаемое не на основе мирового закона ценности, а на основе постоянного насилия над этим законом, на основе постоянного насилия над мировым рынком, на основе изъятия, если не полного, то частичного, из сферы регулирования мирового рынка огромной хозяйственной площади.

Значительно иначе обстоит дело, когда мы говорим о втором условии равновесия, т. е. о необходимых пропорциях накопления в государственном хозяйстве для поддержания равновесия в хозяйственном организме после того, как первое условие равновесия уже обеспечено на тот или другой срок. Поддержание равновесия внутри хозяйственного организма, разделенного на систему коллективного и систему частного производства, *иначе сталкивает руководящуюся законом п. с. н. плановую политику государства с законом ценности*. Если мы в плановом порядке не улавливаем нужные пропорции распределения производительных сил при данном соотношении индексов внутренних и мировых цен, закон ценности со стихийной силой вламывается в сферу регулирования хозяйственных процессов и, заставляя отступать в беспорядке плановое начало, покушается при этом и на те специфические пропорции распределения труда и средств производства, которые создаются в результате наличия коллективного сектора хозяйства, на те специфические пропорции, которые обеспечивают не просто расширенное воспроизводство, а расширенное воспроизводство системы советского типа.

Третье условие равновесия

Переходим теперь к третьему условию равновесия, которое связано с размерами нашего участия в мировом разделении труда и с специфическими условиями реализации этой связи.

Возьмем наш прежний цифровой пример, относящийся к воспроизводству в государственном секторе. Теперь, однако, по характеру того вопроса, который предстоит нам выяснить, необходимо разбить годовое производство государственного сектора на два подразделения. Предположим, что распределение производительных сил и продукции между обоими подразделениями будет следующим: 40% первое подразделение, 60% второе¹. Чтобы не расходиться с действительностью,

¹ В 1925/26 г. в нашей промышленности продукция средств потребления равнялась 58,8%, средств же производства 41,2%, см. «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.» Госплан СССР, стр. 123—124, а также таблица на стр. 54—58. Соответствующие данные для 1913 года и 1924/25 гг., приведенные в «Контрольных цифрах» на 1926/27 г., стр. 163, мне кажутся неверными, о чем, впрочем, ниже.

предположим, далее, что органическое строение капитала в первом подразделении ниже, чем во втором подразделении (в противоположность схемам Маркса. Подробней об этом ниже). c относится к r в I подразделении как 3:2, во II как 2:1. Предположим далее, что прибавочный продукт равняется 100% заработной платы, что этот прибавочный продукт распадается в обоих подразделениях на две равные части: одна часть, которая идет в накопление в данном подразделении, другая—в фонд непроизводительного потребления советского общества. Вся схема тогда будет иметь следующий вид:

- I) $2.100 c + 1.400 r + 1.400$ приб. прод. $(700 \text{ фонд накопл.}) = 4.900$
 $(700 \text{ ф. непр. потр.})$
 II) $3.550 c + 1.775 r + 1.775$ приб. прод. $(887\frac{1}{2} \text{ фонд накопл.}) = 7.100$
 $(887\frac{1}{2} \text{ непр. потр.})$

Уже при беглом взгляде на эту схему мы видим большое различие по сравнению с соответствующими Марксовыми схемами при капиталистическом производстве. cII госсектора не только значительно больше зарплаты и непроизводительного потребления первого госсектора, но и больше зарплаты плюс весь прибавочный продукт первого подразделения. Все это вполне естественно в крестьянской стране, где очень большая часть cII государственного сектора воспроизводится путем обмена с мелкобуржуазным хозяйством, которое дает нашей легкой промышленности такие средства производства, как хлопок, лен, пеньку, кожу, шерсть, сахарную свеклу, масляные семена для маслобойной промышленности, зерно для мельниц, картофель для спиртовой промышленности и т. д. Предположим, что половина cII госсектора, т.-е. $1.755c$, воспроизводится путем обмена в частном производстве, т.-е. мы заранее берем цифру, которая превышает действительные размеры воспроизводства cII путем обмена с мелкобуржуазным хозяйством. Спрашивается теперь, как же может быть воспроизведена другая половина cII ?

Для воспроизводства этой половины имеется, во-первых, фонд зарплаты первого подразделения в размере 1.400. Однако вся эта сумма не может пойти на возмещение половины cII , потому что часть заработной платы первого подразделения должна обменяться на крестьянские средства потребления. Предположим, этот последний обмен требует $\frac{1}{3}$ от 1.400, т.-е. равняется 466,6. Тогда для обмена с cII остается фонд в 933,4, имеющий натуральную форму средств производства. Далее, так как из прибавочного продукта в накопление первого подразделения идет 700, то для размена с другими подразделениями других секторов из прибавочного продукта остается фонд непроизводительного потребления в 700. Если мы возьмем ту же пропорцию размена этого фонда со вторым подразделением государственного же сектора, с одной стороны, и с частным хозяйством, с другой,

¹ Исследование рабочих бюджетов дает около 40% с лишним, т.-е. больше взятой нами пропорции, но при учете переработки зерна в муку и хлеб на государственных мельницах, размера государственных и заводских дровозаготовок и т. д. взятая нами цифра будет не очень далека от истины.

то есть предположим, что во второе подразделение сектора идет две трети, или 467, а в частное производство остальные 233, то тогда весь обменный фонд первого подразделения госсектора, возмещающий половину c второго подразделения, будет равняться $933,4 + 467 = 1.300,4$ или, округляя цифру,—1.300, между тем как возместить необходимо 1.755. Получается дефицит на средства производства в государственном хозяйстве, равный 455 миллионам.

Далее. Если мы предположим, что этот дефицит так или иначе покрыт, то достаточно нам построить схему расширенного воспроизводства для следующего года на основании данных исходной схемы, чтобы видеть, как отмеченная нами диспропорция будет сохраняться, уменьшаясь немного при одних условиях, увеличиваясь при других. В самом деле, во втором подразделении из подлежащих накоплению $887,5$ приб. продукт.—295,8 пойдет на увеличение c и $591,7$ на увеличение c . Таким образом cII будет равняться теперь 4.141,7, а та часть его, которая должна быть покрыта обменом с первым подразделением, будет равняться 2.070,8. В то же время в первом подразделении обменный фонд вследствие роста r и роста непроизводительного потребления пропорционально возрастает, и та его часть, которая должна идти на возмещение cII , будет теперь равна вместо 1.300 уже 1.680. Это значит, что в следующем году дефицит на средства производства будет равен $2.070,8 - 1.680 = 390,8$ млн. вместо 455—при том же темпе роста непроизводительного потребления. И наоборот, сохранение тех же абсолютно размеров непроизводительного потребления должно увеличивать диспропорцию, потому что от сохранения старого размера или от уменьшения темпа роста непроизводительного потребления обменный фонд первого подразделения госсектора сокращается. В то время как cII госсектора относительно растет. Спрашивается, является ли обнаруженная нами диспропорция следствием тех цифровых соотношений, которые нами взяты для примера (хотя пропорции и близки к действительным), или же она представляет реальную диспропорцию в нашем хозяйстве?

Вряд ли можно сомневаться в том, что взятый нами пример иллюстрирует как раз реальную диспропорцию, которая имеется в нашем хозяйстве и которая вызвана: 1) прекращением вложения в нашу промышленность иностранного капитала, 2) сокращением непроизводительного потребления класса буржуазии, 3) амортизационными провалами основного капитала прежних лет, 4) отвлечением части средств производства на постройку новых заводов, не дающих еще продукции, 5) вследствие общей необходимости более быстрого развития накопления в первом подразделении в условиях индустриализации страны.

Итак, мы констатируем резкий все время возрастающий дефицит нашего государственного хозяйства на средства производства. Спрашивается теперь, какую роль может играть в ликвидации этой диспропорции внешняя торговля, которую теперь нам нужно ввести в круг нашего анализа? Эта роль является чрезвычайно важной. Допустим, дефицит второго подразделения на средства производства означает

дефицит на машины для легкой промышленности, электроэнергию, продукцию основной химической промышленности и т. д., а дефицит тяжелой промышленности выражается в недостатке оборудования топливной промышленности, машиностроительных заводов, турбогенераторов большой мощности, воздуходувок и прочего оборудования черной и цветной металлургии и т. д. Что достигается привлечением к делу внешней торговли?

Привлечением импорта достигается следующее.

1. Легкая промышленность вместо того, чтобы приостановить свое развертывание и ожидать того момента, когда первое подразделение сможет на основе своего собственного развертывания дать ей нехватящие элементы *e*, получает свой дефицит сразу из-за границы, т. е. проблема разрешается во времени, тогда как решение вопроса длительным, окольным путем, путем развертывания собственного первого подразделения, означало бы рост кризиса, нагромождение одних затруднений на другие, в том числе и в области обмена государственного сектора с частным производством. При этом необходимо помнить еще и одно чрезвычайно важное обстоятельство, а именно следующее. Если легкой промышленности, для увеличения ее продукции на 100 единиц, необходимо соответственно расширить свой постоянный капитал, в данном случае ту его часть, которая воспроизводится в первом подразделении госсектора, а в этом последнем подразделении как раз имеется общий дефицит на средства производства, нужные легкой промышленности, то удовлетворение добавочного запроса легкой промышленности может быть достигнуто только постройкой новых предприятий в тяжелой промышленности. А эта постройка должна отвлекать из общего фонда накопления государственного хозяйства на период строительства гораздо больше средств каждый год, в сравнении с ценностью средств производства, нужных для снабжения легкой промышленности добавочными элементами основного капитала. Прибавление новых 100 e к постоянному капиталу второго подразделения может потребовать единовременных вложений в первое подразделение на 400—500 элементов нового капитала. Между тем апелляция к мировому рынку мы прямым путем и без задержек разрешаем эту проблему путем импорта нужных средств производства для второго подразделения в необходимом для него размере.

2. Тяжелая промышленность вместо того, чтобы ждать, когда ее собственный дефицит на средства производства будет покрыт ее внутренним развертыванием, вместо того, чтобы оборудовать новые производства машинами собственного производства, что крайне замедлило бы пуск новых предприятий в ход и затянуло бы кризис и внутри самого первого подразделения и в сфере ее обменной связи со вторым подразделением—тяжелая промышленность разрушает противоречия путем импорта такого оборудования, собственное производство которого усилило бы кризис, отвлекая и без того недостаточное накопление на такие предприятия, постройка которых при наличии связи с мировым хозяйством отнюдь не является первоочередной.

3. И легкая и тяжелая промышленность не только разрешают проблему развертывания своего производства во времени, но решают в известной части огромной важности проблему накопления за счет частного хозяйства. В самом деле. В нашем примере государственному сектору нехватает средств производства, идущих на возмещение основного капитала на 400 млн. руб. по внутренним ценам. Чтобы возместить этот дефицит, нашему государству достаточно вывезти, допустим, продуктов потребления крестьянского хозяйства на 200 млн. руб. или на 100 млн. долларов и купить на эту сумму заграничного оборудования. Это заграничное оборудование, стоящее по мировым ценам 100 млн. долларов или 200 млн. червонных руб., внутри нашей страны стоит 400 млн., если исходить из разницы наших внутренних промышленных цен с заграничными. Следовательно, благодаря импорту средств производства мы используем разницу мировых и внутренних цен и автоматически накапливаем основной капитал нашей развертывающейся промышленности.

Таким образом связь с мировым рынком, разрешая во времени проблему реконструкции и расширения основного капитала обоих подразделений государственного сектора, разрешает в известном проценте также и проблему накопления с ее материальной стороны, а именно методами первоначального социалистического накопления.

Но, кроме рассмотренного нами случая, существует еще и другая диспропорция, разрешаемая также импортом. Дело идет о возмещении в натуральной форме некоторой части элементов *ell*, поскольку внутреннее производство сырья является у нас в некоторых отраслях недостаточным. Мы на десяток лет задержали бы, наверное, нормальное развитие нашей текстильной промышленности, если бы ожидали развития нашего собственного хлопководства до предела удовлетворения всего спроса этой промышленности на сырье.

Кроме перечисленных случаев, импорт нам абсолютно необходим еще и тогда, когда то или иное сырье (как каучук), те или иные средства потребления (например, кофе) мы вообще не производим совсем по природным условиям. Но я сознательно не говорю об этой стороне нашей связи с мировым хозяйством, потому что в этом случае перед нами выгоды и необходимость участия в мировом разделении труда *вообще, независимо от структуры хозяйства и ступени его развития*. Я же говорю об импорте таких средств производства, которые мы вообще можем производить сами и будем увеличивать их собственное производство, но которые на данной стадии развития государственного хозяйства нам необходимо импортировать для поддержания равновесия в системе расширенного социалистического воспроизводства, во-первых, и в интересах накопления основного капитала, во-вторых.

Итак, мы приходим к выводу, что третьей предпосылкой равновесия нашей системы является максимальная связь с мировым хозяйством, построенная на совершенно особом характере нашего экспорта и импорта. В условиях общего недостатка собственного производства средств производства, особенно в условиях относительной недоразвитости

тяжелой промышленности в сравнении с требованиями внутреннего государственного и частного рынка и в сравнении с необходимым общим темпом индустриализации страны, *наш плановый импорт средств производства должен иметь такие размеры и должен быть так построен в своей натуральной части, чтобы служить, так сказать, автоматическим регулятором всего процесса расширенного воспроизводства, не переставая быть источником накопления*¹.

Четвертое условие равновесия

Идем дальше. Четвертым условием равновесия нашей хозяйственной системы является пропорциональность в распределении труда, в частности пропорциональность обмена между государственным и всем частным хозяйством внутри страны, как со стороны ценностных величин обмена при данных ценах, так и со стороны натурального состава этого обмена. Предполагается при этом, что равновесие ценностного обмена понимается условно, т.е. в смысле равновесия обмена неэквивалентного, обмена, являющегося механизмом социалистического накопления. Для большей наглядности исследования этого четвертого условия равновесия мы возьмем наш условный числовой пример, относящийся к государственному сектору, и присоединим к нему арифметическую схему воспроизводства в частном хозяйстве, при чем для упрощения мы не будем пока делить частное хозяйство на два сектора, капиталистический и мелкобуржуазный, как это следовало бы сделать при более детальном анализе. Как и в государственном секторе, мы вводим деление прибавочного продукта частного хозяйства на две части: на фонд фактического накопления в каждом подразделении и на фонд непродуцированного потребления, которое ложится на данное подразделение.

Примем размеры общегодовой продукции всего частного хозяйства в 17 миллиардов². Предположим, что эта валовая продукция делится между двумя подразделениями частного хозяйства следующим образом:

I) 2.200	+ 2.200 фонд потребления	+ 1.100 приб. прод.	= 5.500
II) 3.300	+ 6.600 »	+ 2.100 »	= 12.000

¹ Разумеется, указанная выше диспропорция с точки зрения частного производства и его интересов может быть разрешена и непосредственным ввозом средств потребления из-за границы, но совершенно очевидно, что такое решение вопроса означает серьезнейшую задержку, если не ликвидацию расширенного социалистического воспроизводства. Ликвидацией социалистической промышленности, и хотя бы только ликвидацией монополии внешней торговли, могут быть, вообще говоря, решены многие проблемы частного хозяйства. Вся борьба между государственными и частными секторами советского хозяйства как раз и сводится к тому, на какой основе может быть достигнуто равновесие в советской экономике: на основе включения в мировое хозяйство «на общих условиях», т.е. на основе закона ценности, или же путем новым и невиданным в экономической истории, путем планового импорта, подчиненного задаче первоначального социалистического накопления.

² За 1925/26 хозяйственный год продукция всего частного хозяйства, согласно контрольным цифрам Госплана, равнялась по ценам производителей 16.397 млн.

К первому подразделению относится производство технических культур в крестьянском хозяйстве и всего сырья вообще, а в ремесленной и кустарной промышленности—такие предприятия, изготавливающие средства производства, как частные кузницы, ремонтные мастерские, кустарное производство инвентаря, колес, телег, гужевой транспорт, перевозящий товарные продукты, идущие на дальнейшую переработку и т. д.

Ко второму подразделению относится все производство средств потребления в крестьянском хозяйстве, дающее подавляющую часть всей продукции в этом подразделении, а именно: полеводство, животноводство в той его части, в какой оно дает продукты потребления, как молоко, масло, мясо, затем огородничество, рыболовство, выделка домашней одежды и т. д. Сюда же относится в ремесленной и в частной капиталистической промышленности производство тканей и одежды, частная кожаная промышленность, частная пищевая промышленность и т. д.

Производя указанное выше деление крестьянского хозяйства на два подразделения, мы должны всегда помнить о том, что это деление представляет из себя методологическую абстракцию. Одно и то же неделимое крестьянское хозяйство фигурирует почти всегда в двух подразделениях сразу, потому что, как бы много оно ни производило средств потребления, оно обязательно производит в некотором количестве и средства производства. И наоборот, крестьянское хозяйство, специализирующееся на технических культурах, всегда производит средства потребления в том или ином размере.

Воспроизводство в первом подразделении происходит таким образом, что часть средств производства для крестьянского хозяйства, производящего сырье, а также средства производства ремесленной и кустарной промышленности, создается в самом же первом подразделении частного сектора. Сюда же относится производство семян при льноводстве, хлопководстве, посевах свеклы, конопли и т. д. для самого же льноводства, хлопководства и т. д. В самом же хозяйстве производятся рабочий скот, заготовка кормов на искусственных и естественных лугах, животноводство в части производства сырья (овца, дающая шерсть, есть средство производства шерсти, а размножение овец для шерсти есть производство орудий производства шерсти). Но остается другая часть средств производства, которая может быть получена только из первого подразделения государственного сектора. Сюда относится металл и уголь для кузниц, для мастерских мелкого ремонта, сельскохозяйственные машины для крестьянского производства сырья, искусственное удобрение, железнодорожный и водный транспорт, обслуживающий возмещение в частном секторе и т. д. При этом возникает следующий вопрос: первое подразделение государственного сектора, представленное машиностроением, топливной промышленностью, металлургией, электростроительством и электроснабжением и т. д., имеет очень мало, что купить из первого сектора частного хозяйства, во всяком случае, меньше того, чем этот последний сектор должен покупать у тяжелой промышленности. А все то,

что тяжелая промышленность продает для возмещения своего фонда заработной платы, требует продажи от других секторов средств потребления, которых первое подразделение частного хозяйства дать не может. Отсюда крайне сложный переплет во всей системе воспроизводства, который Маркс не исследовал непосредственно в своих знаменитых главах второго тома «Капитала» о накоплении, потому что он оперировал с условиями чисто капиталистического воспроизводства, где все равновесие обмена концентрируется только на соотношении величины eII и темпа ее роста с величиной $v + \frac{m}{x} I$ и темпом ее роста. Та часть eI частного сектора, которая не покрывается собственным производством средств производства этого сектора и внутренним обменом с eI государственного сектора, может попасть в первое подразделение частного сектора еще через реализацию фонда непроизводительного потребления первого подразделения государственного сектора. Эта проблема может быть частично решена также и путем внешней торговли: лен, пенька, грубая шерсть, щетина и т. д. экспортируются за границу, и оттуда получается нужное количество средств производства.

Мы видим, таким образом, что воспроизводство одной части eI частного сектора представляет из себя довольно сложную задачу, разрешаемую привлечением к обмену всех подразделений всех секторов, главным образом через русло непроизводительного потребления плюс внешняя торговля. Недостаточно, чтобы та часть eI частного сектора, о которой идет речь и которая имеет вначале натуральную форму промышленного сырья, либо средств производства частной промышленности, была продана, а нужно также, чтобы на вырученные деньги могли быть куплены в достаточном количестве как раз нужные средства производства. Установленный нами выше систематический дефицит на средства производства, главным образом в форме основного капитала, дефицит, характеризующий период реконструкции технической базы госсектора, должен еще больше увеличиться в результате той непропорциональности в обмене eI госсектора на eI частного сектора, о котором мы только что говорили.

Фонд потребления первого подразделения частного сектора состоит до обмена из тех же элементов, т.-е. из промышленного сырья всех видов, создаваемого в крестьянском хозяйстве, а также из средств производства кустарно-ремесленного происхождения: продукция кузниц, ремонтных мастерских, тележных мастерских, производство всякого иного инвентаря; заготовка древесины для дальнейшей переработки и т. д. Часть этих средств производства реализуется в самом же частном секторе, часть поступает для воспроизводства eII частного сектора, фигурирующего в нашем примере с цифрой 3.500е. В обмен второе подразделение частного сектора дает первому подразделению своего же сектора средства потребления. Другая часть средств производства, первого подразделения частного сектора, возмещающих фонд потребления, идет во второе подразделение государственного сектора, в качестве сырья для текстильной, кожанной, сахарной,

маслобойной, спиртовой промышленности и т. д. и обменивается на мануфактуру, обувь, сахар и пр.

Прибавочный продукт первого подразделения частного сектора, поскольку дело идет о главной и наиболее интересующей нас части, т.-е. прибавочном продукте при производстве технических культур в крестьянском хозяйстве, состоит из трех основных частей: из фонда непроизводительного потребления, который соответственно ложится на данное подразделение и из которого выплачивается соответственная доля государственных налогов, расходов на торговый аппарат и т. д., во-вторых, из фонда производительного накопления в самом данном подразделении и, в-третьих, из фонда, идущего в социалистическое накопление госсектора. В нашем примере весь прибавочный продукт первого подразделения частного сектора равняется 1.100 миллионам, из которых в фонд накопления идет, допустим, 500 миллионов, в фонд непроизводительного потребления—400, в фонд соцнакопления—200.

Что касается фонда непроизводительного потребления, то в огромной своей части он должен обменяться на средства потребления вторых подразделений государственного и частного секторов, потому что средства производства индивидуально не потребляются. Проходным же каналом такого обмена является воспроизводство c во всех трех вторых подразделениях всех секторов хозяйства. Что же касается фонда накопления в 500 миллионов, то этот фонд тоже надо разделить на две совершенно различные части: 1) на фонд добавочных средств потребления для расширенного воспроизводства, т.-е. на ту часть этих 500 миллионов, которая должна обменяться на средства потребления и служить потребительским фондом для новых работников, которые будут заняты в производстве, 2) на фонд добавочных средств производства в собственном смысле. Если мы предположим, что деление между фондом потребления и фондом средств производства происходит в таких же пропорциях, как в предыдущем году, то тогда фонд накопления средств производства будет равняться 250 миллионам. Теперь посмотрим, из каких элементов составляется эта последняя цифра. Меньшая часть этих 250 миллионов будет состоять из тех средств производства, которое первое подразделение частного сектора должно закупить у первого подразделения государственного сектора, т.-е. у государственной тяжелой промышленности. Большая же часть этих 250 миллионов состоит из средств производства, которые создаются в самом же крестьянском хозяйстве и присоединяются, не точно выражаясь, к капиталу производства. Сюда относятся: 1) семена технических культур, получаемые в самом же подразделении и идущие на *расширение* посевов; 2) из расширенного воспроизводства скота, кормов, навозного удобрения; 3) из мелиораций всякого рода, направленных к расширению площади под техническими культурами и к подьему урожайности земли; 4) хозяйственных построек из крестьянского леса собственными средствами; 5) из добавочных средств производства, получаемых из самого же подразделения, но путем обмена с частной и кустарной промышленностью.

Совершенно очевидно, что расширенное воспроизводство технических культур, поскольку для такого воспроизводства нужны средства производства из государственного сектора, теснейшим образом связано в своем развитии с условиями воспроизводства и накопления в государственной тяжелой промышленности. А с другой стороны, второе подразделение государственного сектора в деле расширенного воспроизводства тесно связано с успехами расширенного воспроизводства технических культур в крестьянском хозяйстве, образующем его сырьевую базу. Таким образом, в итоге расширенное воспроизводство второго подразделения госсектора нуждается в *предварительном* расширенном воспроизводстве первого подразделения частного сектора в части производства технических культур, а расширенное воспроизводство технических культур нуждается в *предварительном же* расширенном воспроизводстве той части первого подразделения госсектора, которая дает ему нужные добавочные средства производства. Отсюда общая заинтересованность и легкой государственной промышленности и крестьянского производства технических культур в возможно более быстром накоплении в тяжелой промышленности, накоплении, которое должно все время *предшествовать* расширенному воспроизводству упомянутых отраслей.

Приведем еще один частный пример, с которым часто приходится сталкиваться на практике в крестьянской стране и который относится к рассматриваемому вопросу. Как известно, в нашем крестьянском хозяйстве процесс накопления идет скачкообразно в урожайные годы. За один урожайный год сотням тысяч крестьянских хозяйств удается «поправиться», увеличив средства производства в таком объеме, который им потом не удается накопить, быть может, в течение 5 лет. Допустим, мы имеем выше среднего урожай на лен, хлопок, масличные семена и т. д. В результате крестьянское хозяйство может отделить в фонд накопления сумму средств, превышающую средний обычный годовой прирост накопления. Отсюда усиленный запрос, между прочим, и на средства производства, изготавливаемые государственной промышленностью, а также увеличение спроса на ремесленное производство средств производства. Но так как в тяжелой промышленности урожай на машины, металлы и т. д. не бывает, то запрос на добавочные средства производства, идущий из крестьянского хозяйства, не будет удовлетворен, если накопление в тяжелой промышленности не обгоняет систематически накопление в других отраслях всего хозяйства, в частности, если оно не обеспечивает существования необходимых товарных запасов. Тогда, в лучшем случае, фонд накопления, предназначенный на покупку средств производства в тяжелой промышленности, застывает временно в денежной форме и при развитой системе кредита позволит, на основе перераспределения денежных накоплений страны, усилить кредитование, а тем самым и добавочное производство в соответствующих отраслях тяжелой промышленности. В худшем же случае этот фонд накопления, обменявшись на средства потребления, будет просто съеден в крестьянском хозяйстве, увеличив потребительский бюджет крестьянского подразделения технических

культур. Мы не говорим уже о том, что диспропорция будет еще больше в том случае, если тяжелая промышленность уже исчерпала все запасы старого оборудования, и новый добавочный спрос может быть удовлетворен только в результате новых вложений в основной капитал, далеко превышающий сумму товарного дефицита данного года.

Переходим теперь ко второму подразделению частного сектора. Если исключить из него частное промышленное производство средств потребления (кустарное и ремесленное производство обуви, одежды, тканей, частную пищевую промышленность)¹, то мы будем иметь здесь дело главным образом с крестьянским производством средств потребления. Воспроизводство постоянного капитала, равное в нашем примере 3.300с, происходит следующим образом. Большую его часть составляют средства производства, получаемые в самом же крестьянском производстве средств потребления. Сюда относятся семена зерновых культур, корм скоту, навозное удобрение, воспроизводство скота, постройки из собственного леса собственными средствами, мелиорации, расчистки из-под леса новых площадей под пашню, поднятие целины и т. д. Вторая часть средств производства получается из обмена предметов потребления данного подразделения на средства производства, покупаемые в первом подразделении частного же сектора хозяйства. Наконец, третья часть средств потребления второго подразделения частного сектора, возмещающая его с, идет на продажу рабочим тяжелой промышленности государственного сектора, взамен чего от тяжелой промышленности получают средства производства в виде сельскохозяйственных машин, инвентаря, гвоздей, кровельного и иных видов железа, транспортные перевозки и т. д.

Фонд потребления второго подразделения частного сектора в подавляющей своей части производится и потребляется внутри самого подразделения, при чем большая его часть совершенно не участвует в так называемой товарной части продукции крестьянского хозяйства. И лишь меньшая его часть участвует во внутреннем обмене с фондом заработной платы второго подразделения госсектора, т. е. с легкой промышленностью государства. Иными словами: если принять фонд зарплаты легкой государственной промышленности за 1.000, а ту часть этого фонда, которая состоит из предметов потребления крестьянского и всего частного производства, — в 400, то на эту сумму рабочий легкой промышленности купит из фонда потребления второго подразделения частного сектора то, что ему нужно по составу их расходного бюджета: хлеб, масло и т. д., а крестьянство и ремесленники второго подразделения купят предметы потребления государственного производства.

Но это отнюдь не значит, что здесь должно существовать отношение или чистого, или приблизительного арифметического равенства, которое установлено Марксовым анализом капиталистического вос-

¹ Все частное промышленное производство: капиталистическое, ремесленное и кустарное равнялось в 1925-26 году сумме 2.165 млн. черв. рублей, включая и производство средств производства и производство средств потребления.

производства при размене cII на $c + \frac{m}{x}$. Уже при анализе обмена между первым подразделением частного сектора с первым подразделением государственного сектора мы установили, что первое подразделение частного сектора, по характеру натурального состава обмениваемых товаров, должно получать от тяжелой промышленности больше, чем тяжелая промышленность может купить у этого подразделения. А это значит, что первое подразделение частного сектора должно где-то в другом месте продать свои средства производства в размере сальдо и закупить на вырученные деньги средств производства от тяжелой промышленности. Что эта проблема может быть решена при посредстве внешней торговли, совершенно очевидно. Часть льна, пеньки и т. д. идет на экспорт, по импорту тяжелая промышленность получает то, что ей нужно из оборудования, а продавцы льна, пеньки и пр. в червонной валюте покупают нужные им средства производства у советской тяжелой промышленности. Таким образом, диспропорция в натуральном составе обмена между первым подразделением частного сектора и первым подразделением государственного сектора ликвидируется путем привлечения внешнего рынка, который позволяет в самом первом подразделении произвести перегруппировку элементов производства, высвобождая нужные ресурсы для обмена с первым подразделением частного сектора. Еще проще вопрос может быть решен прямо, т. е. импортом из-за границы машин и других средств производства для первого подразделения частного сектора. При невозможности же решить эту проблему в нужных числовых размерах или вследствие недоразвитости собственного машиностроения, производства искусственных удобрений и т. д. или вследствие ограниченности импортного контингента, оставляемого для частного хозяйства, мы будем иметь товарный голод на средства производства тяжелой промышленности, т. е. одну из форм нарушения равновесия между государственным и частным хозяйством вследствие недоразвитости нашей тяжелой промышленности.

Точно так же, если, допустим, крестьянское хозяйство, производящее средства потребления, должно обменивать больше своих продуктов на средства потребления промышленного производства, чем это может ему дать тот фонд зарплат легкой промышленности, о котором мы говорили выше, то решение этой проблемы, вообще говоря, также возможно путем привлечения к делу внешней торговли. Другой вопрос, возможна ли в данных условиях практически эта апелляция к внешнему рынку. В самом деле. Допустим, рабочие и служащие легкой промышленности государства покупают средства потребления в частном секторе на 400 миллионов, а частный сектор подразделения средств потребления нуждается в размене из своего потребительского фонда не в размере 400, а в размере 600 миллионов, т. е. его платежеспособный спрос, сопровождаемый продажей, равняется 600 миллионам, и на эту сумму он предъявляет запрос на продукты легкой государственной промышленности. Конкретно говоря, крестьянство имеет на 200 миллионов рублей больше продажного хлеба, масла, яиц и т. д.

с тем, чтобы на эти 200 добавочных миллионов купить добавочное количество одежды, обуви, сахара и других продуктов потребления фабричного производства. Но допустим, что второе подразделение госсектора, т. е. государственная легкая промышленность, дает только на 400 миллионов и больше дать не может. На путях внешней торговли выход и здесь возможен и состоял бы в том, что на 200 миллионов производится добавочный экспорт продуктов крестьянского производства, а на вырученные деньги ввозятся заграничные предметы потребления фабричного производства для крестьянства. Практически же, при недостатке экспортных ресурсов даже для импорта важнейших средств производства, этот путь в первые годы реконструктивного процесса оказывается невозможным для советского государства, потому что, чтобы вовлечь в оборот эти 200 миллионов добавочных экспортных ресурсов, надо предварительно закупить за границей продукцию легкой промышленности за счет импортного фонда данного года, т. е. за счет сокращения ввоза средства производства, которых и без того не хватает. Вследствие невозможности такой операции и при недостаточном развертывании собственной легкой государственной промышленности, в хозяйстве СССР должен обнаружиться затаянный товарный голод и на средства потребления промышленного производства. Вследствие этого часть ликвидных ресурсов из фонда средств потребления крестьянского производства не вовлекается в товарный оборот, и в советской деревне начинается хорошо знакомый нам процесс увеличения внутреннего потребления яиц, масла и т. д., увеличения запасов хлеба, превышающих размеры страхового запаса от неурожая и ряд сопутствующих этому явлений. *В итоге товарность сельского хозяйства в целом оказывается ниже того уровня, который объективно был бы возможен при более быстром развертывании советской промышленности даже при данных очень высоких ценах*, не говоря уже о возможности еще большего роста товарности в результате более быстрого снижения себестоимости и промышленных цен. Отсюда другая диспропорция между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, для преодоления которой в теперешней обстановке нет иного выхода, кроме более быстрого развертывания государственной промышленности.

Теоретически возможно решение вопроса и таким образом. Из добавочного фонда экспорта средств потребления, в размере указанных выше 200 миллионов, на покупку продуктов потребления идет только 100 миллионов, при чем эти продукты продаются внутри страны с использованием разницы внутренних и внешних цен, т. е. на сумму, быть может, равную тем 200 миллионам. Одновременно другие 100 миллионов экспортного фонда употребляются на закупку средств производства за границей, вследствие чего одновременно с удовлетворением потребительского спроса крестьянства разрешается частично вопрос и об ускорении развертывания собственной промышленности. Совершенно очевидно, однако, что такое решение вопроса, теоретически вполне возможное, практически же, в настоящих условиях,

представляет лишь некоторое смягчение вышеуказанного затруднения, а не его устранение. Ведь и в данном случае надо *авансировать* 100 миллионов из импортного фонда для закупки средств потребления.

Наше исследование данного вопроса было бы неполным, если бы мы не указали на то, что отмеченная нами диспропорция имеет одну свою положительную сторону. Эта положительная сторона заключается в том, что скопление в деревне нереализуемых излишков средств потребления позволяет держать цену на сельскохозяйственные продукты на определенном устойчивом низком уровне. То, что кажется здесь полностью и целиком продуктом планового начала в хозяйственной жизни и доказательством силы этого начала, на самом деле является в гораздо большей степени результатом указанной нами диспропорции, т. е. явлением, хорошо знакомым всякому товарному хозяйству. То, что мы держим цены более или менее неизменными, это есть продукт планового начала; тот же факт, что мы эти цены держим неизменными, на *низком уровне*, это есть в огромной степени результат закупки развития сельского хозяйства в сфере производства средств потребления, закупки, вызванной недоразвитостью нашей промышленности и недостаточным фактическим накоплением в ней.

При анализе внутренних условий равновесия между государственной промышленностью и частным хозяйством мы пока оставили в стороне те изменения, которые вносит в весь процесс наличие фонда непроизводительного потребления. К этому вопросу мы вернемся ниже, при конкретном исследовании воспроизводства в хозяйстве СССР в 1925-26 г., и лишь отчасти в теоретической части. Этот вопрос нельзя рассмотреть без исследования некоторых новых вопросов, которые не относятся непосредственно к рассматриваемой теме.

После всего вышесказанного мы можем сформулировать следующее весьма важное положение, касающееся закона пропорциональности обмена между государственным сектором нашего хозяйства и обоими секторами частного хозяйства.

Если в советской экономике «II государственного сектора, плюс «II частного сектора, минус средства производства, которое само второе подразделение объединенного частного сектора получает в своем собственном подразделении, равны « плюс непроизводительное потребление первого подразделения госсектора, плюс фонд потребления и фонд непроизводительного потребления первого подразделения объединенного¹ частного сектора, то 1) при дефиците первого подразделения объединенного частного сектора на средства производства первого подразделения госсектора диспропорция может быть ликвидирована лишь на основе связи с мировым хозяйством; 2) потребительский фонд второго подразделения объединенного частного сектора в той его части, которая состоит из средств потребления легкой государственной промышленности, должен равняться той части «II г., т. е.

¹ Минус средства производства военной промышленности, как ясно из всего предыдущего изложения.

той части фонда зарплаты второго подразделения госсектора, которая состоит из покупаемых на заработную плату средств потребления второго подразделения частного сектора, т. е. в огромной части из средств потребления крестьянского производства. 3) Если внутренний обмен потребительского фонда второго подразделения объединенного частного сектора на соответствующую часть «II госсектора обнаруживает превышение спроса со стороны частного сектора, диспропорция может быть решена либо при помощи связи с внешним рынком, либо путем такого перераспределения национального дохода, которое дает ресурсы для добавочного развития второго подразделения госсектора, что предполагает однако еще более быстрое развитие тяжелой промышленности. 4) При невозможности решить диспропорцию в хозяйстве указанными путями создается товарный голод во всем частном хозяйстве и на средства производства, и на средства потребления, изготовляемые в государственном хозяйстве.

Во всем нашем анализе мы исходили из деления крестьянского хозяйства на два подразделения по такому же принципу, как это делает Маркс по отношению к капиталистической экономике. Является ли такой метод правильным, если иметь в виду крайнюю недифференцированность крестьянского хозяйства с точки зрения разделения труда в нем между различными отраслями земледелия? Разве одно и то же среднее крестьянское хозяйство с преобладанием зерновых культур не производит одновременно со средствами потребления, как хлеб, масло, мясо, масло и т. д., также и сырье, как шерсть, кожу и т. д. Разве в хлопковых и льноводческих районах не производится одновременно мясо, масло, яйца, хлеба и т. д.?

Все это так. И тем не менее применяемый нами Марксов метод деления крестьянского производства на первое и второе подразделения остается наиболее целесообразным. Во-первых, не надо забывать, что в оба подразделения Марксова анализа входило капиталистическое земледелие, которое хотя и является более дифференцированным в смысле специализации культур, но в котором, тем не менее, производство средств потребления всегда переплетается тесно с производством средств производства. Современное крупное капиталистическое хозяйство в Германии объединяет, например, животноводство и полеводство с производством сахарной свеклы и т. д. А, во-вторых, если бы мы начали анализ с другого конца, если бы мы брали крестьянское хозяйство СССР, как целое, в его отношении к промышленности, мы все равно пришли бы к необходимости применить тот же самый метод. В самом деле. Мы выясняем, допустим, сколько крестьянское хозяйство может дать всего сырья для нашей промышленности и экспорта, без чего немисливо решить вопрос о пропорциональности развития крестьянского хозяйства и промышленности. Выясняя все сырьевые возможности крестьянского хозяйства, мы неизбежно выделяем тем самым ту часть его продукции, которая составляет продукцию первого подразделения. Выясняя товарные излишки товарного хозяйства по предметам питания, мы, опять-таки, выделяем из него так называемые второе подразделение. Как при

Марксовом анализе—каждое крупное капиталистическое хозяйство в земледелии одной своей частью фигурирует в первом, другой частью своей продукции фигурирует во втором подразделении, так и у нас каждое отдельное крестьянское хозяйство, дающее смешанную продукцию, фигурирует в нашем подсчете то по линии первого подразделения, то по линии второго. Тот факт, что один и тот же плуг, одна и та же лошадь и т. д., фигурирующие одновременно и как средство производства и как средство потребления, усложняют общий анализ воспроизводства, не являясь достаточным основанием к отказу от Марксова метода исследования, заменить который никаким другим методом исследования не представляется возможным. При детальном анализе воспроизводства в земледелии здесь необходимо лишь добавочное исследование относительно того, в каком проценте эти средства производства фигурируют в первом, какие—во втором подразделении.

Теперь нам остается еще рассмотреть роль непроизводительного потребления в хозяйстве СССР с той стороны, с какой это потребление влияет на условия равновесия между объединенным государственным и объединенным частным хозяйством.

Для лучшего освещения этого вопроса возьмем одну из схем Маркса, относящихся к расширенному капиталистическому воспроизводству. Возьмем, допустим, следующую цифровую схему:

$$1) 4.000 c + 1000 v + 1000 m \left(\begin{array}{l} 500 \text{ фонд накопл.} + 500 \text{ фонд потр. капиталистов} \\ \frac{500}{x} + \frac{500}{y} \end{array} \right)$$

В данном случае 1500 сII размнивается на 1000 v плюс 500 фонд потребления капиталистов I подразделения. Предположим теперь, что непроизводительное потребление, при том же размере производства, уменьшается вдвое в первом подразделении. Тогда мы будем иметь в первом подразделении:

$$1) 4000 c + 1000 v + 1000 m (750 \text{ ф. нак.} + 250 \text{ ф. потр.})$$

В этом случае первое подразделение, благодаря росту накопления за счет непроизводительного потребления, уменьшает свой обменный фонд со вторым подразделением с 1500 до 1250, тогда как для воспроизводства 2с, если во втором подразделении не произошло никаких изменений, требуется средств производства из первого подразделения на 1500. Если это уменьшение непроизводительного потребления будет даже не абсолютным, а только относительным, т. е. что фонд непроизводительного потребления в первом подразделении или останется без изменений на уровне 500, тогда как фонд накопления будет расти, или же будут расти обе эти величины, но фонд накопления будет расти быстрее фонда непроизводительного потребления, иными словами, если изменение будет не столь резким, как в нашем примере,—то и тогда все равно тенденция останется та же самая. Эта тенденция будет заключаться в растущем дефиците средств производства для второго подразделения. Объяснение этого факта заключается в том,

что обменный фонд первого подразделения будет систематически отставать от запроса на средства производства со стороны второго подразделения.

Если же соответствующее сокращение фонда непроизводительного потребления происходит и во втором подразделении, то достаточно нам произвести со вторым подразделением ту же операцию, которую мы сделали с числовым примером первого подразделения, чтобы увидеть, к чему это должно привести. В этом случае добавочный фонд накопления, получающийся из сокращения непроизводительного потребления, распределится между с и v второго подразделения пропорционально органическому составу капитала, и второе подразделение будет требовать средств производства из первого уже не 1500, а значительно больше. Это значит, что диспропорция будет расти с двух концов одновременно: и вследствие относительного сокращения обменного фонда первого подразделения, и вследствие абсолютного и относительного роста сII. Как может быть ликвидирована эта диспропорция в хозяйстве в дальнейшем, это—другой вопрос (очевидно, общим перераспределением производительных сил между первым и вторым подразделением на основе новых пропорций). Но, когда мы берем просто переход к более сниженному непроизводительному потреблению и к более повышенному уровню накопления, это неизбежно меняет пропорции обмена первого подразделения со вторым, увеличивая спрос второго подразделения на средства производства и уменьшая временное их предложение. *В этом случае экономика страны с точки зрения развития производительных сил делается более прогрессивной, растет прибавочный продукт во всем обществе, растет быстрее сумма всей валовой и чистой продукции общества, быстрее растет накопление, но самый переход на новые рельсы, означающий рост удельного веса первого подразделения, должен вызвать временную диспропорцию во всем хозяйстве.* Из этого общетеоретического положения мы должны сделать для экономики СССР следующий важный вывод. Если на всей хозяйственной территории, где государственный сектор сменил частное довоенное капиталистическое производство¹ вследствие уменьшения непроизводительного потребления промышленной буржуазии, увеличивается фонд накопления, это неизбежно должно означать уменьшение обменного фонда первого подразделения государственного сектора, при одновременном увеличении накопления во втором подразделении, и значит при относительном росте сII и увеличении спроса сII на средства производства. Но так как средства производства второго подразделения госсектора состоят не только из машин, топлива и других средств производства, получаемых из первого подразделения государственного сектора, но также и из огромного количества крестьянского сырья, то действительный переход к системе уменьшенного непроизводительного потребления и к более быстрому

¹ При этом предполагается, что производство прибавочного продукта осталось тем же по размерам.

накоплению, при достижении довоенного уровня производства во втором подразделении госсектора и при достижении довоенного уровня производства сырья в крестьянском хозяйстве, должен неизбежно вызывать *хронический кризис сырьевого снабжения легкой государственной промышленности*. Таким образом, даже не говоря об изменении строения крестьянского бюджета, связанного с революцией (о чем будет речь ниже), одно уже сокращение непроизводительного потребления в самой промышленности должно иметь своим последствием и более быстрое накопление и более быстрый рост дефицита на средства производства.

Но государственное хозяйство СССР означает ликвидацию только *части* непроизводительного потребления, существовавшего при системе буржуазного хозяйства. В самом деле. Допустим, из каждых 100 единиц прибавочного продукта довоенной капиталистической промышленности 40 шло в накопление, а из остальных 60-ти 20 потребляли непроизводительно капиталисты и 40 шло на непроизводительное потребление всей капиталистической системы, т.-е. составляли долю участия промышленности в содержании бюрократического аппарата армии, в уплате процентов по внешним займам, в покрытии непроизводительных расходов торгового аппарата и т. д. Наша государственная промышленность может употребить на добавочное накопление эти 20%, прибавочной ценности, но она имеет вместо капиталистической свое советское непроизводительное потребление: остается армия, государственный аппарат, расходы на непроизводительное потребление торгового аппарата и т. д. Более того: если непроизводительные расходы этого типа у нас оказались бы больше, чем при капитализме, то они были бы в состоянии съесть и всю экономию из этих 20% и даже уменьшить фонд накопления в сравнении с довоенным, *особенно* если бы абсолютно фонд прибавочного продукта в советской промышленности оказался ниже, чем до войны. Как фактически, т.-е. в цифровом выражении, обстоит здесь дело, я не говорю в данной связи. Нужно сказать, что одни непроизводительные расходы у нас возросли (торговый аппарат), другие сократились (госбюджет). Нам важно лишь пока установить два факта. Первый факт: если непроизводительно расходующая прибавочная часть продукта у нас уменьшается или уменьшается в сравнении с довоенными отношениями, то это должно неизбежно менять пропорции в распределении производительных сил, вызывая более сильный спрос на средства производства. Второй факт: непроизводительное потребление¹ в нашей экономике в том или ином размере неизбежно продолжает существовать. А это, в свою очередь, означает иные пропорции в распределении производительных сил в сравнении с той схемой, которую можно было бы построить для советской экономики, отвлекаясь от непроизводительного потребления. В самом деле, при наличии в

¹ Слово «непроизводительный» употребляется здесь в социально-экономическом, а отнюдь не в моральном смысле. Существует ведь и *необходимое* непроизводительное потребление.

советской системе непроизводительного потребления, из общепотребительского фонда страны выделяется какая-то часть, за счет которой живут непроизводственно занятые слои населения. Чтобы произвести этот фонд непроизводительного потребления, нужно где-то произвести средство производства для этого фонда. А это означает, что обслуживанием непроизводительного потребления должны заниматься в каком-то размере все подразделения всех секторов хозяйства. Однако это отнюдь не означает, что распределение тяжести непроизводительного потребления между отдельными секторами хозяйства и между отдельными подразделениями этих секторов должно быть пропорционально тем изменениям в уравнениях обмена между отдельными подразделениями, которые вызываются самым фактом существования этого непроизводительного потребления.

Конкретно здесь дело обстоит по отдельным подразделениям следующим образом. Фонд непроизводительного потребления первого подразделения государственного сектора в натуральной форме состоит из средств производства. Из этого фонда в непроизводительное потребление в форме самих же средств производства пойдет все то, что будет употреблено на военную промышленность: оборудование оружейных заводов, металл для выработки средств обороны, топливо, сжигаемое при этом производстве, и т. д. Другая же часть фонда непроизводительного потребления первого подразделения должна поступить в размен с обоими вторыми подразделениями государственного и частного секторов. Также, приблизительно, обстоит дело и с фондом непроизводительного потребления первого подразделения частного сектора, с той только разницей, что роль военной промышленности в поглощении этих средств производства данного подразделения, за исключением разве лошадей для кавалерии и пр., очень не велика. Что касается подразделений производства средств потребления, то их фонд непроизводительного потребления поступает в натуральной форме в потребительский бюджет тех групп населения, которые не заняты производительным трудом. Совершенно очевидно, что в ценностном отношении весь фонд индивидуального непроизводительного потребления будет меньше той доли, в которой вторые подразделения обоих секторов будут участвовать в общем бремени непроизводительного потребления, ибо часть этого непроизводительного потребления будет покрыта первыми подразделениями в форме снабжения вторых подразделений своими средствами производства минус средства производства, уходящие на военную промышленность. А это значит, что наличие непроизводительного потребления в советском обществе, с одной стороны, уменьшает накопление и темп роста валовой и чистой продукции общества, но, с другой стороны, это непроизводительное потребление, правда чисто отрицательными методами, уменьшает ту диспропорцию между первыми и вторыми подразделениями обоих секторов, о которой мы говорили выше и которая сводится к дефициту на средства производства. В частности, что касается размена части фонда потребления второго подразделения частного сектора с определенной частью фонда заработной платы рабочих второго подразделения

государственного сектора, то относительное сокращение роста ГП госсектора уменьшает обменный фонд с этим подразделением, а сокращение накопления во втором подразделении частного сектора уменьшает спрос на добавочные средства потребления второго подразделения государственного сектора и спрос на средства производства первого подразделения госсектора.

Наоборот, когда непроизводительное потребление сокращается, растут и валовой и чистый доход общества и накопление, а вместе с тем растет также и товарный голод на средства производства. Однако, как уже мы сказали выше, в дальнейшем это развитие всего хозяйства на более широкой базе создает в самой экономике средство преодоления диспропорции, в частности на основе экспорта и импорта.

Чтобы покончить с вопросом о непроизводительном потреблении, нам остается еще остановиться на одном очень важном методологическом вопросе, практическое значение которого нам более отчетливо будет видно ниже.

Как правильно устанавливать размеры непроизводительного потребления в СССР и влияние этого потребления на весь процесс производства?

Здесь могут быть два метода. Во-первых, метод, применяемый Марксом при анализе капиталистического воспроизводства во втором томе «Капитала», когда под *r* Маркс подразумевает ту часть авансированного капитала, которая *реально* расходуется рабочим классом как доход. Тем самым Маркс относит все налоги на заработную плату к прибавочной ценности. Выгоды такого методологического приема заключаются в том, что все *в* участвует тогда в размене полностью, не осложненное той частью его, которая хотя и представляет *формально* заработную плату, по существу же оплачивает часть непроизводительного потребления буржуазного общества. При детальном исследовании экономики какой-либо конкретной страны, это требует лишь дополнительного изучения размена внутри фонда непроизводительного потребления, что необходимо, в частности, как для учета роли военной промышленности в этом потреблении, так и непроизводительной части расхода торгового аппарата. Это будет требовать также дополнительного исследования денежных накоплений рабочего класса. По отношению к мелкобуржуазному сектору этот метод означает необходимость учета *только реального фонда потребления занятых в производстве самостоятельных производителей*, а все их реальное накопление в хозяйстве плюс непроизводительное потребление данной системы общества в той части, в какой оно ложится на данный сектор, нужно отнести к прибавочному продукту. Это несколько не мешает провести анализ размена реальных величин средств производства первых подразделений, которые, в обмен на средства потребления, идут на возмещение постоянного капитала вторых подразделений. Трудность заключается здесь, вообще говоря, в том, что нельзя никогда в точности выяснить, что нужно подразумевать под необходимым потреблением класса мелких производителей, так как фонд потребления мелких производителей,

как мы уже указывали на это выше, не регулируется законом ценности даже при конкретном капитализме, а у нас, кроме того, он регулируется в известной мере также законом первоначального социалистического накопления. Кроме того, здесь необходимо помнить о том, что понятие производительного труда меняется по сравнению со значением этого термина у Маркса¹.

Второй метод состоял бы в одновременном выведении двух балансов: баланса по производству и баланса по потреблению. Этот второй метод не исключает первый, но он должен, по нашему мнению, следовать за первым, потому что начинать сразу с двойного баланса значило бы начинать не с более простого общего, а со сложного конкретного, не говоря уже о том, что этот двойной баланс, без предварительного общего, может скрывать просто *неумение* вывести единый общий баланс².

Кроме того, необходимо здесь же подчеркнуть большую практическую трудность выделения из расходов торгового обмена той их части, которая оплачивает производительный труд, от той, которая оплачивает непроизводительное потребление аппарата. Торговые накладки в уплату транспортных расходов легко учесть и отнести в производственный баланс транспорта, как одной из отраслей *производства*. Точно так же все налоги на торговлю за вычетом того, что возвращается в производство через госбюджет, надо отнести в фонд непроизводительного потребления. Наоборот, гораздо труднее отделить производительный труд, употребляемый на продвижение товара до места его индивидуального потребления, и расходы на хранение и т. д. от ряда других расходов, связанных не с этим материальным трудом, а с тратами общества на данную *систему* распределения, включая сюда в первую голову непроизводительное потребление агентов частного торгового капитала, бесполезных агентов государственно-кооперативной сети, а также все педагогические расходы за прохождение науки «культурно торговать».

Очень важным методологическим вопросом является также общий вопрос о том, на основе каких индексов должна вестись вся калькуляция общественного производства и потребления. Совершенно очевидно, что нам придется употреблять двойную систему учета: учет по довоенным ценам, представляющий форму натурального учета, и учет в реальных оптовых и розничных ценах в червонном рубле, представляющий форму ценностного измерения.

На этом мы кончаем пока с общим исследованием условий равновесия между государственным и частными секторами хозяйства. Мы оставляем пока в стороне вопрос о том, как влияют на условия

¹ В числе других понятий Марксовой политической экономии и понятие производительного труда, как труда, создающего прибавочную ценность, должно быть заменено другим определением, поскольку дело идет о нашей экономике. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, лишь заметим, что под производительным трудом в *общественном* хозяйстве СССР мы подразумеваем общественный труд рабочих и мелких самостоятельных производителей, создающий средства производства и предметы потребления для всего советского общества.

² Между прочим. Выведение общего баланса на методологически правильной основе является одним из важнейших способов проверки всех данных нашей промышленной и общей статистики.

равновесия, в частности, на темп расширенного воспроизводства в госсекторе, количественные изменения в распределении тяжести непроизводительного потребления общества между сектором обобществленного хозяйства и всем частным хозяйством.

Пятое условие равновесия

Пятым условием равновесия всей хозяйственной системы СССР является систематический рост заработной платы. Мы говорим здесь не о естественном росте всего фонда в госсекторе, вследствие роста количества занятых в работе, а о росте этого фонда одновременно, также вследствие роста средней заработной платы отдельного рабочего. Социальная структура нашего государственного хозяйства такова, что при систематическом повышении уровня производительных сил в нем, цена рабочей силы должна систематически отходить от ценности рабочей силы, а тем самым должно постепенно ликвидироваться само понятие рабочей силы, как товара. Рост заработной платы неизбежен также вследствие самого факта индустриализации страны, потому что изменение технической базы всего государственного хозяйства, рост рационализации труда в нем и т. д. неизбежно требуют роста квалификации работников. Коллективный характер собственности на средства производства в государственном хозяйстве неизбежно требует повышения культурного уровня пролетариата, требует создания элементов новой социалистической культуры. При отставании роста социалистической культуры от развития производительных сил коллективного сектора хозяйства, отставание само может превратиться в тормоз дальнейшего развития производительных сил. Каждая система общественного производства, по мере своего развития, вырабатывает свойственную ее структуре дисциплину труда, свойственные ей стимулы к труду, адекватный ей средний тип работника. Социалистическая промышленность также должна вырабатывать свой тип работника, свои стимулы к труду. Этот тип может сложиться лишь при достаточно высоком общем материальном уровне жизни рабочего класса, уровне, значительно более высоком в сравнении с тем, что способен обеспечить рабочий капитализм в условиях той же техники.

Огромные непроизводительные расходы государственного и кооперативного торгово-промышленного аппарата, еще не выработавшего

¹ Необходимо ясно понять, что крестьянский протест против роста заработной платы, против улучшения охраны труда и улучшения всего быта рабочих является глубоко реакционным не только с социально-классовой, но и с узко-экономической точки зрения. Социализм знает только один вид выравнивания материальных условий города и деревни, и состоит это выравнивание, если не говорить о временном улучшении в положении мелких производителей, в ликвидации самих основ индивидуального мелкого производства. Высоко развитое коллективное хозяйство в земледелии способно обеспечить своим работникам не меньшее материальное благосостояние, чем социалистическая промышленность города. Преодоление противоречия между городом и деревней, составляющее одну из исторических задач социализма, не может заключаться в превращении городского рабочего в некое подобие кузнеца на деревне, играющего подсобную роль для мелкого хозяйства.

даже зачатков методов работы, свойственных коллективному способу производства, связаны не только с общим низким уровнем развития производительных сил в государственном секторе, но и с *зачаточным уровнем социалистической культуры самого рабочего класса*. Культура всех органов общества равняется всегда по господствующему классу. Поднять культуру советского общества значит прежде всего и больше всего поднять культуру рабочего класса. Непрерывный подъем материального уровня жизни пролетариата необходим не только по социальным, но и по экономическим причинам.

Кроме того, не следует забывать еще и того установленного выше факта, что, при невозможности для страны широкого импорта средств потребления фабричного производства для крестьянства, производящего средства потребления, увеличение внутреннего обмена средствами потребления между легкой государственной промышленностью и вторым подразделением мелко-буржуазного хозяйства ограничивается для последнего рамками той части «II» госсектора, которая идет на покупку крестьянских и вообще внутреннего обмена средствами потребления. Если даже учесть возможное увеличение этого размена в результате время от времени производимого добавочного импорта средств потребления заграничного производства, основным фондом обмена все же служит упомянутая нами часть «III» госсектора. Это значит, что при данных ценах увеличение фонда заработной платы рабочих легкой промышленности (а это увеличение может быть как от увеличения количества рабочих, так и от увеличения среднего уровня заработной платы рабочих легкой промышленности) *должно предшествовать* увеличению покрываемого крестьянского спроса на предметы потребления, производимые в легкой государственной промышленности. Ведущая роль госпромышленности выступает и на этом участке хозяйственного поля. На ряду с общим снижением цен рост заработной платы обнаруживается здесь в качестве фактора, который способствует уменьшению диспропорции обмена между сельским хозяйством и промышленностью, при чем мы имеем здесь уменьшение диспропорции не в отрицательной, а в социально и экономически положительной форме.

Шестое условие равновесия

Шестым условием динамического равновесия в экономике СССР является систематическое снижение цен на продукцию государственного хозяйства. Равновесие этого типа является одновременно и экономическим и социальным.

Остановимся сначала на экономической стороне этого равновесия.

Выше мы уже указывали на то, что одним из так называемых «узких мест» для развития государственной легкой промышленности является отчасти теперь, и еще больше явится в дальнейшем, отставание крестьянского производства технических культур от сырьевых запросов госпромышленности. Но увеличение производства технических культур требует прежде всего увеличения накопления в этой отрасли хозяйства. Для увеличения же накопления, при том же уровне индивидуаль-

ного потребления в этом подразделении, необходимо: 1) сокращение непроизводительного потребления вообще, следовательно, и в той части его, которая ложится на данное подразделение, 2) увеличение цен на продукцию технических культур; 3) уменьшение цен на предметы потребления, 4) уменьшение цен на те средства производства, которые первое подразделение крестьянского хозяйства получает из первого подразделения государственного сектора, 5) сокращение индивидуального потребления в самом первом подразделении крестьянского хозяйства, 6) увеличение труда при данных средствах производства. Часть этих возможностей является чисто теоретической. Сокращение индивидуального потребления в рассматриваемом подразделении невозможно или почти невозможно, так как оно и так стоит на достаточно низком уровне. Уменьшение цен на средства потребления крестьянского производства в целом также невозможно, потому что, соотносительно с ценами на промышленные изделия, они стоят гораздо ниже довоенных цен, которые также были достаточно низки. Дело может идти только о приближении продажных цен на хлеб в районах технических культур к заготовительным ценам производящих хлебайонов, т.-е., в сущности, об уменьшении непроизводительного потребления торговой сети, об удешевлении транспорта и об улучшении транспортных средств, прежде всего, шоссейных и проселочных дорог. Невозможно также систематическое повышение цен на технические культуры, кроме исправления тех или иных явно неправильных калькуляций заготавливающих органов, потому что такое увеличение цен было бы фактором увеличения цен и на продукцию легкой государственной промышленности. Остается, следовательно, повышение интенсивности¹ и производительности труда и урожайности почвы в крестьянском производстве технических культур, сокращение непроизводительного потребления во всей политическо-экономической системе СССР, удешевление средств производства, изготовляемых в первом подразделении госсектора, и удешевление средств потребления, изготовляемых в легкой государственной промышленности. В последнем случае дело должно идти не об искусственном снижении накопления в этих отраслях, а на основе снижения действительной себестоимости, благодаря переоборудованию технической базы и в следствии рационализации производства. В этом пункте интересы государственной промышленности совпадают с интересами крестьянского производства сырья, здесь снижение промышленных цен является стимулом расширенного воспроизводства в первом подразделении крестьянского хозяйства. А на базе увеличения накопления в этом подразделении крестьянского хозяйства легче будет достигнуть решающих успехов в деле улучшения обработки земли, в подеме

¹ Необходимо здесь подчеркнуть, что крестьянское земледелие в СССР даже при данных средствах производства могло бы значительно поднять валовую продукцию путем большей затраты физического труда, в частности, путем осуществления ряда несложных агрономических улучшений. Борьба с трудолюбивью в деревне и традиционной ленью есть одна из важнейших проблем индустриализации страны.

животноводства и в росте вообще производительности труда, что увеличит общую сумму годового производства технических культур¹.

Что касается крестьянского производства средств потребления, то здесь положение несколько иное вот в каком отношении. Внутренний рынок СССР не поглощает всех предметов потребления крестьянского хозяйства, их экспорт совершенно необходим для поддержания общего равновесия во всей системе. На получаемый от этого экспорта импортный фонд государства, по условиям воспроизводства в государственной промышленности, о которых была речь выше, не может быть обращен в сколько-нибудь значительном размере на ввоз крестьянских средств потребления и лишь отчасти может быть использован на ввоз сельскохозяйственных средств производства. Это противоречие, при невыгодных коэффициентах обмена крестьянской продукции на продукцию госпромышленности и при чисто материальном недостатке этой последней, действует задерживающим образом на весь процесс расширенного производства крестьянских средств потребления, уменьшает хозяйственную эффективность накопления и покупательную способность той части потребительского фонда, которая идет в размен с упомянутой выше частью в легкой промышленности. Все это задерживает развитие товарности крестьянского производства средств потребления, усиливает непроизводительное потребление самих крестьянских масс и задерживает рост экспортного фонда. Между тем, даже в условиях достижения довоенного уровня производства сельского хозяйства и при приближении размеров обмена сельскохозяйственной продукции средств потребления к таковым в довоенной России, уменьшение непроизводительного потребления буржуазии, ликвидация дворянского землевладения и ликвидация внешних долгов создают предпосылку очень значительного роста прибавочного продукта сельского хозяйства, способного поступить в фонд расширенного производства. Выход из частичного тупика и диспропорции заключается и здесь в более быстром переоборудовании промышленности, в уменьшении себестоимости производства, в систематическом снижении цен и, наконец, в повышении производительности труда в самом крестьянском хозяйстве. Крестьянское подразделение средств потребления за каждые 100 единиц своей продукции, идущей на размен с частью в I госсектора и возмещающей средства производства этого подразделения, получит больше этих средств производства в их натуральном выражении. С другой стороны, и каждые 100 единиц потребительского фонда позволят получить больше средств потребления при обмене на часть в II госсектора.

Но систематическое снижение промышленных цен важно не только с точки зрения поддержания экономического, но и *социального равновесия всей советской системы*. Резкий разрыв между внутренними

¹ Вот почему абсолютно правильной является политика Советского государства, продающего сельскохозяйственные машины по искусственно сниженным ценам. В дальнейшем это должно превратиться в систему: средства производства всегда должны продаваться дешевле (при одинаковой себестоимости), средства потребления дороже.

промышленными ценами и ценами мирового рынка, т.-е. режим далеко идущего неэквивалентного обмена, является режимом исключительным и по самой сути дела временным. Он соответствует детскому периоду развития государственного хозяйства в отсталой крестьянской стране. Его историческое назначение состоит в том, чтобы дать государственности необходимые экономические ресурсы для смены ее технического базиса, дать ей возможность накапливать не на основе старой изношенной, а на основе современной усовершенствованной техники. Только после завершения этого процесса государственное хозяйство в состоянии развить, как мы уже неоднократно повторяли, все преимущества, которые обеспечивает коллективное производство над капиталистическим. В этот период крестьянское хозяйство, однако, тоже должно развиваться. Ему не важно, какую стадию своего развития проходит социалистическое воспроизводство; ему нужен более дешевый промышленный товар, в необходимом количестве и соответствующего качества. Это экономическое противоречие переходит в социальное, в рост крестьянского недовольства монополией внешней торговли, в стремление ликвидировать принудительное прикрепление крестьянского рынка к советской промышленности, стремление пробиться к ценностным отношениям мирового рынка, без уплаты многомиллиардного налога в фонд первоначального социалистического накопления. Вот это - то социальное противоречие представляет из себя кнут, подстегивающий государственное хозяйство к приближению внутренних промышленных цен государственного хозяйства к ценам мирового рынка. Быстрые успехи на этом пути, сопровождаемые ростом государственного кредита, организующего хозяйство середняков и особенно бедноты и дающего им добавочные средства производства, будут ослаблять это социальное противоречие. Задержка на этом пути будет его увеличивать, угрожая поставить на дыбы против социалистического сектора прежде всего наиболее развитые в капиталистическом отношении элементы крестьянской экономики и соответствующие группы крестьянского населения, как наиболее стесненные в своем развитии по буржуазному пути процессом расширенного социалистического воспроизводства¹.

Седьмое условие равновесия.

Наконец, седьмым условием равновесия советской системы является постепенное поглощение разворачивающимся государственным хозяйством и интенсифицирующимся земледелием избыточного населения страны, поглощение как явной, так и скрытой безработицы, унаследованной советской системой в основном от аграрных отношений

¹ Здесь мы подошли к капитальнейшему вопросу о соотношении между социалистическим развитием города и капиталистическим развитием деревни. Советская система в теперешний трудный период может существовать лишь на основе пропорциональности темпа между тем и другим. Более быстрый темп социалистического развития позволит вынести большую дозу и капиталистического развития без большой опасности для всей системы.

старого режима. В этом пункте положение является наиболее тяжелым, наиболее противоречивым. Улучшение техники государственного хозяйства и рационализация труда, как естественные предпосылки снижения себестоимости и отпускных цен, означают по сути дела уменьшение затрат рабочей силы на единицу продукта. Эти затраты даже в наиболее хорошо оборудованных советских предприятиях значительно выше, чем в передовой европейской промышленности, не говоря уже об Америке. Весь процесс рационализации труда только в том случае не приведет к застою в деле расширения кадров занятой в госпромышленности рабочей силы, если будет перекрываться достаточно быстрым абсолютным расширением промышленного базиса страны. А это быстрое расширение предполагает значительно более быстрое накопление промышленности, чем это мы имеем теперь (в 1927 г.). Тот факт, что советское хозяйство разворачивается теперь в ширь не на уровне передовой капиталистической техники, а лишь догоняя этот уровень, неизбежно должен иметь своим результатом относительное ослабление темпа роста рабочей силы, относительное замедление темпа поглощения армии безработных. В истории советского хозяйства до некоторой степени аналогичный процесс наблюдался при переходе на нэп, когда более рациональное использование рабочей силы и средств производства в 1921-22 г., наряду с резким подъемом общего уровня продукции в сравнении с 1920 г., привело к сокращению рабочей силы на государственных предприятиях сравнительно с последним годом военного коммунизма. Согласно пятилетнему плану развития хозяйства СССР, выработанному Госпланом, в 1930/31 хозяйственном году, т.-е. в конце пятилетки, общая продукция государственной промышленности должна возрасти на 70,4%, тогда как количество занятой рабочей силы увеличится за это время только на 27,9%, или на 2.053 тыс. человек. Что касается размеров безработицы, связанной с отходом из деревни в город и увеличением рабочей силы в самом городе, то возможный размер ее определяется пятилетним планом в 1926/27 году 1.189 тыс. человек, с постепенным, медленным, почти незаметным уменьшением до 1.146 тыс. в конце пятилетки. Между тем в 1927 году, в первую половину, безработица уже на несколько сот тысяч превысила намеченную Госпланом цифру. А это доказывает, что вообще сами по себе весьма пессимистические расчеты Госплана оказываются на деле слишком оптимистическими. И с точки зрения соотношения рабочих сил, занятых в обобщественном секторе, в сравнении с капиталистическим и мелкобуржуазным успехи ожидаются весьма небольшие: удельный вес обобщественного сектора повышается всего с 11,2% до 12,6%, т.-е. всего на 1,4%. Еще более тяжелым оказывается положение с аграрным перенаселением, цифру которого работа Госплана определяет в 6,8 млн. человек². Эта цифра, по расчетам Госплана, в лучшем случае не уменьшится. Больше же данных за то, что она

¹ См. «Перспективы», стр. 2 и 21 приложения.

² Данные Наркомзема.

увеличится, а тем самым повысит значительно и цифру городской безработицы.

С другой стороны, интенсификация земледелия, *возможности которой прямо пропорциональны отсталости нашего сельского хозяйства в сравнении с заграничным крестьянским хозяйством*, будет означать, с одной стороны, поглощение новых рабочих сил земледелием, а с другой стороны, повышение производительности труда в сельском хозяйстве, т.-е. относительное сокращение затраты рабочей силы на единицу вырабатываемого продукта. Но интенсификация в земледелии требует увеличения накопления в земледелии. А в то же время, если бы это накопление происходило за счет той части фонда прибавочного продукта, которую деревня дает городу на дело социалистической реконструкции, это привело бы к замедлению темпа расширенного воспроизводства в госпромышленности, т.-е. как раз на таком участке, который является решающим в смысле преодоления в будущем всех основных противоречий переходного периода.

Нам достаточно было только наметить в самых общих чертах основы динамического равновесия хозяйственной системы СССР, чтобы видеть всю сумму экономических и социальных противоречий, которые неизбежно обнажает наше развитие к социализму в условиях нашей изолированности.

Накопление на базе неэквивалентного обмена—и необходимость ликвидации этой неэквивалентности, с несовпадением во времени этих процессов.

Накопление за счет прибавочного продукта рабочих—и неизбежность систематического роста заработной платы.

Необходимость, в интересах сокращения «мук родов индустриализации», максимально растущей связи с мировым разделением труда и увеличение внешних кредитов, — и растущая враждебность к СССР всего капиталистического мира.

Накопление за счет производящего промышленное сырье крестьянства на ряду со всем крестьянством вообще—и необходимость максимально стимулировать расширенное воспроизводство этого сырья.

Накопление за счет крестьянского экспорта предметов потребления—и необходимость стимулировать этот экспорт в условиях крайне медленного снижения промышленных цен.

Экономическая необходимость роста товарности крестьянского хозяйства—и социальная необходимость материальной поддержки наименее товарной его части—хозяйства бедняцких и маломощных групп деревни.

Необходимость снижения цен на базе рационализации производства и борьба с растущей безработицей.

Вся сумма этих противоречий показывает, как тесно связывается наше развитие к социализму с необходимостью пробить брешь в нашем социалистическом одиночестве не только по политическим, но и по экономическим причинам, и опереться в дальнейшем на материальные ресурсы других социалистических стран.

Мы закончим наш общий очерк условий равновесия в хозяйстве СССР. Этот очерк является далеко не полным, даже в чисто теоретической части. Он несомненно должен иметь и ряд недостатков, как всякий первый опыт такого рода. Но уже на основании всего изложенного мы имеем возможность подойти к изучению конкретных цифр нашей экономики за отдельные годы. В дальнейшем наша задача будет состоять в том, чтобы на основе набросанной здесь алгебраической схемы воспроизводства в СССР построить конкретные арифметические схемы воспроизводства на основании цифровых материалов, которые дает наша статистика и, прежде всего, контрольные цифры Госплана. Центр тяжести этого конкретного исследования мы переносим на 1925/26 и на 1926/27 хозяйственные годы, как наиболее характерные годы для конца восстановительного периода и начала так называемого реконструктивного процесса. При этом конкретном исследовании нам придется затронуть и некоторые теоретические вопросы, которые, в интересах сокращения чисто методологической части исследования, мы предпочитаем лучше осветить на цифровом материале живой советской экономики сегодняшнего дня.

Е. Преображенский

(Окончание следует).

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В СИСТЕМЕ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ¹

I. Общие замечания²

Развитие монополистического капитализма в России происходило параллельно с усиленным притоком иностранного капитала в русскую промышленность, акционерные банки, транспорт и торговлю. Вступление России в фазу монополистического развития (период промышленного подъема 1895—99 гг.) и расцвет финансового капитализма (промышленный подъем 1910—13 гг.) характеризуются особенно мощным притоком иностранного капитала. Естественен поэтому вопрос о роли иностранного капитала в создании и развитии финансово-капиталистических отношений в России, т.-е. в деле монополи-

¹ Печатается в порядке обсуждения.

² См. нашу статью в журнале «Историк-марксист», т. 4. Через 3—4 месяца после сдачи статьи в печать и одновременно с выходом ее в свет вышла «объемистая» работа М. Гольмана «Русский империализм», в которой автор посвящает много страниц доказательству того, что вступление России в фазу империализма следует датировать периодом 1901—12 гг. В примечании к вышеуказанной статье (стр. 31, примеч. 2) мы уже указывали на неправильность и противоречивость этого утверждения Гольмана (в его брошюре «Монополистический капитализм и строительство социализма в СССР»). В работе «Русский империализм» Гольман, для доказательства своей точки зрения, приводит следующие аргументы:

1. К началу 1900 г. монополии не могли еще стать «господствующей структурой» русской промышленности, так как размеры концентрации и централизации якобы не были еще такими, чтобы на основе их могла возникнуть монополия; в 1900 г. заводов с выплавкой в 10 млн. п. чугуна и выше было всего 3 с производительностью в 30 млн. п., что составляло около 18% национальной продукции и 35% южной. Зато тот факт, что в 1908 г. таких заводов было 7 с выплавкой чугуна в 73 млн. п., т.-е. 41,5% общероссийской и 60,7% районной (цифры оставляем на совести тов. Гольмана), дает тов. Гольману полное основания «говорить о фактически сложившихся уже формах монополистического капитализма в тяжелой индустрии» (стр. 131).

Нелепость этого аргумента настолько очевидна, что нет даже необходимости оспаривать его. В самом деле, почему критерием зрелости для монополии т. Гольман избрал продукцию в 10 млн. п. чугуна? Разве предприятия, напр., с 5 9(9) так мелки по своим размерам, что не могут быть объединены в монополию? Ведь в монополию могут войти и входили предприятия с продукцией даже гораздо меньшей, чем 5 млн. п. чугуна. А предприятия с продукцией свыше 5 млн. п. играли уже в 1900 г. решающую роль в железодельной

стического перерождения ведущих отраслей народного хозяйства, в первую голову промышленности и банков.

Прежде всего рассмотрим, как ставят другие исследователи вопрос о роли иностранного капитала в системе монополистического капитализма. Почти все они решают вопрос в плоскости *подчинения* ему финансово-капиталистического сектора дореволюционной русской экономики.

Впервые за последние годы эта точка зрения была выдвинута Ваногом, придававшим в деле подчинения русской промышленности иностранному капиталу особенное значение русским банкам. Последние, по мнению Ваного, были орудием подчинения ее международному банковому капиталу.

Следующий шаг в развитии теории подчинения сделал т. Л. Крицман. В предисловии к книге Ронина «Иностранный капитал и русские банки» Крицман пишет:

«*Система* русского финансового капитала не существовало. В настоящей первой части своей работы т. С. Ронин на основании подробного анализа русских банков показывает, что русские банковские монополии являлись монополиями *иностранного* капитала. Банковских *монополий* туземного (русского) капитала не существовало.

Во второй части этой работы, подготовляемой к печати, он показывает, что и монополии промышленного капитала также являлись в основной своей части монополиями иностранного капитала.

Срачивание монополий банковского и монополий промышленного капитала было в России в основном срачиванием иностранного капитала с иностранным, т.-е. происходило не создание системы *русского* финансового капитала, а *расширение сферы эксплоатации иностранного финансового капитала*» (предисловие, стр. IV).

«В итоге—вместо системы русского финансового капитала мы имели на территории России части *трех* могущественных систем финансового капитализма—французской, германской и английской (из которых две, французская и английская, стали, как известно,

промышленности. Решающая роль крупных предприятий и срачивание их с банками-монополистами в 90-х годах сделали возможным образование с помощью этих банков синдиката «Продамета» в 1902 г.

2. Другим аргументом является совершенно голословное и ошибочное утверждение о том, что «к концу 90-х годов банковская система, выросшая преимущественно на основе туземного накопления, еще не вступила в монополистическую стадию своего развития» (стр. 270). «Мы,—говорит Гольман,—не имеем никаких данных для того, чтобы признать и за банками к этому времени (к 1900 г.) руководящую роль по отношению к промышленности» (стр. 131—32). Нам думается, что если у т. Гольмана не имелось никаких данных для этого, то ему следовало поискать их. В цитированной статье мы привели их в достаточном количестве. Вместо этого Гольман пошел по уже проторенной Ваногом дорожке и впал вследствие этого в большие ошибки в дальнейшем. Продуктом фантазии является также утверждение Гольмана о якобы только краткосрочном характере кредитных операций иностранных банков с русской промышленностью, почему Гольман отрицает и срачивание иностранного банковского капитала с русским промышленным в 90-х г. (стр. 133). Наоборот, это срачивание достигло значительных размеров к 1900 г.

ко времени войны частями мощной коалиции «согласия»)» (предисловие, стр. V. Курсив везде наш).

В работе Гольмана «Русский империализм» мы имеем, в основном, развитие и попытку цифрового обоснования мыслей, высказанных Крицманом. Гольман пытается доказать, что русский «дочерний» империализм в качестве более слабого звена был включен в цепь мирового—главным образом англо-французского—империализма¹ и что эмансипация его, несмотря на уровень туземного накопления, достаточный для развития на собственной основе, разбивалась о монополизацию русской банковской системы иностранным капиталом.

Предположение о достаточности для развития внутреннего накопления на собственной «национальной» основе сочетается у Гольмана с утверждением о «денационализации» в смысле повышения удельного веса иностранного капитала в промышленности и банках. Здесь явное противоречие.

Казалось бы, что если с определенного момента внутренние ресурсы достаточны для развития на национальной основе, то доля акционерного и облигационного иностранных капиталов в России должна была бы уменьшаться или по крайней мере оставаться неизменной.

Иначе было бы только тогда, если бы туземное накопление в непропорционально больших размерах шло в государственные займы, чего на самом деле не было. По Гольману же с начала предвоенного промышленного подъема, когда, по его мнению, в размерах туземного накопления произошел перелом, «скачок», и до 1917 г. доля иностранного капитала продолжала повышаться.

Существенным дополнением к концепции Крицмана и Ронина является утверждение Гольмана о том, что иностранный капитал использовал свою командную роль в ведущих отраслях промышленности и банковской системе для превращения России в экономический придаток западно-европейских империалистических стран, в рынок сбыта для их товаров.

Теория превращения России в экономический придаток, в колонию представляет собою у Гольмана прямой вывод из теории, рассматривающей финансовый капитал в России, как составную, «дочернюю» часть английской и франко-бельгийской систем финансового капитала.

Такая оценка характера импорта иностранного капитала в Россию не нова.

Павлович также считал экспорт капитала в Россию яркой иллюстрацией такого экспорта, который приводит к превращению страны, в которую импортируют капитал, в колонию.

«Если мы возьмем,—говорит он,—для иллюстрации царскую Россию в качестве одной из важнейших областей, куда экспортировался

¹) Гольман, —гл. XXVII, стр. 398.

капитал из Англии, Франции, Бельгии и т. д., мы увидим, что до-октябрьская Россия была как бы колонией иностранного финансового капитала»¹.

Перед нами, таким образом, ряд проблем, выдвинутых различными авторами, но решавшихся ими приблизительно в одном и том же направлении.

Предлагаемая нами постановка вопроса, в своей основе отличается от изложенных. Чтобы выявить ее во всей полноте, мы остановимся на следующих четырех вопросах, которые, по нашему мнению, являются центральными:

1. Из каких составных частей складывалась система финансового капитала в России?

2. Какова была динамика этих составных частей?

3. Какие изменения претерпевало экономическое развитие России по линии связи с границей под влиянием ввоза в нее иностранного капитала в монополистический период ее развития?

4. Каково то внешнеполитическое выражение, которое система финансового капитала получила в России?

Правильный ответ на эти вопросы должен дать всестороннее понимание роли иностранного капитала в системе империализма в России, что и является задачей настоящей статьи.

II. Как международный банковый капитал „подчинил“ себе русскую банковую систему и промышленность

Сторонники теории «закрепощения» русской промышленности иностранным банковым капиталом выдвинули концепцию, которая должна служить главным козырем теории «подчинения». Эта концепция была впервые изложена т. Ваногом. В основном она сводится к следующему: «Начало развития русского монополистического капитализма,—пишет Ваног,—тесно связано с международным банковым капиталом, который, отнюдь не ограничиваясь этой первичной организацией (Ваног говорит о реорганизациях русских промышленных предприятий в годы, предшествовавшие промышленному подъему, 1910—13 гг., которые якобы были первичной формой фин.-капиталистического сращивания иностранных банков с русской промышленностью), стал углублять свои связи с русской индустрией и к кануну войны фактически монополизировал почти всю систему русского промышленного капитала, по крайней мере ее командные высоты. Только монополизация русской промышленности международным банковым капиталом совершалась в утонченной форме, скрывавшей от постороннего наблюдателя существо происходившего процесса: *международный банковый капитал подчинил себе русскую про-*

¹ Павлович—«Империализм», стр. 85, изд. 1925 г.

мышленность через русские акционерные коммерческие банки, своей вывеской скрывавшие существо происходившего¹.

Простота и «портативность» этой схемы обеспечили ей небывалый успех.

В самом деле, все так просто, как в священном писании: международный банковый капитал «подчинил» русские банки, последние «подчинили» русскую промышленность, ergo — международный банковый капитал «монополизировал» русскую промышленность.

Главным образом благодаря этой схеме общепринятым стало считать дореволюционную Россию чем-то вроде колонии западноевропейского финансового капитала, а русский империализм — «дочерней», составной частью империализма англо-французского.

На деле все далеко не так просто, как это рисуется Ванагу и Гольману и иже с ними. Иностранный капитал, втягивая русскую промышленность в орбиту своего влияния, шел гораздо более сложными и извилистыми путями. Международный банковый капитал не подчинял командных высот русской промышленности через подчинение себе русских банков после революции 1905—06 г. по двум причинам:

во-первых, потому, что задолго до того времени, к которому Ванаг относит «подчинение» их через русские банки, а именно в конце 90-х годов иностранному капиталу (находившемуся по преимуществу в орбите влияния крупных банков) принадлежали большая часть акционерного капитала важнейших отраслей производства средств производства и значительная часть капитала в других отраслях, что создавало более действительную возможность для подчинения их интересам зап.-европейского финансового капитала, чем подчинение русских банков;

во-вторых, потому что рост заинтересованности иностранных банков в русских ошибочно отождествлять с подчинением сращивавшейся с ними русской промышленности иностранному капиталу.

Нижеследующая таблица служит ярким доказательством первого положения (см. табл. на стр. 77).

Уже в результате притока иностранного капитала, происходившего в период промышленного подъема 90-х годов, в руках иностранного капитала сосредоточилось 87,7% акций горнопромышленных предприятий, 48,8% акций предприятий по обработке металлов и машиностроению, 52,9% акций предприятий по обработке минеральных веществ и 43,8% по механической обработке дерева.

Командные высоты русской промышленности находились под контролем иностранного, притом *банкового*² капитала уже к концу 90-х годов прошлого столетия.

Спрашивается, зачем же тогда нужно было иностранному банковому капиталу придумывать такой окольный путь и, прибавим от себя,

¹ Ванаг. «Финансовый капитал в России накануне войны», изд. 1925 г., стр. 25 (курсив наш).

² См. цит. статью в т. IV журнала «Историк-марксист».

Г р у п п а	1890 г.				1900 г.		
	Весь акционер. кап. (в млн. р.)	Иностранная доля (в млн. р.)	Удельн. вес иностр. акц. кап. (в %)	Весь акционер. кап. (в млн. р.)	Иностранная доля (в млн. р.)	Удельн. вес иностр. акц. кап. (в %)	
Коммерческие банки	110,0	30,0	27,2	193,0	56,5	29,2	
Страховые предприятия	25,4	5,7	22,4	29,9	6,2	20,7	
Транспортные	36,8	1,5	1,0	13,3	5,4	40,6	
Городские, складочные и строительные	51,5	34,4	66,7	109,8	52,1	48,3	
Горнопромышленные	85,8	55,7	64,9	392,2	343,8	87,7	
Обработка металлов и маш. строение	27,8	13,9	50,0	257,3	125,6	48,8	
Текстильные	197,6	26,0	13,1	373,7	71,4	19,1	
Бумажно-полиграф.	11,4	1,1	9,6	31,8	6,1	19,1	
Механическая обработка дерева	3,3	0,2	6,0	17,8	7,8	43,8	
Обработка минеральн. веществ	6,7	0,2	3,0	59,1	31,3	52,9	
Обработка животных прод.	7,4	3,1	41,9	16,5	5,9	35,7	
Обработка вкус. и пит. веш. (с.-х.)	87,6	7,5	8,5	158,3	11,4	7,2	
Химические	15,6	6,4	41,0	93,9	32,6	34,7	
Торговые и комисс.	25,3	0,5	2,0	76,6	13,8	18,0	
Смешанные	23,4	—	—	92,0	—	—	
Итого	715,6	186,2	26,0	1.965,2	761,9	38,8	

такой *малодействительный* способ подчинения себе русской промышленности, как подчинение нескольких руководящих банков? Дело объясняется очень просто: ничего подобного описанному Ванагом не было. Схема тов. Ванага, сводящая все развитие финансового капитала в России к процессу «денационализации» командных отраслей промышленности путем внедрения иностранного капитала в русские банки, является досужим вымыслом человека, брезгающего «узко экономическим» анализом и предпочитающего черпать основания для своих схем в «трансцендентальных» глубинах своего сознания.

Отношения русских и «заинтересованных» в них иностранных банков складывались совсем иначе, чем это рисуется тт. Ванагу, Крицману (русские банковые монополии являлись монополиями иностранного капитала), Ронину и другим, базирующимся в своих выводах по существу лишь на данных о размерах иностранной доли в акционерном капитале русских банков.

Русские банки отнюдь не служили, да и не могли служить средством подчинения русской промышленности иностранному банковому капиталу, ибо последний не стремился к этому.

Мотивы, заставившие иностранные банки участвовать в реализации дополнительных выпусков акций русских банков (а это было преобладающей формой внедрения в них иностранного капитала), носили гораздо более «скромный» характер и сводились, в основном, к срыву учредительской и эмиссионной прибыли с возможно большего числа объектов и в возможно больших размерах.

Эмиссионный барыш прежде всего можно было получить на перепродаже акций русских банков на иностранных биржах.

Акции русских банков представляли собой выгодное помещение для иностранных рантье, в виду большой устойчивости (с явно выраженной тенденцией к повышению) их дивидендов и курсов¹.

Сбыт акций крупных русских банков на иностранных биржах не представлял никаких трудностей и обеспечивал иностранным банкам значительную эмиссионную прибыль. Особенно значительна была она, когда перенятие иностранным банком дополнительного выпуска акций русского банка сопровождалось введением их в котировку на одной из важнейших европейских бирж.

¹ Почти для всех крупнейших банков с участием иностранного капитала курсы акций в годы 1909—11 (характеризующиеся сильным притоком иностранного капитала) отмечены резким повышением. Незначительное снижение средних курсов по акциям некоторых банков объясняется повышением учетного процента, вследствие войны на Ближнем Востоке. Дивиденды же в годы 1912 и 1913 повысились особенно значительно.

1) Движение дивидендов крупнейших русских банков за 1907—13 гг.

Название банка	1907	1908	1 09	1910	1911	1912	1913
Азовско-донской	40	40	35	35	36	37,5	40,0
Русско-азиатский	—	—	—	15	16,37	18,75	18,75
Русский для вн. торг.	25	25	25	25	25	25	28,5
Сибирский торговый	40	40	40	37,5	37,5	37,5	40,0
Русский торг.-пром.	24	22,5	22,5	22,5	22,5	22,5	24,0
СПБ. международный	25	25	25	32,5	32,5	34,0	35,0
СПБ. учетный	27	27	29	30	30	30	32,0
СПБ. частный	—	—	—	8	13	18,75	18,75
Соединенный	—	—	14	16	18	19	19,0
Рижский коммерческий	12,5	15	16,25	17,55	17,55	18,75	20,00

Движение курсов (средние за год).

Название банка	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Азовско-донской	515,1	540,3	565,3	591,5	591,5	601,1
Русско-азиатский	—	—	298,2	282,5	293,6	288,8
Русский для вн. торг.	328,6	369,7	415,8	407,5	395,1	385,9
Русский торг.-пром.	285,1	300,7	365,4	359,5	356,6	342,9
Сибирский торговый	495,7	542,8	597,0	711,9	619,5	577
СПБ. международный	337,6	382,5	487,0	536,9	527,0	506,9
СПБ. учетный	382,2	419,2	509,6	519,9	519,3	476,7
СПБ. частный	140,5	76,6	63,6	262,5	276,5	262,2
Соединенный	—	—	221,7	295,3	287,8	283,9
Рижский коммерческий	194,2	231,9	288,8	221,4	269,7	259,1

Другим еще более важным мотивом, толкавшим иностранные банки на участие в акционерном капитале русских банков, было стремление обеспечить себе соучастие в финансировании русскими банками промышленных предприятий в России.

Для иностранных банков участие в синдикате по выпуску русских акций являлось чрезвычайно выгодным, благодаря тому, что уровень процента в Западной Европе почти всегда стоял значительно ниже, чем в России.

Помимо этого, заграничные денежные рынки были, особенно в годы, предшествовавшие промышленному подъему 1909—13 гг., гораздо более емкими, что обеспечивало большую устойчивость курса акций, чем тогда, когда они котировались только на петербургской бирже¹).

Поэтому уже один слух о предстоящем введении русских акций на иностранные биржи должен был вызвать повышение курса.

«Тот, кто внимательно следил за ежедневной жизнью петербургской биржи в последние годы,—писали «Русские биржевые ценности» в 1915 г.,— знает, каким магическим словом для биржевых деятелей является „Париж“. Стоит лишь распространиться слуху, что такую-то и такую-то бумагу предполагается, хотя бы и в отдаленном будущем, ввести в котировку на парижской бирже, как курс ее немедленно и сильно поднимается».

Иностранные банки начали в широких размерах прибегать к посредничеству существовавших тогда русских банков лишь с 1907—1908 гг., когда возобновился приток иностранных капиталов в Россию, сильно уменьшившийся после кризиса 1899 г. Объясняется это тем, что русские банки, имевшие огромные связи на почве собственного финансирования и кредитования промышленности и обладавшие огромным деловым опытом, лучше всего могли осуществлять функцию выгодного помещения капиталов. Опыт притока иностранных капиталов в период промышленного подъема 90-х годов показал неудовлетворительность самостоятельного выступления иностранных банков в качестве инвесторов².

¹ «Париж—более емкий рынок для русских бумаг. Введение акций на парижскую биржу является желательным в виду неустойчивости петербургской биржи, где иногда предложение небольшого количества акций по пониженной цене вызывает затяжное понижение акций без всякой видимой причины» (Б. В., 24/1, 1907 г.).

² Вот что писал орган Совета съездов пром. и торг. перед началом предвоенного промышленного подъема: «Иностранцы выработали методы помещения своих капиталов в экзотических и второстепенных странах, основывая там свои банки, представительства и т. п. и при помощи их осуществляя необходимый надзор над помещенными капиталами. Но в России, стране сложных экономических отношений и громадных размеров, этот метод не приемлем. В этом смысле у нас уже имеется печальный опыт из эпохи притока иностранных капиталов в период 1893—98 гг., когда приезжали к нам, вместе с иностранными деньгами, иностранные распорядители. Сейчас перед русскими банками стоит задача объединения и выработки методов планомерной политики привлечения иностранных капиталов при самом близком участии их и надзоре в их размещении» (Пром. и торг. от 1/XI 1909 г., стр. 472).

Иностранные банки, не желавшие повторять печальный опыт 90-х годов, хотели иметь гарантию того, что капиталы, помещаемые ими или при их посредстве, будут приносить «приличный» доход и что они соответственно этому будут получать учредительскую прибыль. Заинтересованность русских крупных банков была такой гарантией¹.

Но крупные русские банки, не будучи связаны ничем, могли бы выбирать соучастников в своих финансовых операциях и намечать размеры их соучастия исключительно по своему усмотрению.

Чтобы этого не случилось, чтобы обеспечить себе постоянную возможность софинансирования русских промышленных предприятий, а не дожидаться того, пока тот или иной русский банк обратится к ним с просьбой об этом, иностранные банковские группы стали при первых признаках наступающего промышленного подъема интенсивно стремиться обеспечить себе влияние в русских банках. С этой целью, например, французские банковские группы в начале промышленного подъема 1909—13 гг. приняли участие в реорганизации СПб частного коммерческого банка.

Еще до того они обеспечили себе значительное участие в образовавшемся от слияния группы поляковских банков (Московский международный торговый, Южно-русский промышленный и Орловский коммерческий) Соединенном банке, а также осуществили создание мощного кредитного института путем слияния Северного и Русско-китайского банка, обеспечив себе в нем решающую долю участия.

Что преследовали французские банки, предпринимая реорганизацию СПб частного коммерческого банка, видно из следующего документа: «Синдикат, гарантировавший выпуск акций П. Ч. К. банка, производя эту операцию, имел в виду оказать содействие русскому кредитному учреждению для того, чтобы это последнее могло служить посредником между русскими предприятиями и европейским рынком, как организация, стоящая вполне в курсе торговопромышленных дел страны и достаточно компетентная для суждения о жизнеспособности тех дел, которые синдикат мог бы взять для финансирования. Ввиду этого, попутно с развитием всего указанного в уставе о чисто банковских операциях, правление считает необходимым направить все усилия к созданию надлежащей организации для того, чтобы с успехом выполнять свою роль посредника между иностранным капиталом и русской промышленностью» (Юбил. изд. (1864—1914) Петрогр. частн. ком. банка. Курсив наш).

¹ В записке, поданной в 1917 г. Советом съездов представителей акционерных коммерческих банков Временному правительству, отмечается, что «участие иностранного капитала в целом ряде случаев обусловливается соответственным участием русских крупных акционерных банков, хотя бы на небольшую сумму, в предприятии для установления реальной заинтересованности в деле русских банков, обладающих огромными деловыми связями и опытом. В этом отношении даже сравнительно скромное участие русского банка в финансировании промышленного предприятия являет собой иногда фактор, способствующий притоку иностранного капитала на нужды русской промышленности».

Что основная цель внедрения французских банков в русские заключалась в обеспечении себе возможности участия в финансовых операциях последних (успешность которых в смысле получения учредительской прибыли была гарантирована деловым опытом русских банков и их знанием страны), видно и из фактов относящихся к слиянию Русско-китайского и Северного банков в Русско-азиатский.

Вот что писала об этом «Торгово-промышленная газета» (1909 г., № 267): «В Париже был подписан предварительный договор о соединении Русско-китайского банка с Северным под наименованием Русско-азиатского банка. В виду того, что главным акционером Северного банка состоит Société Générale в Париже, а Русско-китайского банка — Парижско-нидерландский банк и оба эти финансовые учреждения пользуются крупными связями в парижском финансовом мире, то предполагается, что при посредстве вновь организуемого банка будет использована сила французского капитала для организации и финансирования в России солидных промышленных предприятий и вообще для содействия промышленности во всех ее отраслях». (Курсив наш).

То же видно и из договора Русско-французского банка с Credit Français, важнейшим пунктом которого является то, что «Русско-французский банк обязан предлагать Credit Français соучастие во всякого рода финансовых операциях на сумму не ниже 2 млн. руб., которые будут иметь прямое или косвенное отношение к французскому рынку»¹.

Что это так, не отрицает и тов. Ронин, который на стр. 140 приводит выдержку из «Биржевых известий» (1 марта 1913 г.) о том, что рост заинтересованности французского капитала в русском банковом деле стоял в связи с новым громадным притоком французского капитала в русскую промышленность в годы промышленного подъема 1909—13 гг.

Но из этого вовсе не следует ни¹ того, что утверждает Ронин, а именно, что «наши банки были фактически лишены самостоятельности» и что «вся деятельность последних, в частности их промышленная политика, в основном направлялась Парижем, который проявлял в этом отношении монополистические тенденции, еще более ярко выраженные, чем Берлин»², ни² того, что пытается доказать Ванга, а именно, что «международный банковый капитал подчинил себе русскую промышленность через русские акционерные коммерческие банки».

Наоборот, в свете только что приведенного, утверждение о несамостоятельности промышленной политики русских банков не выдерживает никакой критики. Промышленная политика банка строится прежде всего на основе всестороннего знакомства с экономическим положением страны. Это, однако, было как раз то, чего недоставало иностранным банкам и что лишало их возможности

¹ Цит. по Ронину, стр. 133—136, примечание.

² Ронин, стр. 133—136. (Курсив наш).

в широких размерах самостоятельно финансировать русскую промышленность¹.

Единственная директива иностранных банков, директива, против которой руководство русскими банками не могло само ни при каких обстоятельствах возражать, сводилась к требованиям возможно большего количества выгодных «дел» на возможно более крупные суммы, с наивозможно большей учредительской прибылью.

Методы достижения необходимого результата оставались всецело русским банкам.

Ванаг и другие исследователи представляют дело таким образом, что как будто даже основное направление работы большинства русских банков—сосредоточение центра тяжести их деятельности на финансировании промышленности и биржевой спекуляции—было продиктовано иностранными банками. В доказательство приводится тот факт, что Волжско-камский банк, единственный из Grossbanken, без всякого признака участия иностранного капитала почти не занимался финансированием промышленности.

Из этого делается вывод, что иностранные банки «развратили» русские, сбив их с английского пути развития банковского дела на германский. В действительности обстояло вовсе не так.

Не потому русские банки начали заниматься финансированием промышленности, что их «подчинил» международный банковый капитал, пожелавший подчинить себе русскую промышленность. Наоборот, иностранные, главным образом, французские банки начали с 1908—1909 гг. в широких размерах участвовать только в тех русских банках, которые еще со времени промышленного подъема 90-х годов имели опыт и тесные связи с промышленностью на почве ее финансирования. Это понятно, если учесть, что основная задача иностранных банков заключалась в том, чтобы связи и опыт, уже накопленные русскими банками в предшествовавшие годы, использовать для возобновления (но уже на более рациональных началах, чем в 90-х годах) экспорта капиталов в Россию.

Разделение русских банков на «депозитные» и «спекулятивные» приняло определенные формы уже в период промышленного подъема 90-х годов. Уже тогда ряд банков без всякого участия иностранного капитала занимался финансированием промышленности. Так, например, поляковская группа банков, в которой до 1908 года иностранный капитал совершенно не участвовал, как раз особенно и отличалась в 90-х годах своей бешеной грюндерской и эмиссионной деятельностью и имела на этой почве обширнейшие связи с промышленностью. Только

¹ Например, в цитированном уже договоре Credit Français и Русско-французского банка имеется специальный пункт о том, что «Русско-франц. банк выполняет поручения Credit Français, касающиеся его русских дел, и помогает ему своими связями и знанием страны» (Ронин, стр. 136). Если французские банки не в состоянии были без помощи русских банков справиться с управлением предприятиями в России, в которых они сами непосредственно были заинтересованы, то еще меньше можно говорить о том, что они могли руководить политикой русских банков в отношении всей остальной русской промышленности.

предыдущей деятельностью этой группы и объясняется то, почему Banque d'Union Parisienne мог создать из них мощный институт для финансирования промышленности—Соединенный банк.

Другие московские банки и Волжско-камский банк в 90-х годах финансированием промышленности не занимались. Поэтому-то в период предвоенного промышленного подъема иностранный банковый капитал не пытался проникнуть в эти банки, хотя для этого был не один благоприятный случай.

Дополнительные выпуски акций этих банков легко могли попасть в руки иностранцев, как это случилось с Сибирским банком, который под давлением Deutsche Bank (угроза создания нового крупного банка с целью развития производительных сил Сибири) вынужден был в 1907 году согласиться на дополнительный выпуск акций и передать его Deutsche Bank¹.

Но иностранные банки были не в состоянии руководить промышленной политикой русских банков не только вследствие отсутствия достаточного для этого знания страны и невозможности быстро и верно учитывать все изменения, происходящие в условиях промышленной и банковской деятельности в ней. В их руках в большинстве случаев не имелось и рычагов, необходимых для руководства, даже если бы первое условие было налицо.

Сплошная постанковка вопроса о подчинении ³/₄ русской банковской системы иностранному капиталу (Ванаг) и утверждение, «что наши банки были фактически лишены всякой самостоятельности» (Ронин), неправильны прежде всего потому, что не учитывают градаций, существовавших между различными русскими банками в их отношениях к иностранному капиталу.

Лишь в отношении Русско-азиатского и в гораздо меньшей степени СПБ частного и Соединенного и Русско-французского банков в руках иностранного капитала имелись рычаги, применяя которые, он мог бы заставить эти банки исполнять свою волю.

Что касается остальных крупных банков, то в руках их русских руководителей было достаточно ресурсов для того, чтобы защитить свою самостоятельность от наскоков иностранного капитала.

Одним из испытанных методов для этой защиты было лавирование между различными национальными группами иностранного капитала или даже между борющимися банками одной и той же национальной группы.

Ярким примером служит то, как русским воротилам Сибирского торгового банка, несмотря на стремление французских банковых групп овладеть им, удавалось сохранять в своих руках руководство банком, благодаря лавированию между французскими и немецкими банковыми группами, не приводившему к подчинению ни тем, ни другим.

Все попытки французских групп слить Сибирский банк сперва с Русско-китайским (1910), затем с Русско-азиатским, затем с СПБ частным и, наконец, с Соединенным наталкивались на отчаянное

¹ См. Agahd.—«Grossbanken und Weltmarkt», S. 73.

сопротивление руководящей русской группы Сибирского банка и терпела фиаско. Кампания за смену правления Сибирского банка, в частности за устранение из его состава председателя правления банка и его крупнейшего акционера (получившего свой пакет по наследству), М. А. Соловейчика, также не удалась. Охранить свою самостоятельность Сибирскому банку удалось не без помощи Deutsche Bank, который был в нем частично заинтересован и отнюдь не мог желать окончательного включения банка в сферу французского влияния, за которым могло последовать лишение Д. В. возможности дальнейшего соучастия в финансовых операциях Сибирского банка.

Уже один этот факт говорит против теории безоговорочного подчинения русских банков иностранным.

Тов. Ронин, рассказывая о неудачных попытках подчинения Сибирского банка французским банковым группам (стр. 117—119), в качестве основы для своего вывода о «подчинении» утешается аргументом, что «Сибирский банк, оставшись формально самостоятельным, фактически (магическое слово!) был включен в группу, в которой находится Частный банк» (стр. 118).

Действительно, Сибирский банк входил некоторое время в группу, включавшую, кроме него, Р.-аз., Частный, Т-пром. банки. Но, насколько это не означало подчинения французскому капиталу, свидетельствует то, что вскоре после создания этой группы Сибирский банк вышел из ее состава и вошел в группу во главе с Азовско-донским, и в составе СПБ торгового, Московского, Юнкер-банка и банк. дома бр. Джемгаровых.

Подобно Сибирскому Азовско-донской банк состоял одновременно в связи с французскими и германскими банками, что создавало ему независимое от обеих групп положение. Несмотря на то, что в правлении банка находились представители немецких и французских банковых групп, фактическое руководство делами банка принадлежало русскому капиталу, а персонально лицам, руководившим им еще в 90-х годов (Б. А. Каменка, А. И. Каменка, Дармалатов, Мсциховский и др.). Прочие банки этой группы представляли собой русские банкирские дома, преобразованные перед войной в акц. коммерч. банки, и были совершенно свободны от участия иностранного капитала за исключением СПБ торгового банка, в котором незначительное участие принимал Nationalbank für Deutschland.

Создание этой группы отчасти и диктовалось стремлением Азовско-донского и Сибирского банков мобилизовать под своим руководством силы русского банкового капитала, независимо от заграницы, чтобы этим усилить свои позиции в борьбе за свою независимость от иностранного капитала.

Сам тов. Ронин признает независимость Азовско-Донского банка от иностранного капитала.

«Тов. Ванаг,—пишет Ронин,—несомненно, сильно преувеличивает, указывая, что инструкции для Азовско-донского банка шли из Парижа. Неверно также утверждение того же автора, что слияние Киевского частного коммерческого банка с Азовско-донским произошло

«при помощи тех же французских банков». Фактически это дело совершилось *вопреки* намерениям французского капитала. Последний в лице Crédit Français и Русско-азиатского (патроны Русско-французского банка) усиленно, но безуспешно хлопотали о слиянии Киевского частного банка с Русско-французским¹. А между тем доля иностранного капитала в Азовско-Донском банке составляла, по вычислениям самого Ронина (стр. 74—85), около 45% во всем его акционерном капитале. Пример с Азовско-донским банком, равно как и с Сибирским (долю иностранного капитала в нем Ронин исчисляет в 60%, хотя и считает эту цифру преувеличенной), показывает, насколько неосновательно судить о влиянии иностранных банков по одним лишь размерам иностранного капитала в них.

Между тем вся аргументация, направленная на доказательство полной несамостоятельности крупнейших русских банков, по существу, сводится у Ронина к указанию на значительные размеры иностранного капитала в них. Целую главу IV (стр. 60—82) под названием «Как иностранный капитал овладел русской банковской системой. Цифры и факты» Ронин посвящает анализу размеров иностранного капитала в каждом из банков с иностранным участием. Далее тов. Ронин ставит вопрос: не было ли со стороны государства каких-нибудь противодействующих факторов, препятствовавших распространению иностранного капитала? Глава V дает на это отрицательный ответ. «Не подрывалось ли, наконец, влияние той и другой стороны конкуренцией между ними?»—спрашивает далее Ронин (стр. 82) и в ответе на это (на стр. 132) призывает не преувеличивать франко-германского сотрудничества в русском банковом деле, указывая, что под оболочкой сотрудничества шла глухая борьба, которая то и дело прорывалась наружу. Добавим лишь, что эта борьба была значительно более острой, чем представлено у Ронина, и заслуживала бы более подробного освещения, чем она получила у него. Но это воздержание Ронина понятно: борьба эта говорит против его точки зрения и за самостоятельность той группы русских банков, которая была одновременно связана с германским и французским капиталом.

Из положительных аргументов «подчинения» русских банков иностранным у тов. Ронина остаются только данные о размерах участия в них иностранного капитала. Чувствуя слабость своей позиции, тов. Ронин пытается вывернуться следующими словами: «Было бы вообще наивно думать, что влияние иностранного капитала на русскую банковую систему обуславливалось исключительно тем, что иностранные кредитные учреждения были самыми крупными акционерами многих русских банков. Последние неизбежно должны были прибегнуть к иностранному патронату хотя бы потому, что в противном случае они были бы лишены участия в наиболее крупных промышленных и железнодорожных эмиссиях, которые обычно проводились под руководством тех же заграничных банков. Не последнюю роль играли в этом отношении и те дешевые оборотные средства, которые

¹ Ронин, цит. соч., стр. 137. (Курсив наш)

наши банки временами обильно черпали за границей. По данным того же Левина, краткосрочные позаймствования русских банков за границей доходили в 1913 г. до 350 млн. руб. Вопрос о влиянии иностранного капитала на русские банки никак нельзя, следовательно, свести к арифметическим выкладкам о доле заграницы в акционерном капитале того или иного учреждения» (стр. 88).

Последнее как нельзя более верно, но в том-то и дело, что других аргументов, кроме этих самых арифметических выкладок, у тов. Ронина нет. Утверждение, что русские банки неизбежно должны были бы прибегнуть к иностранному патронату, хотя бы для того, чтобы не быть лишенными участия в наиболее крупных эмиссиях, не выдерживает никакой критики, так как ставит на голову действительные отношения. Дело обстояло вовсе не так, что получение русскими банками доли участия в крупных русских промышленных и железнодорожных эмиссиях обуславливалось их зависимостью от иностранных банков. Наоборот, начиная с 1908—09 гг., участие и даже руководящая роль иностранных банков в этих эмиссиях в огромном большинстве случаев были результатом участия их в русских банках, служивших главными каналами притока иностранного капитала в Россию, органами, предоставлявшими иностранным банкам главную массу эмиттировавшихся ими русских акций.

Несколько иначе обстояло дело с эмиссиями гарантированных правительством облигаций железнодорожных займов, предназначенных для реализации за границей. В этих случаях министерство финансов вступало в непосредственные переговоры с иностранными банками, обуславливая, однако, передачу эмиссии предоставлением известной доли и русским банкам. Таким образом, ни в одном, ни в другом случаях русским банкам незачем было становиться в зависимость от иностранных.

Немногого стоит и другой аргумент тов. Ронина о том, что русские банки вынуждены были становиться в зависимость от иностранных для того, чтобы иметь временами возможность черпать оборотные средства за границей.

Вероятность возникновения зависимости на этой почве во много раз меньше, чем на почве инвестирования иностранного капитала в русских банках. Последнее же совершенно недостаточно для этого.

Насколько мало весомым является этот «аргумент», видно уже из цифр, приводимых самим тов. Рониным (на стр. 131). Здесь мы видим, что еще в августе 1914 г., т.-е. после того, как началась война и значительные суммы германских капиталов в предвидении ее были отозваны из России, французский банковский институт в России—Русско-азиатский банк был должен германским банкам по краткосрочным корреспондентским кредитам 17,8 млн. руб., т.-е. всего лишь немного меньше, чем французским банкам, задолженность которым равна была 19,2 млн. руб. Точно так же у Руссен-банка с 40% германского и без единого рубля французского участия краткосрочная задолженность французским банкам равнялась 12,8 млн. руб., а германским—всего 0,3 млн. руб. Не ясно ли из этого, что никакой связи

между зависимостью от иностранных банков и получением «пенсионных» денег от них не было никакой связи. Как известно, из Франции в Германию всегда происходил в значительных суммах приток пенсионных денег. Из этого ни один исследователь никогда не делал однако вывода о зависимости германских банков от французских.

Помимо методов самозащиты негативного характера (лавирование между иностранными группами, как это мы видели у Азовско-донского и Сибирского, и лавирование между отдельными банками одной и той же национальной группы, что имело место у Международного банка, лавировавшего между Disconto Gesellschaft и другими германскими банками), в руках русских банков был еще целый ряд других ресурсов, облегчавших их верхушке сохранять за собой руководство, даже вопреки желаниям заинтересованных в них иностранных банков.

Одной из важнейших целей участия иностранного банка в русских было, как мы видели, стремление приобрести долю в финансировании ими русских промышленных предприятий. Приобретение дополнительных выпусков акций русских банков обуславливалось обыкновенно договорами о соучастии в нем иностранных банков. Поскольку такой договор заключался или существовал раньше или соответствующая доля была обеспечена гарантам дополнительных выпусков акций русских банков независимо от договора (в большинстве случаев передача им части эмиссионного материала была выгодна самим русским банкам), им незачем было держать у себя акции последних.

Поэтому большая часть акций русских банков задерживалась в руках иностранных гарантов ровно столько, сколько необходимо было для того, чтобы выявить дивидендные возможности и получить соответствующую учредительскую прибыль. Акции русских банков получали самое широкое распространение, служа сначала объектом биржевой спекуляции, а затем попадая, большей частью, в так называемые «крепкие руки» рантье. Устойчивая дивидендная политика, которую вели русские банки, делалась именно в расчете на такого держателя, интересовавшегося в первую очередь твердым дивидендом.

«Обслуживая» интересы этих держателей, иностранные банки получали возможность мобилизации этих акций и использования их к общим собраниям русских банков. Но это имело место не всегда в одинаковой мере и именно в силу нахождения их в «крепких руках» охватывало сравнительно небольшую часть эмиттированных за границей акций.

Воротили русских банков, имевшие крупные пакеты акций своих банков, находились в отношении использования не принадлежащих им акций в гораздо лучшем положении, чем их иностранные коллеги. Благодаря несравненно большей слабости русского денежного рынка, весьма значительное количество акций русских банков всегда находилось в биржевом обороте. Путем повышения процента по онколю акций своих банков, перед общими собраниями, у себя и у «дружественных банков» руководители русских банков могли всегда добиваться

того, что крупные партии их по пониженным ценам выбрасывались на рынок. Это давало им возможность сосредоточивать в своих руках крупные пакеты акций по приемлемым ценам и быть, таким образом, в силах, когда это нужно было, отстаивать свою независимость от притязаний иностранных банков. Добыть же средства для таких операций за собственный счет им было легче легкого. Средства эти брались в кредит в собственном банке на короткий срок и использовались лишь для оплаты разницы между биржевой ценой акций и онкольной ссудой за них, т. е., примерно, в пределах одной пятой цены акций, прикупленных тем или иным банковским директором к общему собранию.

В какой мере русские банковские директора имели возможность пользоваться этим средством, чтобы сохранять в своих руках руководство банками, свидетельствует то, что к собранию в феврале 1914 г. председатель правления Сибирского банка Соловейчик на 7 млн. руб., взятых им в банке, скупил большинство акций Сибирского банка.

Возражая Левину и желая доказать совершенно правильную мысль, что для захвата банка в свои руки иностранному капиталу вовсе не необходимо было бы иметь более 50% всех акций русских банков, Ронин пишет: «Необходимо, кроме того, иметь в виду, что *банковские заправилы почти всегда имели возможность обеспечить себе большинство на общем собрании*, используя для этой цели хотя бы акции, находившиеся в банке (в своем или в дружественном) в депозит или в обеспечение счета клиентов. Широко практиковалась также скупка банком собственных акций накануне общих собраний. Акции эти расписывались правлением на имя подставных лиц, обычно на имя своих же служащих, которые исполняли потом на общем собрании роль статистов. Таким образом, для того, чтобы приобрести решающее влияние на деятельность банка, было необходимо и достаточно завладеть его правлением.

«Советы банков и ревизионные комиссии—одна фикция—цитирует тов. Ронин. Самые годовые собрания акционеров, в которых все заранее предreshено, расписано, представляют одну формальность». Стоило только иностранной банковской группе добиться большинства на одном собрании и ввести своих людей в правление, чтобы обеспечить себе надолго руководство банком¹. Этим тов. Ронин хочет доказать «легкость» завоевания русских банков иностранцами. Но этот аргумент есть падка о двух концах. Если правлению, назначенному иностранной группой, было легко удержать руководство в своих руках, не имея большинства акций банка, то почему же тогда русскому правлению при том же условии не удержать его даже вопреки воле иностранных банков? Так оно и было. В громадном большинстве русских крупных банков, несмотря на значительность участия иностранного капитала, старые группы правленцев, бывшие одновременно крупными акционерами, сумели сохранить свою самостоятельность и независимость от заграницы. Для этого они прибегали к тем самым испытанным

¹ Ронин, цит. соч., стр. 87. (Курсив наш)

методам, о которых Ронин говорит, как о методах, «облегчавших» иностранному капиталу завоевание русских банков.

Кроме Азовско-донского, Сибирского и других банков, входивших в его группу, к числу Grossbanken, ни в коем случае не могущих быть причисленными к монополиям иностранного капитала, относились СПБ учетный и ссудный и СПБ международный банки.

Несмотря на весьма значительное участие иностранного, главным образом германского, капитала в СПБ международном банке (21 м. р., или 35% в 1917 г.), последний был независим от германских банков.

Дополнительные выпуски акций этого банка производились ими по своему усмотрению и часто вопреки воле заинтересованных в них германских банков, «доменами» которых, по мнению Ронина, они были¹. Последние вынуждены были брать на себя гарантию этих не всегда желательных им выпусков, чтобы не дать им попасть в руки французских банков. Далее СПБ международный банк принимал участие и часто играл руководящую роль в ряде предприятий с преобладающим участием французского капитала. Имея отделение в Париже, он находился в тесной связи с французскими банками и выступал в качестве представителя французских акционеров в ряде крупнейших русских промышленных предприятий (например, в о-ве Мальцовских заводов—Радин, управляющий парижским отделением СПБ международного банка и в друг.).

Все это создавало устойчивую группу крупных русских акционеров и руководителей банка, широко использовавших для операций за собственный счет ресурсы банка, независимое от заинтересованных в нем германских Grossbanken положение.

Еще меньше можно говорить о подчинении иностранным банкам СПБ учетного и ссудного банка. Доля иностранного капитала в этом банке не превышала 20% всего акционерного капитала, а руководящая роль в нем в течение почти полвека принадлежала группе русских капиталистов, которые участвовали в нем еще со времени его учреждения (Елисеевы, Варгунины, Утин и др.).

Русский для внешней торговли банк по своему положению приближался к СПБ международному банку, с той, однако, разницей, что он меньше был связан с французскими банками, вследствие чего в нем большую роль играл его заграничный патрон—Deutsche Bank.

Отсутствие подчинения иностранным банкам у большинства крупнейших русских банков отнюдь не мешало первым соучаствовать в финансировании русских промышленных предприятий. В этом соучастии были, как мы видели, заинтересованы сами русские банки, так как продажа акций финансируемых предприятий за границей приводила к повышению цены акций и учредительской прибыли также и в России.

Германские банки, имевшие давнишние связи с русскими банками, еще до периода промышленного подъема 1909—13 гг. были обеспечены возможностью соучастия в финансовых операциях крупнейших из банков (Международном, Русском для внешней торговли, СПБ учетном

¹ Пример у самого Ронина, цит. соч., стр. 127.

и друг.). Поэтому и незачем было стремиться к усилению своего влияния в этих банках. Они лишь, как и прежде, участвовали в реализации дополнительных выпусков последних.

Единственной целью, которую они в этих случаях преследовали, было получение учредительской прибыли непосредственно от продажи банковских акций. Пропорция, в которой происходило соучастие «дружественных» иностранных банков в финансировании русских промышленных предприятий, определялась не удельным весом иностранного капитала в русских банках, а учетом емкости русского денежного рынка: иностранным банкам обыкновенно уступалось то, что не могло быть быстро реализовано русскими банками внутри страны¹.

Наоборот, французские банки начали проникать в русское банковое дело значительно позднее германских. До 1907 г. они участвовали только в Русско-китайском (Banque de Paris et de Pays Bas), и владели большинством акций Северного (Société Générale, Paris) банка. Положение этих институтов было до-нельзя плачевным, и ни один из них не был тесно связан с промышленностью. Поэтому в начале промышленного подъема перед французскими банками, желавшими посредничать в экспорте капиталов в Россию, встала задача реорганизации обоих банков. Необходимо было создать новые банковские центры, которые действительно могли бы служить органами выгодного помещения французского капитала. Вначале существовал проект слияния Русско-китайского с Сибирским банком, близкого стоявшим к уральской и сибирской промышленности. После того, как этот проект слияния осуществить не удалось, произошло слияние Русско-Китайского с Северным банком в Русско-азиатский. Но в первые годы своего существования и этот банк не имел под собой достаточно широкой промышленной и торговой базы; отсюда новые попытки к слиянию Русско-азиатского банка с Сибирским, которые, однако, также кончились неудачей.

В поисках каналов для помещения в России капитала французский банковый капитал наткнулся на СПб частный банк, влачивший, благодаря своей предыдущей грондерской деятельности, заключающей в себе немало элементов авантюризма, чрезвычайно жалкое существование. Банк этот буквально «валялся на улице», не вызывая ни в ком желания «подобрать» его, пока, наконец, за неимением лучшего объекта он не был «захвачен», к величайшему удовлетворению его руководителей, группой французских банков и банкирских домов.

Но и этот банк не имел под собой базы, необходимой для при-
 большого функционирования: во-первых, у него не было отделений, и вся его деятельность сосредоточивалась главным образом на

¹ Исключения были редки. Таков, например, случай с Богословским горно-зав. о-вом; Азовско-донской банк, проведший реорганизацию этого о-ва, уступил 561/4% акций синдикату англо-французских банков, который реализовал почти все акции в России. Уступка была сделана А.-Д. банком не потому, что он просчитался в возможностях реализации, а потому, что он стремился наладить отношения с соответствующими группами (по архивам А.-Д. банка).

эмиссиях и биржевых спекуляциях, что делало его крайне неустойчивым в годы низкой промышленной конъюнктуры, во-вторых, он финансировал лишь небольшое число предприятий и на слишком крупные для них суммы, и, в-третьих, его предприятия были по большей части «гнилыми». Отсюда попытка слияния Частного банка с Сибирским, также неудавшаяся.

Точно таким же образом французский банковый капитал «подобрал» группу поляковских банков (впоследствии Соединенный банк), существовавшую лишь благодаря субсидиям казны. Попытка слияния Соединенного банка с Сибирским также потерпела неудачу. В 1912 г. при участии Credit Français был создан Русско-французский банк с небольшим капиталом в 2 млн. руб.

Таковы главные факты из истории проникновения французского капитала в русское банковое дело. В свете этих факторов теория «завоевания» русской банковской системы, а через нее и русской промышленности французским банковым капиталом кажется героическим вымыслом.

Несмотря на огромную мощь французских банков, успехи их в деле завоевания русской банковской системы были более чем скромны: они подбирали то, что жаждало быть подобранным и на что не было охотников среди русских и других иностранных банковых групп. Но зато ни одна попытка подчинить себе банки, работавшие на правильных и здоровых основаниях, им не удалась.

Не следует, однако, думать, что вся история проникновения иностранного капитала в русские банки представляет собой мартиролог борьбы за господство между этими последними и иностранными банками. Лишь русские банки самостоятельности у иностранных банков не было никаких оснований, поскольку правления первых предоставляли им соучастие в своих эмиссионных операциях и вели дивидендную политику, поддерживавшую курс акций русских банков на высоте, обеспечивавшей гарантировавшим синдикатам более или менее значительную учредительскую прибыль. В громадном большинстве случаев это соответствовало интересам самих русских банков, вследствие чего попытки сбросить русское руководство были довольно редки. Французские банковые группы лишь потому так сильно покушались на Сибирский банк, что для поднятия жизнеспособности принадлежавших им Русско-китайского и Северного, СПб частного и Соединенного банков и превращения их в органы, могущие с успехом служить цели выгодного для французских банков притока капитала из Франции в Россию, самым легким путем было слияние с солидными банками, обладающими большими связями и большим количеством отделений. Из банков, которые могли быть отнесены к этой категории, Сибирский банк обладал наименьшим капиталом, и, следовательно, его легче всего было подчинить. К 1909 году, когда начались первые попытки его захвата, капитал Сибирского банка равнялся всего 7 млн. р., по сравнению с 30 млн. р. у Русского для внешней торговли, 24 млн. р. у СПб международного, 15 млн. р. у Азовско-донского, 15 млн. р. у Русского Торгово-промышл. и 10 млн. р. у СПб

учетного и ссудного банков. Французские банковые группы не покушались на слияние со своими банками какого-либо из поименованных банков, потому что, несмотря на все их усилия, даже Сибирский банк оказался для них слишком жестким орехом. Это отнюдь не свидетельствует в пользу теории «монополизации» русской банковской системы, изобретенной Агадом, подхваченной Ваногом и развитой Рониным.

Даже Агад, который крайне преувеличивает удельный вес иностранного капитала в русских банках и считает их данниками иностранных банков, не решается утверждать, что русские банки были лишены самостоятельности, что линия их поведения диктовалась из-за границы.

Описывая различные случаи участия германских Grossbanken в реализации дополнительных выпусков акций крупных русских банков, Агад говорит:

«Во всех этих случаях эти столь занятые директора берлинских крупных банков нисколько не заботились ни о том, чтобы самим руководить соответствующими петербургскими банками, ни даже о том, чтобы посадить в них пару немецких директоров или втянуть в управление ими немецкое купечество в Петербурге, чтобы таким образом завоевать русский рынок (для Германии. *Е. Г.*). Напротив. Прежнему руководству банками (как это было гарантировано в случае с Сибирским банком) предоставляли полную свободу действий, хотя прекрасно знали, что они вполне естественно вызовут к жизни индустрию и будут покровительствовать торговле, которые свяжут внутренний рынок. Но для *Deutsche Bank* это было крайне безразлично, поскольку его вассалы дивиденды платить продолжали»¹. И далее: «Так как *Deutsche Bank* продавал берлинской публике акции Сибирского банка по 195% (против номинала) и позднее еще дороже (в 1914 г. курс был 230 при 15% дивиденде. *Е. Г.*), то правление банка в Петербурге должно во что бы то ни стало создавать дивиденды соответствующей высоты. Этого требует заграничный банк безусловно. Это единственное требование, которое он вообще ставит. Как банк их (дивиденды) создает, это ему все равно. Результатом этого является дикая биржевая спекуляция»².

Утверждение Ваного, Крицмана и Ронина о том, что русские банковские монополии были монополиями иностранного капитала и что банковских монополий туземного (русского) капитала не существовало, поражает своим несоответствием действительному положению вещей.

Участие иностранного капитала в русских банках, даже значительное само по себе, не означало превращения русских банковских монополий в монополии иностранного капитала. Крупнейшие петербургские банки: СПБ международный, СПБ учетный, Азовско-донской и Сибирский, — несмотря на значительное участие в них иностранного капитала, были в своем руководстве и в частности в своей промышленной политике независимы от него.

¹ A g a h d, цит. соч., S. 74. (курсив наш).

² Там же. S. 77 (курсив наш).

В отношении Русско-азиатского банка у французских банков имелись рычаги для направления его политики, но и здесь оно не осуществлялось за отсутствием у них иных целей, кроме как соучастие в финансировании русских акционерных обществ и получение учредительской прибыли от продажи акций самого банка. В отношении СПБ частного, Соединенного и Русско-французского банков у французских банковых групп имелись в руках рычаги для решающего воздействия на эти банки, в первое время после их реорганизации или организации. Затем эти рычаги у последних двух уходят из рук: у Соединенного банка, по причине резкого ухудшения дел его патрона *Banque de Paris et de Pays Bas*, который вынужден был продать обратно в Россию значительную часть акций Соединенного банка и отказаться от привилегии производства новых дополнительных выпусков¹; у Русско-Французского банка, вследствие того, что контрольный пакет его акций, находившийся первоначально в руках *Credit Français* и др. французских акционеров, перешел впоследствии в руки пресловутого Д. Л. Рубинштейна.

В СПБ частном банке также происходило падение удельного веса французского капитала главным образом вследствие того, что после реорганизации почти все его дополнительные выпуски были почти целиком реализованы в России. Но тем не менее французский капитал играл в нем решающую роль вплоть до самой его национализации. Резюмируя, можно сказать, что русская банковая система включала в себя (если даже брать только те крупнейшие банки, центр тяжести работы которых лежал в финансировании промышленности): 1) монополии русского банкового капитала (группа Азовско-донского и Сибирского банков), 2) монополии с значительным участием и некоторым влиянием германского капитала, но тем не менее независимые от него (СПБ международный, СПБ учетный и Русский для внешней торговли банки) и 3) монополии французского банкового капитала (Русско-азиатский, СПБ частный, Соединенный и Русско-французский банки), которые частью переставали быть таковыми. Особо стоял Русский торгово-промышленный банк, который косвенно, через Р.-азиатский банк, то входил, то выходил из сферы влияния французского капитала. Также Русско-английский представлял собой промежуточный банк. Одна половина (большая) его капитала принадлежала бакинскому нефтепромышленнику Бененсону, другая половина — английским капиталистам.

¹ Относительно Соединенного банка «Торгово-промышленная газета» от 6/IV 1913 г. писала:

«Из списка представленных к собранию акций видно, что значительная часть акций банка перешла из Франции обратно в Россию. Французская группа акционеров в лице *Banque d'Union Parisienne* представила к собранию лишь 2910 акций».

Между тем на собрании от 2/IV 1911 г. из 40.054 акций, представленных к собранию, 20.670 принадлежало 6 французским акционерам, из них 10.868 *Banque d'Union Parisienne*. Правда, отчасти влияние *Banque d'Union Parisienne* в Соединенном банке заменяется влиянием *Société Générale (Paris)*, но тем не менее влияние французского капитала в нем с 1913 г. падает.

Все эти монополистические банковские группы срачивались с русской промышленностью. Но от этого до «монополизации русской промышленности международным банковым капиталом» так же далеко, как от неба до земли. Срачивание шло по следующим линиям:

1. Срачивание независимых от иностранного капитала банковых монополий с предприятиями, в которых решающую роль играл русский капитал.

2. Срачивание независимых от иностранного капитала банковых монополий с предприятиями, в которых решающую роль играл иностранный капитал.

3. Срачивание иностранных банковых монополий с предприятиями, в которых решающую роль играл русский капитал.

4. Срачивание иностранных банковых монополий в России и за границей с предприятиями, в которых решающую роль играл иностранный капитал.

Все эти отношения срачивания носили ярко выраженный финансово-капиталистический характер.

Существование русской системы финансового капитала стоит вне всякого сомнения. Сюда относится прежде всего срачивание русских банковых монополий с крупными промышленными предприятиями, в которых преобладание принадлежало русскому капиталу.

Здесь русская система финансового капитала выступает в наиболее чистом виде, хотя и не в абсолютно чистом: как известно, и в русских банковых монополиях и в промышленных предприятиях с преобладающим участием русского капитала имелся в значительных размерах иностранный капитал.

Существование в дореволюционной России ветвей иностранных систем финансового капитала также налицо. В наиболее чистом виде эти ветви выступают в срачивании банков, которые мы отнесли к числу иностранных банковых монополий (в России и вне ее), с иностранными предприятиями в России. Не нужно опять-таки понимать это абсолютно, т. к. и в иностранных банковых монополиях и в иностранных промышленных предприятиях имелся также значительный по размерам русский капитал.

Между этими двумя группами лежали промежуточные, во-первых, в виде срачивания иностранных банковых монополий с предприятиями, в которых решающую роль играл русский промышленный капитал, и, во-вторых, в виде срачивания русских банковых монополий с иностранными предприятиями в России.

Таким образом, финансовый капитал в России представлял собой сложное переплетение русской системы финансового капитала, отростков иностранных систем финансового капитала и сросшихся в различных вариантах русского и иностранного промышленного и банкового капитала.

Такой представляется действительная картина отношений финансового капитала в России, основанная на конкретном анализе и лишенная претенциозных попыток во чтобы то ни стало доказать подчинение иностранному капиталу (Ванаг, Ронин, Крицман, Гольман) или, наоборот, полную независимость от него.

Отрицая наличие русских банковых монополий и сводя отношения между русскими и иностранными банковыми группами к голому подчинению первых последним, Ванаг приходит к полному извращению действительной роли иностранного капитала в России; вся чрезвычайно сложная совокупность их оказывается подстриженной под одну гребенку. На самом же деле говорить о подчинении заграничному банковому капиталу можно лишь для того сектора финансово-капиталистических отношений, который представлял собой срачение иностранных банковых монополий с иностранными промышленными предприятиями в России. Иностранные банковые монополии в России (Р.-аз. и друг. банки) играли в этом случае роль уполномоченных по управлению иностранными предприятиями. Подчинения иностранному банковому капиталу за границей не было и в случае срачивания иностранных банковых монополий в России и предприятий с преобладающим русским капиталом, т. к. иностранные банки почти не вмешивались в промышленную политику своих русских «дочерей».

Ошибка Крицмана заключается прежде всего в том, что он относит все банковые монополии в России к числу иностранных. Далее Крицман считает, очевидно, финансовым капиталом только срачивание банковых монополий с промышленными монополиями (т.-е. очевидно, с трестами, синдикатами и т. п.) Такое понимание финансового капитала основано на вырванной из контекста цитате из Ленина. «Финансовый капитал есть банковый капитал монополистических немногих крупнейших банков, слившихся с капиталом монополистических союзов промышленников». Но известно, ведь, что срачивание крупных банков с отдельными крупными предприятиями в большинстве случаев предшествует созданию промышленно-капиталистических монополий, в образовании которых сами банки играют немалую роль. Разве взятый сам по себе этот вид срачивания не является финансово-капиталистическим? Несомненно, является. Он носит только не вполне законченный характер. В России именно этот вид срачивания, а не срачивание банковых монополий с синдикатами играл решающую роль. Срачивание банков с синдикатами было результатом срачивания банков с отдельными крупными предприятиями¹. Сфера действия синдикатов была очень ограничена, и срачивание их с банками отнюдь не заменяло собой комплекса отношений банков и отдельных предприятий. Такая замена происходила в России лишь отчасти, поскольку отдельные предприятия, финансировавшиеся банками, объединялись в тресты (т.-е. только в табачной и частично в нефтяной промышленности).

В системе финансового капитала в России решающую роль играло срачивание банковых монополий с крупными промышленными предприятиями (с мелкими предприятиями банки-монополисты не срачивались). В них влияние иностранного капитала было не столь велико, как в промышленно-капиталистических монополиях. Если не ограничиваться изучением срачивания с банками синдикатов и трестов,

¹ См. раздел V цит. статьи в IV томе журнала «Историк-марксист».

а принять во внимание и этот вид срачивания, то вся картина финансового капитала в России примет гораздо более соответствующий действительности вид. Этот вид будет, однако, гораздо более русским, чем это кажется тт. Крицману и Ронину.

Совершенно лишенных участия иностранного капитала систем финансового капитала не существует и никогда не существовало. Еще до войны английские и голландские банки срачивались с германской промышленностью в процессе ее финансирования. С другой стороны, германские Grossbanken посредством системы заграничных «участий» срачивались с промышленностью многих стран мира, в том числе английской и голландской.

После войны срачивание английского и американского финансового капитала с германской промышленностью приняло огромные размеры. Несмотря на это, нет никаких сомнений в том, что в этом сложном конгломерате иностранного и германского капитала руководящая роль принадлежит последнему. Об этом свидетельствует рост германского империализма в последнее время. Аналогично этому обстояло в довоенной России. Удельный вес иностранного капитала в системе финансового капитала в России был еще выше, чем в современной Германии, но это не мешало тому, что, по крайней мере, начиная с периода предвоенного промышленного подъема, русский капитал стал играть в ней наибольшую роль. Об этом свидетельствуют 1) динамика удельного веса иностранного капитала в русском акционерном деле, 2) отсутствие между импортом капитала, с одной стороны, и импортом товаров, с другой, — связи, характерной для стран, лишенных экономической самостоятельности, и 3) самостоятельная империалистическая политика русского финансового капитала.

Эти три момента мы подвергнем рассмотрению.

III. Динамика роли иностранного капитала в системе финансового капитала в России

Изменения удельного веса иностранного капитала могут быть исчислены только по акционированным предприятиям. Только здесь можно более или менее точно определить абсолютные общие размеры вложенного в них капитала и размеры иностранной доли его. Ни то ни другое по сектору частных предприятий исчислению не поддается.

Для наших целей — определения динамики иностранного капитала в системе финансово-капиталистических отношений в России — в этом, однако, никакой нужды нет, так как эти отношения немислимы без акционерной формы предприятий.

Вычисления ограничиваются установлением удельного веса иностранного капитала в промышленности, банках, предприятиях по благоустройству городов, торговых и перевозочных предприятиях (пароходные, подездные пути и т. п.).

Данные о динамике иностранной доли в капитале железных дорог не приведены. Акционерный капитал русских железных дорог и

особенно иностранная доля его относительно очень невелики и не дают даже приблизительного представления о размерах вложенного в железные дороги капитала. Иностранные вложения в железные дороги производились, преимущественно, в форме покупки облигаций займов, гарантированных государством. Эти вложения имеют тот же характер, что и государственные займы, которые мы исключаем из сферы своего рассмотрения.

Для вычисления удельного веса иностранного капитала взяты данные лишь по акционерным капиталам, так как для 1890—1907 годов отдельных данных о размерах облигационных капиталов в акционерных предприятиях не имеется¹. Хотя за последующие годы имеются данные и об общих размерах их облигационного капитала и о размерах иностранной доли его, мы в целях сравнения с прошлыми годами ограничились вычислением удельного веса иностранной доли одних акционерных капиталов.

В сумму общих размеров акционерного капитала не включен капитал акционерных земельных банков. Участие иностранного капитала в них было ничтожно, а значение самих земельных банков в системе финансового капитала невелико.

Наиболее надежным источником для определения размеров акционерного капитала торгово-промышленных компаний, страховых об-в и коммерческих банков являются данные, опубликованные в «Ежегоднике Министерства Финансов».

Последние опубликованные сводные балансы торгово-промышленных компаний относятся к 1 ноября 1916 г. Для определения удельного веса иностранного капитала перед революцией, мы сопоставляли их с данными об иностранных капиталах на 1 января 1917 г. За два месяца, прошедшие между этими двумя сроками, могло произойти увеличение всего акционерного капитала, вследствие чего вычисленный удельный вес иностранного капитала отнюдь не является преуменьшенным. Остальные данные в приводимой ниже таблице взяты нами для крайних в смысле конъюнктуры годов.

Что касается данных о размерах иностранного капитала в России за разные годы, то в различных источниках они различны. Различия эти объясняются, во-первых, неодинаковой полнотой источников, имевшихся в распоряжении разных исследователей, во-вторых, различиями их методов исчисления размеров иностранного капитала. Единственным приемлемым источником для нашей цели мы считаем оба исследования П. В. Оля: «Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России», 1925 г. и «Иностранные капиталы в России», 1922 г. В первом приводятся сводные данные о размерах иностранного капитала в России по годам, а также данные о его распределении по отраслям и национальностям за 1890, 1900 и 1915 гг. Во-втором — данные о размерах иностранного капитала к 1 января 1917 г. по предприятиям, отраслям и национальностям. Данные П. В. Оля

¹ См. «Ежегодник мин. фин.» за 1901, 1906—07, 1907—08 и 1909 гг.

выгодно отличаются от данных М. Верстраата¹ для 1900 г., от данных Зива и Ишханяна² для 1914 г. и других, во-первых, полнотой источников, на основании которых они составлялись, и, во-вторых, тем, что у Оля мы находим данные о размерах иностранного капитала в акционерном деле для различных интересующих нас периодов. При неизбежных недостатках и несовершенствах методов исчисления всех авторов это имеет то преимущество, что одни и те же недостатки метода в одинаковой мере отразились у Оля на выводе данных за все годы. Динамика удельного веса иностранного капитала, вычисленная по данным Оля, поэтому гораздо ближе к истине, чем динамика его, выведенная на основе ряда источников с различными методами исчисления, каждый из которых имеет свои недостатки.

Абсолютные размеры иностранного капитала в акционерном деле, приведенные в работах П. В. Оля, мы считаем преувеличенными по той причине, что в подсчет иностранного капитала Оля включает также капитал, инвестированный предпринимателями иностранных национальностей (главным образом германской), переселившихся в Россию со своими капиталами. В качестве иностранного следовало бы, однако, учитывать только капитал, проценты и прибыль с которого уходят за границу. Приток капитала вместе с их владельцами не является экспортом капитала, а самый этот капитал перестает быть иностранным.

Тем не менее, повторяем, данные Оля правильнее, чем какие бы то ни было другие, отражают динамику удельного веса иностранного капитала.

Общая картина притока иностранного капитала по отдельным конъюнктурным периодам и изменения его удельного веса во всем акционерном капитале коммерческих банков, страховых, промышленных, торговых, транспортных и предприятий по благоустройству городов видна из следующей таблицы (см. табл. на след. стр.).

Финансовый капитал в России связан теснейшим образом с иностранным капиталом уже при своем возникновении. Во второй половине 90-х годов внедрение в промышленность иностранного капитала играло решающую роль в промышленном подъеме. Удельный вес иностранной доли в общей сумме акционерных капиталов, вложенных в промышленные, банковские, торговые, транспортные, городские и страховые предприятия, составил 51,3%.

Приток иностранного капитала в период подъема 90-х годов был значительно более сильным, чем рост всего акционерного капитала и в особенности той его части, которая была размещена в России. Почти все крупнейшие эмиссии были размещены в своей преобладающей части за границей. В результате произошло резкое повышение

¹ См. Воронов.—«Иностранные капиталы в России».

² См. Ischchanian.—«Die ausländische Elemente in den russischen Volkswirtschaft».

Годы	Размеры всего акционерного капитала, действующего в течение данного года (в млн. р.)	Размеры иностранной доли (в млн. р.) ⁷	В % ко всему капиталу	Прирост по сравнению с предыдущим из указанных в таблице годов		Доли иностранного капитала в % ⁶
				Всего акц. капитала	Иностр. доли акц. кап.	
1890	715,6 ¹	186,2	26,0	—	—	—
1894	888,5 ²	209,7	23,4	172,9	23,5	13,5
1900	1965,2 ³	761,9	38,8	1076,7	55,2	51,3
1908	2628,9 ⁴	988,7	38,6	663,7	226,8	34,1
1913	4200,1 ⁵	1700,6	40,5	1565,2	711,9	45,4
1916	5536,2 ⁶	1986,7	35,8	1342,1	286,1	21,3

удельного веса иностранного капитала в общем капитале предприятий страны.

В 1890 г. иностранная доля всего акционерного капитала акц. о-в, обязанных публичной отчетностью, и банков составляла 186,2 млн. руб., т.-е. 26,0%, а в 1894 г.—209,7 млн. руб., т.-е. лишь 23,4%. К 1900 г. удельный вес иностранной доли во всем акционерном капитале перечисленных отраслей возрос уже до 38,8%. Произошла определенная «денационализация».

Вместе с капиталом в Россию импортировались капиталистические отношения и притом на той ступени развития, которой они достигли во второй половине 90-х годов в наиболее передовых

¹ 580,2 млн. р. основной капитал акц. о-в (Ежег. мин. фин. 1901 г., стр. 591), 25,4 млн. р. основной капитал страх. о-в и 110 млн. р. основного капитала акц. комм. банков.

² 722,2 млн. р. основной кап. акц. о-в (Ежег. мин. фин. 1901 г., стр. 591), 140,5 млн. р. (на 1/1 1895 г.), осн. кап. акц. комм. банков и 25,9 млн. р. осн. кап. страх. о-в.

³ 1742,3 тыс. р. осн. кап. акц. о-в (Ежег. мин. фин. 1906/7 г., стр. 291), 193,4 млн. р. осн. кап. акц. комм. банков (на 1/1 1901 г.) и 29,9 млн. р. осн. кап. страх. о-в.

⁴ Из них 223,5 млн. осн. кап. акц. комм. банков (на 1/1 1909 г.), остальное—капиталы акц. о-в (выч. по Ежег. мин. фин. за 1910 г., стр. 586—656) и капиталы страх. о-в. Для последних взяты данные за 1911 г. по «Статистике акц. о-в» Оля, так как данных за 1908 г. нами не найдено. Но капиталы страх. о-в сами по себе настолько невелики и так медленно росли, что эта замена не вносит существенных изменений в итог.

⁵ Из них 590,9 млн. р. осн. кап. акц. комм. банков (на 1/1 1914 г.), 38,1 млн. р. осн. кап. страх. о-в (Ежег. мин. фин. за 1914 г., стр. 652) и остальное осн. кап. акц. о-в (По Ежег. мин. фин. за 1915 г., стр. 310—407).

⁶ Из них 679,7 млн. р. осн. кап. акц. комм. банков (на 1/1 1917 г. по сводн. балансам), 36,8 млн. р. осн. кап. страх. о-в на 1/IX 1916 г. (по данным на 1/1 1916 г. Ежег. мин. фин., стр. 360) и остальное осн. кап. акц. о-в (вычисл. по Ежег. мин. фин. за 1916 г., стр. 218—315).

⁷ П. В. Оля.—«Иностранные капиталы в нар. хоз. довоенн. России», изд. Академии наук, 1925 г., кроме последней цифры, взятой у того же автора в книге Иностранные капиталы в России, изд. Инст. эк. иссл. НКФ, 1922 г.

странах¹. Приток иностранного капитала совершался, главным образом в форме участия иностранных банков в русской промышленности.

В зарождении финансового капитализма в России иностранный капитал сыграл, таким образом, решающее значение в двух смыслах: во-первых, он перенес в Россию отношения финансово-капиталистического сращения банков и промышленности, во-вторых, финансирование промышленности, приводившее к сращиванию, совершалось, главным образом, на иностранные капиталы.

В этот период финансовый капитал в России был, преимущественно, составной частью систем финансового капитала Франции, Бельгии и Германии. Но уже тогда на ряду с ним появились первые ростки русской системы финансового капитала на почве финансирования русскими банками (тогда еще в большинстве совершенно независимыми от иностранных) русских промышленных предприятий.

С 1900 по 1906 г. в притоке иностранного капитала в Россию наступает резкое замедление. Обжегшись на спекулятивных предприятиях подъема 90-х годов, иностранный капитал опасается итти в русскую промышленность. Резкое падение цен промышленных акций сделало почти невозможным размещение на иностранных биржах новых выпусков. Наоборот, этот период характеризуется возвращением в Россию бумаг целого ряда первоклассных предприятий и притом по расценкам, значительно пониженным в сравнении с 1896—99 гг.

1907—08 годы отмечены началом нового притока иностранного капитала в Россию, главным образом, в банковое дело. Парижские и берлинские банки начинают помещать свои капиталы в крупные русские банки путем обеспечения за собой большинства по дополнительным эмиссиям их акций. Главной причиной притока иностранного капитала в эти годы в Россию была крайняя дешевизна русских промышленных ценностей, усугублявшаяся текучестью и неустойчивостью русского денежного рынка. Способствующим фактором было разочарование немецких и французских банков в Америке, наступившее в 1907 г., и резкая перемена к лучшему в отношениях России с Англией.

Но, несмотря на возобновление притока иностранного капитала, доля его во всем акционерном капитале к концу 1908 г. была ниже доли его в 1900 г. Прирост иностранных капиталов за период 1901—1908 гг. отстал от общего прироста. С 1901 по 1908 г. прирост иностранной доли акционерного капитала составил 226,8 млн. руб., или 34,1% общего прироста акционерного капитала, а удельный вес всей иностранной доли в акционерном капитале понизился с 38,8 до 38,6%.

¹ В применении к России 90-х годов особенно верно следующее замечание Гильфердинга: «Капиталистическое развитие не совершалось самообытно в каждой отдельной стране: вместе с капиталом импортировались капиталистическое производство и отношения эксплуатации—импортировались постоянно на той ступени развития, которой они достигли в наиболее передовой стране». («Фин. кап.», стр. 363, изд. 1922 г.).

В Россию они импортировались на финансово-капиталистической ступени уже со второй половины 90-х годов.

Период промышленного подъема 1909—13 гг. характеризуется сильным развитием финансово-капиталистических отношений. В этот период банки проникли в промышленность гораздо глубже, чем в период промышленного подъема 90-х годов.

Но иностранный капитал перестал уже играть решающую роль в деле развития финансово-капиталистических отношений в России. Решающая роль в деле оплодотворения промышленного подъема 1909—1913 гг. осталась за русским капиталом, и основным источником развития их стало финансирование промышленности туземными капиталами через русские банки.

Тем не менее, удельный вес иностранного капитала в акционерном деле повысился, так как доля его (45,5%) в общем приросте акционерного капитала за 1909—13 гг. была выше, чем его доля во всем акционерном капитале в 1908 г. (38,6%).

Война привела к прекращению притока в русские акционерные предприятия капитала из воевавших с Россией стран. Приток капитала из союзных с царской Россией стран продолжал оставаться еще значительным. Но прирост иностранной доли по темпу сильно отставал от общего прироста, вследствие чего удельный вес его к концу 1916 г. понизился до 35,9% всего акционерного капитала.

Приведенные данные с полной очевидностью показывают, что сплошная постановка вопроса о «денационализации» русского капитализма в монополистический период его развития является совершенно неправильной. Тот период, к которому исследователи относят вступление России в фазу монополистического капитализма, период депрессии 900-х годов, вовсе не характеризуется «денационализацией» русского капитализма. Наоборот, в этот период мы имеем некоторое понижение доли иностранного капитала¹.

¹ Между тем, исходя из якобы значительно более позднего вступления России в фазу монополистического развития, М. Гольман приходит к выводу о дочернем характере русского финансового капитала. (М. Гольман—«Русский империализм», стр. 114). Далее на стр. 402 М. Гольман приводит следующие данные, касающиеся динамики удельного веса иностранного капитала в русских акционерных банках и промышленности:

Весь акционерн. осн. капитал.	Размеры иностр. кап. в русских банках и промышленности (млн.).		
	1900 г.	1914 г.	1917 г.
В промышленности	1.548,8	3.035,2	3.800
В том числе иностранный	608,6	1.502	2.005
То же в % ⁰ / ₀	39,5	49,5	53,0
В банках	188,4	518,2	579
В том числе иностранный	11,87	250	237,2
То же в % ⁰ / ₀	6	46,7	42
Облигационный капитал	172,5	—	—
Итого в промышл. и банках	1.907,7	3.553,4	4.379
В том числе иностранный	619,4	1.752	2.242,9
То же в % ⁰ / ₀	32,4	48,7	52

Повышение иностранной доли акционерного капитала с 38,6% до 40,5% за годы 1908—13 настолько невелик, что не дает основания говорить о «денационализации» и в этот период.

Наконец, во время войны произошло снижение доли иностранного капитала.

Как отразились эти изменения на динамике удельного веса различных составных частей финансово-капиталистической системы в России?

В период промышленного подъема второй половины 90-х годов решающую роль в системе этих отношений играло участие иностранного банковского капитала в русской промышленности.

Таким образом выходит, что за годы 1900—1917 произошла сильнейшая «денационализация». Удельный вес иностранного капитала в акц. банках и промышленности якобы возрос с 32,4% до 52%. Приведенные данные совершенно фантастичны. Прежде всего вызывает недоумение тот факт, что Гольман ни словом не обмолвился об исследовании П. В. Оля — «Иностранные капиталы в нар. хоз. довоенной России», 1925 г. (изд. Академии наук СССР), в котором имеются данные об иностранном капитале за все годы до 1915, а предпочел составить свою таблицу на основании шести источников пяти различных авторов. Если тов. Гольману вычисления Оля в указанной книге не внушают доверия, то не понятно, почему тов. Гольман при составлении своей таблицы пользовался двумя работами Оля. Ларчик здесь открывается просто. Так как по крайней мере четыре из использованных Гольманом источников не сходятся между собой в оценках величины вложенного иностранного капитала, то удобство пользования ими для Гольмана заключается в том, что из них он может надергать цифры наиболее подходящие для доказательства так называемых денационализации и «дочернего» характера русского империализма. Например, для 1900 г. Гольман выбрал цифру иностранного капитала в промышленности явно преуменьшенную — 608 млн. р., тогда как по Олю («Иностр. кап. в нар. хоз. дов. России») эта цифра равна 635,9 млн. р. Зато он преувеличил размеры акционерного капитала промышленности в 1900 г. Вместо 1401,5 млн. р. он взял 1548 млн. р. — акц. кап. промышленности в 1901 г. В банках размеры иностранного акц. капитала преуменьшены для 1900 г. в 5 раз — 11,37 млн. р. вместо 56,5 млн. р. по Олю.

Наконец, удельный вес иностранного капитала в промышленности и банках вычисляется из отношения иностранной доли акц. капитала по всему акц. и облигационному капиталу, что абсолютно неверно: для получения правильного результата следовало бы также учесть иностранную долю облигационного капитала. Так посредством «новейших» статистических методов (произвольное преувеличение одних данных, игнорирование других и произвольное пользование преуменьшенными третьими данными) тов. Гольман определяет удельный вес иностранного капитала в промышленности и банках в 1900 г. в 32,4%. На самом деле он значительно выше 38,8%. Для 1917 г. тов. Гольман, во-первых, преуменьшает общие размеры всего акц. капитала банков (579 вместо 679,7 млн. р.). Далее для получения повышенного эффекта он вычисляет отношение всего иностранного акционерного и облигационного капитала в промышленности, банках, торговле, страховых обществах, транспортных предприятиях, городских, складочных и строительных акц. о-вах к общему (преуменьшенному) акционерному капиталу одной лишь промышленности и банков.

Таким образом, он игнорирует: 1) облигационный капитал промышленности и банков, 2) акционерный и облигационный капитал торговых, страховых, транспортных, городских, складочных и строительных акц. о-в. Получается колоссальное преувеличение удельного веса иностранного капитала в 1917 г., что и требовалось доказать. Трудно сказать, чего здесь больше: неряшливости и неумения пользоваться статистическим материалом или сознательного желания ввести читателя в заблуждение, чтобы «доказать» свой тезис.

Большая часть иностранного капитала, притекшего тогда в русскую промышленность, была вложена через иностранные банки. Финансирование предприятий капиталами внутреннего накопления в гораздо меньшей степени происходило через банки, да и сама роль этих капиталов в финансировании промышленного подъема была меньше. Годы депрессии и особенно годы предвоенного промышленного подъема отмечены широким охватом русской промышленности отношениями финансово-капиталистического сращивания, достигшими в отраслях производства средств производства почти крайнего возможного предела.

При неизменности доли иностранного капитала в этих отраслях это означало бы, что предприятия с преобладанием русского капитала с конца 90-х годов сделали на пути финансово-капиталистического перерождения большие успехи, нежели иностранные предприятия, так как последние в большинстве были сращены с банками уже в конце 90-х годов. Далее, это означало бы, что удельный вес отрезков иностранного финансового капитала (сращивание иностранных банков и иностранных промышленных предприятий) в общем комплексе отношений финансового капитала в России понизился и возросла доля русского финансового капитала и промежуточной структуры в варианте сращивания тех из русских банков, которые были частями иностранных банковых монополий (Русско-азиатск., СПБ частн. и другие), и предприятий с преобладающим русским капиталом. Так оно и было с той только разницей, что понижение удельного веса ветвей иностранного финансового капитала в России с 1900 по 1917 год было гораздо значительнее, чем это может казаться. Причина этого кроется в уменьшении доли иностранного акционерного капитала в отраслях производства средств производства, которое видно из нижеследующей таблицы (см. табл. на след. стр.).

Как показывает таблица, понижение удельного веса иностранного капитала от 1900 до конца 1916 г. особенно значительно по группам: горнопромышленной и по обработке металлов (на 25%), по обработке минеральных веществ (более чем в четыре раза), по механической обработке дерева (на 23%) и по транспортным предприятиям (более чем в 2½ раза). Между тем, именно в этих отраслях происходило наиболее интенсивное сращивание банков с акционерными обществами в самых различных вариантах. Удельный же вес финансово-капиталистических отношений в остальных отраслях: текстильной, пищевкусовой и торговой — был относительно очень невелик.

Отсюда ясно, что понижение значения ветвей иностранных систем в совокупности отношений финансового капитала в России с 1900 по 1917 год должно было быть очень значительным.

Что касается динамики соотношений между русской системой и промежуточными формами, главным образом, сращиванием иностранного банковского капитала с русским промышленным, то здесь несомненно увеличение промежуточных форм, поскольку последний период существования финансового капитала в России (с 1909 г.) характеризуется созданием иностранных банковых монополий.

Группа	1900 г.			1917 г.		
	Весь акц. капитал в млн. руб.	Иностранная доля в млн. руб.	Удельный вес иностр. акц. капитал в %/0	Весь акц. капитал в млн. руб. 1	Иностранная доля в млн. руб. 2	Удельный вес иностр. доли в %/0
Коммерческие банки	193,0	56,5	29,2	679,7	232,2	34,2
Страховые предприятия	29,9	6,2	20,7	36,8	8,7	23,6
Транспортные	13,3	5,4	40,6	167,1	26,6	15,9
Городские, складочные и строит.	109,8	52,1	48,3	324,8	200,8	61,8
Горнопромышл.	392,2	343,8	87,7			
Обработка металлов и машиностроение	257,3	125,6	48,8	1.938,2	1065,7	54,1
Текстильные	373,7	71,4	19,1			
Механич. обработка дерева.	17,8	7,8	43,8	796,3	166,0	20,9
Бумажн.-полиграф.	31,8	6,1	19,1	75,1	25,4	33,8
Обработка минер. веществ.	59,1	31,3	52,9	110,2	24,0	21,8
Обработка животных продуктов	16,5	5,9	35,7	141,9	17,7	12,4
Обработка пит. и вкусов. веществ	158,3	11,4	7,2	55,7	14,5	26,0
Химические	93,9	32,6	34,7	449,5	36,7	8,1
Торговые и ком.	76,6	13,8	18,0	180,2	81,1	45,0
Смешанные	92,0	—	—	389,0	80,8	20,7
Итого	1.965,2	761,9	38,8	5.536,2	1981,7	35,8

Динамика удельного веса русской системы финансового капитала за этот период может быть точно выяснена лишь на основе изучения участия русских банковых монополий в отдельных русских предприятиях к 1900 и 1917 гг. и роли каждой из этих групп в общей системе финансового капитала в России.

Но уже на основании данных о числе представителей различных банковых групп в правлениях акционерных о-в можно сказать, что значение промежуточных форм было не так велико. Иностранные банковые монополии (Русско-азиатский, СПБ частный, Соединенный и Русско-французский) имели к началу войны вместе всего только 96 мест в правлениях акционерных о-в; при чем во многих случаях эти банки выступали в качестве представителей французского капитала, владевшего большинством акций предприятий. В то же время, один СПБ. международный банк имел 108 мест в правлениях акционерных о-в, Азовско-донской—31 место, Сибирский торговый—15 мест,

¹ На 1/XI 1916 г., кроме банков и страхов. о-в (см. «Ежег. мин. фин. за 1916 г., стр. 360 и 218—315), для банков «Сводн. балансы акц. комм. банков на 1/1 1917 г.

² К началу 1917 г. вычислено по П. В. Олю «Иностранные капиталы в России», изд. НКФ, 1922 г.

СПБ учетный и ссудный—16 мест и Russenbank—35 мест. К началу войны, а еще больше к 1917 г., русская система финансового капитала в общей системе финансового капитала в России играла значительно большую роль, чем к концу 90-х годов, возможно, даже решающую роль.

Падение удельного веса иностранного финансового капитала и частичная замена его отношениями сращивания иностранного банкового и русского промышленного капитала представляли собою тоже «национализацию» системы финансового капитала в России, хотя и не полную. Отождествление результатов (в смысле включения в сферу влияния финансового капитала западно-европейских стран) финансирования иностранными банковыми монополиями в России русских промышленных предприятий с подчинением последних иностранному банковому капиталу за границей (Ванаг) основывается на непонимании действительного характера отношений между иностранными банками и их «дочерними» банками в России и между этими последними и русскими промпредприятиями.

Отношения банков и промпредприятий в России отнюдь не всегда сводились к распоряжению первых над вторыми, как это себе представляет Ванаг, считающий, что распоряжение банков над промышленностью—основная черта финансового капитала¹. Но и там, где это подчинение русских предприятий иностранным банковым монополиям в России существовало, оно не означало подчинения иностранному банковому капиталу за границей. Это происходило из ограниченности целей, которые ставил себе иностранный капитал, проникая в русские банки: цели эти мы выяснили раньше. Больше того, погоня за учредительской прибылью не оставляла у заграничных банков места для интереса и заботы о влиянии даже в отношении к предприятиям, куда непосредственно был вложен их капитал. Вот что писал Агад о характере участия в русской промышленности французских банков, которые из всех других иностранных банков пользовались в ней и в банковом деле наибольшим влиянием.

«В парижских эмиссионных кругах сложился совершенно новый обычай относительно спроса на капитал для русских индустриальных предприятий. Именно, стало принципом давать капитал для промышленных дел в России лишь тогда, когда соответствующее предложение исходит от петербургских банков. Парижские фирмы называют это теперь «моральной гарантией» и *желают в подобных случаях, выполнять лишь только, как выражаются в Париже, «обязанности акушера», т. е. как только акции размещены среди французской публики, парижская банковая фирма ничего больше не хочет знать о предприятии, оставляя дальнейшее ведение дел русскому банку.* В этом случае преследуется, таким образом, *цель получения дифференциальной прибыли. Имеется также в виду поставить между французскими акционерами и предприятием в России русский банк,* о котором французские акционеры знают

¹ Ванаг, цит. соч., стр. 15.

столь же мало, сколько и о «том промышленном предприятии, акционерами коего они состоят».

Таким образом, не только участие иностранных банковых монополий в русских банках, но в большинстве случаев и непосредственное участие их в русских промышленных предприятиях не приводило к подчинению им последних¹.

Подчинение промышленности такой огромной страны, как Россия, представляет для каждой империалистической державы огромные возможности как в сфере экономической (создание широкого рынка сбыта товаров и базы дешевого сырья), так и в сфере политической, (превращение в свой политический придаток).

Вложения французского капитала в русское банковое дело составили к 1914 г., по вычислению Ронина², 95,25 млн. руб., английского—13 млн. руб. и бельгийского—2,5 млн. руб. (последняя цифра взята из Оля для 1917 г., стр. 292), всего—110,75 млн. руб. Посредством вложения этой суммы систему русского монополистического капитализма удалось, по уверениям Ванага, сделать звеном в цепи более могущественной системы англо-франко-бельгийского финансового капитала³. Ванаг намекает (стр. 189), а глава марксистской школы в русской истории М. Н. Покровский даже определенно утверждает, что вступление России в войну на стороне союзников является результатом того, что «по сути дела русский империализм это был англо-французский империализм»⁴. Основой же такого единства в трех лицах, по мнению обоих исследователей является подчинение русских банков иностранным.

Вложения Германии в русские банки равнялись в 1914 г. 77,2 млн. руб., т.-е. всего на 33,05 млн. руб. меньше, чем вложения английского, французского и бельгийского капитала вместе взятых.

Казалось бы, что германская система финансового капитала с ее инвестициями, превышавшими к началу войны 35 миллиардов золотых марок, могла бы выделить несколько десятков миллионов рублей ($\frac{1}{4}\%$ ее заграничных вложений) для того, чтобы «подчинить» себе большую часть русской банковской системы, «монополизировать» через нее русскую промышленность, сделать русский монополистический капитал «звеном в цепи» германского финансового капитала, т.-е. «по сути дели» превратить русский империализм в германский империализм и тем избежать своего поражения в мировой войне.

¹ Интересно в этом смысле заявление французского финансиста Пейеримгофа о характере вложения французского капитала перед войной, в частности в России. «Чтобы то ни было,—говорит Пейеримгоф, резюмируя сказанное в докладе,—более или менее стремительное движение склонно вырвать из-под опеки молодые страны—скрывать этого не следует—превращая нас, иностранцев, хотя бы даже дружелюбно встречаемых, из управляющих общественными службами, из глав промышленности, из вождей всех деловых операций—в простых вкладчиков и заимодавцев».

(А. Пейеримгоф и П. Гебар. «Финансовые интересы Франции», стр. 27.

² Ронин, цит. соч., стр. 84—5.

³ Ванаг, цит. соч., стр. 26.

⁴ М. Н. Покровский—«Ленин и внешняя политика», «Вестник Комм. Академии» № 19, стр. 17—18.

Однако, этого не произошло. Какая недогадливость со стороны германского империализма! воскликнет наивный читатель. А еще говорят, что немец обезьяну выдумал!

Но «немец» был догадливей, чем его представляют себе наш читатель и даже писатель, о котором идет речь. Германские банки знали, что подчинить себе экономическую систему русского империализма посредством вложений в русское банковое дело можно только в мыслях и то лишь при наличии большого воображения.

В свете ванаговской теории непонятным и совсем в духе детских сказок о «добрых союзничках» представляется также тот факт, что английский империализм без всякой борьбы с французским «уступил» ему Россию. Вложения английского капитала в русское банковое дело составили к 1914 г. всего 13 млн. руб., т.-е. в $7\frac{1}{2}$ раз меньше французских и в 6 раз меньше германских вложений, и ни в одном из банков (даже в Русско-английском) английский капитал не играл руководящей роли.

И это при наличии у Англии перед войной заграничных вложений ни больше ни меньше как в 20 миллиардов долларов.

Дело объясняется очень просто: русские банки были для иностранных банков всего только *аппаратом* для экспорта капитала в Россию. Английский капитал издавна выработал себе иные методы экспорта капиталов и поэтому не особенно нуждался в содействии русских банков.

Возникшие недоуменные вопросы не могут найти своего разрешения внутри разобранной концепции, так как последняя построена больше на свободном полете фантазии, чем на *умелом и всестороннем учете фактов*.

Спору нет, фактов у тов. Ванага много, но все они приспособлены к его концепции, а не наоборот, как следовало бы ожидать.

IV. Импорт капиталов и импорт товаров в Россию

Утверждение о том, что монополистический капитализм в России был составной частью систем финансового капитала западно-европейских стран и что русской системы финансового капитала не существовало, противоречит также ряду других совершенно очевидных фактов.

Анализ внешней торговли со странами, экспортировавшими капитал в Россию, обнаруживает тип связи ее с ними, совершенно не характерный для стран, лишенных экономической самостоятельности. Что Россия должна, если верна концепция Ванага, Ронина и Кричмана, быть причислена к последним, следует из того, что финансовый капитал в России ведь не составлял какой-нибудь незаметный островок, а играл в системе русского народного хозяйства перед войной решающую роль.

Как же обстояло на самом деле? Какие изменения претерпели пути экономического развития России в результате вступления ее в фазу финансового капитала? К каким экономическим последствиям

по линии связей с заграницей привело инвестирование иностранного капитала в русские банки и промышленность в годы 1895—1917?

На этот счет мы находим у различных авторов различные ответы.

В одном месте, которое уже цитировалось нами, Агад (S. 74) высказывает совершенно справедливую мысль о том, что инвестирование германского капитала в русские банки отнюдь не преследовало ни прямо, ни косвенно цели создания рынка для германской промышленности. Наоборот, участие германских банков в русских облегчало последним финансирование промышленности и торговли, приводившее к сокращению (хотя бы относительно) рынка сбыта для германских товаров.

Если так обстояло с участием германских банков, которые в описываемый период были связаны со своей промышленностью наиболее тесным образом, то относительно участия французских и английских банков можно а priori сказать то же самое.

Неправильную, по нашему мнению, трактовку вопроса мы находим у Гольмана. Этот автор считает, что туземное накопление, сосредоточивавшееся в русских банках («монополии иностранного капитала»), так же как и иностранный капитал, притекавший в промышленность непосредственно, направлялись для развития всех отраслей промышленности, кроме производства средств производства. Делалось это с целью превращения России в экономический придаток западноевропейского капитализма.

«Туземное накопление, достигнув значительных размеров, из возможного источника эмансипации народного хозяйства России превратилось в самом деле в дополнительный ресурс еще большего подчинения его иностранному финансовому капиталу. В руках последнего туземное накопление было использовано 1) для вывоза платежей по займам и дивидендам (400—450 млн. р. в год), 2) для развития всех отраслей промышленности, кроме производства средств производства. Искусственное консервирование иностранным финансовым капиталом застоя в этой отрасли создало и упрочило «до черную» зависимость русского империализма и, подстрекая ввоз оборудования из-за границы в Россию, еще больше усилило эту зависимость»¹.

Как на один из факторов технической отсталости России, Гольман указывает на «задерживающее влияние Зап.-европейского финансового капитала, избегавшего вкладывать свой ресурс» (а поскольку он владел туземным накоплением, и туземные ресурсы в русскую машиностроительную промышленность и предпочитавшего ввозить из-за границы средства производства)². Лаконическое примечание—«по данным С. Г. Струмилина в среднем 62% машин, ввозилось из-за границы» представляет собой единственное доказательство, приводимое Гольманом в защиту этого положения. Необычная для Гольмана

¹ Гольман, статья в «Плановом хоз.» № 4 за 1927 г., стр. 129, и «Русский империализм», стр. 400.

² Гольман—«Русский империализм», стр. 406.

краткость, очевидно, не может быть объяснена недостатком места. Тем более, что «аргумент», приведенный Гольманом, сам по себе ничего не доказывает.

В действительности же отношения в сфере внешней торговли почти не были связаны с отношениями зависимости на основе экспорта капиталов в Россию.

Страны, игравшие главную роль в импорте капиталов в Россию, далеко не играли той же роли в импорте товаров в нее.

В этом можно убедиться сразу же, если только сравнить данные об участии различных стран в ввозе капиталов в России с участием их в ввозе товаров вообще, готовых изделий в частности и машин в особенности.

Ввоз готовых изделий распределялся по странам следующим образом¹:

Г о д ы	Бельгия		Велико-брит.		Германия		Соед. Шт.		Франция		Прочие страны		Всего В млн. руб. %0/0
	В млн. руб.	%0/0	В млн. руб.	%0/0	В млн. руб.	%0/0	В млн. руб.	%0/0	В млн. руб.	%0/0	В млн. руб.	%0/0	
1898	9,2	4,7	41,7	21,4	93,2	47,9	3,6	1,8	8,0	4,1	38,6	20,1	194,3
1902	1,5	1,0	22,6	13,4	86,2	53,6	7,2	4,5	6,7	4,2	36,5	23,3	160,7
1906	1,7	0,7	26,1	10,9	117,9	49,6	10,7	4,5	6,1	2,6	75,2	31,7	237,7
1908—1912	1,2	0,3	36,1	10,9	202,3	61,4	19,6	5,9	8,7	2,6	61,1	18,9	329,0
1913	1,5	0,3	47,8	10,6	299,8	66,5	20,0	4,4	9,1	2,0	72,4	16,2	450,5

Франция и Бельгия, имевшие в России по данным Оля² к 1915 г. 1.066 млн. руб., вложенных в торгово-промышленные и кредитные предприятия (45,6% всего иностранного капитала), ввозили в 1908—1912 г. всего лишь 2,9%, а в 1913 г.— даже только 2,3% общего ввоза изделий. Наоборот, Германия, поместившая в России к началу войны всего 436,1 млн. р. (19,7% всего иностранного капитала), ввозила в Россию в 1908—12 гг. 61,4%, а в 1913 г.— даже 66,5% общего ввоза изделий.

Усиленный импорт в Россию капитала из Франции, Бельгии и Великобритании в годы 1900—1914 и повышение удельного веса вложений этих стран сопровождаются не только относительным, но в некоторых случаях и абсолютным уменьшением размеров экспорта изделий из них.

Совершенно обратное явление замечается с ввозом изделий из Германии, хотя темп прироста вложений германского капитала в России значительно меньше, чем темп прироста французского, бельгийского и английского капиталов.

С 1900 по 1915 г. размеры инвестированного в России французского капитала выросли с 226,1 млн. р. до 687,9 млн. р., т.-е. более

¹ Обзоры внешней торговли России за соответствующие годы.

² П. В. Оля—«Иностранные капиталы в нар. хоз. довоенной России», стр. 15, 1925 г.

чем на 200%, тогда как экспорт изделий из Франции в Россию вырос с 8 млн. р. в 1898 г. до 8,7 млн. р. в год в 1908—12 гг. и 9 млн. р. в 1913 г., т.-е. всего на 10—12%, а относительно уменьшился почти вдвое.

Размеры инвестированного в России английского капитала возросли с 1900 по 1915 г. на 291%, между тем как годовой экспорт изделий из Великобритании составлял 41,7 млн. р. в 1898 г., 36,1 млн. р. в 1908—12 гг. и 47,8 млн. р. в 1913 г., уменьшившись за период с 1898 по 1913 г. с 21,4 до 10,6% всего ввоза. Несмотря на новый приток капитала из Бельгии, импорт бельгийских изделий в Россию уменьшился с 9,2 млн. р. в 1898 г. (4,7% русского импорта изделий) до 1,5 млн. р. в 1913 г. (0,3% русского импорта изделий).

Размеры германского капитала в России выросли с 1900 по 1914 г. всего на 99%, т.-е. значительно меньше, чем размеры французского и английского капитала. Но экспорт изделий из Германии возрос с 93,2 млн. р. в 1898 г. до 299,8 млн. р. в 1913 г., т.-е. на 221,6% и с 47,9% до 66,5% всего русского импорта изделий.

Мы видим, что экспорт товаров из передовых капиталистических стран в Россию развивался по совершенно иному пути, чем экспорт капиталов. Это происходило потому, что экспорт товаров не следовал за экспортом капиталов. Причина роста значения Германии в ввозе в Россию лежит не в экспорте капиталов из нее, а в общем усилении ее конкурентной способности на мировом рынке товаров.

В общем ввозе готовых изделий решающую роль, особенно в годы промышленного подъема, играли машины и другие изделия металлообрабатывающей промышленности. Так, например, в 1913 г. лишь по девяти важнейшим группам ввозных машин и металлоизделий (по каждой из которых ввозилось не менее чем на 10 млн. р.), ввоз составил 228.660 тыс. р., т.-е. 50,7% общего ввоза готовых изделий. Ввоз этот по отдельным группам и по странам распределялся следующим образом¹ (см. табл. на след. стр.).

Таблица показывает, что по восьми из девяти групп ввоза важнейших изделий металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Германия стояла на первом месте. На ее долю приходилось от 56,1 до 89,4% общего ввоза их в Россию. Германия была почти монопольным поставщиком машин и частей к ним, станков для обработки металлов, газовых и нефтяных двигателей, физических приборов и аппаратов, т.-е. наиболее сложных и тонких изделий, по которым зависимость России от заграницы была наибольшей.

Спрашивается, был ли ввоз этих машин из Германии результатом соответствующей политики ее банков в области экспорта капитала в Россию, того, что они избегали вкладывать капиталы в русское машиностроение? Ничуть не бывало. Доподлинно известно, что область машиностроения на ряду с химической была излюбленной сферой приложения германского капитала в России, хотя одновременно это были области, в которых экспорт из Германии играл наибольшую роль.

¹ Обзор внешней торговли России за 1913 г., т. I.

Изделия	Велико-Британия		Германия		Соед. Шт.		Франция		Всего во все страны	
	В тыс. пуд.	В %/о	В тыс. пуд.	В %/о	В тыс. пуд.	В %/о	В тыс. пуд.	В %/о	В тыс. пуд.	В тыс. руб.
Машины из железа, чугуна и стали . . .	1.379	13,9	7.445	75,0	480	4,8	156	1,5	9.924	92.581
Части машин и аппаратов	222	13,6	1.134	69,5	128	7,8	—	—	1.630	18.561
Физ. приборы и аппараты	—	—	405	89,4	—	—	—	—	453	21.202
Железн. и стальные изделия	344	12,9	2.056	77,0	44	1,6	18	0,6	2.669	20.642
Станки для обработки металлов	132	11,5	916	82,8	47	4,2	—	—	1.141	12.788
Газов. и нефтян. двигатели	278	27,7	563	56,1	55	5,5	—	—	1.004	11.390
С.-хоз. машины сложные	738	30,2	612	24,9	640	26,2	—	—	2.445	13.939
Разн. металлическ. изделия	120	10,1	712	59,6	—	—	34	2,9	1.195	13.767
С.-хоз. машины простые	—	—	2.439	—	825	—	—	—	—	24.790
										228.660

Известно также, что наиболее крупные машиностроительные, электромеханические и электротехнические предприятия в России были созданы преимущественно на германские капиталы¹.

Вложения германского капитала в русские машиностроительные, электромеханические и электротехнические предприятия составили к началу 1917 г. 53.846 тыс. р., или 17% общей суммы вложений германского капитала в России, тогда как вложения французского капитала в те же отрасли составили всего 47.872 тыс. р., или 6,6%, а у английского капитала всего лишь 18.738 тыс. р., или 3,7% общей суммы вложений его в России.

Таким образом, Германия, которая из всех стран была, казалось, наиболее сильно заинтересована в том, чтобы задержать развитие русского машиностроения, наиболее интенсивно содействовала ему. Это делалось с особенно сильным упором в сторону электромеханических и электротехнических предприятий. Но как раз ввоз предметов этой отрасли из Германии в Россию был особенно велик.

Даже из тех скудных данных, что имеются касательно соотношений между внутренним производством и ввозом из-за границы изделий металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, можно убедиться, что зависимость России по этой линии не росла, а уменьшалась. По данным Гриневецкого, процентное отношение

¹ См. Оль—«Иностранные капиталы в России» 1922 г., стр. 72—77.

возва к внутреннему производству по разным группам металлоизделий и машин изменялось следующим образом¹.

Г р у п п а	1900 г.	1908 г.	1910 г.	1912 г.
Грубые изделия	17	12	14	9
Средние изделия	54	65	70	66
Тонкие изделия	188	192	172	215
Промышленные машины	250	160	159	140
С.-х. машины	110	92	90	138
Транспорт	14	10	24	24

По грубым изделиям, к которым принадлежат преимущественно предметы производительного потребления (трубы, котельное литье, проволока, электрические кабели и провода, цепи и канаты, гвозди, болты и т. п.), мы имели уменьшение зависимости от заграницы.

По средним изделиям, к которым относятся, главным образом, предметы домашнего потребления (посуда, ножевой и замочный товар, печные изделия и т. п.), а также слесарные и кузнечные изделия, мы имели незначительное увеличение зависимости. То же имело по тонким изделиям, куда также относятся, по большей части, предметы личного потребления, музыкальные инструменты, оружие, ювелирные изделия, часовой товар, точные инструменты и электрические приборы.

Зато резкое понижение зависимости произошло за 1900—1912 гг. по линии промышленных машин. Несмотря на чрезвычайно возросшее в 1912 г. (год кульминационного промышленного строительства) потребление промышленных машин (217,8 млн. р. против 165,6 млн. р. в 1910 г., 132,2 млн. р. в 1908 г. и 112,7 млн. р. в 1900 г.), ввоз по отношению к производству снизился с 250 в 1900 г. до 140% в 1912 г. При этом наиболее быстрый рост показало производство тонких машин, составлявшее в 1900 г. 1%, а в 1912 г. составившее уже 15% всего производства машин. Ввоз тонких машин показал в результате этого резкое снижение: в 1912 г. он составил менее 70% русского производства, тогда как по всем остальным группам промышленных машин в совокупности он достигал более 150%. В производстве тонких машин главную массу составляли швейные машины. Колоссальный рост производства швейных машин при слабой защите их пошлиной (от 15 до 20% их цены) целиком объясняется технической организацией производства и сбыта в руках американской компании Зингер². Таким образом, приток иностранного капитала в Россию обусловил собой уменьшение ее зависимости от заграничного ввоза и притом по линии наиболее тонких и сложных машин.

¹ Гриневецкий. — «Послевоенные перспективы русской промышленности» фиг. 4, стр. 11, изд. 1922 г.

² Гриневецкий, цит. соч., стр. 12.

Такая же эмансипация от заграницы имела место и по сельскохозяйственным машинам. Процент ввоза в Россию сельскохозяйственных машин в 1912 г. является непоказательным. Это оговаривает Гриневецкий: «По с.-х. машинам 1912 г., благодаря чрезвычайному ввозу сеялок и сноповязалок, дает исключительно высокую относительную величину ввоза» (фиг. 4).

В самом деле, уже в 1913 г. ввоз с.-х. машин, особенно сложных, резко понизился, составив 13.939 тыс. руб. против 26.645 тыс. руб. в 1912 г.

Производство с.-х. машин в России не мало обязано своим развитием иностранному капиталу, главным образом капиталу Соед. Штатов, размеры которого в этой отрасли составляли к 1917 г. 60.450 тыс. р. (Международная компания жатвенных машин в России).

Между тем С. Шт. были одним из главных поставщиков сельскохозяйственных машин в Россию.

В свете этих фактов полная несостоятельность утверждения об искусственном консервировании иностранным финансовым капиталом застоя в машиностроительной промышленности совершенно очевидна.

Так же обстоит с другими отраслями производства средств производства, в особенности с горной промышленностью, металлургией и металлопромышленностью, составляющими, как известно, основу самостоятельного экономического существования каждой страны.

Если сравним сводные данные об основных капиталах горной и металлургической промышленности и отрасли по обработке металлов и машиностроению, то мы увидим, что за 1900—1914 гг. эти отрасли, несмотря на застой 1900—1908 гг., ударивший по ним особенно сильно, развились гораздо больше, чем вся промышленность, взятая целиком, и чем любая из других важных отраслей. Основной капитал отдельных отраслей промышленности возрастал следующим образом¹:

Название отраслей	1900 г.	1914 г.	Возрастание в %/0
Горное дело, металлургия, обработка металлов и машиностроение . . .	649,5	1437,8	121,4
Химическая промышленность	93,9	130,1	38,5
Обработка минеральных веществ . . .	59,1	118,8	101,0
Текстильная промышленность	373,7	602,7	61,3
Бумажно-полиграф. промышленн. . . .	31,8	82,0	157,9
Деревообделочная промышленн.	17,8	38,8	117,9
Обработка пит. и вкус. веществ. . . .	158,3	351,3	121,9
Обработка животн. прод.	16,5	45,6	176,9
Итого по всем отраслям	1401,5	2807,1	100,3

¹ По сводным таблицам в приложении к книге Струмилина — «Проблема промышленного капитала», 1926 г.

Основной капитал горной, металлургической и металлообрабатывающей промышленности возрос сильнее, чем капитал всей промышленности и каждой из ее других отраслей, кроме бумажно-полиграфической и отрасли по обработке животных продуктов. Последние, однако, не играли большой роли; и капитал их равнялся в 1914 г. всего 4,5% всего капитала промышленности.

Удельный же вес капитала горной, металлургической и металлообрабатывающей промышленности возрос с 46,3 в 1900 г. до 51,2% капитала всей промышленности в 1914 г.

Где же в таком случае основания для утверждения об усилении зависимости от иностранного финансового капитала на основе консервирования застоя в отраслях производства средств производства? Усиление зависимости, и то незначительное, шло лишь по линии ввоза средних и тонких изделий, в которых преобладающую часть составляют предметы широкого (средние изделия) и второстепенного (тонкие изделия) личного потребления, производство которых играет незначительную роль в народном хозяйстве. Зато произошло значительное уменьшение зависимости по линии промышленных и сельскохозяйственных машин, производство которых имеет огромное значение для экономической независимости страны. Далее, мы видим повышение удельного веса важнейших отраслей тяжелой индустрии в составе всей промышленности.

Тов. Гольман был, возможно, введен в заблуждение тем фактом, что темп прироста иностранного капитала в горной, металлургической и металлообрабатывающей промышленности отставал от такового в других отраслях, результатом чего было падение удельного веса иностранного капитала в тяжелой индустрии. «Уверовав» в решающую роль иностранного капитала в русской промышленности, Гольман пришел к выводу о замедленном развитии тяжелой индустрии и об усилении зависимости от заграницы по линии ввоза средств производства. На самом деле этого усиления не было, а вытеснение иностранного капитала из тяжелой индустрии произошло потому, что в период предвоенного промышленного подъема и во время войны русский капитал устремился в нее сильнее, чем раньше. Таким образом, то, что представляется тов. Гольману усилением зависимости от заграницы, было, наоборот, эмансипацией командных высот русской промышленности от иностранного капитала.

Попытки найти в анализе внешней торговли России подтверждение теории «дочерного» характера русского империализма не могут быть удачными. Анализ приводит к совершенно противоположному выводу, что служит новым доказательством ошибочности этой теории.

V. Система финансового капитала в России и внешняя политика русского империализма

Здесь, как и в предыдущих разделах настоящей статьи, мы хотим дать не исчерпывающее изложение вопроса, а только постановку его.

Предыдущий анализ дает руководящую нить для понимания внешней политики русского империализма.

Как система внешней политики, русский империализм никогда не был чистым капиталистическим империализмом. В нем было немало элементов военно-феодалного характера, как это отмечал Ленин¹.

Поскольку же он был капиталистическим империализмом, он был политической «надстройкой» системы финансового капитала в России. Последняя представляла собой переплет различных составных частей, среди которых к началу мировой войны русской системе финансового капитала принадлежала наибольшая роль. Это получило свое отражение во внешней политике русского империализма.

Со времени вступления России в фазу монополистического развития она участвовала в двух войнах: русско-японской 1904—05 гг. и мировой войне, из которой вышла в результате Октябрьской революции.

Империалистический характер русско-японской войны стоит вне всякого сомнения. Это была борьба за *передел* Дальнего Востока между Россией и Японией. За спиной Японии стояла Англия, что не мешало Японии иметь самостоятельные империалистические цели. Мировая война была борьбой за передел всего мира.

Каковы были движущие силы, толкнувшие Россию в эти войны? М. Н. Покровский, следуя Ванагу, относит вступление России в фазу империализма к 1906—10 гг. и отрицает у России наличие собственных капиталистическо-империалистических интересов в русско-японской войне. Покровский объясняет участие России в ней, с одной стороны, потребностями «русского экспортного и русского торгового капитала найти чрезвычайно выгодную дорогу, единственный, кстати сказать, в коммерческом смысле выход из Восточной Сибири, восточнее Енисея, потому что вывоз по железной дороге стоил бы слишком дорого»², с другой — враждой германского империализма против английского, стоявшего за спиной Японии.

«В первом издании настоящей книжки («Очерки по истории русского революционного движения». Е. Г.) — пишет тов. Покровский, — я рассматривал еще политику Николая на Дальнем Востоке, как нечто самодовлеющее, и так как для самодовлеющей политики на Дальнем Востоке никаких мотивов, кроме империалистических, предположить было бы невозможно, то далее следовала у меня характеристика русского империализма конца XIX и начала XX веков» (т.-е. в частности утверждение, что русский капитализм вступил в монополистическую стадию уже в конце 80-х годов. Е. Г.).

Но затем в воззрениях тов. Покровского на причины русско-японской войны наступает изменение.

«Появившиеся с тех пор работы — в особенности тт. Ванага и Ронина — выяснили со всею очевидностью, что говорить «о русском империализме» в этот период нельзя, не извращая самого слова «империализм», как оно употребляется в теоретической литературе. Мало того, работа тов. Ронина показала, что даже для 1914 г.

¹ Ленин, т. XIII, ст. «О сепаратном мире».

² Покровский — «Очерки русского революционного движения», стр. 99, изд. II.

говорить «о русском империализме» можно лишь весьма условно, что Россия даже накануне империалистической войны была ареною действия гораздо более иностранного финансового капитала, нежели туземного».

Все это в политической плоскости можно резюмировать одним выводом: русское правительство даже в 1914 г.—а в 1904 г. тем более—было в гораздо большей степени орудием международного империализма, нежели самостоятельным фактором империалистической политики. И тут те же самые данные из переписки Вильгельма с Николаем, из дневника Куропаткина и т. п. стали перед автором в совершенно новом свете¹.

Но тов. Покровский, по нашему мнению, поспешил отказываться от своей прежней оценки русско-японской войны. Хотя данная им характеристика русского империализма конца XIX и начала XX веков весьма далека от того, что было в действительности, все же она ближе к истине, чем та точка зрения, которой он придерживается сейчас.

Тов. Томсинский при всех неточностях, за которые на него справедливо обрушился тов. Покровский в своей статье о социальной природе русского самодержавия, все же показал, что у царской России в русско-японской войне были самостоятельные империалистические, в ленинском смысле этого слова, интересы. Причину вступления России в эту войну Томсинский правильно видит в ужасающей депрессии, постигшей русскую промышленность после кризиса 1899 г. Это заставило русскую буржуазию искать рынков на Дальнем Востоке.

«После 1900 г. вплоть до 1905 г.—пишет Томсинский,—идет ряд лет с очень выгодным активным балансом (+168, +261, +319, +355, +442). Никогда еще Россия не имела такого счастливого торгового баланса, между тем никогда еще не было такого пароксизма империалистической политики, как в те годы, которые совпадают с промышленным кризисом и с очень высоким активным торговым балансом. Если даже принять 1899 и 1900 годы за начало войны с Японией, то бацилла лихорадки была в мировом финансовом кризисе, начавшемся в конце 1899 г.»²

«Металлургия, созданная исключительно железнодорожным строительством и иностранными займами, не могла не продолжать свое «творчество» в такой выгодной стране, как Китай. Для нее в годы кризиса это было вопросом жизни».

Дальний Восток имел, или по крайней мере мог иметь, большое значение и как рынок для русской нефти (стр. 272). Возражение Покровского, что Китай был для русской нефти несущественным рынком, так как в Китай ввозилось меньше нефти, чем в Персию (стр. 296), неосновательно: Китай с его четырехсотмиллионным населением имел значение огромного потенциального рынка, и в недалеком

¹ Покровский.—«Очерки русского революционного движения», стр. 99 изд. II

² «Вестник Коммунистической Академии», № 15, стр. 263. (Курсив наш).

будущем он мог поглотить во много раз больше русской нефти, чем Персия с ее населением в несколько миллионов человек.

«Итак,—заключает Томсинский,—японская война, происшедшая на рубеже XIX и XX веков, на рубеже превращения промышленного капитала в финансовый, была в значительной степени и империалистической войной. Она не может быть отнесена к типично-империалистическим войнам, так как в России еще не было финансового капитала, хотя войну фактически вел Русско-китайский банк».

В этом выводе слабая сторона построения тов. Томсинского. Все данные говорят за то, что русско-японская война—империалистическая. Имея перед собой положения Ванга о вступлении России в фазу монополистического развития после революции 1905 г., Томсинский не решает признать русско-японской войны империалистической и вынужден прибегать к понятиям «в значительной степени империалистической», империалистической, но не «типично-империалистической», одним словом, «без пяти минут империалистической». Но таких войн, как известно, в истории не было. Без монополистического капитала нет империалистической, в ленинском смысле этого слова, войны. Русско-японская война потому имеет все признаки империалистической, что она представляет собой порождение монополистического капитала, зародившегося в России во второй половине 90-х годов.

Как обстоит с участием России в мировой войне? Вот что говорит Покровский об этом¹:

«Совершенно так же и в той же самой плоскости в другой статье он (Ленин) предугадал ту характеристику, которую мы в настоящее время даем русскому империализму. Как известно, последним словом науки в этой области является открытие, сделанное товарищем, принадлежавшим к Комм. академии, и заключающееся в том, что по сути дела не было национального русского империализма, что по сути дела русский империализм это был англо-французский империализм, опиравшийся на русские силы, русские средства и оперировавший на русской территории. Это, так сказать, последний вывод нашей науки в этом отношении; тов. Ронин обосновал это в своей книге «Заграничный капитал и русские банки», а к тов. Ронину присоединился в своем предисловии тов. Крицман. И вот раскройте теперь во 2-м дополнительном томе сочинений Ленина, стр. 78, и вы там прочтете: «Россия ведет войну не на свои деньги. Русский капитал есть участник англо-французского. Россия ведет войну, чтобы ограбить Армению, Турцию, Галицию. Гучков, Львов, Милюков, наши теперешние министры не случайные люди. Они представители, вожди всего класса помещиков и капиталистов. Они связаны интересами капитала. Капиталисты не могут отказаться от своих интересов, как человек не может поднять себя за волосы. Во-вторых, Гучков, Милюков и К^о связаны англо-французским капиталом. Они на чужие деньги вели и ведут войну».

¹ Покровский.—«Ленин о внешней политике» в «Вестнике Коммунистической Академии», № 19.

Тов. Покровский хочет этим доказать, что самодовлеющих мотивов для участия в мировой войне у России, по мнению Ленина, не было. Участвуя в мировой войне, Россия была слугой англо-французского империализма, точно так же как в 1904 г. исполняла задания германского империализма. Так истолковывает тов. Покровский Ленина. Что же говорит сам Ленин на этот счет?

«Война порождена империалистическими отношениями между великими державами, т.-е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, *при чем на первом месте стоят в этой войне два столкновения. Первое—между Англией и Германией. Второе—между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные—несамостоятельные союзники*»¹.

Как будто не похоже на то, чтобы Ленин считал, что у России в мировой войне не было самостоятельных целей. Похоже на то, что, по Ленину, скорее Франция, поскольку дело шло о борьбе за мировое господство, играла второстепенную роль в этой войне, хотя совершенно несомненно, что она имела самостоятельные цели, в первую очередь, возврат Эльзас-Лотарингии. Говорить таким образом о зависимости от Франции позиции России в этой войне, основываясь при этом на Ленине, не приходится.

Как обстояло дело в отношении зависимости России от Англии? Исполнял ли русский империализм задания английского империализма в мировой войне? Вот что говорит Ленин по этому поводу.

«На-ряду с столкновением разбойничьих интересов России и Германии существует не менее, —если не более—глубокое столкновение между Россией и Англией. Задача империалистической политики России, определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: *при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению, и особенно Константинополь), а затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д.*»².

Выходит как будто так, что Россия *использовывала* союз с Англией и Францией для того, чтобы осуществить свои *собственные* цели в отношении Германии и Турции. Выходит, что русский империализм был не только независим от английского, но ставил себе самостоятельные цели, прямо враждебные английскому империализму.

Утверждение Ленина о том, что «Россия ведет войну не на свои деньги», что «русский капитал есть участник англо-французского», что «Гучков, Миллюков с К⁰ связаны англо-французским капиталом, они на чужие деньги веля и ведут войну», отнюдь не означает того, что русский империализм есть то же самое, что англо-французский

¹ Ленин, Собр. соч. т., XIII, стр. 387.

² Ленин, Собрание соч., т. XIII, стр. 387.

империализм. Ленин не мог этого думать уже потому, что считал противоречие между Россией и Германией одной из двух основных причин, вызвавших мировую войну, и потому, что ясно видел противоречие между русским и английским империализмом, противоречие, которое считал основным в возможной будущей войне (если бы империалистическая Россия не стала советской).

Россия вела войну на англо-французские деньги и потому была связана англо-французским империализмом. Точно так же и последний был связан русским империализмом, так как русская армия была одним из важнейших факторов победы над Германией, и эта связанность облегчала царскому правительству возможность добиваться от Англии уступок в вопросе о проливах, распуская слухи о предложениях сепаратного мира со стороны Австрии¹.

Но эта связанность русского империализма отнюдь не означала, что Россия не имела самостоятельных целей в этой войне, что Россия вступила в нее по указке англо-французского империализма. Россия брала у союзников деньги на войну, для того чтобы осуществить *собственные* цели. Англия и Франция давали ей эти деньги, потому что, в противном случае, Россия выбыла бы из строя борющихся на стороне согласия держав, что означало бы удар по англо-французскому империализму.

Цели России в мировой войне, как мы видели, сводились к захвату Галиции, Армении и, главное, Константинополя с проливами. Потребностями какого класса диктовались эти цели? Ответ на это мы находим у французского писателя Хошилера, который в самый разгар войны (1916 г.) писал:

«Утверждение, что истинными творцами стремления России к Константинополю являются промышленники Донецкого бассейна, насколько не будет парадоксальным. *Решившись завоевать столь близкие к ним рынки Востока, они в 1902 г. отправили в Турцию, Румынию, Болгарию, Грецию и Италию специальную миссию для изучения путей сбыта топлива и металлургических продуктов Южной России.* По своем возвращении эта миссия представила чрезвычайному съезду горнопромышленников, состоявшемуся в 1902 г., отчет, начинавшийся следующими знаменательными словами:

«Босфор и Константинополь с незапамятных времен привлекают к себе торговую Россию. С незапамятных времен Босфор и Константинополь являются центром для мировой торговли, каковой по своему географическому положению находится вполне в орбите Южной России»².

Константинополь и проливы были для Донецкого каменноугольного и Кавказского нефтеносного и рудоносного бассейнов ключом к завоеванию ближневосточного и средиземноморского рынка для донецкого угля и металлургических продуктов, кавказской нефти, марганца и

¹ См. М. Н. Покровский и—«Царская Россия и война» и др. ооценизвестные документы.

² М. Хошилер, сб. «Проливы», изд. Соц. Акад. 1924 г., стр. 59.

пр. ¹ Не говоря уже о Ближнем Востоке, донецкий уголь имеет территориальные преимущества перед английским и германским углем во всех портах Средиземного моря вплоть до Генуи.

Мариуполь; погрузочный порт Донецкого района, ближе к главнейшим станциям Средиземного моря, чем Кардиф и Ньюкэстль:

	В морских милях		
	От Мариупо- ля (через Дарданеллы)	От Карди- фа (через Гибралтар)	От Ньюкэ- стля (через Гибралтар)
Константинополь	549	2958	3346
Пирей	910	2693	3081
Александрия	1288	2958	3346
Порт-Саид	1348	3078	3466
Неаполь	1544	2128	2516
Генуя	1865	2003	2391

Грузовой пароход идет от Кардифа до Александрии 328 час., от Мариуполя до Александрии 143 часа.

Начиная уже с 90-х годов, донецкие углепромышленники неустанно исследовали всевозможные выходы для русского антрацита на балканский и средиземноморской рынки.

«Короче говоря, — пишет Хошилер, — Донбасс готовился к решающей роли на внешнем рынке, конкурируя, главным образом, с немецким, а также и английским, углем» ².

Интересы Донбасса, нефтяных и рудоносных районов Кавказа были интересами финансового капитала, ибо еще задолго до начала мировой войны горное дело и металлургия в России в своей решающей части пережили процесс финансово-капиталистического перерождения. Но, как мы знаем, система финансового капитала в России состояла из различных частей: русской системы финансового капитала, отростков иностранных (французской, английской, германской и бельгийской) систем финансового капитала и промежуточных форм в виде сращивания русского и иностранного банкового и промышленного капитала в различных вариантах.

Поскольку Россия в мировой войне преследовала капиталистическо-империалистические цели, это были в первую очередь цели русского финансового капитала, игравшего во всей системе финансового капитала в России перед войной наибольшую роль. Против осуществления этих

¹ «Тот, кто завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного, он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах». (из записки Сазонова Николая от 23/XI 1913 г. см. приложение к брошюре М. Н. Покровского «Царская Россия и война»).

² Хошилер, цит. соч., стр. 68.

интересов боролся английский и германский финансовые капиталы, не смотря на то, что они имели значительные интересы в России, которые могли выиграть от захвата Россией Константинополя и проливов. Согласно Франции на этот захват диктовалось необходимою обеспечить себе поддержку русской армии. Смешно было бы и думать о том, что цель захвата Константинополя и проливов, *из-за которой Россия вступила в войну*, была поставлена перед ней французским финансовым капиталом, заинтересованным в Донбассе.

Но не нужно забывать еще того, что самодержавное царское правительство было прежде всего представителем помещичьего класса. Стоило ли с точки зрения интересов этого класса ввязываться в войну для завоевания проливов, Галиции и Турецкой Армении? Безусловно стоило. Прежде всего это сулило представителям правящего помещичьего класса, из которого набиралась главная масса высших и средних чиновников, новое широкое поле для приложения своего «труда». Но это имело третьестепенное значение. Главным же было то, что проливы были жизненным нервом русского хлебного экспорта, от которого сильно зависело благосостояние помещичьего класса. В XX веке Россия вывозила через Константинополь 75—80% всех хлебных злаков, при чем пшеница перед войной шла почти исключительно (на 87,2%), а ячмень на все 100% этим путем. Постоянная угроза закрытия проливов в условиях растущего хлебного экспорта (в связи с увеличением производительности черноземной равнины) была причиной, побуждавшей царское правительство, начиная с конца прошлого века, ставить перед собой в плоскости немедленного разрешения вопрос о захвате Константинополя и проливов.

Тесное переплетение интересов русского финансового капитала с интересами помещичьего класса было причиной того, что Россия приняла участие в мировой войне.

Е. Грановский

ЛОГИЧЕСКАЯ РЕФОРМА А. БОГДАНОВА

(По поводу доклада А. Богданова „Пределы научности рассуждения“)

В своем докладе А. Богданов поставил чрезвычайно интересный и очень важный логический вопрос—вопрос о границах и о гарантиях достоверности рассуждения. Действительно, роль рассуждения в науке чрезвычайно велика. Все рациональные части научного знания выражаются, излагаются и обосновываются при помощи рассуждения. Всякое доказательство любой теоремы в математике, в механике, в физике, всякое развитие *гипотезы*, всякое изложение *теории*—в своей *логической* форме—есть не что иное, как *рассуждение*. Огромному реальному значению рассуждения во всех актах научного мышления вполне соответствует та крупная роль, какую играет анализ рассуждения в *логике*, в науке, которая своим объектом имеет мышление, направленное на предметное знание. В своей большей части логика есть наука о рассуждении.

Нельзя сказать, чтобы задача анализа и критики рассуждения была оригинальной идеей А. Богданова. О первостепенном значении рассуждения (reasoning) говорил Джон Стюарт Милль. Вслед за Уэтли Милль утверждал, что рассуждение, или умозаключение, есть главный предмет логики¹. Уже в первых параграфах Введения в «Систему логики» мы находим у Милля отчетливое различие двух видов знания. «Мы познаем истины,—говорит Милль,—двоим путем: некоторые прямо, некоторые же не прямо, а посредством других истин. Первые составляют содержание интуиции, или сознания; последние суть результат вывода»². «Таким образом,—читаем мы ниже—существенный отдел науки, изучающей операции человеческого разума при отыскании истины, составляет исследование вопроса о том, какие факты дает нам интуиция, или (непосредственное) сознание, и какие являются только результатами вывода»³. И отсюда Милль делает заключение, что один из важнейших вопросов логики есть

вопрос о критерии достоверности знания, опирающегося на *рассуждение*. Обязанность логики,—указывает Милль,—«заключается в том, чтобы дать критерий для определения того, обоснована или нет в каждом отдельном случае наша уверенность, поскольку последняя опирается на доказательства»¹.

Итак, тема доклада А. Богданова не представляет собой новой задачи логического исследования, а ее литературные прецеденты—система логики Милля—наводят на мысль если не о литературном влиянии Милля, то, по крайней мере, об общем для Богданова и Милля исходном пункте. Этот исходный пункт лежит в традициях английского эмпиризма, а именно—в идеалистическом *сенсуализме* агностицистического толка. Его систематизатором и завершителем был Милль, а родоначальником и инициатором... епископ Беркли.

Невысказанную, но «тайно присущую» предпосылку всего доклада А. Богданова составляет мысль, что единственным непосредственно и абсолютно достоверным содержанием знания следует считать данные ощущений и что последняя задача познания состоит в сведении всего *опосредствованного* содержания знания к его непосредственным, простейшим, неразложимым элементам—в данных ощущения.

Целевая задача доклада—в *критике* опосредствованного знания. Хотя докладу предшествует оговорка, что рассуждение есть «необходимое и могущественное орудие познания», однако, сделана эта оговорка больше для приличия. На прямое и безоговорочное отрицание опосредствованного знания и рациональной обработки данных опыта не решались даже наиболее смелые из идеалистических предшественников А. Богданова. Отрицая ценность и достоверность опосредствованного знания, они все же чувствовали необходимость отдать—хотя бы формальную—дань его непререкаемому значению в общей системе науки. Уже Шопенгауэр—этот первый крупный декадент буржуазного идеализма—маскировал свое выступление против рационального и опосредствованного знания: отрицая за ним *теоретическую* ценность, он все же отводил ему почтенную роль в *практической* ориентации. «Всякая сила и всякий закон природы,—утверждал Шопенгауэр,—каждый случай, в котором они проявляются, сначала должны быть *непосредственно* познаны рассудком, интуитивно восприняты, прежде чем in abstracto войти для разума в рефлексивное сознание»...² «В конце концов ряд оснований познания должен замкнуться таким понятным, которое имеет свою основу в *наглядном* познании. Ибо весь мир рефлексии покоится на мире интуиции, как своей основе познания»³. Но воззрение по Шопенгауэру есть не только *первичный* источник знания: из *генетического* первенства интуиции Шопенгауэр выводит ее *гносеологическое* первенство. «Воззрение,—говорит он,—априорно ли чистое, как его знает математика, апостериорно ли

¹ Милль.—Система логики, кн. 1, гл. I, § 1, изд. Г. Лемана (2-е), М. 1914, стр. 15.

² Милль.—Система логики, Введение, § 4, стр. 4.

³ Милль.—Система логики, Введение, § 4, стр. 6.

¹ Милль.—Система логики, кн. 1, Введение, § 4, стр. 7.

² Шопенгауэр.—Мир как воля и представление, I, пер. Ю. Айхенвальда, стр. 22, курсив мой (В. А.).

³ Шопенгауэр.—Мир как воля и т. д., I, стр. 42.

эмпирическое, каким оно является во всех других науках,—вот источник всякой истины и основа всякой науки... *Не доказанные суждения, не их доказательства, а суждения, непосредственно почерпнутые из интуиции и на ней вместо всякого доказательства основанные*,—вот что в науке является тем, чем солнце в мироздании: ибо от них исходит всякий свет, озаренные которым светятся и другие»¹. Но откровенно превознося достоинство непосредственного знания, критикуя знание опосредствованное, Шопенгауэр все же считает нужным смягчить резкость своей характеристики: хотя, по его мнению, опосредствованное знание в своей рациональной форме «возвращает познанию лишь то, что уже воспринято иным путем»², хотя оно «собственно не расширяет нашего знания, а только придает ему другую форму»³, однако, эта функция разума, по словам Шопенгауэра, очень ценна: «Именно то, что было познано интуитивно, *in concreto*, благодаря ему (т.-е. рациональному опосредствованному знанию) познается отвлеченно и обще,—а это несравненно важнее, чем высказанное в такой форме кажется на первый взгляд. Ибо прочное сохранение познанного, возможность его передачи и правильное и широкое применение его к практике всецело зависят от того, что познанное сделалось знанием, получило отвлеченный характер. Интуитивное познание относится всегда только к частному случаю, касается только ближайшего и на нем останавливается, ибо чувственность и рассудок могут одновременно воспринимать собственно лишь один объект. *Всякая продолжительная, связанная, планомерная деятельность должна поэтому исходить из основных принципов, т.-е. из отвлеченного знания и им руководиться*»⁴.

После Шопенгауэра всякая критика опосредствованного знания всегда выступала в уклончивой и двусмысленной форме различия между *практической* и *теоретической* установками знания. Шопенгауэр нашел счастливый и весьма удачный штамп для критики рационального знания, и этот штамп постоянно воспроизводили последующие «критики» интеллекта и опосредствованного знания. Ни Бергсон ни Джемс не прибавили по существу ни одной новой мысли к тем аргументам, с помощью которых Шопенгауэр подкапывался под опосредствованное знание. Все эти эпигоны исходят из данной Шопенгауэром идеи, согласно которой граница между знанием непосредственным и опосредствованным целиком совпадает с границей, отделяющей грубо практический интерес от направленного на истину «чисто» теоретического созерцания. У всех их признание практической ценности опосредствованного знания играет роль прикрытия, маскирует подлинную тенденцию, направленную на разоблачение опосредствованной формы познания, как формы по существу недостоверной.

¹ Шопенгауэр.—Мир как воля и т. д., I, стр. 67. (курсив мой—В. А.).

² Шопенгауэр.—Мир как воля и т. д., I, стр. 55.

³ Шопенгауэр.—Мир как воля и т. д., I, стр. 55.

⁴ Шопенгауэр.—Мир как воля и т. д., I, стр. 55. (курсив мой—В. А.).

Не избежал общей судьбы и А. Богданов. Вряд ли он даже догадывается, до какой степени традиционна, стереотипна избранная им форма нападения на опосредствованное знание. Во всяком случае, читатель, наученный опытом истории философии, вряд ли придаст хоть сколько-нибудь серьезное значение уверениям А. Богданова, заявляющего, что в рассуждении он видит «необходимое и могущественное орудие познания». Такой читатель—при всем своем уважении к писателю А. Богданову—не поверит ему на слово и обратится к анализу всей его аргументации в целом. И он не ошибется, этот недоверчивый читатель. Он скоро убедится, что единственная цель доклада А. Богданова—*действительная, настоящая* цель, освобожденная от всех маскирующих оговорок и от всех смягчающих уступок—состояла в *полном* развенчании, в *полном* отрицании *всего* опосредствованного знания.

II

Но если общая концепция доклада А. Богданова—разделение знания на прямое и опосредствованное, *формальное* признание опосредствованного в начале и решительное его отрицание в целом,—как мы показали, далеко не оригинальна, зато тот специальный способ, с помощью которого А. Богданов критикует опосредствованное знание, чрезвычайно интересен. Оригинальность А. Богданова сказалась в том, что *логическую* проблему рассуждения он пытается свести—и генетически и по существу—к *лингвистической* проблеме многозначности слова-понятия. Здесь Богдановым поднят вопрос огромного научного значения. Богданов правильно подметил, что в жизни слова зачастую кроется поразительное противоречие: слово, которое, по общему признанию, должно быть орудием социальной *связи*, средством единения в мысли, часто, напротив, *разделяет* людей; предназначенное быть методом доказательства, слово, оказывается, далеко не всегда служит этому своему назначению.

Однако, удачно открыв антиномию, которой отмечена функция слова-понятия, А. Богданов не сумел в своем докладе ни высунуть действительную природу этого противоречия, ни указать диалектическое его разрешение. На мой взгляд, источник этой неудачи Богданова коренится отчасти в крайнем несовершенстве его лингвистического анализа, отчасти же—и это самое главное—в ложности общих гносеологических и логических предпосылок богдановской философии.

Начнем с проблемы лингвистической. В основе теории А. Богданова лежит мысль, что мы абсолютно лишены возможности установить объективное, общеобязательное, общезначащее содержание слова-понятия; в нашей речи-мысли понятия всегда текут, колеблются, меняются в своем содержании, значение их всегда относительно. Из непостоянства понятия Богданов выводит логическую несостоятельность рассуждения. В длинной цепи суждений, из которых составляется рассуждение, люди употребляют тождественные *слова*, но зачастую при повторении слова мыслят в «оболочке» слова иное—хотя бы

частично—содержание. С другой стороны, одно и то же слово мыслится двумя собеседниками не в тождественном содержании. Чем длиннее поэтому рассуждение, чем больше звеньев опосредствования включает оно в себя, тем больше вероятность логической ошибки в ходе этого рассуждения.

В этой теории Богданова прежде всего поражает ее лингвистическая наивность, осмелюсь сказать даже,—примитивность. В глазах А. Богданова слово-понятие состоит из двух элементов: устойчивой звуковой «оболочки» и неустойчивого, вечно варьирующегося содержания - смысла. По правде сказать, выступить в 1927 году с таким глубоким анализом состава слова можно только при условии большой беззаботности относительно всего, что делалось в языкознании за последние 60 лет. Тов. Богданову при составлении лингвистической теории как-никак следовало бы заглянуть хотя бы в основные лингвистические работы за последние полсотни лет. Из них он узнал бы, до какой степени сложно строение слова-понятия, которое, конечно, не исчерпывается «звуковой оболочкой» и «содержанием - смыслом». Здесь важно не то, что Богданову нехватает специального знания структуры понятия. Важно то, что в богдановском представлении о понятии отсутствуют как раз те элементы, которые, если бы они были известны Богданову, должны были бы оградить его от того безграничного и безнадежного релятивизма и скептицизма, к которым в последнем счете свелся весь его доклад.

Объяснимся по существу. Та антиномия между объективным—в идеале—значением слова-понятия и необходимо субъективной его реализацией, на которую обратил внимание А. Богданов, была известна языковедам задолго до Богданова. Уже школа Гумбольдта провозгласила тезис, который в свое время казался весьма парадоксальным и который гласил, что «всякое понимание есть непонимание». Гумбольдт исходил из совершенно правильной мысли о том, что речь-мышление есть не мертвый продукт, но живая активность, деятельность. Процесс понимания чужой мысли состоит отнюдь не в том, что «содержание» мысли переходит из головы ее автора в голову воспринимающего читателя или собеседника, как вода из одного сообщающегося сосуда в другой. Понять чужую речь, чужое слово-понятие значит воспроизвести в собственном акте речи-мышления *приблизительно* ту работу мысли, которую проделал сам автор. А так как на всем свете нет двух мозгов, в которых этот процесс мог бы произойти в совершенно тождественном виде, то всякое «понимание» чужой мысли, будучи действительным пониманием—поскольку заданное содержание все же воспроизводится—есть в то же время и «непонимание»—поскольку в голове воспринимающего этот процесс воспроизведения должен пойти по путям, *лишь частично* совпадающим с путями авторской мысли. Но утверждая таким образом психологическую необходимость известного релятивизма в актах понимания, уразумения и восприятия, школа Гумбольдта выработала уже концепцию, которая, будучи правильно применена, открывала выход из тупика релятивизма и психологизма—к разумению объективного и предметного смысла слова-понятия. Эта

концепция есть понятие *внутренней формы слова*. Однако дальнейшее углубление и разработку это понятие получило лишь в трудах замечательного русского лингвиста проф. А. Потебни. Крупнейшая заслуга Потебни состоит в том, что он впервые дал исчерпывающий конкретный анализ состава слова-понятия, открыл, определил и описал его действительные элементы и тем самым объективно наметил путь к преодолению релятивизма в теории понятия и суждения, хотя сам еще—внутри собственной теории—преодолеть релятивизма не смог. В отличие от теории А. Богданова, непостижимым образом игнорирующего все результаты языкознания за последние 50—60 лет, Потебня устанавливает, что каждое слово-понятие нашего языка, если не в настоящее время, то, по крайней мере на известной исторической ступени своего развития, состоит *не из двух* богдановских элементов (звуковой комплекс-значение), но *из трех* элементов, а именно: 1) звуковой формы, 2) значения и 3) того *признака* (или группы признаков), при помощи которого указывается значение слова. Так, слово—«кисель» есть не только сочетание организованного комплекса членораздельных: гласных и согласных звуков, объединенных экспираторным ударением и т. д., и определенного смысла (название блюда). В слове «кисель», кроме звуковой формы и смысла, есть еще один элемент: отмеченный языком *признак кислого вкуса* («кисель»—«кислое»). Если мы рассмотрим соотношение между этим одним признаком и всем содержанием предмета, обозначаемого словом «кисель», то мы заметим без труда, что этот один признак играет в составе слова роль заместителя или представителя *всей суммы* признаков, образующих содержание предмета «кисель». В самом деле, кушанье, называемое «кисель», кроме кислого вкуса, обладает еще громадным множеством других признаков: цвета, запаха, плотности, химического состава и т. д. Но из всех этих признаков язык выбрал только *один*—очевидно, тот, который с точки зрения создавших впервые это слово представлялся как наиболее характерный,—и по этому признаку обозначает *весь предмет в целом*. Еще примеры. В слове «подснежник» таким признаком будет, очевидно, появление и цветение данного цветка под снегом, на снегу; в слове «черника»—черный цвет этой ягоды и т. д.

Вот этот-то единичный признак, при помощи которого язык обозначает весь предмет в целом, школа Гумбольдта-Потебни называет «внутренней формой» слова-понятия (или еще иначе: «образом», «представлением», «символом»). Но этого мало. Не все слова в современном языке заключают в себе налицо все три элемента. Огромное множество слов сознаются нами по-богдановски, как только двух-частные, состоящие из одной звуковой формы и значения. Так, в слове «мышь» мы в настоящее время не видим, не сознаем никакого признака, посредством которого язык характеризует содержание предмета, обозначаемого этим словом. И вот тут-то приходит на помощь история языка, история значения слова. Потебня показал, что каждое слово-понятие нашего языка, которое—в настоящем своем употреблении—кажется нам лишенным внутренней формы, обладало ею в полной мере на более ранних ступенях своей жизни в языке. Так, слово

«мышь» в древнейшую пору жизни индо-европейского языка означало «воровка», так как мышь, очевидно, поражала внимание своими опустошениями в запасах продовольствия. Весь предмет в целом характеризовался признаком, который, очевидно, производил наиболее сильное впечатление на людей, создавших впервые употребление слова. Так, слово «месяц» означало первоначально «измеритель» (в языке народов, у которых календарь, счет времени велся по фазам луны), а слово «корова» — «рогатое» (ср. лат. *servus* — олень, гр. — рогатый) и т. д. Схематически дело можно представить следующим образом. Пусть все неопределенно богатое всяческими свойствами и признаками содержание предмета будет обозначено фигурой А, с неопределенно расплывающимися очертаниями, пусть отдельные мыслимые признаки будут обозначены, как а, b, с, d и т. д., пусть тот единственный признак, который отмечается языком, как особенно характерный, будет, например, d. Тогда схема образного слова-понятия может быть выражена в формуле: d (А). В этой формуле d и есть элемент «внутренней формы» слова.

Разработанное Потебней понятие «внутренней формы слова» имеет громадное теоретическое значение не только для лингвистики, но также и для логики. К несчастью, сам Потебня не мог справиться с громадными проблемами, которые он поднимал на свои плечи, выдвигая теорию тройственного состава слова. Недостаток философской культуры, известный интеллектуальный провинциализм научного быта Харьковского университета, господство квази-научного эмпиризма с его неизменными спутниками: релятивизмом и психологизмом — замкнули теорию Потебни в тесный круг ложных психологических воззрений, из которого он не сумел выйти, несмотря на поистине гигантскую работу и поразительную глубину теоретической мысли. В судьбе Потебни всего трагичнее то, что открытое им понятие «внутренней формы», которое в принципе заключало в себе все данные для полного и положительного преодоления релятивизма, сам Потебня постарался использовать для закрепления именно релятивистических позиций.

Тем удивительнее наблюдать, как А. Богданов, весьма, по видимому, мало знакомый с трудами Потебни, спустя полвека после опубликования первых работ знаменитого лингвиста сумел достигнуть собственным умом в лучшем случае лишь того, что повторил в невероятно увеличенном масштабе самые досадные, давным-давно осужденные наукой ошибки Потебни, притом ошибки, обусловленные не столько чисто лингвистическими изъянами теории Потебни, сколько его философской слабостью.

Для тех, кто видит в слове тройственный состав: внешней формы, внутренней формы и значения, — должно быть совершенно ясно, что в структуре «внутренней формы» заключаются достаточные гарантии общеобязательного, общезначимого и объективного значения слова. И действительно: теория Потебни доказывает, что загадочная на первый взгляд связь между звуковой «оболочкой» слова и его логическим значением создается отнюдь не случайной и текучей ассоциативной

связью; в основе этой связи лежит замечательный акт речи-мысли, состоящий в том, что неизвестное, неопределенно-богатое всяческими признаками содержание предмета познается и закрепляется в слове посредством указания и обозначения в этом обширном целом некоторой части этого содержания, но части, уже раньше познанной, дифференцированной, имеющей языковое выражение. Так как внутренняя форма слова есть элемент, обладающий объективной значимостью (в слове «подснежник» признак «под снегом» есть объективная, предметная характеристика явления), то проблема «понимания понятий» выходит из тесного круга «субъективных процессов восприятия», превращаясь в проблему усмотрения объективного значения внутренней формы. Иными словами, лингвистическая теория образного слова неизбежно ведет, как к своему завершению, к логической теории понятий. Здесь прежде всего надо отметить, что между словом-представлением и словом-понятием никакой принципиальной границы по сути провести нельзя. Конечно, научное понятие отличается от образного слова-представления, но это отличие относительное, не безусловное. Научное понятие богаче признаками, самые признаки в нем — дифференцированное, принципы их отбора и организации — яснее, отчетливее. И все же научное, а стало быть, и философское понятие совпадает с образным словом-представлением в самом существенном: каждое представление, каждое понятие есть сумма признаков, выделенных из всей бесчисленной массы признаков предмета, при чем основанием для этого выделения и отбора всегда будет признание *существенного* характера выделяемых признаков. Здесь, по видимому, мы вернулись в лоно богдановского релятивизма. А Богданов не преминет, конечно, указать мне, что сумма признаков, которые мы считаем существенными для предмета при одной точке зрения, может оказаться несущественной — при иной. Охотно признаю это. Более того. Один и тот же предмет может стать источником для образования о нем множества понятий, составленных из совершенно различных признаков. Так, вода, как реальное, независимо от сознания существующее тело, — для всех одна и та же. Но понятие «вода» для химика — одно, для физика — другое. Химик видит в воде H_2O ; ее физические свойства и признаки его мало интересуют; физик, напротив, видит в ней тело, которое при 100° кипит (если атмосферное давление нормально), при 0° замерзает, при 4° имеет наибольшую плотность и т. д. Для физика H_2O — несущественные признаки, и он прямо опустит их в своем определении.

Какой вывод следует отсюда? Не тот ли, что содержание понятия всецело зависит от нашей «точки зрения» на предмет, от нашего «интереса», который в одних случаях велит отбирать одни признаки, оставляя без внимания все остальное, а в других, напротив, иные? Здесь действительно кроется трудность, о которую не раз уже разбивалась идеалистическая мысль. Теория понятия, выдвинутая Виндельбантом и Риккертом, потерпела поражение именно в этом пункте. Виндельбанд и Риккерт предложили новую классификацию наук — не по предмету, а по методу исследования. Единое бытие, — утверждают

они,—не может познаваться в единстве и сумме всех своих определений. Оно познается в аспекте различных наук. Все существующее многообразие наук может быть сведено к двум основным ветвям: естествознанию и истории. Естествознание и история отличаются не по объекту, который есть единое и нераздельное бытие, но по *методу*, т.-е. по тем *точкам зрения*, которые определяют и отбирают для каждой науки свойственный ей «предмет» исследования. Есть *два* направления теоретического интереса: в вещах и явлениях мира нас могут интересовать либо *повторяющиеся*, тождественные отношения и элементы, либо, напротив, их *своеобразные*, неповторимые, индивидуальные сочетания. На почве первого интереса возникает естествознание, на почве второго — история. Естествознание обобщает, *генерализирует*, устанавливает закономерность, т.-е. единообразный, повторяющийся порядок явлений. История *индивидуализирует*, т.-е. изображает события как однажды случившиеся и неповторимые, индивидуальные факты.

Теория эта, очевидно, сводит различие, существующее между науками, к различию отбирающих точек зрения. Естествознание потому существует, что у нас есть точка зрения общего или интерес к общему. История существует потому, что у нас есть интерес к неповторимым сторонам событий и фактов мира. Границы между науками имеют основание не в объекте, но в различии теоретического интереса, который внутри одного и того же объекта может последовательно направляться то на общее, то на индивидуальное.

Софизм этой теории в том, что ею совершенно игнорируется *предметная* природа сознания и познания. Вопреки теории Риккерта, науки различаются не потому, что в нашем сознании есть различные «точки зрения» или различные установки теоретического интереса. Напротив, *эти „точки зрения“ только потому и могли сложиться в нашем сознании, что в самом предмете, объективно, т.-е. до сознания, вне сознания и независимо от сознания существовали различные стороны и определения, которые для своего познания требуют каждая соответствующего аспекта или установки теоретического интереса. Предметом определяется метод, а не методом предмет.*

Из того, что научное познание предмета может осуществляться не иначе, как в рамках определенного аспекта (напр., физики, химии, физической химии и т. д.), отнюдь не следует, будто *содержание* познающего самим этим аспектом обуславливается или констатируется. Напротив. Наличие различных методологических аспектов отвечает известным структурным различиям в *самом бытии*, иными словами, определяется его предметной, объективной дифференциацией. Не произвол, не прагматический расчет и не прихоть теоретического интереса руководили людьми, когда они устанавливали аспекты физики, химии и физической химии, внутри которых изучается материя. *В самой материи* существует известная—конечно, относительная—дифференцированность физических и химических явлений, которая делает возможным раздельное изучение материи под раздельными аспектами физики и химии.

Но если так, то метод не есть всего лишь «точка зрения» или «аспект» действительности. Метод есть такая установка, которая определяется *объективной* структурой изучаемого предмета и дает возможность уразуметь *объективные* связи и отношения внутри самого предмета. Отсюда также следует, что содержание, мыслимое нами в понятиях, не исчерпывается тем, что нам открывает в предмете специфическая «точка зрения», характеризующая логическую природу данного понятия. Мыслимые в понятии признаки образуют как бы светлое ядро на темном и неопределенно широком фоне признаков, не вошедших в состав данного понятия, исключенных в силу ограниченности данного аспекта, но все же объективно принадлежащих к составу предмета и самим содержанием понятия предполагаемых. Сама ограниченность данного понятия, строгий отбор включаемых в его состав признаков, предполагает, в качестве необходимого условия, уразумение, хотя бы и не полное, не до конца ясное, взаимоотношений между отобранными и исключенными признаками предмета, образующими неясный фон вокруг светлого ядра его содержания.

Здесь мы не имеем возможности развивать теорию понятия. Но сказанного, думается, достаточно для уразумения той истины, что понятие, по своей логической структуре, вполне гарантирует *объективную* предметную ценность познания. *В понятиях мы уразумеем связи того, что есть, и притом так, как оно есть.*

В свете сказанного ясно, что развитая А. Богдановым мысль о *многозначности* понятия ни в коем случае не может рассматриваться нами, как *логическая* характеристика понятия. В докладе А. Богданова анализируется не *логическая* природа понятий, но *психологические* обстоятельства и условия, при которых обычно протекает понимание понятия, т.-е. уразумение смысла терминов, воспринимаемых в чужой речи.

В своем анализе А. Богданов с самого начала допускает огромную ошибку. По замыслу, он хотел доказать, что во всяком почти процессе рассуждения рассуждающий, незаметно для самого себя, при повторном употреблении одних и тех же терминов *подменяет* мыслимое в них содержание, которое, таким образом, при каждом новом появлении термина в составе рассуждения оказывается иным, состоящим из новых признаков. А отсюда уже А. Богданов должен был вывести, что рассуждение доказательной силы не имеет, ибо между его звеньями *нет логической связи*. Логическая цепь доказательства постоянно разрывается, в нее вступают по существу *новые* звенья, и иллюзия тождества поддерживается только тем, что звуковая оболочка слова остается одна и та же, последовательно ассоциируясь с непрерывно меняющимся содержанием термина.

Соображения А. Богданова были бы убедительны только в том случае, если бы он мог показать, что не существует никаких объективных *логических* гарантий, способных обеспечить тождество терминов внутри рассуждения, а также обеспечить логическую связь между суждениями, составляющими элементы доказательства. Вместо этого А. Богданов сам *подменил* свою задачу задачей существенно

иной. Анализ *логической* структуры доказательства он подменил *психологическим* анализом и притом даже не *рассуждения*, но *процесса понимания* между рассуждающим и тем, к кому рассуждение обращается. Но ведь это не одно и то же! Мое рассуждение может быть безукоризненно последовательным и логически безупречным, я могу в точности соблюсти тождество терминов на протяжении доказательства. Но логическая истинность моего рассуждения ни в какой мере не обеспечивает верности его понимания другими. Самая железная логика, самая пунктуальная точность и тождество в мыслимых терминах не могут оградить меня от ошибочного и нетождественного понимания и толкования моего рассуждения. Я могу 10 раз помыслить термин в одном и том же содержании, но мой читатель, оппонент или слушатель может десятикратно мыслить его каждый раз все в новом содержании. Такие случаи наблюдаются на каждом шагу: Но даже если бы подобные ошибки случались гораздо чаще, чем предполагает А. Богданов, они не могли бы доказать его теории. Из того, что люди *фактически* часто ошибаются и влагают в воспринимаемые ими понятия не то содержание, которое имел в виду говорящий или пишущий, не следует *ровно никаких* выводов относительно логической выдержанности самого понятия. Все это рассуждение А. Богданова содержит в себе логическую ошибку, которая называется *ignoratio elenchi*, т-е. подменой доказываемого тезиса. А. Богданов доказывает не тот тезис, какой обещал доказать. А. Богданов имеет в виду не *логическую* последовательность в мыслях *рассуждающего*, но частичное их полное *непонимание* в мыслях того, кто рассуждение *воспринимает*. Что дело обстоит именно так, явствует из многочисленных мест доклада: «Возьмем,—говорит А. Богданов,—какой-нибудь *разговор*, какой-нибудь *спор*. Допустим, кто-нибудь говорит, что все люди равны. А *другой* ему возражает: «Что же, я равен всякому идиоту?»—Ясно, что у *них* понятие «человек» совершенно различно. *Один* имеет в виду систему отношений человека к другим людям, человека коллективного и притом в известных благоприятных условиях, а *другой* имеет в виду человека, как существо индивидуальное, существо мыслящее. Так что они употребляют одно и то же понятие «человек», но в то же время это понятие имеет у них совершенно разное значение»¹.

Совершенно ясно, что в приведенной цитате *логическая природа рассуждения*, его *логическая* последовательность, выдержанность, связность, доказательность *вовсе даже не обсуждаются*. Вместо того указываются факты взаимного непонимания *двух* собеседников. Если бы А. Богданов ограничился анализом этих фактов, то было бы еще полбеды: тогда можно было бы рассматривать его доклад, как некоторый материал для исследования на тему «психология понимания». Но вся беда в том, что из приводимых им фактов А. Богданов немедленно делает торжествующие выводы о *логической* несостоятельности

¹ А. Богданов.—Пределы научности рассуждения, «Вестник Комм. Акад.» кн. 21, стр. 248.

рассуждения. Вот образчик богдановского «вывода»: А. Богданов утверждает, что когда определяется понятие «человек» и при этом высказывается, что человек есть «существо, делающее орудия», то «совершенно разное содержание этого понятия у *человека, который сам делает* орудия, и у *человека, который никогда не делал*. Совершенно разные значения имеет данное понятие, и все они фиксируются одним словом,—все это вокруг одного слова движется. Так что, в сущности, можно сказать,—заключает А. Богданов,—что *всякое общее понятие имеет много основных значений и бесчисленное множество оттенков*»¹. При этом сам А. Богданов разъясняет, что он имеет в виду не только многосмысленность понятий *обывательского*, житейского опыта. Все, сказанное им, сохраняет свою силу также и для *научных* понятий в составе *научных* рассуждений, которые хотя в большей степени ограничены, чем понятия обывательские, однако, не могут избежать общей для всякого понятия судьбы. «Иначе,—уверяет А. Богданов,—быть не может... эти понятия—социально созданные, а люди имеют различный опыт, люди дифференцированы... социальное создающееся содержание какого-нибудь научного понятия будет обязательно различно у *разных людей*, а кроме того, они будут различны благодаря разному применению, будут развиваться в разные стороны... *когда вы употребляете* строго научное понятие, никоим образом не надо обольщаться мыслью, что вы употребляете немногосмысленное выражение»².

Спору нет: понятие «многосмысленны», и говорящий или пишущий, вообще *рассуждающий* должен учитывать существующие варианты и оттенки вариантов в содержании употребляемых понятий. Но этот учет вовсе не может и *не должен* определяться мыслью о возможных вариантах в *понимании* понятия *другими*. Учет этот может состоять единственно в том, чтобы, выбрав и указав в соответствующем определении *одно* определенное, точно ограниченное содержание понятия, придерживаться затем этого значения во всем процессе доказательства. Если это условие соблюдено, то для *логической* корректности рассуждения *ровно никакого значения* не может иметь то, в каких вариантах или оттенках может быть помыслено наше понятие *другими*. Это—их дело, и какова бы ни была судьба моего понятия в головах *других* людей, логическая ценность моего рассуждения не может быть ни на иоту поколеблена, если только в *моем* рассуждении я не допустил подмены однажды принятого содержания термина *другим* содержанием или его оттенком.

Теперь уже не приходится сомневаться, что А. Богданов действительно допустил в своем рассуждении огромную *ignoratio elenchi*. Доклад А. Богданова—не на тему. Его настоящее название должно быть не «Пределы научности рассуждения», но скорее уж «Пределы взаимного понимания» или что-нибудь в этом роде. К вопросу о

¹ А. Богданов.—Пределы научности рассуждения, «В. К. А.» № 21, стр. 249 (курсив мой—В. А.).

² А. Богданов.—Там же (курсив мой—В. А.).

логической ценности рассуждения доклад не имеет ни малейшего отношения. Логический анализ рассуждения не только не осуществлен А. Богдановым, но самое понимание логической природы вопроса *нигде* в докладе ничем не обнаружено.

Однако забудем название доклада. Постараемся оценить его не с точки зрения соответствия формально принятыми автором обязательствами и их действительным выполнением, но с точки зрения его фактического содержания. Допустим, что цель доклада — не анализ логической природы рассуждения, но всего лишь анализ психологических условий понимания. Предположим, что тема доклада — возможность адекватного разумения чужой мысли.

Не трудно показать, что *и в этом случае* доклад не достигает цели. Проблема воспроизведения чужой мысли разрешена А. Богдановым *неправильно*. Более того. Не только она неправильно разрешена, но *и поставлена* неправильно.

Коренная ошибка богдановского анализа восприятия, или разумения, состоит в том, что слово рассматривается А. Богдановым *не в контексте речи или письма*, но исключительно, как звуковой или графический комплекс, взятый *вне суждения*, вне реального процесса мышления и его высказывания. Ошибка эта тем более странна, я бы сказал — невероятна, непостижима, — что доклад в целом посвящен анализу *рассуждения*.

На самом деле никакого анализа рассуждения — не только логического, как было показано выше, но и какого бы то ни было: психологического, лингвистического, как *будет* сейчас показано — в докладе нет в помине. Все и выступление Богданова есть в сущности не что иное, как «анализ» отдельных слов, взятых сепаратно, не в составе живой, реальной речи-мышления, но как бы написанных на клочках бумаги. Объект исследования А. Богданова — в лучшем случае толковый словарь Даля, словарь научных терминов, но никак не анализ рассуждения. «Метод» исследования Богданова до чрезвычайности прост. Наш почтенный автор берет какое-нибудь слово, например, слово «человек» или «материя» или еще что-либо, и затем «показывает», что слово это имеет множество «основных» значений и еще множество «оттенков». Еще бы. Но вопрос заключается вовсе не в этом. Серьезная действительная научная проблема заключается в конкретном исследовании тех условий, которые гарантируют слову возможность его социального применения. Первое из этих условий — синтаксическое строение речи. Слово существует, как слово, только в составе суждения. Так называемое «отдельное» слово вовсе не есть даже слово, но в лучшем случае — графический знак или фонема. «Отдельное» слово может иметь речевой, а стало быть, и логический смысл, только в тех случаях, когда оно есть «свернутое» или, точнее, «неразвернутое» суждение, несущее minimum предикативности (сказуемости). «Светает», «морозит», «скучно» — суть действительные слова только в той мере, в какой они суть предложения. Во всех остальных случаях так называемое «отдельное» слово есть не слово, но лишь абстракция, отрезок, искусственно выделенный,

вырванный из контекста предложения и в силу этого немедленно утрачивший те речевые и смысловые свойства, которые он имел, будучи элементом полного реального предложения. Ошибка А. Богданова в том, что, написав на бумаге (или произнеся) слово «человек» и вспоминая затем последовательно различные контексты или случаи функционирования этой фонемы в различных случаях речи, он наивно воображает, будто то, что он делает, есть действительный анализ «слова-понятия». На деле же эта работа относится не к логике и не к психологии и даже не к семасиологии, но, как сказано, к практике лексиконов. Если я напишу на бумаге слово «коса», то у меня действительно как-будто нет никаких объективных указаний, в силу которых я мог бы считать себя обязанным мыслить при восприятии этой графемы именно «заплетенные на голове волосы», а не «инструмент для жатвы», а не «речную отмель». В этом своем виде данное слово действительно «многосмысленно». Но в этом виде оно прежде всего — не слово. Словом оно становится только, появляясь в составе предложения. Но если я напишу ряд предложений, в роде: «я куплю себе косу новую, отобью ее, наточу ее»..., «девушка туго заплела косу», «волны прибили лодку к песчаной косе» и т. д., то даже А. Богданов, пожалуй, не станет отрицать, что для всякого понимающего русский язык человека слово «коса» в каждом из взятых предложений: 1) действительно есть слово, 2) не «многосмысленно», но вполне однозначно; однозначность эта гарантируется и обусловливается контекстом, т. е. синтаксическим строем речи, структурой предложения-суждения. Богдановская теория понятия необычайно узка и одностороння. В представлении А. Богданова понятие всегда есть отдельное слово. Но понятие может быть обозначено и выражено *целым предложением*. Так называемая дефиниция, или *определение понятия*, как раз и есть логический прием, посредством которого «слово-понятие» развертывается в целое «предложение-суждение». Определения играют колоссальную роль в системе опосредствованного, рационального познания. Рациональные науки: геометрия, анализ, механика излагаются обычно так, что в начале даются *определения*, а затем уже — аксиомы и доказательства. Рассуждение, как логическая форма, тесно связано с *определением* понятия и обычно его предполагает. Но этого мало. Понятие, именно *научное* понятие, может быть реализовано не только в суждении, как это имеет место при *дефиниции*, но также и в целом *ряде* или *системе* суждений, как это бывает, например, при *описании*. Наконец, содержание целой статьи, книги, — даже в пределе целой науки также может быть рассматриваемо, как понятие.

Обо всем этом у А. Богданова *ни слова*. Богдановская теория слова-понятия совершенно абстрактна, оторвана от анализа действительной речи, действительного мышления и действительной науки. Но даже в том случае, если мы воздержимся от намеченного нами развертывания понятия в целую систему суждений и будем рассматривать понятие только как *элемент* в составе суждения, мы должны признать, что А. Богданов не сумел выяснить тех условий, которыми

определяются возможность понимания и границы понимания понятий. В этом ему помешал метафизический взгляд на слово, удивительное нежелание или, неспособность анализировать элементы речи-мышления во взаимодействии со всеми другими категориями языка и логики.

Возможность понимания понятий обусловлена тем, что во всем составе опосредствованного знания все логические формы и приемы находятся в постоянной системной связи. Употребление понятий-терминов предполагает употребление *дефиниций* и, кроме того, соблюдение *логических законов*: тождества, противоречия и исключенного третьего и еще многое другое. Рассуждение есть не только механическая форма связи нескольких суждений. Рассуждение имеет весьма дифференцированную логическую структуру, и в нем, если можно так выразиться, зараз действуют и проявляются всевозможные формы и законы логической связи. Из них особенное значение имеют *логические законы мышления*.

Здесь мы настаиваем и поражаем А. Богданова в самом слабом пункте. Совершенно непостижимым образом А. Богданов забыл, что от пресловутой подмены значения наших понятий нас ограждают *логические законы мышления*. Нормативное действие этих законов в том и состоит, что они требуют от нас логической *последовательности*, т. е. сохранения тождественного значения терминов на всем протяжении доказательства или рассуждения. Возьмем закон тождества. В онтологическом своем применении он утверждает: всякое А есть А, иначе: всякий предмет есть то, что он есть. В этом своем онтологическом содержании закон тождества явно метафизичен и не охватывает явлений движения, изменения, развития. Диалектика ограничивает его применение случаями, когда—с точки зрения приблизительно и недалековидной практики—мы в праве рассматривать комплексы движущихся элементов мира как относительно постоянные, устойчивые. Напротив, в *логическом* своем применении закон тождества есть *один из законов связи между нашими мыслями*. В этом своем содержании он гласит: рассуждай так, чтобы во все время твоего рассуждения все понятия, тобою употребляемые, мыслились *в одном и том же* содержании, т. е. в одном и том же составе признаков. В этом содержании закон тождества ничуть не противоречит диалектике и принимается ею как категорическое и необходимое формальное условие доказательности всякого опосредствованного знания. То же самое—*mutatis mutandis*—справедливо и относительно закона противоречия.

В своих пространственных рассуждениях А. Богданов не приметил слона: *логической* упорядоченности, *логической системности* рассуждения. Одно маленькое замечание А. Богданова выдает нам его с головой. В самом начале своего доклада А. Богданов пытался *совершенно отвести* анализ логической структуры рассуждения. «Вопрос о формальной стороне механизма,—говорит здесь А. Богданов,—я, конечно, оставлю в стороне. Я буду предполагать, что рассуждение в этом смысле ведется именно так, как тогда, когда мы считаем его вполне правильным, что механизм действует *логически* «нормально», как вообще

действует у людей на данной стадии их развития»...¹. «Вопрос о ценности сосредоточится в моем анализе на *элементах* рассуждения, на тех условиях ценности, которые зависят от этих элементов. А элементы рассуждения—это понятия с их оболочкой—словами»².

Я приглашаю А. Богданова дать себе труд продумать вместе со мною выводы, вытекающие из собственных его заявлений. Вы предполагаете, что логический механизм рассуждения работает исправно. Прекрасно. Но что это значит? Это значит, во-первых, что рассуждающий нигде, ни в одном пункте, ни при каком переходе не нарушает ни одного из формальных логических законов. Это значит, во-вторых, что сколько бы раз на протяжении доказательства он ни употребил данный термин, например, «материя», он—*по закону тождества*—мыслит этот термин всюду *в одном и том же содержании или смысле*. Но если так, то совершенно непонятно, каким образом рассуждающий, *соблюдая все формальные условия мышления*, может подменить или подставить один термин вместо другого.

Если же он—вопреки поручительству А. Богданова—эту подстановку сделает, то это будет значить, что он *нарушил* закон тождества, иначе говоря, что логический механизм рассуждения оказался у него *неисправным*. О таком человеке мы в праве сказать, что в своем рассуждении он допустил логическую ошибку, мы можем попытаться выяснить *психологическую* причину этой ошибки, вывести ее из намеренной недобросовестности, либо из утомления, либо из перемены направления внимания и т. д. Но как бы ни объясняли мы ее, остается совершенно непонятным, каким образом из факта этой ошибки можно сделать какие бы то ни были выводы, опорочивающие *логическую* ценность рассуждения, как такового, как специфической логической формы.

Из этого примера видно, насколько заблуждается А. Богданов, когда он думает, будто возможно плодотворное обсуждение ценности понятий вне анализа той связи, в которой они только и могут выступать и которая неразрывно связана со всей логической организацией рассуждения. Каким образом возможно миновать логическую характеристику рассуждения и прямо обсуждать ценность «элементов—рассуждения-понятий, если наперед известно, что какую бы то ни было логическую и познавательную ценность понятия впервые могут получить только в контексте суждений и при условии включения в логическую систему рассуждения, со всей присущей ему сложностью структуры? Или, быть может, А. Богданов серьезно думает, что логическая связь между многократно повторяемыми в рассуждении терминами исчерпывается тождеством между фонемами и графемами.

Я пишу три фразы, располагая их одну под другой:

1. Косой можно зарезать человека.
2. У Маши есть коса.
3. Следовательно, Машинной косой можно зарезать человека.

¹ А. Богданов.—Пределы научности рассуждения. «В. К. А.» № 21, стр. 244.

² А. Богданов.—Там же.

Я серьезно опасаясь, что в своей «критике» рассуждения А. Богданов руководился не действительными образчиками рассуждений, но именно такими экземплярами, как только что приведенный. В этом «силлогизме» незаконное «учетверение терминов» замаскировано тождеством фонемы (и графемы) «коса». Но для кого замаскировано? Не для логически мыслящего человека, даже не для человека вообще, а разве что для глаза, скользящего по строкам, для уха, воспринимающего фонему. Но мы мыслим не глазами и не ушами. И наоборот: глаза, уши не мыслят, не умозаклучают. Итак, никакого «силлогизма», никакого «рассуждения» в нашем примере нет. Случайное¹ тождество фонемы в двух *различных словах* дает здесь возможность построить *графическое подобие* силлогизма. «Ошибка» в приведенном примере состоит вовсе не в том, что *одно слово* («коса») применено здесь в *двух различных значениях*, а в том, что в составе нашего «силлогизма» имеются *два совершенно различных* слова.

Совершенно очевидно, что подобных «ошибок» может быть придумано столько, сколько существует *омонимов* в составе данного языка. Но как бы ни было велико их возможное число, ни одному человеку, свободному от предвзятой цели, не придет в голову абсурдная мысль использовать подобные логико-грамматические анекдоты для того, чтобы построить на них критику силлогизма. Где нет силлогизма, там не может быть и данных для его критики. Где нет рассуждения, там нелепо искать основания для критики его познавательной ценности.

Но именно это и делает Богданов. *Различные термины*, тождественные только с фонетической стороны и только при условии их абстрактного раздельного произношения или начертания—в качестве «отдельных» слов,—А. Богданов ошибочно принимает за *один и тот же* термин, взятый в его различных смысловых вариантах. На этом грубом смешении А. Богданов строит всю свою «критику» рассуждения, силлогизма и вообще всего опосредствованного знания.

Совершенно очевидно, что критике этой нехватает *основного* условия: правильного учета и правильной перспективы *логической* стороны вопроса. А. Богданов как будто не замечает даже, что проблема, поднятая им в докладе, есть по существу и в первую очередь проблема *логическая*. Как ни поразительно это логическое недомыслие доклада, оно удивительно просто объясняется, как только мы поймем основную тенденцию доклада. Игнорирование логики в докладе не случайно. Весь доклад от первой до последней строчки проникнут стремлением подорвать авторитет не только рассуждения, но в лице рассуждения—*всего опосредствованного логического знания*. Отныне в историю философской литературы разбираемое нами произведение А. Богданова войдет как любопытный образчик *логомахи*,

¹ «Случайное» для логики, но не для лингвистики. Историческая редукция семасиолога устанавливает при помощи сравнительного и исторического анализа историческую закономерность и источник подобных совпадений.

столь характерной для философского декаданса современной буржуазии. Если в докладе А. Богданова есть кое-какой пафос, то всем острее своим он обращен именно против логики и логического знания.

Нигде эта тенденция доклада не выступает так отчетливо, как в критике силлогизма. Здесь А. Богданов превзошел самого себя. Много было критиков силлогизма. Критиковали его и Бэкон, и Локк, и Милль, и Зигварт. Но такой «критики», как богдановская, мы еще, признаться, не видали и вряд ли, пожалуй, еще когда-либо увидим. Чего только ни инкриминирует Богданов силлогизму. По Богданову, силлогизм—вместилище чуть ли не всех логических грехов и ошибок. В силлогизме,—утверждает А. Богданов,—вы найдете налицо *petitio principii*, и *quaternio terminorum*, и «чуть ли не все логические ошибки»¹. Чтобы не остаться голословным, А. Богданов приводит пример. Ученый биолог смотрит в поле микроскопа и видит там клетку. Ученый рассуждает: все животные дышат кислородом. Эта клетка, *повидимому*, животного характера, так как она дышит. Следовательно, она дышит кислородом.

Приведа этот пример, А. Богданов приступает к его «логическому» анализу. По его словам, данный силлогизм, как силлогизм, содержит в себе *petitio principii* и *quaternio terminorum*. *Petitio principii* состоит в том, что ученый предположил доказанным то, что должно быть доказано, а именно, что данная клетка принадлежит к классу животных. *Quaternio terminorum* состоит в том, что, мысля понятие «животные», ученый мыслил его не в тождественном содержании, ибо, включая рассматриваемую еще неисследованную новую клетку в класс понятий «животные», он изменил тем самым содержание понятий «животные» и оказался виновным в учетверении терминов.

Должен сознаться, я не верил ушам, когда слушал все это, не верил глазам, читая вновь это рассуждение в стенограмме. Стоит ли разъяснять, что все это рассуждение А. Богданова к критике силлогизма ни *малейшего отношения не имеет*. В силлогизме А. Богданов не видит основного; А. Богданов забывает, что—как логическая форма—силлогизм есть только *форма связи* между *посылками и выводами*, и ничего более. Законы и правила силлогизма указывают только те условия, при которых вывод действительно вытекает из данных предпосылок. Ошибки в силлогизме могут состоять только в таком отклонении от этих правил, при котором между предпосылками и выводом нет логической связи, когда наличие предпосылок не принуждает нас согласиться с выводом, однако, мы с ним все же соглашаемся. Что же касается вопроса об истинности самих предпосылок, на которые вывод опирается, то, конечно, истинность эта силлогизмом удостоверена быть не может, но не потому, что силлогизм, как логическая форма, порочен сам по себе, а лишь потому, что он есть только форма логической связи между суждениями.

Анализ «силлогизма», предложенный А. Богдановым, с головой выдает антилогические тенденции доклада. Весь этот анализ—клубок логической путаницы, недоразумений и прямых ошибок.

¹ А. Богданов.—Проблемы научности рассуждения, «В. К. А.» № 21, стр. 254.

Начать хотя бы с формы. Надо полагать, свой пример А. Богданов рассматривает, как типический пример силлогизма. На самом деле «силлогизм» Богданова отнюдь не является классическим образчиком этой логической формы. В силлогизме А. Богданова большая посылка («все животные дышат кислородом») выражена в форме *категорического* суждения; меньшая же («эта клетка, *повидимому*, животная и т. д.)—в форме суждения *проблематического*. Совершенно ясно, что из такого сочетания посылок нельзя получить категорического вывода. А. Богданов спешит сделать отсюда общее заключение о познавательной ценности силлогизма. По Богданову, силлогизм не может быть орудием доказательства, т. к. выводы, в нем полученные, не могут считаться категорически обоснованными.

Но это заключение Богданова совершенно неправильно, ибо произвольно. Нельзя от одного случайного и нетипического случая делать обобщение на все, в том числе и на типические случаи того же рода. Это, во-первых.

Во-вторых, в «силлогизме» А. Богданова меньшая посылка, строго говоря, вовсе даже не есть посылка, а сама представляет *вывод*, и притом вывод *неправильный*. В самом деле: ученый Богданова рассуждает: «Эта клетка, *повидимому*, животного характера, *судя по тому, что она дышит* и пр.»¹. Какая же это посылка? Это—цельный вывод. Но этот вывод даже не может быть признан правильным. Большая посылка гласит: «Все животные дышат кислородом». Отсюда ученый Богданова делает обращение: «Все, что дышит, есть животное». И уже из этого обращения получает вывод. Ход его мысли следующий:

Все, что дышит,—животное,

Эта клетка дышит,

Следовательно, эта клетка—животного характера.

Итак, меньшая посылка в богдановском силлогизме сама оказалась силлогизмом. Мало того. В этом «вставном» силлогизме большая его посылка получена путем неверного обращения. Известное правило обращения гласит, что из общеутвердительного положения можно получить путем обращения только частноутвердительное суждение. Из того, что «Все животные дышат кислородом», нельзя вывести, что «все, что дышит кислородом,—животное». Выдуманный А. Богдановым для посрамления силлогизма и логики ученый сам не умеет мыслить логически.

Стоит ли после этого раз'яснять, что критические аргументы А. Богданова никакой доказательной силы не имеют. Из того, что взятый Богдановым на подмогу воображаемый ученый строит плохие силлогизмы, отнюдь не следует, что плох силлогизм сам по себе. Ответственность за логические ошибки падает на тех, кто эти ошибки делает, а не на те логические формы, в которых эти ошибки попадают.

¹ А. Богданов.—Пределы научности рассуждения, В. К. А. стр. 254.

Так обстоит дело формально. По существу же имеем следующее. Вся богдановская критика силлогизма построена на неправильном представлении А. Богданова о сути силлогизма. В своей критике силлогизма А. Богданов повторяет ошибку английского эмпиризма. Вместе с Бэконом и другими А. Богданов упрекает силлогизм в том, что он не может быть орудием открытия и изобретения. Но силлогизм вовсе не есть орудие *открытия* истины,—силлогизм есть орудие ее *доказательства*. Критика А. Богданова бьет мимо цели. В лучшем случае в ней можно видеть запоздалое выступление против средневековой схоластики. Некоторые схоласты действительно мечтали разработать силлогистику как *ars inveniendi*, как сумму формально-логических приемов для добывания новых истин. Историческая ценность бэконовской критики силлогизма состоит в разоблачении бесплодности таких попыток. В этом оправдание бэконовского выступления. Но уже тот факт, что критика силлогистики велась Бэконом как критика аристотелизма, был печальным заблуждением Бэкона. Аристотелевская теория силлогизма весьма далека от идеи рассматривать силлогизм, как средство *ars inveniendi*. Аристотель изложил свою теорию силлогизма именно как часть учения о доказательстве. Восстание Бэкона против Аристотеля ошибочно и основано на недостаточном знакомстве с *целевыми задачами* аристотелевского Органона. Ошибка Бэкона вполне понятна, если учесть, что Бэкон боролся не столько против Аристотеля, сколько против той традиции, в какой аристотелизм преподавался и трактовался схоластикой. Но что простительно Бэкону, не может быть простительно Богданову. Последний мог бы знать, что силлогизм есть одно из основных логических орудий для *доказательства*.

Мы подробно остановились на ошибках Богданова, раскрыли их логическое строение. Ограничиться учетом и логическим анализом всех этих промахов значило бы остановиться на полпути. Мало видеть, что Богданов ошибается. Интересно, важно, нужно знать, *почему* и *для чего* он это делает. Уже в предыдущих анализах мы отметили кое-что из тех причин, которые привели А. Богданова к его странному логическим заблуждениям. Анализ силлогизма раскрывает нам *основную* причину этих заблуждений. Состоит она в крайне низкой оценке *доказательства* и вообще опосредствованного знания.

В глазах Богданова *доказательность* вовсе не есть необходимый признак знания. С одной стороны, обычные формы, в которых ведется и реализуется доказательство, в частности—силлогизм, по Богданову,—полны ошибок и не могут быть признаны за достоверные устои познания. С другой стороны, наличие заведомых ошибок в ходе доказательства вовсе не означает, по Богданову, несостоятельности конечных выводов и заключений. Согласно теории Богданова даже полное логических ошибок доказательство может часто завершаться *правильными* выводами; так бывает, по Богданову, во всех случаях, когда действие одной логической ошибки парализуется или нейтрализуется действием другой. Свою теорию А. Богданов пытается

подтвердить ссылками на современное состояние математики. Современные математики установили,—указывает А. Богданов,—что многие классические теоремы элементарной геометрии и анализа заключают ошибки в ходе доказательства. Их доказательства неточны, неверны. Однако самые теоремы, т.е. выводы из доказательств,—правильные. Последняя инстанция доказательности, по Богданову,—в опыте, а не рациональной аргументации.

Здесь Богданов ссылается на правильные факты, но дает им не-правильное объяснение. Совершенно верно: современная математика осуществляет грандиозный пересмотр традиционной системы доказательств. По меткому замечанию Б. Ресселя, современный анализ доказал, что не только эвклидовские аксиомы не столь уж очевидны, как это раньше принималось, но даже многие теоремы вовсе не следуют из тех аксиом, из которых их обычно выводят.

Но следует ли отсюда, что момент *доказательства* утратил в математике свое прежнее значение? Ни Рессель, ни любой другой из новаторов современного анализа, конечно, не станет утверждать ничего подобного. Если старые доказательства оказались некорректны, нехороши, если в них найдены ошибки, *petitio principii*, поспешные переходы,—надо их уточнить, исправить: вот единственная мораль, какую извлекает современная математика из своих открытий. «Реформа» математики идет по линии *уточнения* доказательств, но не по линии их отмены, и притом уточнения в *рациональной конструкции* самого доказательства. Наши доказательства стали строже, но наша математика принципиально есть такая же *демонстративная* наука, какой она была и почиталась раньше. Богданов поторопился призвать математику в союзницы по борьбе против доказательства.

Сказанное справедливо не только относительно математики. Момент доказательности—основной момент во всем составе научного знания. Доказательность и научность—синонимы. Более того. Момент доказательства истины *для науки* имеет больше значения, чем даже момент открытия. Донаучная практика открывает человеку множество истин. Но организуются в стройный космос науки эти истины только тогда, когда они оправдываются, доказываются. Много есть путей, по которым истина входит в сознание человека: истина может быть найдена путем догадки, «интуиции», методического анализа. Но каковы бы ни были эти пути—достоянием науки истина становится только с момента ее доказательства. В сущности *вся логика*, *вся методология* есть не что иное, как теория доказательства. Не о том, как находить истину, учит логика, а о том, как уже найденную—все равно каким путем—доказать, приобщить ко всему прочему составу научного знания.

Нигилистическая, упадочная сущность богдановской «гносеологии» нигде не выступает так обнаженно, как в критике доказательности. Вместе с тем нигде так не обнажается исконная связь между гносеологией Богданова и общими предпосылками его философии. Борьба против доказательства—необходимый и логический вывод из

богдановского учения *об ощущениях*. Кто видит в мире только огромный комплекс ощущений, для того доказательство становится несущественным, вторичным, производным моментом знания. Для идеалиста-сенсуалиста *знать* значит *воспринять в ощущениях*, воспринять так, как явление ощущается, без всякой мысли об объективной, вне сознания существующей основе восприятия. В конечном счете для идеалиста-сенсуалиста *указательный палец*—последняя инстанция объяснения. Поэтому же сенсуалист-идеалист—заклятый враг *рационального* знания. Его симпатии всегда на стороне *эмпиризма*. Но эмпиризм его—только ширма, удобное по неопределенности по почтенному эффекту *слово*, прикрывающее исконную идеалистическую точку зрения. Эмпиризм идеалиста-сенсуалиста—удобный предлог уклониться от обсуждения и анализа рациональной стороны знания. В идеалистически понятом «опыте» тонут, как в пучине, все объективные моменты знания.

Антирационализм Богданова—лучшее доказательство того, что его философские позиции остались теми же, что были двадцать лет назад во время споров с Плехановым и Лениным. Литературная несамостоятельность доклада А. Богданова—явная зависимость от логической традиции *английского эмпиризма*, особенно от Милля¹—косвенно подтверждает нашу мысль. Развиваясь под уклон идеализма, английский эмпиризм всегда представлял удобное убежище и прикрытие для стыдливых идеалистов наших дней. «Позитивистическая» ориентация сообщала ему авторитет научности, видимость контакта с положительным реальным знанием, эмпирическая методология, упор в «опыт» смягчала резкость идеалистических выводов.

Во всех этих пунктах доклад А. Богданова представляет мало нового, мало оригинального и мало интересного. В нем интересны не *принципы*, но *общий тон*, в котором они прокламируются. Доклад А. Богданова чрезвычайно интересен, как невероятно откровенное, прямое исповедание *полного теоретического нигилизма*. В докладе А. Богданова знаменательна энергия, с какой А. Богданов восстает против *логики*, *доказательства* и *всех рациональных элементов* знания. Вместе с тем доклад А. Богданова заслуживает внимания, как новое *анти-философское* выступление в нашей советской литературе. Независимо от субъективных целей и намерений А. Богданова, *объективно* он выступает в одном ряду со всеми—довольно многочисленными в наше время—*врагами философии и теоретического мышления*. Если в *отвлеченно-теоретической* своей форме доклад А. Богданова направлен против возможности рационального обоснования и рациональной теории, то в своей *конкретной* установке доклад этот есть новый удар по той группе работников, которая в настоящее время есть *единственная* группа, защищающая права и интересы теоретического мышления. Выступление А. Богданова есть выступление

¹ Мне не хотелось останавливаться на этой стороне доклада. Я мог бы подробно доказать близость логических построений А. Богданова к учению автора «Системы логики».

против всей философской традиции диалектического материализма, идущей от Энгельса и Плеханова и сохраняемой в наши дни только в группе товарищей, объединившихся под руководством А. М. Деборина.

Нам нет нужды повторять и напоминать А. Богданову блестящие и глубокие доводы, которыми Энгельс доказывал неустранимость рационального теоретического философского мышления. Но нельзя здесь не отметить факта, что к числу современных борцов против философии присоединилось еще одно имя. В присоединении этом есть своя логика, и есть выгода для борющихся: чище, яснее горизонт, и все яснее обозначаются *два* стоящих друг против друга фронта.

В. Асмус

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И ДИАЛЕКТИКА ИХ РАЗВИТИЯ¹

Вопрос о производительных силах может ставиться только вместе с вопросом об общественных отношениях.

Но для того, чтобы подойти к постановке проблемы в развернутой формулировке, придется начать с исследования термина «производительные силы».

Итак, мы будем идти от исследования термина «производительные силы» к постановке вопроса о диалектике общественного развития в целом.

Общеизвестны трудности, с которыми приходится встречаться при анализе термина «производительные силы».

Производительными силами Маркс и Энгельс в работах, относящихся к различным периодам, называют землевладельцев, живописца на стене, орудия труда (в частности машины), деньги, силы природы, участвующие в производственном процессе, кооперацию, водопроводы, науку, землю, электрические телеграфы, применение химии к земледелию. На ряду с этим производительные силы—это «богатство человеческой природы» и даже «революционный класс».

Однако мы попытаемся найти то общее, что объединяет все эти моменты, учтя возможность того, что самый термин в работах основоположников мог изменить свое значение.

Когда мы говорим о каком-нибудь научном термине, то полезно знать, когда этот термин вошел в научный обиход. В данном случае существенно, употреблялся ли термин «производительные силы» до Маркса².

На первый вопрос ответить легко: производительные силы мы встречаем у многих предшественников и современников Маркса (Ад. Смит, Мальтус, Ричард Джонс, Ж.-Б. Сей, Сисмонди, Рикардо, Ф. Лист, Рошер

¹ Редакция не согласна с некоторыми положениями автора. Статья идет в дискуссионном порядке.

² Вопрос о концепции производительных сил и производственных отношений в домарксовской литературе мы оставляем в данной работе в стороне.

и др.). Термин этот употреблялся в различных смыслах, но наиболее общее значение—это производительность—*производительность* труда, *производительность* населения или даже *производительность* природы (производительность земли, например) и факторы этой производительности, а с другой стороны, некоторые, как Ф. Лист (близко к нему стоит Рошер), писали о производительных силах следующие: «Те, кто воспитывает свиней или изготовляет балалайки и пилюли, конечно, производительны, но еще в большей степени производительны воспитатели юношества и учителя взрослых людей, виртуозы, врачи, судьи, администраторы...»

Первые производят меновые стоимости, вторые производят производительные силы (нравственность, религиозность, облагораживание человеческого духа), третий спасает производительные силы своих пациентов и т. д.»¹

Маркс и Энгельс, в своих работах раннего периода употребляя термин «производительные силы», как некий общеизвестный термин, не оговаривая своего несогласия с общепринятым значением, притом, надо полагать, к первой группе названных нами авторов.

Особенно отчетливо это видно по одной из ранних статей Ф. Энгельса (1844 года) «Umriss zu einer Kritik der Nationalökonomie»².

В этом же значении Маркс употребляет тот же термин, критикуя Ричарда Джонса³.

Существенно важно отметить, что в ранних работах Маркс и Энгельс говорят о производительной силе отдельного рабочего: «Если достигнуто постоянство труда, тогда действие этого изменения на производительность труда громадно. Можно считать, что сила удвоена. Двое рабочих, которые непрерывно работают сплошь целый год с утра до вечера, вероятно, произведут больше, чем четверо рабочих, которые прыгают от одной работы к другой и теряют время на то, чтобы найти заказчиков и снова получить непостоянные работы»⁴.

«Ошибочно возрастание самого труда вследствие продолжительности и отсутствия перерывов называть увеличением производительной силы: это наступает лишь постольку, поскольку непрерывный труд увеличивает личное искусство рабочего; под силой труда мы понимаем большую производительную силу, с какой применяется данное количество труда, а не изменение в количестве (по времени) примененного труда»⁵.

¹ Ф. Лист.—«Система политической экономии». Изд. Мартенс. СПб. 1891, стр. 193.

² См. «Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx»... Stuttg., B. I. S. 452 u. f. в русском издании эта статья имеется во II томе собр. сочин. Маркса и Энгельса, издаваемого Инстит. К. М. и Ф. Э. (т. II вышел в 1923 г.), стр. 333 и след. по русскому.

³ См. «Theorien über den Mehrwert». St., 1905 г., т. III, стр. 493, р. изд. Коммун. У-та им. т. Зиновьева, т. III, стр. 336.

⁴ Там же, нем. стр. 496, р. стр. 338.

⁵ См. «Theorien über den Mehrwert». St. f. g., 1905. S. 493; русское изд. Коммунистического И-та им. т. Зиновьева, стр. 336.

Вот еще применение термина «производительные силы» к отдельным рабочим:

«В принципе—нет обмена продуктами, но есть обмен работами тех, кто участвует в производстве.

От способа обмена производительными силами зависит способ обмена продуктами»¹.

В «Немецкой Идеологии» также иной раз говорится не о производительных силах общества, а о производительных силах рабочего класса.

Зато в «Капитале» речь идет только о производительных силах всего общества, *общественном* труде. Только в «Капитале» категория «производительные силы» у Маркса окончательно конструируется, как категория, относящаяся ко всему обществу в целом.

Этот вывод нам придется учесть, когда мы обратимся к интереснейшему месту из «Немецкой Идеологии», дающему весьма важный материал для решения вопроса о производительных силах.

«Таким образом, здесь обнаруживаются два факта (рукою Энгельса—Сисмонди). Во-первых, производительные силы—die Productivkräfte—оказываются совершенно независимыми и оторванными от индивидов, в виде какого-то мира на ряду с индивидами». «Таким образом, на одной стороне имеется некоторая совокупность производительных сил, которые приняты как бы вещественный вид и являются для своих индивидов уже не силами этих индивидов, а силами частной собственности и, следовательно, силами индивидов лишь постольку, поскольку последние оказываются частными собственниками», «дело дошло теперь до того, что индивиды должны присвоить себе наличную совокупность производительных сил не только для того, чтобы добиться своей самостоятельности, но просто уже ради того, чтобы обеспечить себе свое существование»... «само присвоение этих сил представляет собой не что иное, как развитие индивидуальных способностей, соответствующих материальным орудиям производства. Уже потому присвоение некоторой совокупности орудий производства равносильно развитию некоторой совокупности способностей в самих индивидах»².

В приведенном нами замечательном отрывке констатируются следующие неоспоримые факты: в капиталистическом обществе производительные силы людей отделяются от индивидов, принимают как бы вещественный вид, затем эти «силы» становятся не силами этих индивидов, а силами частной собственности; индивиды в капиталистическом обществе неспособны к труду, поскольку они не имеют возможности соединиться с производительными силами, и присвоение

¹ К. Маркс.—«Misère de la philosophie». Ed. Franc-Fogler, Paris—Bruxelles, 1847, p. 61.

² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. I, стр. 249.

Marx—Engels. Archiv, B. I, S. 295.

Т., заинтересовавшиеся ссылкой на Сисмонди, могут проследить генезис мысли, легших в основу I части этой цитаты по IV главе 2-й книги, I тома—«Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse...» par G. B. Simonde de Sismondi, стр. 90—93, по изд. Delonay, Paris, 1819.

индивидами (при социалистическом перевороте) некоторой совокупности орудий производства, рассматриваемых как производительные силы, есть развитие некоторой совокупности способностей в самих индивидах.

Отсюда следует, что если машина, взятая в своих механических, физических и химических свойствах, есть объект технических наук, а не общественных, то эта же самая машина, взятая как общественная способность к труду, есть производительная сила. Производительные силы—это не силы (способность) машин и вообще вещей, а машины и вообще средства производства, совокупность которых рассматривается, как отношение общества к природе, как способность общества к труду.

В приведенном отрывке в исключаяющих иное толкование выражениях говорится: «само присвоение этих сил представляет собой не что иное, как развитие индивидуальных способностей, соответствующих материальным орудиям производства».

Обратим внимание некоторых несговорчивых товарищей на то, что в «Немецкой Идеологии» Маркс пишет en toutes lettres, что производительные силы—это способность к труду.

Однако спор, и большой спор, может идти по поводу этого места у Маркса. Если понимать, что производительные силы—это индивидуальные способности, хотя соответствующие орудия производства, но существующие только как качество психики индивидов (да еще, пожалуй, врожденное качество), то при таком понимании налицо идеализм, метафизика и т. п.

Можно ли Марксу приписать такое понимание производительных сил, и был ли Маркс метафизиком, когда писал вместе с Энгельсом «Немецкую Идеологию»? На это можно ответить, что если Маркс и Энгельс, давали две противоречивых оценки «Немецкой Идеологии», то обе эти оценки истинны лишь в известном отношении. В основном материалистическое понимание истории было выработано, но частности могли быть еще весьма несовершенными.

Так с чем же мы имеем дело здесь: с весьма несовершенной частностью идеалистического характера или с чем-либо другим?

Надо думать, что в данном месте Маркс не развил еще вполне концепции производительных сил, поскольку говорит не о производительных силах общества, а о производительных силах индивидов или класса. В этом отношении налицо несовершенство трактовки, с которой мы уже не встретимся в «Капитале».

Но в идеализме Маркса упрекнуть не удастся, даже при самом сильном сомнении в справедливости приведенного нами выше ряда мыслей Маркса.

Ведь несомненно, что, говоря о производительных силах, как о совокупности способностей, Маркс имеет в виду не врожденные способности, а рабочую силу в действии, рабочую силу (а рабочую силу, как мы знаем, Маркс определяет, как совокупность физических и духовных способностей), соединенную со средствами производства в процессе труда.

Несомненно, Маркс под способностью подразумевает осуществляющиеся трудовые потенции индивида и общества, те возможности, которые мыслятся, как качество общественного труда.

Для того, чтобы исключить метафизическое понимание этих выражений «способность», «возможность», можно сослаться на термин «потребительная ценность».

Что такое потребительная ценность? Это полезность для общества тех или иных свойств товарного тела, это некоторое общественное свойство товарного тела; но так как эти свойства неотделимы от самого товарного тела, то Маркс называет потребительной ценностью самое товарное тело, рассматриваемое со стороны его полезных для общества свойств.

Точно так же и производительные способности, производительные возможности, производительные силы общественного труда—это общественный труд (со всеми его моментами)—люди, собственно труд, орудия и предметы труда или, что то же, собственно производство, рассматриваемое, как отношение общества к природе, как трудовые возможности, как трудовая способность общества.

В связи с этим мы выдвигаем такие положения: производительные силы общества—это его производственный аппарат (людской и вещный, взятый в действии), рассматриваемый, как производительная возможность, способность общества. Из нашего определения производительных сил, как производственного аппарата, взятого в отношении ко всему обществу—с одной стороны, и к природе—с другой, взятого, как отношение общества к природе, явствует, что каждый отдельный момент собственно производства или общественного труда, каждое из условий труда, определяющих производительность или влияющих на нее, и, в первую очередь, орудия труда, рассматриваемые, как моменты, обуславливающие степень господства общества над природой.—и будут отдельными производительными силами, элементами производительных сил общества.

Теперь вернемся опять к нашей цитате.

Мы видим, что в капиталистическом обществе эти производительные силы работников перестали быть способностями членов общества к производству прибавочного продукта, а перешли в распоряжение к капиталисту. Здесь не производитель, а капиталист получает тот избыток, который производит рабочий. Производительные силы труда здесь стали производительными силами капитала, способность труда к созданию прибавочного продукта стала (в то же время) способностью труда создавать прибавочную стоимость.

Мы видим далее, что в капиталистическом обществе способность рабочих к труду как бы отделяется от рабочих.

Оно и понятно.

Основной вид труда при капитализме—это машинное производство.

Рабочий отделен от машин. Он не собственник их.

Если рабочий не получает доступа к машинам, он—нетрудоспособен. Его способность к труду как бы отделилась от него, как бы получила в машинах вещественное бытие.

Далее мы узнаем, что производительные силы—это историческая категория, что в другие эпохи они не принимали такого чуждого индивидам вида¹.

Желая дать ориентировочную нить, мы, может, даже несколько преждевременно наметили несколько вех, не исчерпав, конечно, данными определениями и одной десятой содержания богатейшей марксовой концепции производительных сил и производственных отношений.

II

Часто приводится одно место из «Нищеты философии», то, на которое любят ссылаться в доказательство того, что производительные силы—это машины, как таковые.

«Машины в такой же мере экономическая категория, как и бык, который тащит плуг.

Машины не более, чем производительная сила. Зато современная фабрика (atelier), основанная применением машин,—это общественное отношение производства, экономическая категория»².

Если обратить внимание на окончание цитаты, которую усердные интерпретаторы обычно с'едают, то окажется, что фабрика—это не здания, трубы, машины и прочее, а общественное отношение производства, экономическая категория.

В этом аспекте становится понятным, что если сама фабрика берется, как вещественное бытие общественного отношения людей, отношения, в котором находятся капиталисты и рабочие, то машина берется, как показатель отношения людей к природе, как вещественный момент общественной способности к труду.

Вот одно замечание из «Капитала», говорящее об этом.

«Та часть постоянного капитала, которую А. Смит называет основной—средства труда, как, напр., сооружения, машины и т. п., являясь истинным показателем развития производительных сил.

В «Манифесте Коммунистической партии» мы читаем:

«Менее чем во сто лет своего господства буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производительные силы³, чем все предшествующие поколения, вместе взятые. Подчинение сил природы, машины, применение химии к земледелию и промышленности, пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, распашка целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, как бы из земли выросшие, населения... в каком из предшествующих столетий можно было предполагать, что подобные производительные силы дремлют в недрах общественного труда?»

Оказывается, не только электрические телеграфы, но даже целые пароходы дремали в глубинах общественного труда.

¹ По цит. франц. изд. 1847 г., стр. 61.

² Там же, стр. 128.

³ «Die Bourgeoisie hat... massenhafere und kolossalere Produktionskräfte geschaffen»...

Там же помещались целые нераспаханные части света, не говоря уже о таких, сравнительно скромных по объему сыпучих телах, как чилийская селитра или суперфосфаты.

Все это, в соединении с целыми, как бы из-под земли выросшими населенными, становится совсем непонятным при наивной буквальной интерпретации.

Если же принять во внимание, что все это условия развития общественной производительной способности труда, что увеличение и улучшение всех этих производительных сил является тем самым повышением производительности общественного труда, то становится совсем нетрудно примириться с тем, что пароходы дремали в недрах общественного труда. Что касается целых, как бы из-под земли выросших населений (может, и это надо буквально понимать—из-под земли, так из-под земли), то речь идет, конечно, о промышленном пролетариате, составляющем главную массу населения новых городов, и речь идет о нем, как о бытии рабочей силы.

Возросла рабочая сила—и, конечно, увеличилась производительность общественного труда. Правда, возросло и потребление, но масса прибавочных продуктов, в частности, средств производства, тоже увеличилась, и с этим возросла способность общества производить относительно большую массу качественно иных прибавочных продуктов, в чем как раз и проявляется рост производительности общественного труда.

В Коммунистическом Манифесте Маркс, говоря о производительных силах, употребляет термин «Produktionskräfte», что можно перевести—производительные силы, силы производства, факторы производительности, условия производительности.

Мы думаем, что все три перевода обозначают тождественные понятия.

Что это условия производительности, ясно из сличения только что приведенного места с популяризацией этого же места в речи Маркса на заседании Генерального совета международного товарищества рабочих, 26 июня 1867 г.¹

III

Задача уяснения понятия производительных сил заключается не только в том, чтобы сказать, что производительные силы—это средства производства или что-либо иное, а в том, чтобы показать, какое общественное свойство делает средства производства, вещи, производительными силами.

Вторая задача, основная,—это показать, в чем состоит конфликт между производительными силами и специфическими «общественными» отношениями производства.

¹ Эта речь была издана впервые на английском языке в виде брошюры под заглавием «Value, price and profit» (см. § 6). Немецкий и русский переводы («Кр. Новь», 1923, стр. 25) грешат значительными неточностями, так что для сличения необходимо обратиться к подлиннику.

Тов. Бухарин вполне справедливо замечает, что ведь не вещи же лезут на людей.

Затем, мы знаем, с одной стороны, что системой орудий труда определяется структура и все другие закономерности общества. С другой стороны, общественный строй и общественное развитие, оказываются, определяются состоянием и развитием производительных сил. Зачем вводить новый термин, если уже имеются такие, как «техника», «средства производства», «орудия труда», «предмет труда».

Последние три понятия абсолютно бесспорны. Термин «производство» также исчерпывающе разъяснен Марксом.

Что касается термина «техника», то этот вопрос до сих пор дискуссионен. Как понимать технику: как «способ производства» или как «связную систему орудий общественного труда»? (Бухарин). Мы говорим о производственной технике, о технике речи, письма, игры на рояле. Надо думать, что во всех этих случаях термин «техника» употребляется вполне закономерно.

Поставим в центр нашего внимания только производственную технику. Существует производство—совокупность людей, орудий труда, предметов труда—в движении. В самом этом процессе производства существует определенная ему присущая внутренняя закономерность.

Диалектика, например, не привносится нашими представлениями в процессе жизни. Сами процессы жизни диалектичны.

Закономерности производственного процесса так же не вносятся в него наблюдателем.

Они существуют в самом процессе производства.

Вот этот способ производства, имманентный средствам производства и их в себя включающий, определяемый орудиями труда, и есть производственная техника.

Поскольку от наличных орудий труда зависят и выбор предмета труда и качество рабочей силы, постольку понятие техника часто заменяется понятием технического аппарата.

Для практических целей это часто бывает удобно, но в принципе понятие техники охватывает собою не только вещный аппарат труда¹.

Область производственной техники охватывает, бесспорно, не только вопросы технологии, не исчерпывается только механическими, физическими и химическими процессами.

При анализе способа (труда (производственной техники) должны быть учтены и орудия труда, всегда определяющие способ общественного производства, и предмет труда, и субъекты труда (учет значения субъекта труда в трудовых процессах—нот и новая наука, социальная техника).

Если один человек при помощи цепной передачи поднимает целый мост, то физическая сила человека является непосредственным предметом техники.

Вопрос о том, сколько раз и с каким промежутком может быть поднят тот же мост одним человеком, вопрос о степени внимания,

¹ См. В. Ильин. «Развитие капитализма в России». Собр. сочин., т. III, «Три основных формы промышленности», стр. 445 (по 3-му изданию).

необходимого при этом (шире, вопросы психотехники),—все это входит в круг вопросов производственной техники.

Но способ неотделим от технического аппарата, субъектов и объектов процесса.

Самый способ производства определяется орудиями труда, ибо от изменения этой величины зависят и перемены в способах труда, в выборе предметов его и в субъектах трудового процесса.

Итак, техника—способ производства, включающий в себя как аппарат, так и приемы труда, техника—это способ труда, рассматриваемый с точки зрения закономерностей в нем.

Производительные силы—это способ воздействия людей на природу со всеми его элементами, рассматриваемый, как отношение общества к природе, как способность человеческого общества к большей или меньшей производительности.

Инженеры, которые пишут тысячи и сотни тысяч книг по технике, описывая технологию волокнистых веществ, металлов, нефти, могут по частям и в целом описать во всех подробностях способ, всю технику общественного производства, но они не выйдут из пределов технических наук, их исследование не имеет своим предметом общества, «общественных отношений» и общественных производительных сил¹.

Мы разграничили понятия «техника» и «производительные силы».

Теперь в порядке нашего исследования стоит разграничение понятий: «производительные силы», «производительная сила труда» и «производительность труда».

Текст «Капитала» позволяет провести различие между терминами «производительные силы труда» и «производительные силы».

Производительная сила труда—это производительная способность одного рабочего или даже целой отрасли промышленности.

Производительные силы—это производственные возможности всего общества. Обратимся теперь к термину «производительность» (рассматривая производительность труда только со стороны ее содержания).

Тов. Пашков в № 5 «Социалистического хозяйства» за 1926 г. делает весьма любопытную и совершенно, на наш взгляд, правильную попытку отграничить понятия «производительность труда» и «производительные силы труда».

Тов. Пашков указывает, что производительность труда определяется производительными силами труда и, кроме того, его интенсивностью.

Это совершенно верно для тех случаев, когда сравнивается производительность труда в различных отраслях одного хозяйства или у различных народов, стоящих на различных ступенях развития².

¹ В тенденции, конечно. На практике вопросы производства сталкиваются с вопросами стоимости продукции, вопрос о технических свойствах рабочей силы—с вопросом о социальной форме, в которой она применяется, и т. д. Но это будут вводные, посторонние моменты в техническом исследовании.

² Такое различие, между прочим, проводится Марксом в § 6, «Value, price and profit». Маркс, обращаясь к представителям рабочих различных стран, говорил о различной национальной средней интенсивности труда.

Совершенно бесспорное и нужное разграничение, которое делает т. Пашков между производительностью труда и производительными силами труда, делается ненужным, поскольку мы имеем дело с производительными силами, т.-е. с производительной способностью всего общественного труда.

В этом случае нельзя говорить о производительных силах отдельных отраслей общественного хозяйства, мы имеем понятие общественного труда и производительных сил этого общественного труда.

Теперь заметим, что производительность—это понятие не только количественное, но и качественное. Если мы говорим: *произведено*, то спрашиваем: *что и сколько; сколько и чего*.

Появление новой машины есть момент качественный и количественный.

Появилась новая машина—увеличилось число машин. Если эта машина нового типа, то изменилось и качество орудий труда. Вместе с тем увеличилась производительность труда в сфере производства предметов потребления (или средств производства, если машина служит для производства средств и производства), и обычно изменяется и качество тех предметов, которые производятся машиной,—машина расширяет качественные возможности производства и изменяет качество продукции.

Отметим еще, что производительность труда, его продукция, рассматриваемая только в ее естественных, технологических и прочих свойствах, не есть производительные силы (производительная способность) общественного труда.

Когда мы говорим, что производительные силы—это производительность, мы имеем в виду свойство общества, отношение общества к природе, способность общества производить, рассматриваемую в действительности, в процессе производства, выражающуюся в результатах труда.

Заметим еще, что «производительность» мы берем не как застывший результат труда, не как продукцию, а как существующую, в виде совокупности материальных агентов производства, способность общества к труду, все время проявляющуюся в результатах, которые, в свою очередь, являются условиями производительности.

Мы особенно обращаем внимание на это обстоятельство, чтобы не подать повода считать, что признание производительности общественного труда моментом, определяющим общественную структуру, что это чисто-количественная, какая-то бескачественная теория.

Теперь перейдем к вопросу о том, какие условия, определяющие производительность труда, какие из этих условий являются производительными силами, которые в совокупности именуются производительными силами труда, а в отдельности являются условиями производительности труда (как мы дальше покажем, «производительными силами»).

«Производительная сила труда определяется многосложными обстоятельствами, между прочим, средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технических применений, общественной

организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства и, наконец, природными условиями. Одно и то же количество труда выражается, например, в благоприятный год в 8 бушелях пшеницы, в неблагоприятный—лишь в 4 бушелях»¹.

В этом перечне налицо не все условия, влияющие на производительность труда. Ведь на производительность труда влияют не только те условия, которые вытекают из того, что общество—субъект, а земля—объект труда (труд—отец богатства, а земля—мать его).

Есть еще такие условия, которые возникают не как следствие воздействия людей на природу, но в результате общественных отношений,—такие, как собственность, политика, религия и т. д.

Являются ли такие условия производительными силами?

По мнению Рошера, Фридриха Листа—являются. Мы же скажем, что никоим манером не являются, ибо, во-первых, эти условия суть не определяющие, а зависимые, производные условия, а во-вторых, Маркс определенно говорит о *материальных* производительных силах.

Может показаться, что особого специфического значения эта приставка не имеет, однако необходимо обратить внимание на то, что Маркс строго разграничивает материальное производство от духовного².

Материальное производство—это не только производство вещей, но также и производство идей, представлений, сознания, поскольку таковые являются прямым порождением материальной деятельности людей, вызываются их отношением к природе.

Духовное производство—это производство политики, законов, морали, религии, метафизики (и, как справедливо отмечает т. Бухарин, вещного надстроечного аппарата), производство всего того, что вызвано не отношением людей к природе, а друг к другу.

Производство средств войны не будет материальным производством потому, что война не вызывается отношением людей к природе.

Это—«духовное» производство, порождаемое общественными отношениями людей.

Отметим еще, что законы диалектики обязательны в данном расчленении производства на материальное и духовное не меньше, чем и во всех других случаях.

Есть такие сферы труда, где нельзя найти точного раздела между ними. Точнее, можно взять несомненно духовное производство, например, церковь, сугубо надстроечный молитвенный труд.

Поскольку церковь выполняет функции восстановления рабочей силы—это клуб (за исключением других клубов)—это уже в известной мере сфера материального производства (производства рабочей силы), и восковая свечка—не только бескровная жертва, но и освещение в клубе (а клуб—это маленький дом отдыха).

¹ Капитал, т. I, стр. 6.

² Это различие приводится у Маркса во многих местах. Достаточно сослаться хотя бы на Введение к I-му изданию «К критике политической экономии» и «Немецкую идеологию».

Мы не будем вспоминать о разнообразнейших функциях средневековой церкви. Здесь смешение сфер еще нагляднее.

Остановимся на том, что эти сферы различаются в тенденциях и практически; за исключением нарочито-казусных случаев, обычно смонений не бывает ¹.

Вернемся к различию Марксом сфер материальной и духовной.

К материальной сфере относится то, что является в тенденции условием удовлетворения человеком тех потребностей, которые являются результатом его бытия и не искажены или извращены и получают вид условий, имеющих как бы самостоятельное общественное бытие и также оказывающих обратное влияние на производственные процессы.

Производственные силы, следовательно, это—условия производительности труда, относящиеся не к сфере общественных отношений, а к сфере производства средств существования.

В этом смысле—это материальные производительные силы.

От изобилия и качества, конечно, этих материальных условий производства зависит и его производительность, производительная сила труда.

...«Действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависят... от его производительности и от большего или меньшего изобилия тех условий производства, при которых оно совершается» ².

Но у Маркса, как и у Рикардо ³, есть подразделение производительной силы труда на естественную (природную) и на общественную. Вот цитата из Рикардо: «В земледелии (как и в горной промышленности) дело заключается не только в общественной производительности труда, но и в естественной производительности труда, которая зависит от естественных условий труда.

Возможно, что увеличением общественной производительной силы в земледелии лишь компенсируется или даже совсем не компенсируется уменьшение природной силы ⁴.

Пример—неурожай при улучшенных способах обработки, при кооперативной обработке (машинами, с удобрением и т. д.), или, скажем, невыгодность перехода от перевозки нефти в цистернах к перекачке нефтепроводом, при истощении нефтеносных слоев. Сравним приведенное место из Рикардо со следующим отрывком из «Капитала».

«Производительность труда связана с естественными условиями, которые часто становятся менее выгодными параллельно повышению производительности, поскольку последняя зависит от общественных условий» ⁵.

¹ К сфере материального производства, в тенденции, относится также наука (наука—как сознание бытия, в частности, сознание производственных процессов и общественных отношений).

² Капитал, т. III, ч. II, гл. 48, стр. 355 и 357.

³ См. D. Ricardo.—The principles of political economy and taxation. London, 1821, p. 45.

⁴ Капитал, т. III, ч. II, русск. стр. 303, нем.—300.

⁵ Капитал, т. I, гл. 15, p. стр. 242, н.—242.

В особенности наглядно это в земледелии.

«Производительность земледельческого труда стоит в связи с природными условиями, и в зависимости от производительности последних одно и то же количество труда воплощается в большем или меньшем количестве продуктов, потребительных стоимостей» ¹.

...«В земледелии (как и в горной промышленности) дело заключается не только в общественной, но и в естественной производительности труда, которая зависит от естественных условий труда. Возможно, что с увеличением общественной силы в земледелии лишь компенсируется, или даже не совсем компенсируется уменьшение природной силы» ².

Приводя все эти цитаты, я готов услышать такое возражение, а имеет ли это рассуждение об условиях, влияющих на производительность труда, отношение к теории производительных сил?

Оказывается, связь самая прочная, можно сказать, неразрывная.

Маркс совершенно недвусмысленно называет эти условия производительными силами:

„Die Naturkräfte, für die hier gezahlt wird, gehen als Bedingung in der Production ein, sei es als Produktionskraft, sei es als sine qua non, aber sie sind nicht das Element dieser bestimmten Productionssphäre selbst“... (K. Marx „Theorien über den Mehrwert, II, 2, S. 16.).

Природные силы (которые здесь перечислены) *входят в производство, как условия—либо как производительная сила, либо как conditio sine qua non*, но сами они не являются элементами этой определенной сферы производства» (т.-е. производства прибавочной стоимости. А. Е.).

В этом любопытнейшем отрывке мы находим прямое указание, что природные силы могут входить в производство либо как условие производства, либо как производительные силы (условия производительности).

Чем условия производства отличаются от условий производительности?

Воздух, например,—необходимое условие производства.

Однако, если рабочему дать вдвое больше воздуха, чем он может потребить, то он не потребит избытка. Хотя воздух теперь стоит труда—воздух фильтруется, нагревается, увлажняется, а затем уже подается электрическими моторами в помещение,—но это условие производства, а не условие производительности.

Вот все такие природные условия, которые необходимы, но не поддаются усовершенствованию, и называются Марксом условиями производства ³.

Те природные условия, которые определяют производительную силу или производительность труда, и будут производительными силами.

¹ Капитал, т. III, ч. II, гл. 48, «Триединая формула», p. стр. 354, н.—351.

² Капитал, т. III, ч. II, гл. 45, стр. p. 303, н.—300.

³ Условиями производства являются также «общественные» отношения, но они не входят в число производительных сил. А. Е.

Разграничение между естественными условиями производства и естественными производительными силами заключается не в том, стбит ли это условие труда или нет, а в том, влияет ли это условие на производительность.

Маркс определенно говорит, что «элементы природы (Naturelemente), принимающие, как агенты, участие в производстве, не требуя никаких издержек,—эти элементы, какую бы роль ни играли они в производстве, входят в него не как составные части капитала, а как даровая естественная сила труда, которая на базисе капиталистического способа производства выступает, однако, подобно всякой производительной силе, как производительная сила капитала»¹ (Wie alle Productivkraft, als Productivkraft des Kapitals darstellt).

Не знаю, нужно ли оговаривать, что всякое природное условие делается производительной силой лишь в том случае, если оно входит в процесс производства.

Сила ветра, который дует на вершине пустынной горы, тепловая энергия дома при пожаре, способность закавказских субтропиков растить каучук, раз он там еще не разводится, залежи нефти на дне глубокого моря, залежи руды в Курской губернии—ни в какой мере производительными силами в данный момент не могут быть названы.

Производительные силы только и могут быть таковыми, как составные моменты общественного производственного процесса.

Ставить вопрос об изолированной от людей производительной силе земли столь же оригинально, как и исследовать трудовые способности общества, изолированного от земли.

«Сама по себе сила природы—это природный базис исключительно улучшенной производительной силы (способности) труда»².

Силы и вещества природы, поскольку они улучшают, увеличивают общественную способность к труду, и будут производительной силой»³.

Теперь перейдем к общественным производительным силам труда. Плодородие земли, казалось бы, естественное свойство земли.

Однако моментом, обуславливающим производительность земли, является также и то; что создано человеческим трудом.

...«Степень производительности труда, в данном случае способность земледелия непосредственно использовать природное плодородие почвы—способность, которая различна на различных ступенях развития, представляет такой же момент так называемого природного плодородия почвы, как и химический состав и другие природные свойства»⁴.

¹ Капитал, т. III, гл. 44. «Дифференциальная рента и с наихудшей земли»—стр. 281, н.—278.

² Капитал, т. III, гл. 38, 187 (н. 187).

³ Для наших целей интересно обратиться к «Плану научно-технических работ» Ленина (Собр. сочин. по 1 изд., т. XX, ч. II. Гиз. М.—Л. 1926 г., стр. 288).

Этот план был написан в связи с учреждением «Кепса»—Комиссии по изучению «естественно-производительных сил—при Академии наук. О производительных силах земли см. в собр. сочин. Ленина, т. IX, 1-е изд., стр. 85.

⁴ Капитал, т. III, ч. II, гл. 39. «Первая форма дифференциальной ренты», стр. 192.

Итак, техника составляет один из моментов плодородия почвы, технику надо включить в понятие плодородия земли, но это еще не значит, что химический состав и другие природные свойства земли можно исключить из числа материальных моментов, определяющих ее производительность, из числа производительных сил.

Совершенно точные и бесспорные указания по этому поводу дают многочисленные места в III томе Капитала.

Возможно такое возражение по поводу естественных производительных сил.

Воздух нельзя усовершенствовать.

А силу расширения пара, электрическую энергию или химические процессы, как таковые, можно усовершенствовать?

Надо думать, что тоже нельзя. Так, значит, естественные производительные силы не развиваются.

А какая тогда будет разница между условиями производства и условиями производительности?

Разница все же будет, и вот в чем.

Воздух как был естественно данным элементом производства, так им и остался.

А электричество в природе существовало, надо думать, всегда, а электричества, как производительной силы не существовало, как момента улучшающего и повышающего способность общества к труду.

Включение пара, электричества, нефти, алюминия в производственный процесс является некоторыми моментами развития производительных сил.

Электричество, как электричество, не развивается¹, а как производительная сила—возникает и развивается.

Мы уже имели перечень многосложных условий, определяющих производительную силу (производительность) труда².

Здесь и средняя степень искусства рабочего (квалификация рабочей силы) и степень развития науки и ее технических применений, степень общественной организованности производственного процесса, размеры и дееспособность средств производства.

Теперь поставим такой вопрос:

Производительная ли сила наука?

Может, тут-то и ударишься в идеализм.

Может, лучше исключить науку из числа производительных сил, дабы никакого идеализма или «психизма» не объявилось. Может, с точки зрения некоторых особо рьяных марксистов, и нужно. Могут только сослаться, что Маркс все же считал науку производительной силой.

В теориях прибавочной стоимости мы читаем:

«Капитал производителен: 1) как сила, принуждающая к прибавочному труду, 2) как поглотитель и присвоитель, а равно и как

¹ Т.-е. развилось когда-нибудь из других видов энергии, путем скачка; на памяти рода человеческого не развивается, только в этом смысле и утверждается его «вечность».

² Цитата из «Капитала», т. I, стр. 6.

воплощение производительных сил общественного труда и общественных производительных сил вообще, как, например, наука (... und der allgemeinen gesellschaftlichen Produktionskräften wie der Wissenschaft)¹.

Опять перевод грешит против оригинала: производительных сил вообще нет у Маркса, есть *общие* общественные производительные силы.

Вот тут пожалеешь, что Маркс дефинициями не занимался. Поди, ищи, что это за *общие* производительные силы. Может, это какие-нибудь третьесортные силы, а может, и вовсе не «производительные силы».

Однако ищем и находим.

«Заметим мимоходом, что следует различать общую работу от совместной работы (ist zu unterscheiden zwischen allgemeiner Arbeit und gemeinschaftlicher Arbeit). Та и другая играют в процессе производства свою роль, одна переходит в другую, но между ними все-таки существует различие. Общим трудом является всякий *научный труд*, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием работы предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов»².

Итак, да здравствует наука в качестве производительной силы!

А как обстоит дело с организацией общественного производственного процесса (взятого с точки зрения трудовой организации, а не «общественной»)?

Как обстоит дело с кооперацией, например?

«Здесь дело идет не только о повышении индивидуальной производительной силы (Productivkraft) путем кооперации, но и создании производительной силы, которая по самой своей сущности есть *массовая сила*.

Но помимо той *новой силы* (abgesehen von der neuen Kraftpotenz), которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и свое образное повышение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную дееспособность (Leistungsfähigkeit) отдельных лиц»³.

Вот ценнейшее место, проливающее свет на сущность производительных сил.

Кооперация⁴ есть условие повышения дееспособности (кооперация, самый факт объединения, сотрудничества—это техническое производственное отношение; условие, благодаря которому повышается дееспособность, производительность труда).

Итак, кооперация—это условие (в других местах у Маркса—причина) повышения дееспособности. Эта новая, коллективная *дееспособность* (Leistungsfähigkeit) и есть Productivkraft или производительная сила (иначе—Kraftpotenz).

¹ К. Маркс.—«Теория прибавочной стоимости», т. I, стр. 267 (приложение).

² Капитал, т. III, ч. I, гл. 5, стр. 80 (н.—80).

³ Капитал, т. I, немецк. изд. стр.—273—274; русск.—303.

⁴ Подобно разделению труда.

Производительная сила, как видим, здесь дееспособность, производительная способность.

А нельзя ли на этом хотя бы примере показать, что общественная производительная сила и производительная сила общественного труда—это одно и то же?

Можно, для этого надо перевернуть три страницы и прочитать:

...«Специфическая производительная сила комбинированного рабочего есть общественная производительная сила труда, или производительная сила общественного труда»¹.

Общественная производительная сила и производительная сила общественного труда—одно и то же. То положение, которое естественно вытекает из всей нашей концепции, получило подтверждение.

На примере кооперации или разделения труда можно хорошо отметить различие между производительной силой и техническим производственным отношением.

Возьмем для большего удобства разделение труда, как простейшее явление.

Факт разделения труда, выполняющегося прежде одним лицом, между несколькими еще ничего не говорит о влиянии разделения старого труда на отдельные выполняемые действия.

Факт разделения прежнего, старого труда—это *conditio sine qua non* для того, чтобы появился *новый* труд специализованный, более производительный труд.

Таким образом, под термином разделения труда мы имеем в виду собственно не разделение, а появление *специализованного, более производительного* труда. *Факт разделения* труда относится к сфере технических производственных отношений, а повышение трудоспособности мы и относим к росту производительных сил. То же и в отношении кооперации.

Кооперация, как сотрудничество,—техническое производственное отношение.

Кооперация, как новый вид более производительного труда,—новая производительная сила.

IV

Прежде чем перейти к проблеме единства производительных сил и специфических «общественных» отношений и к вопросу о противоречии внутри этого единства, мне придется сказать еще несколько слов о своей первой статье (Вестник Ком. Академии, кн. № 13, 1925 г.).

Эти замечания я мог бы объединить одним общим заголовком, «от какого наследства я отказываюсь», так как ряд положений этой статьи теперь представляется мне неверным.

Сведу эти свои возражения в краткие тезисы.

В моей первой статье неправильны следующие положения.

Труд понимается, как «трата нервной и мускульной энергии».

¹ «Капитал», т. I, немец. стр.—277; русск.—306.

Это неверно, так как при таком понимании отпадает момент целесообразности труда. Следствием такого упрощения является приравнивание труда человека к энергии.

Хотя в работе указывается, что силы природы сами производить не могут, а являются придатком к силе рабочего, но получается придаток к *силе* рабочего, а не придаток к *рабочей силе*.

Неверно (причиной этого — неточность выражения) допущение: «можно, конечно, поставить знак равенства между энергией и материей».

Неверно это выражение потому, что может подать повод к приравниванию субстанции (материи) к ее атрибуту, движению (энергии), в то время как здесь имеется лишь простая ссылка на электронную теорию, которая сама по себе не вступает ни в какие противоречия с диалектическим материализмом.

Далее, определение производительных сил, как суммы рабочих и механических сил, грешит механическим уклоном и выдвигает на первый план только количественную сторону роста производительных сил.

Неправильно наименование производительных сил категорией функциональной и противопоставление этой категории — вещной категории.

Столь же неудачно отнесение производительных сил в разряд экономических категорий.

Автор отказывается от предположения о «небрежном» употреблении термина Марксом и Энгельсом. Дело здесь не в «небрежности» Маркса, а в необходимости знакомства с гегелевским методом для понимания Маркса.

Как будто бы это все основное, но если что здесь и пропущено, то этот недостаток может быть дополнен последующим позитивным изложением данной работы.

Признавая ошибочность ряда положений этой статьи, я не собираюсь сваливать свои ошибки на кого бы то ни было.

Все же я считаю не лишним указать на два основных источника моей ошибки: во-первых, я находился несомненно под сильным влиянием «Теории исторического материализма» т. Бухарина, книги, которая вплотную приближает к решению проблемы производительных сил и из которой я позаимствовал как раз не то, что было в этом отношении ценного, а несколько не совсем, быть может, удачных формулировок, дающих основание толковать их так, что производительные силы — это некоторое количество энергии, которой определяется структура общества.

«Производительные силы объясняют общественное развитие, потому что они выражают собой соотношение между обществом, как определенной реальной совокупностью, и его средой»¹ (абсолютно верная мысль. А. Е.).

«Соотношение между обществом и природой, количество материальной энергии, за счет которой общество живет и которая может

¹ Н. Бухарин. — «Вестник Социалистической Академии». № 3 за 1923 г. стр. 6, 7.

как угодно трансформироваться в процессе общественной жизни, есть всякий раз определяющая величина»¹.

Правда, здесь говорится не просто о механической энергии, а о *трансформированной энергии*, в других местах — о *трудо*вой энергии.

Однако называть труд энергией (энергия механическая — это и есть сила) Энгельс не советует. В конце этой главы мы приведем подробное мнение Энгельса по этому поводу.

Тов. Бухарин, что для нас особенно интересно, отводит производительности труда ту же роль, что и производительным силам.

«Производительность общественного труда вполне выражает весь «баланс» между обществом и природой. Производительность общественного труда и есть показатель того соотношения между средой, который определяет положение этой системы в среде, изменения которого указывают на неизбежные изменения во всей внутренней жизни общества»².

Исходным пунктом социологического анализа т. Бухарин считает технику, связанную систему орудий труда, понимаемых не только как вещи, но и как «общественные вещи».

К сожалению, это понятие «общественная вещь» у т. Бухарина не разъяснено достаточно подробно.

Есть еще у т. Бухарина еще более интересное, но не раскрытое для читателя определение производительных сил.

Это — «реальная совокупность рабочих сил и средства производства».

Словом «реальный» т. Бухарин обозначает то, что находится в процессе длительного взаимодействия.

Рабочая сила по Марксу — это «совокупность физических и духовных способностей, которые рабочий приводит в движение», и проч.

Как же можно присоединить к физическим и духовным способностям человека средства производства машины, эксплуатируемые нефтяные залежи и т. п. Очевидно тоже только как способности. Машина увеличивает способность к труду, нефтяные залежи в известном момент — также; наука увеличивает способность к труду...

Вот такая совокупность средств производства и рабочих сил, совокупность, взятая с точки зрения эффекта, производительности — с такой «реальной совокупностью» я готов полностью согласиться.

Что касается той цитаты из Маркса, на которую я некогда ссылался для подтверждения энергетической точки зрения на производительные силы, то в настоящее время, после ознакомления с ней в подлиннике, эта цитата стоит передо мною в другом свете.

В виду некоторых «открывшихся новых обстоятельств», приходится повторить эту цитату.

Приведем ее по оригинальному тексту «Нищеты философии», изд. 1847 г.

«В 1770 году население объединенного королевства Великобритании составляло 15 миллионов, производительное население — 3 миллиона.

¹ Н. Бухарин. — «Вестник Социалистической Академии». № 3, стр. 8.

² Н. Бухарин. — Ист. мат. 1921 г., стр. 124.

Pouvoir scientifique равнялась в круглых числах самое большее населению в 12 миллионов человек, так что в сумме там имелось 15 миллионов производительных сил (des forces productives). Таким образом, производительная способность (le pouvoir productif) относилась к населению, как 1 к 1, а «pouvoir scientifique» к силе, способности ручного труда (pouvoir manuel), как 4 к 1.

В 1840 г. население не превосходило 30 миллионов, производительное население составляло 6 млн., в то время как «pouvoir scientifique» возросла до 650 млн., т.-е. она относилась к населению в целом, как 21 к 1, а в ручной способности,—как 108 к 1.

Таким образом, в английском обществе рабочий день приобрел в 70 лет избыток производительности (productivité) в 2700%, т.-е. в 1840 г. английское общество произвело в 27 раз больше, по сравнению с 1770 г.

Первая задача—расшифровать термин: «pouvoir scientifique».

Очевидно, Маркс заимствовал этот термин у кого-либо из своих предшественников.

Предприняв поиски со столь неопределенным заданием, я нашел эту «pouvoir scientifique» у Sismondi в его «Nouveaux principes d'économie politique».

Во II главе 2-й книги мы находим такое освещение этого термина: «Многие члены общества отказываются от ручных работ и посвящают себя мышлению.

Они изучают природу и ее свойства, развитие и ее законы, механику и их приложение, и они выводят из своих изысканий способы почти беспредельно увеличивать производительную способность человека.

Эти те средства и производства, которые со времени наших дней стали известны под именем «pouvoir scientifique» и которые при помощи деятелей агентов, гораздо более сильных, чем мы, выполняют работу, которую род человеческий никогда не мог бы выполнить своими силами»¹.

Центральным пунктом цитаты Маркса делается, следовательно, указание, что 3 миллиона населения, соединенные со средствами производства, заменяющими работу примерно 12 миллионов людей, в совокупности соответствуют или равняются 15 миллионам производительных сил.

Эти 15 миллионов Маркс называет производительными силами, затем производительной способностью, а дальше—производительностью.

Прежде я складывал силу, энергию людей и машин, теперь на это уже не согласен и других к этому не приглашаю.

Здесь, как и во всех других местах, где речь идет о производительных силах, Маркс говорит о производительной способности общества.

Что термин «сила» незаконно перенесен в общественные науки, это подробно разъяснил еще Энгельс.

¹ Стр. 87, по парижско-брюссельскому изданию 1847.

В диалектике природы имеется его блестящая филиппика против нелепого пользования термином «сила»¹.

«Сила» («Kraft»).

Если какое-нибудь движение переносится с одного тела на другое, то, поскольку это движение переносится активно, его можно считать причиной движения; поскольку уже оно перенесено пассивно—результатом, и в таком случае эта причина, это активное движение является силой, а пассивное движение (перенос всех точек. А. Е.)—проявлением силы (напр., удар одного бильярдного шара о другой. Первый остановился, а второй с той же силой, если исключить потери, покатится дальше. А. Е.).

Но переносимое движение более или менее определимо количественно, так как оно проявляется в двух телах, из которых одно может служить единицей меры для измерения движения другого. Измеримость движения придает ценность категории силы: без этого она не имела бы никакой ценности.

Чем более доступно измерению движение, тем более пригодны для исследования категории силы и проявление ее. Особенно в механике. То же самое и в статике.

Далее, при превращении других форм движения в механическую (теплота, электричество, магнетизм в притягивании железа), где первоначальное движение может быть измерено произведенным им механическим действием.

Но уже здесь, где рассматриваются одновременно различные формы движения, обнаруживается ограниченность категории или сокращенного выражения силы. Ни один порядочный физик не станет теперь называть электричество, магнетизм, теплоту просто силами, как не станет он называть их материей или невесомыми.

Если мы знаем, в какое количество механического движения превращается определенная масса теплового движения, то мы еще ничего не знаем о природе теплоты, как бы ни необходимо было изучение этих превращений для исследования этой природы теплоты.

Рассматривание ее, как формы движения,—это последний триумф физики, благодаря этому в ней снята категория силы.

В известных случаях, в случаях перехода—они могут являться в виде сил и быть, таким образом, измеряемыми.

Так, теплота измеряется расширением какого-нибудь нагретого тела.

Некоторые химики говорят еще о химической силе, благодаря которой происходят и удерживаются соединения. Но здесь мы не имеем собственно перехода, а имеем совпадение движения различных тел воедино, и понятие «силы» оказывается, таким образом, у границы своего употребления.

Но она еще измерима через порождение теплоты (Энгельс, очевидно, подразумевает не только экзотермические, но и эндотермические, реакции, А. Е.), однако до сих пор без значительных результатов.

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Под ред. Д. Рязанова. Гиз. 1925 г. Кн. 2.

Для ее объяснения *сочиняют* так называемую силу (например, объясняют плавание дров на воде из плавательной силы, преломляющая сила в случае света и т. д.), при чем, таким образом, получают столько сил, сколько имеется необъясненных явлений...

Если бы мы хотели говорить о химической силе, то пришлось бы найти способ для измерения большего или меньшего сродства между отдельными элементами и их соединением, напр., кислотами и щелочами, землями, серой, окисями металлов,—задача, которая современных физиков вполне основательно занимает пока мало.

Наконец, в органической природе категория силы совершенно недостаточна, и, однако, она постоянно применяется.

Конечно, можно назвать действие мускула по его механическому результату мускульной силой и даже измерять его; можно даже рассматривать другие измеримые функции, как силы, например, пищеварительную способность различных желудков. Но таким образом мы скоро приходим к абсурду (например, нервная сила), и, во всяком случае, здесь можно говорить о силах только в очень ограниченном и фигуральном смысле (обычный оборот речи: собраться с силами). Эта *неразбериха* привела к тому, что стали говорить о жизненной силе, и если этим желают сказать, что форма движения в органической природе отличается от механической, физической и химической, содержа их все в себе в снятом виде, то способ выражения негоден в особенности потому, что сила—предположив перенос движения—является здесь чем-то внесенным в организм извне, а не присущим ему, неотделимым от него...».

На этом самом интересном месте рукопись обрывается. Либо конец ее утерян, либо Энгельс, покончив с «жизненной силой», не имел времени разделаться с «производительной силой».

Не исключена возможность, что мы найдем когда-нибудь утерянную часть.

Итак, когда мы имеем дело с извне внесенным в тело явлением, можно говорить о силе. Когда мы имеем дело с производительными силами, мы имеем дело с отношением общества к природе, с материальным производством, рассматриваемым, как общественное качество, с производительной способностью общества, с общественным качеством.

Перейдем к рассмотрению этой проблемы.

V

В этой части работы естественное течение наших интересов приводит нас к следующим проблемам: какова субстанция производительных сил, что это—вещь, человек, «энергия», движение, качество, отношение или еще что-либо.

Для ответа на первый вопрос, в чем сущность производительных сил, придется ответить на такой вопрос: а что такое общество, так как производительность труда—это производительность общественного труда, а как это общество может трудиться, если общество—это

всего лишь совокупность общественных отношений производства, если это только структура.

Общественные отношения производства—это особый род деятельности людей, деятельности, осуществляемой или хоть в данную секунду не осуществляемой, но единственно возможной на данной ступени общественного развития.

Далее, это такой род деятельности людей по отношению друг к другу, который непосредственно связан с производственным процессом (напр., процесс конкретного труда и, в то же время, процесс создания ценности или прибавочной ценности).

Совокупность этих общественных отношений производства Марксом и называется общественной структурой, или обществом. Но совершенно разные случаи—это меновое или даже не-меновое, но общество с обменом и не-меновое общество.

На первый раз мы возьмем три типа обществ: первобытное—коммунистическое, меновое, в тенденциях своих капиталистическое, и развернутое коммунистическое.

Для меновых обществ характерно, что с первого случая обмена, который стал воспроизводящимся актом, его участники становятся в специфические «общественные» отношения, а именно в *антагонистические* отношения.

Петр Холщевников, для которого Павел Сюртуков сшил сюртук, являлся по отношению к Сюртукову заказчиком, персонализацией меновой ценности, а Сюртуков был по отношению к нему рабочим.

С другой стороны, для Сюртукова он являлся заказчиком, а Холщевников—работником.

Уже в простом акте обмена мы видим встречную поляризацию всего совокупного труда, поляризацию товаров, самих людей. Но здесь поляризация встречная, а потому преимущества Петра и Павла мнимые.

Однако простую форму ценности Маркс потому называет клеточкой буржуазного общества, что здесь в зачатке имеются отношения эксплуататора и эксплуатируемого.

По мере развития производства в меновом обществе, антагонизм в обществе растет. Весь совокупный общественный товар поляризуется на деньги (воплощение абстрактного труда) и потребительные ценности (воплощение конкретного труда); люди поляризуются на владельцев денег и владельцев рабочей силы, появляется класс капиталистов и класс рабочих.

Особенность менового общества в том, что до известного момента оборотной стороной развития производства, производительных сил является рост антагонизма между отдельными группами общества. В первобытном обществе состояние производительных сил требовало единства: совместная охота, совместное потребление добычи и т. д.

В коммунистическом обществе необходимо и возможно планомерно организованное единство всего производственного процесса, и вследствие высокой производительности труда не может возникнуть антагонизма на почве распределения средств производства и общественного продукта.

В меновом обществе, начиная с первого акта обмена и до известного момента, развитие антагонизма неизбежно обуславливается развитием производства.

Теперь вернемся к вопросу о материальности общества.

Для не-менового общества вопрос о субстанции общества решается проще.

Общество—это часть природы, часть вселенной. Вселенная—условие существования общества, данной группы людей.

Общество со стороны бытия—это люди, их средства производства (орудия, материалы, земля), люди, для которых производственные отношения являются непосредственно «общественными отношениями».

В меновом обществе—там отношения людей (т.-е. их деятельность по отношению друг к другу) антагонистичны и, кроме того, как бы объективированы в вещах (теория ценности Маркса).

Здесь в состав общества входят не только люди и средства производства (марксово «материальное производство»), но и, кроме того, люди и вещи, в материальном производстве непосредственно не участвующие,—капиталисты, нотариусы, попы, судьи, пушки, тюремные постройки и т. п.—надстроечный аппарат, аппарат не для воздействия людей на природу, а для антагонистического их воздействия друг на друга.

Этот надстроечный аппарат причины своего бытия имеет ту же антагонистичность «специфических» общественных отношений.

Итак, в не-меновом обществе субстанцией производительных сил является материальное производство, т.-е. все общество.

Для менового общества картина сложнее: здесь производительные силы—это материальное производство, отнесенное ко всему обществу.

Здесь не вся деятельность людей является «материальным» производством, здесь производительная способность общества, производительность его материального производства должна быть отнесена ко всему обществу, дабы говорить о его производительных силах.

Итак, в капиталистическом обществе—это производство в его отношении ко всему обществу, производство, ставшее качеством общества, т.-е. здесь объективно существующее производство в известной ступени его развития берется, как качество общества.

Итак, что будет субстанцией производительных сил—общество, со стороны его содержания, люди, вещи, *общество, как часть природы?*

Но применим ли термин «субстанция» по отношению к общественным явлениям?

Материально ли общество?

Для ответа на этот вопрос сделаем маленькое отступление.

Существует ли общество вообще и рядом с этим—существует ли собака вообще, камень вообще?

Если считать, что общество вообще, собака вообще, камень вообще—это что-то среднее—средний камень, средняя собака, средний человек, среднее производство, среднее общество, то нет, не существует. Все существующее, при всей своей типичности, индивидуально, да и что считать средним? Какой цвет кожи, например, для человека? Дело здесь не в этом.

Производство—абстракция,—говорит Маркс,—но абстракция реальная. Как это понимать?

Мы думаем, что следующим образом: реально существует много обществ и общественных производств. Выделим мысленно те элементы производства, которые общи всем производствам, которые в обособленном виде нигде не существуют, но которые реально существуют во всех производствах в самом материальном, реальном виде.

Это и будет производство вообще, «реальная абстракция».

Когда мы говорим об общественных явлениях, мы вовсе не изучаем какое-то воображаемое среднее общество; мы всегда изучаем конкретные общества, но, отбрасывая от них индивидуальные черты и выделяя общие, говорим об обществе вообще.

То же и для собаки и для камня.

Итак, мы остаемся материалистами и в сфере общественных наук, мы изучаем материальные явления, мы имеем дело с обществом, как частью природы (содержанием), и с общественными отношениями—с общественной формой.

Теперь вернемся к вопросу об общественной субстанции.

Если мы скажем, что общественная субстанция существует, и поймем это утверждение так, что здесь попытки свести общественные явления к движению механических точек, то от такой субстанции лучше сразу отказаться.

Но если мы скажем, что в применении к общественным явлениям термин «субстанция» неприменим, то мы должны будем отказаться от введения в общественные науки термина «материя» и отказаться от того, чтобы считать общественные явления материальными явлениями, т.-е. стать в сфере общественных наук идеалистами, споткнуться о тот же камешек, что и материалисты XVIII века, которые были материалистами (и то с оговорками) до того, как попадали в сферу общественных явлений.

Прежде всего, что такое субстанция?

«Всякая вещь, которой нечто присуще, как субъекту, или благодаря которой существует нечто, что мы представляли, т.-е. свойство или особенность, или атрибут... называется субстанция»¹.

У Спинозы говорится, что субстанция—это то, без чего не могут существовать никакие свойства.

Определение материи, которое мы находим у Ленина вполне корреспондентно только что приведенному. «Единственное свойство «материи», с признанием которого связан философский материализм, это свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания» (Материализм и эмпириокритицизм).

Итак, субстанция—это материя, объективно существующая реальность, вне которой немислимы никакие свойства или проявления этих свойств.

¹ Спиноза.—«Принципы философии Декарта». М. 1926 г., стр. 14.

² Должен оговориться, что, употребляя термины субстанция, атрибут (свойство), я каждый раз хочу сказать не больше, чем в пояснении к каждому из этих определений; в данном случае не имеется в виду персонально Спиноза с его учением о субстанции.

Вопрос о строении материи лежит вне интересов истмата, но мы должны все же отметить, что материя неорганического мира организована иначе, чем общественная «материя».

Общественная субстанция включает в себя явления неорганической природы, органической и, кроме того, особые общественные, а для известной фазы общества—специфические «общественные» явления; в общественной жизни законы механики, физики, химии, биологии действуют в снятом виде.

Теперь перейдем к анализу общественного труда с точки зрения вопроса о его материальности.

Труд—это атрибут общества. Какой атрибут?

Это движение; люди двигаются—машут руками, ногами, качаются телом, головой.

Однако труд человека—это не только движение в смысле *перемещения* человеческого тела, движения, являющегося переносом движения. Человеческое тело, принимая в себя известное количество движения из природы, сообщает новое движение орудиям и предмету труда.

Человеческое тело, нервная система, мышцы и т. д. расходуют труд; ту энергию, которую тело получает из природы, оно расходует в виде целесообразного труда. Неправильно говорить о труде, как об энергии, но если уже говорить, то памятуя, что это механическая энергия в многократно снятом виде, т.-е. нечто такое, что совсем уже не покрывается понятием «энергия».

Труд, как перенос движения, включает в себя в снятом виде законы механики, физики, химии, ботаники и биологии.

Это, помимо всего прочего,—целесообразное движение, и мало того, имеющее общественные качества; мы имеем в виду тот факт, например, что в развитом меновом обществе всякий конкретный производственный труд будет выступать и как абстрактный труд, а в доменовом обществе всякий труд будет общественным, и в его непосредственно-конкретной форме.

Итак, труд—это атрибут производства.

Но как мы можем познать труд?

Сразу во всех его проявлениях—нет, мы различаем: 1) проявление труда в движении, собственно труд—особый вид движения и 2) проявление труда в результатах—производительность труда.

Попробуем построить таблицу.

Субстанция. Общество (общество не только со стороны структуры и других закономерностей, но и со стороны бытия, как совокупность людей и вещей, средств производства и надстроечных вещей).

Атрибут. Общественный труд—точнее, труд производительной части общества.

Качество общества—это его производительные силы, производительная способность, т.-е. его материальное производство, отнесенное к обществу, как способность общества воздействовать на природу.

Производительные силы—это общественное производство, взятое как общественное качество.

Поскольку процесс собственно производства (определяющий производство в целом) есть труд в широком смысле, т.-е. труд со всеми его моментами, можно сказать, что производительные силы—это общественный труд, взятый как качество, общественная трудовая способность¹.

На вопросе о качестве придется все же остановиться.

Если бы мир состоял из множества совершенно изолированных явлений, то не было бы качеств. Были бы какие-то сгустки субстанции, как-то друг от друга отграниченные и имеющие некоторые свойства, но совершенно бескачественные.

Все явления в действительности как раз потому и имеют качества, что существуют в *среде*, во взаимодействии с другими явлениями.

Желтый цвет стены для меня не существовал до того, как я не посмотрел на стену. Стена со всеми свойствами поверхности существовала до меня. Я существовал до того, как подошел к стене, независимо от нее. Солнечный свет отсвечивал от стены с утра.

Объективно качество (желтизна) существовало, как свойство стены, но еще не как качество.

Качеством это свойство стало в момент взаимодействия с другим явлением, по отношению к этому другому явлению (всякое отношение—это воздействие. *А. Е.*)

Что же такое качество? Качество стены (желтизна)—это стена с солнечным светом, который на нее падает в *воздействии* на зрительные органы людей.

Любое качество стены мыслимо, лишь поскольку речь идет о взаимодействии явлений. Вне воздействия будут лишь свойства, субстанция со свойствами, потенциальными качествами.

Поскольку одно явление (обозначим его явлением *А*) не может относиться всеми своими свойствами к другому явлению (явлению *В*), а только некоторыми своими свойствами, постольку качества явления *А* объективно существуют в нем в виде свойств; качествами явления *А* будут для явления *В* те свойства явления *А*, к которым «неравнодушно» *В*.

Итак, перед нами два явления: природа и общество (со стороны бытия; сюда включается и общественная форма, разумеется).

Общество (как единство содержания и формы) относится к природе, как часть (имеющая свои особые закономерности) к целому, к природе. Отношением этим являются ее производительные силы, т.-е. материальное производство общества².

Вышесказанные здесь соображения позволяют нам считать, что производительные силы в контексте Маркса—это в одно и то же время и материальное производство (реальная совокупность рабочих сил и средств производства) и отношение общества к природе и трудовая способность всего общества в целом, как общественное

¹ Речь идет, конечно, о собственно производстве или о труде со всеми его моментами—только со стороны содержания. *А. Е.*

² Точнее, содержание собственно производства. *А. Е.*

качество. В этом отношении интересно сопоставить производительные силы и рабочую силу.

Что такое *рабочая сила*? По Марксу—это «совокупность физических и духовных способностей, которые рабочий приводит в действие всякий раз...»

Конечно, рабочая сила—это и есть сам рабочий, но взятый в известном отношении (мы не коснемся в данном случае социальной формы рабочей силы).

Когда говорят о рабочей силе, то часто говорят о найме рабочей силы, т. е. о таком моменте, когда рабочая сила не отъединена от средств производства. Вот, вероятно, почему под рабочей силой и подразумевается совокупность физических и духовных способностей... Но рабочий продает не потенциальные свои возможности—это капиталисту неинтересно, — а проявление их в процессе труда.

Конечно, в отдельных случаях можно мыслить рабочую силу отъединенной от средств производства, но когда в процессе общественного производства бывает такой момент, когда рабочая сила отъединена от средств производства?

Поскольку речь идет о процессе совершающегося общественного производства, рабочая сила как раз мыслится соединенной со средствами производства, и перед нами уже не рабочая сила, а производительная сила общества.

Возьму пример из другой сферы: моя способность прочесть доклад о производительных силах—это, как будто бы, способность, овеществленная во мне самом. Если я заболел—качества доклада ухудшатся. Но отнимите у меня рукопись доклада. Окажется, что моя способность прочесть доклад овеществлена еще и в рукописи. Это—*моя* способность; к бумаге и чернилам она не перешла, но она неразрывно, оказывается, связана не только со мной самим, но и с моей рукописью.

Способность рабочих капиталистического общества производить овеществлена в них самих и в машинах.

Отмечу только, что если я говорю, что общественная способность «овеществлена», то я не думаю, что сначала была способность, а затем она будто бы, как абсолютный дух, овеществилась в вещах. Я не думаю также, что сначала была вещь, а потом на нее снизошла способность. Я хочу сказать, что способность возникает овеществленной, как функция человеческого организма, связанная с *отдельно от него* существующими предметами, расширяющаяся, улучшающаяся с умножением и улучшением материальных условий труда.

VI

Теперь переходим ко второй части работы, к Марксовой концепции производительных сил и производственных отношений.

В капиталистическом обществе «производительные силы труда», по выражению Маркса, становятся¹ «производительными силами капи-

¹ в то же время. А. Е.

тала». Определяющим моментом в капиталистическом производстве становится производство возможно большей массы прибавочной стоимости для капиталистов, а не производство возможно большей массы продуктов для всех членов общества.

В тот момент, когда такая ситуация налицо—налицо основное противоречие капиталистического общества, развивающегося по разным линиям. Если теория производительных сил, с одной стороны, связана с теорией стоимости, то, с другой стороны, она упирается в теории кризисов и революции.

Исследование теории кризисов в свете теории производительных сил, исследование теории революции, классовых коллизий, являющихся побочной формой выражения конфликта между производительной способностью общества и «общественными» отношениями—это огромная задача, которая может и должна быть поставлена только в связи с решением вопроса о содержании понятия производительных сил.

Чтобы подвести итог вопросу о значении естественных и общественных производительных сил, условий производительности, как моментов, определяющих «общественные» отношения, отметим следующее: все естественные вещества и силы вовлекаются в производство более или менее регулярно при помощи орудий труда.

Моментом, определяющим диалектику общественного развития, является состояние и развитие *общественных* производительных сил, потому что от степени их развития зависит использование естественных агентов производства и веществ.

Если на ранних ступенях развития человеческое общество зависело от естественных условий производительности больше, чем от общественных, то и здесь дело можно свести к орудиям труда. Здесь определяющим моментом явится почти полное отсутствие орудий труда, этих имеющих вещественное бытие частиц производительной способности общества.

Развитие орудий труда, разделения труда, кооперации, науки тесно связано одно с другим.

Но какова все же действительная роль орудий труда в диалектике общественного развития и как на этот вопрос отвечает Маркс?

«Таковую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд¹.

Часто интерпретаторы этого места истолковывают его так, что машины своими непосредственными свойствами, чуть ли не своею формой определяют склад формаций.

А если они добавляют, что машина является производительной силой лишь в той мере, в какой она общественная вещь, то

¹ Кап., I, 151 по изд. Гиз. М. 1923 г.

совершенно беспомощны определить, какое общественное свойство делает машину производительной силой на фабрике, только вещь — в пустыне.

Маркс говорит здесь же, что средства труда важны как *мерило развития* человеческой рабочей силы — и как таковые определяют общественные отношения, при которых совершается обмен веществ природой.

Если коснуться того значения, которое придавали основоположники введению машин, как определяющему моменту в развитии производительных сил, то ценным являются сравнение раннего очерка критики политической экономии¹, письма Маркса к Анненкову и, в заключение, синтез обеих точек зрения в 13 главе I тома «Капитала» (машины и крупная промышленность).

Энгельс подчеркивает, что введение машин, даже в большом количестве, но без мощных механических двигателей, еще не изменяет социальной формы общества.

Маркс в письме к Анненкову выдвигает, тот момент что *исходным моментом* промышленной революции является не применение новых двигателей, а введение рабочих машин.

В «Капитале» эти обе точки зрения синтезируются, здесь указывается на то, что совокупность обоих этих моментов была необходимым условием промышленной революции.

Мне хотелось бы отметить тот момент, что все машины сами по себе, конечно, усложняют и удорожают производство, но что смысл их в том, что они помогают обществу усваивать, использовать возможно больше веществ и сил природы.

Да будет мне позволено привести такой пример: двенадцать ботокудов ковыряют землю виловатыми сучьями и собирают 12 пудов манса в год с гектара. Двенадцать их соседей из ближней деревни купили 12 английских стальных мотыг и, затрачивая то же количество труда, получают 48 пудов манса, качеством лучшего.

Возросли ли их производительные силы?

Конечно. А в чем это выразилось? Рабочая сила прежняя. Средства производства — качественно изменились.

Если мы будем думать только об изменении технической стороны процесса, о замене вил мотыгами, то мы еще не подошли к порогу теории производительных сил.

Но если мы вспомним, что это вилы и мотыги *ботокудского общества*, что изменилась его способность к труду, способность, познаваемая только в действиях, в результатах, то производительные силы возросли.

Производительные силы возросли в такой же мере, как возросла масса средств производства.

А что здесь было средствами производства? — То, что ботокуд помещал между собой и предметом труда.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. сочин. Изд. Института Маркса и Энгельса, т. II, стр. 386—387.

А что именно: мотыги, затем, раз больше семян возросло, значит больше использовано веществ и сил природы — больше солнечного тепла и солнечного света, химических веществ, больше химических свойств почвы пошло на пользу ботокудскому обществу — словом, возросла масса средств производства, которые ботокуд, того не ведая, поместил между собой и зерном.

Все эти вещества и силы природы стали средствами производства, включились в производственный процесс, а вместе с тем увеличили производительную способность общества.

Дело в том, что необходимыми элементами процесса общественного труда являются все три момента: люди, технический аппарат, предметы труда.

Процесс труда представляет изменения во всех этих трех элементах, однако земля на протяжении человеческой истории геологически и географически изменялась мало, не она вела вперед развитие человечества. Человек, как биологический тип, также изменился мало, а если изменился, то как общественный индивид, а не в силу чисто-биологических причин.

Вещный же аппарат техники изменился, возрос, улучшился неизмеримо; с изменением его изменились и объекты труда и сами люди, его субъекты.

Итак, формула такая: в центре развития стоит человек, люди, орудия развиваются не сами по себе, а как орудия людей, как их способность к труду, но орудия становятся как бы независимой переменной, а люди и предмет труда — зависимыми.

Это противоречие, не всегда понимаемое, и является, по нашему мнению, причиной фетишизации технического аппарата.

Учтя роль орудий труда, как вещественных условий, вещественных носителей способности общества к труду, *определяющих* степень развития обмена веществ между обществом и природой, форму единства общества с природой, поставим вопрос о том, каким образом орудия труда *определяют* также и специфические, «общественные» отношения людей друг к другу.

Если предположить, что орудия обуславливают то или иное разделение труда, а характер технического труда определяет «общественные» отношения, то такая точка зрения представляла бы богдановскую теорию зависимости общественного строя от технических отношений производства¹. Маркс старался подчеркнуть двойственный характер труда, принципиальное отличие технических производственных отношений от специфических «общественных» отношений производства.

Еще раз подчеркнем, что не магические свойства машины, как вещи, не только механическая координация людей вокруг машин создают новые общественные закономерности; выводить «общественные» отношения непосредственно из технических, смешивать их — это значит благополучно «развивать» марксизм от Маркса к Адаму Смиту.

¹ Выделение функций организаторов и проч.

Эту мысль можно пояснить на следующем примере. В капиталистическом обществе по линии технических производственных отношений имеется противоречие между коллективностью трудовых процессов и индивидуальным присвоением.

В следующей формации производство станет полностью коллективным, присвоение также.

Но в эпоху первобытного коммунизма было то же: например, Зибер рассказывает об одном первобытном племени, которое ловило рыбу живым неводом из людей: цепь людей заходила в неглубокую воду залива и криками и ударами по воде гнала рыбу к берегу. Присвоение здесь также было коллективным.

Однако между первобытным коммунизмом и коммунизмом будущего есть как будто бы существенная разница.

Никто не задумается указать, в чем главное отличие—в производительности труда, в наличии *прибавочного продукта* (а прибавочный продукт становится сам, в свою очередь, средством производства).

Таким образом мы, не отказываясь от учета технического разделения труда, как момента, влияющего на общественные отношения, на специфический «способ» производства, решительно отказываемся сводить только к этому моменту вопрос о структуре общества, выдвигая на первый план проблему производительности труда, как определяющий момент.

В чем же, еще раз повторим, единство всех разнообразных элементов, которые то изменяются условиями труда, то агентами, то причинами изменения производительности.

Если производительные силы—это общественная способность к труду, то введение машины повышает способность к труду, наука повышает способность, введение в эксплуатацию нефтяного пласта повышает, водопад повышает, электрификация повышает и т. д.

Совокупность всех моментов материальной производительности—это совокупность всех моментов общественной способности к труду. А вопрос об общественной способности к труду, это вопрос о *прибавочном продукте* и о той или иной общественно-экономической формации, модификация которых связана с качественной и количественной модификацией прибавочного продукта. Определяющая роль орудий труда нами подчеркивалась выше, и эта проблема является командующим пунктом всей проблемы производительных сил и прибавочного продукта в целом.

VII

В этой заключительной части работы, мы, с одной стороны, приведем ряд положений Маркса, обосновывающих, по нашему мнению, ту концепцию, которая развивается в данной работе, затем поставим вопрос о производительных силах, как исторической категории и о методе исследования производительных сил и производственных отношений для различных общественно-экономических формаций.

Если мы говорим о росте производительных сил, мы говорим о тенденциях роста производительности общества.

Если мы говорим о конфликте между производительными силами и общественными отношениями, мы говорим о конфликте между ростом производительности и дальнейшим развитием тех общественных отношений, в оболочке которых совершается производственный процесс.

Всякое общественное производство—это единство двух моментов: отношения людей к природе и друг к другу.

Конфликт между производительными силами и производственными отношениями—это тот случай, когда отношения людей друг к другу мешают успешно развивать господство над природой.

Обратимся к тому, что говорит Маркс о конфликте между производительными силами и производственными отношениями.

Мы знаем, что Маркс неоднократно говорит о том, что в капиталистическом обществе производительные силы становятся производительными силами капитала. Здесь, очевидно, речь идет о том, что производство происходит как капиталистическое производство, как единство процесса создания потребительных ценностей и ценности, того единства, внутри которого, по мере развития капиталистического способа производства, назревает конфликт.

Выражением этого конфликта и есть конфликт между способностью общества создавать все возрастающую массу ценности и в то же время все возрастающую массу продуктов, конфликт между «самовозрастающей» способностью капиталистов эксплуатировать труд и способностью общества развивать свое материальное производство.

Мы думаем, что в теории ценности и заключается ключ к пониманию конфликта между производительными силами и производственными отношениями.

До известного времени господствующее общественное отношение и все производные от него являются оборотной стороной растущей производительности общественного труда; в известный момент наступает разрыв, внутри того единства, которым является общественный труд, развиваются противоречия, которые сначала начинают тормозить развитие производительности труда; от этого торможения получают толчки, именуемые кризисами (одно из выражений кризисов—война).

Если бы налицо была «чистая» общественная формация, то произошла бы революция. Но так как при этом конфликте возможен выход еще в форме внутренней или внешней экспансии капиталистического способа производства, то революция наступает не сразу.

Какие моменты определяют наступление основного конфликта между производительной способностью и общественным ее качеством—об этом мы будем говорить немного дальше.

Сейчас мы поставим такой вопрос: каким образом способность общества в той или иной мере господствовать над природой определяет характер его «общественных» отношений? Ведь отношение общества в целом к природе—это категория одного порядка, относится к сфере трудовых процессов, а общественные отношения—это

категория иного порядка, особого рода отношения людей друг к другу, особая деятельность их по отношению друг к другу.

На этот вопрос в логической плоскости я не сумею дать ответа. Думаю, что никто вообще не ответит, как никто не скажет, каким образом известная степень организованности материи, наличие в ней определенной совокупности механических, физических, химических и пр. явлений приводят к тому, что эта материя оказывается обладающей новым свойством сознания.

Известный скачок в степени организованности материи—и путем скачка материя обладает уже новым свойством, атрибутом, сознанием.

Точно так же и по мере развития трудовых процессов, по мере увеличения, улучшения обмена веществ с природой, общественный труд приобретает новые общественные характеристики.

Однако диалектика по-своему рациональна, и мы можем как угодно близко подойти к изучению развития общественных отношений. Развитие антагонистических общественных отношений можно проследить, изучая историческое развитие обмена на базе развития производительных сил.

Чрезвычайно поучительны следующие замечания Маркса, выясняющие роль роста производительности общественного труда в развитии общественных отношений.

«Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям—отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует *определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего*,—вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а, следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства»¹.

Относительно того, что производительная сила труда—это производительность, производительная способность труда, спора как будто бы нет.

И вот, оказывается, что в производительной способности общественного труда—сокровенная тайна всего общественного строя.

Вот еще замечание Маркса, целиком подтверждающее эту концепцию.

«Поскольку процесс труда есть процесс между человеком и природой, его простые элементы общи всем формам общественного развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее его материальные основы и его общественные формы. Достигнув известной степени зрелости, данная историческая форма совлекается и уступает место более высокой. Момент наступления такого кризиса обнаруживается в том, что приобретают особенную широту и глубину противоречие и противоположность между рас-
пределительными отношениями,—а, следовательно, и исторически

¹ Капитал, т. III, стр. 319—320.

определенной формой соответствующих им отношений производства—с одной стороны, и *производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов*—с другой стороны. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой»¹.

Здесь *прямо пояснено*, что производительные силы (Productivkräfte)—это производительная способность и ее агенты, факторы (Productionsfähigkeit und seine Agentien)².

Маркс и Энгельс вскрывают еще точнее *механику* влияния производительности труда на общественные отношения.

Вот замечание Маркса по этому поводу.

«Пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет того избыточного времени, без которого невозможен прибавочный труд, невозможен, следовательно, и капиталисты, но невозможны в то же время и рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом, какой бы то ни было класс крупных собственников». К этому месту Маркс делает примечание³.

«*Уже само существование капиталистических предпринимателей, как особого класса, зависит от производительности труда*». «Если бы труд каждого человека был достаточен только для производства его собственного пропитания, то не могло бы существовать собственности».

Интересно проследить основную социологическую концепцию поздней работы Энгельса «Происхождение семьи, собственности, государства», в которой Энгельс, выполняя завещание Маркса, дает итоговые социологические формулировки.

Вот мысль, которая развивалась в этой работе.

«В обществе, основанном на таком союзе, постепенно увеличивается производительность труда (die Productivität der Arbeit), а с нею вместе частная собственность, обмен продуктов, различие по богатству, присвоение одними рабочей силы других и образуются отдельные классы, сословия. Народившиеся новые социальные элементы в продолжение многих поколений хлопотливо стараются приноровить существующие общественные отношения к новым условиям, но *несовместимость одновременного существования этих различных элементов* приводит к полному разрушению старого»⁵.

¹ ...und den Productivkräften, der Productionsfähigkeit und der Entwicklung ihrer Agentien... Капитал, т. III, изд. Гамбург, 1894 г. стр. 421; русс. 422—423.

² Если только позволительно так выразиться (А. Е.).

³ Капитал, т. I, стр. 492.

⁴ Отметим только, что, по замечанию Маркса, общественные отношения, как свойства труда, мыслимы лишь с того момента, как труд становится общественным трудом. Если стоять на той точке зрения, что общество развилось из семьи (как полагали Маркс и Энгельс в своих ранних работах), то в этом случае об общественных свойствах можно говорить лишь в случае, когда налично не только семья, но и общество (по этому вопросу любопытно сравнить «Немецкую идеологию» с «Происхождением семьи и т. д.», а также привлечь Капитал, т. I, стр. 496 (р.) и 492—493 (р.); (нем.) 451.

⁵ Ф. Энгельс.—«Происхождение семьи, частной собственности и государства». Изд. Петр. Сов. Раб. Деп. 1919 г., стр. 3.

Число аналогичных мест у Маркса и Энгельса можно было бы значительно умножить, но вряд ли в этом есть большая нужда.

Любопытно отметить, что первым приблизился к *формально-правильному*, на наш взгляд, толкованию термина «производительные силы» один из первых русских марксистов, Кауфман¹, поместивший в майской книжке «Вестника Европы» за 1872 год рецензию на 1-й том «Капитала».

В этой рецензии Кауфман говорит, между прочим, следующее:

«Перемена в отношениях человека к природе, составляющих главное содержание производительности, обуславливает перемены в экономических отношениях людей друг к другу».

Эта статья Кауфмана была известна Марксу, и Маркс, прочитав ее, не заявил, что Кауфман извратил центральную идею его учения.

В предисловии к 1-му тому «Капитала» Маркс повторяет ту характеристику своего метода, которую дал Кауфман, и повторяет одно из его замечаний: «При различиях в производительности и последствия ее будут различны, а с ними и законы, ими управляющие», в такой форме:

«Mit der verschiedenen Entwicklung der Productivkraft ändern sich die Verhältnisse und die sie regelnden Gesetze».

В этом же предисловии Маркс говорит о том, что «Капитал» пре-
красно переведен на русский язык.

Значит, Маркс обращает внимание и на качество перевода, и вот, оказывается, Маркс не возражает против того, что Productivkraft по-русски звучит как производительность.

Если же Маркс на ряду с производительностью (Productivität) говорит также «Productivkraft, Productivkräfte, Productionsfähigkeit», то этим, несомненно, Маркс хочет подчеркнуть, что его интересует производительность не только как техническая категория, но как выражение производительной способности всего общества.

Интересно отметить, что Ленин, цитируя в своей статье известное предисловие к 1-му изданию «К критике политической экономии» везде заменяет слова производительные силы одним словом: «производительность». Произошло это от того, что Ленин в «Друзьях народа» цитирует не непосредственно Маркса (как это неверно указано в примечании 8-м к 1-му тому II и III изданий), а Кауфмана.

Вот что читаем мы в «Друзьях народа»²:

«Анатомию же гражданского общества следует искать в политической экономии. Результаты, к которым привело меня изучение последней, могут быть кратко сформулированы следующим образом: «При материальном производстве людям приходится, стать в известные отношения друг к другу, в «производственные отношения». Последние всегда соответствуют той степени развития производительности, которую в данное время обладают их экономические силы»³. На известной

¹ По-немецк. Штуттг. Изд. 1903 г., стр. 8.

² Ленин.—«Что такое друзья народа», собр. сочин., т. I, стр. 59—60, по 3-му изданию.

³ Сравнение с рядом других мест позволяет думать, что под «экономическими силами» подразумеваются «классовые силы», классовые группы, в данном случае, производительные классы.

ступени развития своей производительности силы приходят в столкновение с производственными отношениями людей друг к другу. Вследствие этого они начинают противоречить и тому, что служит юридическим выражением производственных отношений, т.-е. имущественным порядкам. Тогда производственные отношения перестают соответствовать производительности и начинают ее стеснять. Отсюда возникает эпоха общественных переворотов.

В позднейшей работе о марксизме (см. т. XII, ч. II или еще лучше т. XX, ч. I) Ленин, цитируя то же самое место по Марксу, вместо «производительность» ставит везде «производительные силы».

Я думаю, что причины замены те же, что и у Маркса, когда он производительность переводит как «производительная сила» и когда он на ряду с термином «производительность» вводит еще термин «производительные силы», «производительная сила»¹.

Имеется в виду та же самая производительность, взятая как производительность всего общества, как общественное качество—вот для какой цели употребляли Маркс и Ленин термин «производительные силы».

Я отнюдь не беру на себя смелости утверждать, что мое понимание, производительных сил абсолютно правильно и точно², не допускает никаких поправок и возражений.

Я только хочу сказать, что таково мое мнение, на этом я стою и останусь до тех пор, пока мне не докажут противного или пока я сам не убежусь, что неправ.

В заключение я хотел бы поставить вопрос о производительных силах, как исторической категории.

По примеру Ж. Б. Сэя³ и т. Адоратского, я решил тоже составить таблицу производительных сил (имеющую весьма и весьма условное значение).

Я полагаю—и ряд замечаний Маркса позволяет это думать—что в различные эпохи производительная способность (производительные силы) общества имела различный вид.

Так, на заре человечества и в ранние периоды его жизни (до обособления ремесла) общественная способность к труду настолько зависела от природных условий, от «земли», что, можно сказать, этот период она как бы имела бытие в виде самой земли⁴.

¹ Интересно сравнить во втором Ленинском сборнике три редакции § 7-го проекта программы РСДРП—см. стр. 32, 58, 76 (редакция Ленина, Плеханова и опять Ленина).

² Что касается отдельных формулировок, то тут возможность неточностей и крупных промахов еще больше.

³ См. J. B. Say. Economie politique pratique. VII, Ed. Naumann et Co, 1840.

⁴ Представим такой случай. Население деревни, живущее на $\frac{3}{4}$ тем, что дает морской прилив, выходит на берег и по какой-либо случайности не находит ничего. Какова тогда его производительная способность? Отметим все же, что земля потому могла стать главной, определяющей, производительной силой, что ее значение в производстве уже определено недостаточным развитием орудий у данного племени. Но если бы у данного племени вовсе не было орудий, то это уже были бы животные, а не люди.

Это—в период собирательства (Sammlerdung), века медный, бронзовый, железный и последующий период господства экстенсивного земледелия.

В эпоху господства ремесла (простое товарное хозяйство) главной производительной силой являются *технические навыки труда* (умелость, искусство, ловкость). Увеличение числа орудий было бесполезно, улучшение их было слишком медленно. В этот период появляется машина—внутреннее противоречие данного способа производства и зародыш его следующей формы.

При *капитализме* способность к труду как бы принимает вещный вид в *машинах*, обособляется от производителей и противостоит им как враждебная сила.

Главные производительные силы капитализма—машины с механическими двигателями.

При социализме специфической производительной силой является, по моему мнению, *рациоализация*, рационализация всего производства, вследствие чего является рационализация всех общественных отношений.

Зародыши рационализации производства и общественных отношений развиваются еще в эпоху финансового капитала—«рационализация»—в искаженной форме—производства, —широкое применение естествознания в промышленности, фордизм, плановость,—«рационализация» в негативной форме общественных отношений (монополии).

Все производительные силы, развитые обществом в прежние периоды, остаются при нем и продолжают развиваться, но принципиально новой способностью является особая форма кооперации, сознательное движение масс (на основе весьма высокой производительности труда).

Нет непродуманного населения. Всякий общественный труд—производителен. А то новое, что специфично для данной формации,—это то, что весь труд общественно-целесообразен, производится по общественному плану.

Затрата труда каждого члена социалистического общества—это затрата труда по выработанному обществом плану. В этом принципиальное отличие от производства капиталистического общества.

Коммунизм—это Советская власть плюс электрификация, это специфическая формула русской революции: Россия была отсталая в техническом отношении страна, и никто из нас не считает, что предпосылки успешности Октябрьской революции—это только местные, замкнутые, национальные предпосылки.

Формула для мировой пролетарской революции—это электрификация плюс Советская власть или какая иная форма пролетарской диктатуры. При этом мыслится и новый вид кооперации.

Нельзя считать электрификацию принципиально новой для социализма производительной способностью.

Электрификация, да и вообще применение машин с механическими двигателями, уже широко применялась и в последней стадии капитализма, в эпоху империализма.

То, что я считаю основным для социализма,—это не мое индивидуальное изобретение.

В ранней работе Энгельса мы читаем:

«Эта неизмеримая производительность, урегулированная сознательно и в интересах всех, вскоре свела бы к минимуму выпадающую на долю человечества работу»¹.

В заключительной главе 3 тома «Капитала»:

... «Социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы, напротив, он как слепая сила господствовал над ними, в том, что он совершает его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адекватных их человеческой природе. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы²), которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня—основное условие»³).

Теперь еще сделаем попытку ответить на вопрос о том, почему развитие производительной способности общества идет по линии расширения, роста ее, а не по линии ее уменьшения, свертывания.

Ведь нет такого предустановленного закона. Могло бы быть и наоборот.

Здесь ответ, по-нашему, лежит в такой плоскости.

Рост населения определяется, в конечном счете, состоянием общественного производства, производительностью общественного труда.

Но в основе роста самой производительности труда лежит рост населения.

Человеческое производство есть прежде всего производство себе подобных и притом, в силу биологических законов, воспроизводство смертного. Если нет объективных возможностей, рост замедляется, прекращается, но в каждом случае это встречает сопротивление в биологической природе человека.

Появление детей, напротив, заставляет его, поскольку это возможно, повысить производительность труда.

Итак, рост населения все время импульсирует к увеличению производительности труда и в то же время довольно болезненным путем регулируется, определяется этой производительностью.

В капиталистическом обществе производительная способность становится производительной способностью капитала. Там регулирующим моментом делается не рост производительности общественного труда,

¹ Собр. сочин. Изд. Института Маркса и Энгельса. Т. II, стр. 333.

² Опять термин «сила» (Kraft) употреблен явно в смысле «способность». А. Е.

³ Капитал, т. III, ч. 2, стр. 357 (p.); 355 (нем.). Здесь такое же жизнерадостное, оптимистическое мировоззрение, какое мы встречаем и у Спинозы. Развитие производительной способности—средство к возможно полному и разностороннему развитию всех сил, способностей человеческой природы. А. Е.

не «развитие богатства человеческой природы», а увеличение массы прибавочной стоимости.

Здесь рост населения регулируется особым способом, но эти вопросы разобраны у Маркса с достаточной полнотой.

Я хочу только сказать, что в *основе* увеличения и улучшения производительной способности общества лежит *рост населения*.

Вот цитата по этому поводу, взятая у основоположников¹. В предыдущем контексте речь шла о развитии коллективного общественного сознания.

«Это баранье, или родовое, сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря увеличению производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения.

В заключение отмечу, что проблемы производительных сил и общественных отношений должны ставиться совершенно различным способом для меновых и не-меновых обществ.

Во-первых, для капиталистических обществ надо изучение диалектики развития производительных сил непосредственно связать с теорией ценности Маркса, с его теорией кризисов, классов, революции. Здесь характерными моментами будут антагонистичность и овеществление специфических общественных отношений, появление вторичных и третичных производственных отношений, а далее обособление их в виде надстроечных отношений.

Законы развития производительных сил действительны и для не-меновых обществ, но для этих периодов эти закономерности будут совершенно иными.

И в не-меновых обществах общественные отношения не только развиваются вместе с развитием производительных сил, но и влияют на их развитие.

Но там невозможен такой конфликт между производительными силами и производственными отношениями, который принял бы вид конфликта между классами, вид революции.

Там эти конфликты разрешаются в силу вынужденной необходимости (первобытное общество) или целесообразными действиями общества для устранения их. Там это — конфликты внутри самих производительных сил. Только в меновых обществах могут выделиться, обособиться особые производственные отношения, которые в известный момент становятся в противоречие с развитием производительных сил, с развитием общественного материального производства.

Мы отнюдь не надеемся в настоящей работе хотя бы сколько-нибудь полно не только разрешить, но даже поставить все намеченные выше вопросы.

Цель этой работы — достичь отчетливого представления о том, во-первых, что производительные силы — это категория из области конкретного труда, материального производства, что сами по себе производительные силы не составляют объекта внимания политической

¹ Архив Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 221.

экономии, что для политэконома они важны только как содержание исследуемых им общественных форм.

С другой стороны, если проблема производительных сил для политической экономии имеет значение как часть проблемы исследования менового общества, то для истмата, изучающего закономерности общественного развития в разные периоды, проблема производительных сил является той основной проблемой, от правильного решения которой зависит понимание всего общественного развития в целом.

Метод изучения производительных сил и производственных отношений — один для всех формаций: это — метод исторического материализма.

Но закономерности развития для каждой формации особые.

Если мы и имеем работы основоположников, позволяющие теперь подойти вплотную к изучению производительных сил менового (капиталистического) и не-менового (коммунистического) общества (обратим внимание, что для этих формаций термин «общество» уже имеет различное значение), то предстоит большая работа по изучению закономерностей развития докапиталистических обществ (так называемые первобытные и феодальные общества) и ближайших послекapиталистических (эпохи диктатуры пролетариата и 1-й фазы коммунизма-социализма).

И в этом изучении, в разработке концепции производительных сил и производственных отношений должна занять свое место проблема прибавочного продукта.

А. Ефимов

ПЛЕХАНОВ О ДИАЛЕКТИКЕ В ПСИХОЛОГИИ

Психологические взгляды Г. В. Плеханова, который чаще, больше, подробнее всех других последователей диалектического материализма высказывался по вопросам психологии, имеют сами по себе большое теоретическое значение, но они становятся еще более злободневными в связи с состоянием умов в области психологии.

За последние годы, по мере укрепления советской власти, роста экономической ее базы—восстановление хозяйства, крепнет союз труда и науки, передовой, лучшей части интеллигенции и рабоче-крестьянских масс.

На этом фоне марксистская идеология, революционный марксизм и ленинизм, диалектический материализм все более и более проникают в науку, овладевают головами ученых, делают исходной точкой их изысканий.

Этот процесс захватил также и область психологии. Сознательно или бессознательно, искренно или неискренно, но и психологи почувствовали необходимость пересмотреть свою принципиальную и практическую установку в духе диалектического материализма.

Этот процесс, эта идеологическая ломка в области психологии имеют бесспорно большое положительное значение. Его нужно приветствовать и всячески поддерживать. Но, подходя диалектически, нельзя, однако, забывать и отрицательной его стороны, а именно *возможности* вольного или невольного извращения отношения марксизма к психологии, и не только возможности, но и реально, фактически уже выявившихся *попыток* извращения взглядов марксизма на психологию.

В этом последнем отношении повторяется на новой социальной основе то, что было в 90 г.г., когда и Ленин и Плеханов, распространяя марксизм, в то же время разоблачали, резко боролись против тех, которые, не будучи марксистами, рядились в марксистскую мантию, пользовались марксистской фразой.

Но этого мало. Для состояния умов в области психологии характерно еще одно обстоятельство, а именно отсутствие даже среди марксистов полного единодушия по вопросам о рефлексологии, или о субъективном и физиологическом, о соотношении между биологическим и социальным «факторами» человеческого поведения, в частности о роли сексуального, о социальной и индивидуальной психологии, о методах психологии. Вокруг всех этих вопросов ведутся

очень острые и горячие споры, производится переоценка ценностей, оформляются различные течения—диалектическое, механистическое, фрейдистское.

Эта-то опасность извращения марксизма в области психологии и этот разброд среди марксистов и повышают интерес ко взглядам Плеханова, заставляют еще и еще раз их проанализировать с новой точки зрения.

В настоящей статье мы ставим себе целью не изложить психологические взгляды Плеханова, как таковые, а проанализировать их с точки зрения диалектики, точнее—выяснить, какие элементы, характерные штрихи диалектики Плеханов установил, выявил в психологии. При этом мы сперва проанализируем взгляды Плеханова в порядке системы психологии, а затем систематизируем их в порядке самой диалектики.

Психологические взгляды Плеханова можно сгруппировать в следующие проблемы:

- 1) вопрос о субъективном, как таковом, о его социальной роли,
 - 2) психофизиологическая проблема (субъективное и физиология мозга),
 - 3) психика и организм в целом. Соотношение между социальным и биологическим «факторами» нашего поведения и психики.
 - 4) социально-классовый «фактор» нашего поведения и психики.
- В этом порядке мы и проследим психологические взгляды Плеханова.

1. Диалектика у Плеханова в вопросе о субъективном

Плеханову пришлось неоднократно возвращаться к вопросу о реальности психики, субъективного. Его отношение к этому вопросу можно охарактеризовать: «от обороны к нападению».

Плеханову пришлось *обороняться*, защищаться от нападков, от обвинений, сыпавшихся против марксизма со стороны *идеалистов, эклектиков и ревизионистов* (Бернштейн, Оливетти, Штамлер), обвинений в том, что марксизм со своим учением об экономической базе отрицает, игнорирует, недооценивает *не-экономические* факторы вообще, психический фактор в частности.

Обороняясь, Плеханов в то же время нападал на тех (Грим, Шулятиков), которые действительно отрицали психику.

Марксизм никогда не отрицал реальности и действительности психики,—утверждает Плеханов. Психика—это особый «фактор» общественной жизни, который Плеханов ставит в ряду надстроек после социально-политического строя и перед идеологией¹, «фактор», действующий «по своим особым законам»².

Психика, т.-е. наши «несистематические, отрывочные», мы бы сказали общежитейские, переживания, из которых складываются затем систематизированные идеологии³ науки и искусства,—является по Плеханову «непосредственной причиной исторического процесса»⁴.

¹ Плеханов, т. XVIII, стр. 231.

² » » VII, стр. 218.

³ » » V, стр. 35.

⁴ » » XVI, стр. 36.

«Для общественной науки весь вопрос был в том только, приводится ли *непосредственная пружина—воля и чувства людей— в движение сама-собой*, или же эта непосредственная пружина *должна быть опосредствована какой-нибудь другой причиной*»¹.

«Исторический материализм не отрицает *взаимодействия* между человеческим сознанием и общественным бытием. Он только говорит, что *факт взаимодействия между двумя данными силами еще не решает вопроса об их происхождении*».

Марксизм, следовательно, по мысли Плеханова, не отрицает психики как особого, действующего по своим законам «фактора», но, не удовлетворяясь таким признанием ее реальности и действительности, идет дальше и глубже, выясняя ее генезис, ее происхождение.

Спрашивается, почему же все эти идеалистические, эклектические и ревизионистические обвинители марксизма понятия выяснение марксизмом генезиса, происхождения психики как ее отрицание.

Плеханов заявляет: «В грубости помыслов, в грязном нравственном материализме новейших социалистов часто упрекают люди *несведущие или неискренние*»².

Одни критики не желают понять, а другие действительно не понимают марксизма.

Плеханов вскрывает при этом социальные корни как неискренних обвинений, так и обвинений, являющихся следствием непонимания.

Но нас сейчас интересует не *социальные* корни обвинений, а идеологическая, т. е. логическая и теоретико-познавательная, «основа» понимания, в которой проявляются эти социальные корни.

Все эти обвинители не понимают, как можно, с одной стороны, *выводить* психику, как надстройку, из базы, мышление из бытия, а, с другой, видеть в психике, этом производном, этом следствии *нечто воздействующее обратно* на базис, на бытие.

Все эти обвинители — *метафизики*, видящие здесь причину, там следствие. Для них причина *всегда* причина, а следствие всегда следствие. Они не понимают диалектики того, как следствие, порожденное какой-либо причиной, превращается в свою очередь в причину, воздействующую на создавшую ее причину, как на следствие.

Таким образом, в борьбе за признание реальности и действительности психики, за признание ее как особого действующего по своим особым законам «фактора» общественной жизни, Плеханов, как диалектик, утверждает, что психика есть *следствие* базиса, бытия, *превращающееся* в свою очередь *в* причину.

Что же Плеханов понимает под психикой?

Он особенно часто и много говорит о роли и значении *мышления и сознания*.

«Я — червь, — говорит идеалист. Я — червь, пока я невежественен, — возражает материалист-диалектик: но я — бог, когда я знаю»³.

¹ Плеханов, т. XVI, стр. 36—37.

² » » III, стр. 339.

» » VII, стр. 247.

«Революционная по своему внутреннему содержанию *идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире*»¹.

Однако Плеханов не узкий интеллектуалист.

Он приписывает огромную роль:

а) Чувствам (эмоциям) человека:

«Еще Гегель справедливо сказал, что без *энтузиазма* — «без страсти» — не делается *ничего великого в истории*»².

Ни один великий шаг в истории не был сделан без помощи *страсти*, которая, *удесетеряя* нравственные силы и *изоцряя* умственные способности деятелей, сама является *великой прогрессивной силой*»³.

б) Воле человека:

«Материалисты-диалектики особенно хорошо помнят, что на практике *воля людей есть необходимый рычаг* для перестройки грубых форм исторического существования»⁴.

в) Желаниям человека:

Раз явилось у человечества *желание*, — оно само *составляет факт из истории его умственного развития*, и закон должен охватить этот факт, а не приходить с ним в столкновение».

Если «совершенно упустим желательное, — вернее сказать, *желаемое людьми данной эпохи*, — из нашего поля зрения, то мы *придадим закону какой-то мистический оттенок*, превратив его в какой-то *фатум*»⁵.

г) Инстинктивному в человеке:

«*Воспитание* человека в духе нравственности состоит именно в том, что для него *становятся инстинктивной потребностью* поступки, полезные для общества. И чем сильнее эта потребность, тем нравственнее это лицо.

«Люди не делают героев по расчету: *героизм инстинктивен. Но всякий инстинкт есть плод длинного процесса развития*»⁶.

д) Бессознательному, в смысле неосознанного:

«Возможности религии исчерпаны собственно только для *сознательных* пролетариев. *Кроме сознательных пролетариев, есть еще и полусознательные и совсем бессознательные*».

При этом Плеханов признает наличие бессознательного не только среди рабочих, но и среди интеллигенции.

«У нас еще великое множество *интеллигентов*», разумеется, мнящих себя вполне *сознательными*, но на самом деле *бессознательно* увлекающихся всяким модным течением»⁷.

¹ Плеханов, т. II, стр. 71.

² » » XVI, стр. 312—313.

³ » » VII, стр. 292—293.

⁴ » » X, стр. 172—173.

⁵ » » VII, стр. 92.

⁶ » » VI, стр. 308 и т. V, стр. 219.

⁷ » » XVII, стр. 6.

Как мы видим, Плеханов понимает психику широко. Он признает и инстинктивные и бессознательные и сознательные переживания, с одной стороны, и ум, и волю и чувства (эмоции)—с другой.

Таким образом психика, субъективное, обнимает собой, по Плеханову, все виды наших переживаний.

В субъективной эмпирической психологии господствовал своеобразный *психологический атомизм*—ум, воля и чувства рассматривались каждый как самостоятельные, изолированные способности, функции, переживания.

Как обстоит в этом отношении дело у Плеханова? Плеханов—ярый противник такого атомизма.

«Каждый человек есть «я», и у каждого человека каждое соображение о том или другом своем поступке *неотделимо* от сознания этим человеком своего «я». Это неоспоримое обстоятельство»¹.

Все человеческие переживания представляют собой не разрозненные проявления ума, воли или чувства, а образуют единое целое, связаны, увязаны в единое человеческое «я».

Психика, как цельное трехчленное единство (в смысле связи, увязки) *ума, воли и чувств*—вот диалектическая точка зрения Плеханова в отличие от субъективно-эмпирической атомистики.

Плеханов признает *различие* ума от воли и чувств, и в то же время он их диалектически связывает в *единую цельность*.

Для диалектического подхода Плеханова к этому трехчленному единству человеческого «я» характерна следующая его мысль.

«В *каждом* человеческом действии,—говорит он,—принимают участие *все* стремления человеческой природы, хотя бы *одно* из них и являлось *преимущественно заинтересованным* в этом деле»².

Все *разнородные* психические переживания связаны в единство не только в психике в целом, во всем нашем «я», но и во *всяком* нашем действии, в *каждом* отдельном действии.

Всякое действие есть единство, увязка, связь *всех* разнородных переживаний, и если мы все же одно действие, одну реакцию называем интеллектуальным, другое—волевым, а третье—эмоциональным, то это базируется на *преимущественной* заинтересованности, на *количественном* преобладании того или другого *вида* психических переживаний.

В основе определения каждого единого по существу трехчленного действия нашего то как ум, то как воля, то как чувство лежит *количество, превратившееся в качество*.

Плеханов не только диалектически и увязывает и различает (последнее на основе перехода количества в качество) ум, волю и чувства—трехчленное единство человеческого «я», но и указывает на историческое и диалектическое превращение инстинктивных и бессознательных переживаний в сознательные и обратно.

¹ Плеханов, т. V, стр. 220.

² » » V, стр. 313.

Все развитие наших человекоподобных предков как и всех других животных «находилось в полном подчинении природе» и было «*совершенно бессознательным*». «Тогда *еще не загоралась даже заря сознания*, а, следовательно, и свободы. Но физическая необходимость *привела* человека на такую степень развития, на которой он стал животным, делающим орудия», и подчиняющим «необходимость человеческого сознанию, хотя *на первых порах лишь в очень слабой степени, если можно так выразиться, лишь клочками, урывками*»¹.

Имевшиеся у человека, как и у всех животных, бессознательные и инстинктивные переживания, в силу развития техники, переходят в урывочное, клочкообразное сознание.

Процесс роста сознания продолжается и в дальнейшем историческом развитии, в классовом обществе.

«Стихийная» борьба за улучшение условий существования ведет к тому, что «позже» из «густых туч слепых интересов выливается свет классового сознания»².

Следовательно, бессознательное и инстинктивное, по закону перехода количества в качество, переходит исторически в сознательное.

А поскольку, как мы видели выше, в процессе воспитания, т.-е. повторения сознательных переживаний, последние превращаются в инстинктивные, перед нами диалектическая картина:

С одной стороны, в процессе действия, повторения, накопления, роста количества исторически выросло из бессознательного и инстинктивного сознательное, а, с другой стороны, картина диалектически меняется, и мы получаем обратный процесс, когда повторение, накопление, рост количества приводит к переходу сознательного в инстинктивное и бессознательное.

Исторически совершающийся диалектический переход количества в качество и обратно—вот что Плеханов устанавливает в отношении бессознательного и инстинктивного, с одной стороны, и сознательного, с другой стороны.

Для психологических взглядов Плеханова характерно также устанавливаемое им единство противоположностей внутри субъективного в двух формах:

1) социально-обусловленное одновременное уживание противоположных психических состояний;

2) закон антитеза или контраста.

Начнем с первой формы внутри-психического единства противоположностей.

Отвергая утверждение Бюхера, что у первобытных людей нет родительского чувства *потому*, что они убивают детей, Плеханов говорит, что «умозаключение от убийства детей и стариков к отсутствию взаимной привязанности между детьми и родителями» только

¹ Плеханов, т. VII, стр. 244.

² » » XVI, стр. 112.

«кажется совершенно логичным», да и то «только на первый взгляд»¹. Это внутриспихическое противоречие есть реальный факт, объясняемый, по Плеханову, условиями борьбы первобытных людей за существование.

«Те же самые условия дикой жизни, которые приводят к убийству детей и стариков, ведут также и к поддержанию тесной связи между остающимися в живых членами союза»².

Обусловленное социальными причинами одновременное уживание противоположных чувств—этот констатируемый Плехановым диалектический факт—объясняет также то вызывающее удивление у некоторых исследователей обстоятельство, что «убежденные сторонники крепостного строя восставали против неизбежных злоупотреблений помещиков-крепостников», составлявших собственно сущность крепостного права³, а также то обстоятельство, что в головах г.г. «критиков», Бердяева, Струве и других, утопическая мечтательность мирно уживается с несокрушимой и непреборимой «резвностью»⁴.

Обусловленное социальными интересами одновременное уживание в психике одних и тех же людей противоположных переживаний: убийство детей и стариков и любовь к ним, защита крепостного права и борьба против его «злоупотреблений», мечтательность и трезвенность оппортунистов—вот констатируемые Плехановым диалектические факты.

Социально необусловленное внутри-психическое единство противоположностей—такова диалектическая точка зрения Плеханова.

Теперь перейдем к другой форме внутри-психических противоречий—закону антитеза или контраста.

Считая «весьма убедительным то множество примеров, которые Дарвин приводит в доказательство большой роли» начала антитеза «при выражении ощущений у людей и животных», Плеханов спрашивает: не заметно ли действие этого закона антитеза и в происхождении и развитии обычаев?

И, на основе анализа жизни первобытных народов, Плеханов приходит к выводу, что «весьма значительная часть обычаев обязана своим происхождением действию начала антитеза» и что «развитие наших эстетических вкусов так же совершается отчасти под его влиянием».

Этот закон контраста, противоречия не случайность, а свойство человеческого организма.

Для характеристики закона антитеза, контраста, противоположностей очень интересен анализ Плехановым идеологических соотношений между пуританами и дворянством в Англии.

«Когда реставрация Стюартов временно восстановила в Англии господство старого дворянства, это дворянство не только не

¹ Плеханов, т. XIV, стр. 68.

² » » XIV, стр. 69—70.

³ » » XXI, стр. 224.

⁴ » » XI, стр. 257.

обнаружило ни малейшего стремления подражать, но проявило сильнейшую склонность к привычкам и вкусам, прямо противоположным пуританским правилам жизни.

«Тут действовало не подражание, а противоречие, которое, очевидно, тоже коренится в свойствах человеческой природы».

«Подражание являлось, стало быть, источником противоречия»,—говорит Плеханов.

Следовательно, можем мы резюмировать мысли Плеханова его же словами: «хотя у человека, несомненно, есть сильное стремление к подражанию, но это стремление проявляется лишь при известных общественных отношениях», а при других общественных отношениях стремление к подражанию исчезает, уступая место противоположному стремлению, которое я назову пока стремлением к противоречию».

В основе всей этой сложной диалектики психических явлений лежат факты общественного порядка¹.

Когда одна социальная группа воспринимает обычаи, нравы, эстетические вкусы и чувства другой социально-противоположной группы, то в ней в силу закона контраста, противоположности вырабатываются другие, противоположные нравы, обычаи, вкусы.

В силу социальных противоречий восприятие одних психических переживаний приводит к рождению противоположных.

Условия общественного бытия, противоположность классовых интересов приводит в действие, присущее организму, психологическую диалектику, т.е. в данном случае закон антитеза, контраста, противоположности, противоречий, и подражание переходит в противоречие, подражание превращается в источник противоречий.

Психика, следовательно, внутренне, имманентно заключает в себе противоречие. Психика—единство противоречий.

Но, могут возразить, ведь мы в приведенных примерах имеем дело с противоречивыми психическими переживаниями, существующими *раздельно* в двух различных социальных группах, следовательно, перед нами противоположность социальная, классовая, а не психическая.

Это возражение неверно.

Мы видели, что Плеханов подчеркивает социальные противоречия, но в то же время показывает, как эти социальные классовые противоречия *отражаются* в форме психологической диалектики.

Нельзя отождествлять социальные интересы и их психологические отражения.

Конечно, основной причиной этой психологической диалектики является противоположность классовых интересов, но нас ведь в данном случае интересуют те психологические формы, в которых эти интересы отражаются и проявляются.

И в этом смысле, в этом отношении, поскольку мы анализируем социально-обусловленные психические переживания, мы попадаем в сферу психологической диалектики, внутри—психических противоречий, состоящих в том, что получаемые одним классом восприятия

¹ Плеханов, т. XIV, стр. 12—13.

обычаев, мод, вкусов, переживаний другого противоположного класса, т.-е. имеющиеся в голове первого класса образы психических переживаний второго класса, переходят в голове первого в свою противоположность.

Но Плеханов вскрывает психологическую диалектику, действие закона антитеза, контраста, противоположности, противоречий не только при сравнении психики *разных* классов, но и в пределах *одной и той же* социальной группы.

«В эпоху наполеоновских войн наша, образованная и свободомыслящая военная молодежь еще любила Александра I». Но по мере того, как «Александр I все более и более поддавался влиянию реакционеров», это «чувство любви к Александру I заменялось чувством нерасположения и даже ожесточением».

И если «любовь к императору вызывала сочувствие к мирным реформам сверху и ожидание тех реформ, то разочарование в императоре и ожесточение против него должны были вызывать и укреплять сочувствие и стремление к революционному способу действий»¹.

В одном и том же слое, под влиянием социальных условий, любовь переходит в ненависть, мирное настроение — в революционное. Психика развивается по закону присущего ей внутреннего противоречия, хотя и приводимого в движение социальным бытием.

2. Диалектика в разрешении Плехановым психофизической проблемы

Психика, являясь отражением, следствием экономической базы и социально-политической надстройки, представляет собой в то же время свойство материи.

Плеханов употребляет еще термины: субъективное как сторона, функция, следствие, часть и некоторые другие, но в отношении к материи точнее Плехановский термин — свойство.

Спрашивается, какой материи свойственна психика, в смысле внутренних субъективных переживаний.

Плеханов не дает ответа на этот вопрос. Он путается, то заявляя, что психика присуща всякой материи, то утверждая, что она присуща только высокоорганизованной материи, то находя, что обе точки зрения неясны, то полагая, что проблема эта вообще не имеет никакого значения, (как мы это подробно выяснили в своей статье: «Плеханов о психофизической проблеме»²).

Но если взять его мотивы, вернее, один его мотив по существу, а именно когда он в споре с Бернштейном соглашается со Штерном, что если психика свойственна высокоорганизованной материи, то она «должна быть — пусть в минимальной, незаметной степени — во всякой материи, то приходится сказать, что это мотив не диалектический, а метафизический, ибо он исходит из метафизического непонимания перехода количества в качество, появления новых качеств в процессе усложнения материи.

¹ Плеханов, т. X, стр. 358—359.

² «Под Зн. Маркс». 1926 г. № 6.

В этом вопросе Плеханов, к сожалению, попал в сети *метафизики*.

Однако, неправы те, которые считают Плеханова сторонником гилозоизма, одушевленности всякой материи, наличия свойства «психичность» во всякой материи.

Плеханов — не сторонник гилозоизма, не сторонник одушевленности всякой материи, не приписывает «психичность» всей материи.

Не преодолев в этом вопросе метафизики, Плеханов не дает ясного, четкого ответа.

Переходя к вопросу о том, каково отношение между психикой и материей, между субъективным и физиологическим, там, где субъективное бесспорно есть, т.-е. прежде всего и раньше всего у человека, то точку зрения Плеханова можно охарактеризовать как борьбу за *качество* и за единство против всяческого отождествления.

Плеханов называет «будто бы материалистами» тех, которые утверждали, «что мысль, а следовательно, и ощущения есть не более, как движение вещества»¹.

Мысль, ощущения, субъективное — не есть движение вещества, а особое свойство движущейся материи.

В споре с Петцольдом Плеханов заявляет, что последний «попал бы в очень затруднительное положение, если бы мы его спросили, какой же именно материалист и в каком именно сочинении утверждал, что ощущение и мысль *тождественны* с движением в мозгу». Материалисты утверждали только, что «движение есть необходимое и достаточное условие мысли»².

Плеханов отвергает не только утверждение, что субъективное есть движение, но и утверждение, что субъективное есть часть материи, нечто протяженное.

Он солидаризируется с Чернышевским, что «ощущение и мышление совсем не похожи на движение и *протяжение*».

Он признает «вместе с Пристлеем, что мозг, кроме способности к вибрациям, может обладать еще способностью к восприятиям»³.

Субъективное не есть часть материи, не есть нечто протяженное, не есть движение, вибрация мозга, нет, субъективное есть *особое свойство* материи мозга.

Вот почему Плеханов различает физиологию в узком смысле этого слова, т.-е. без субъективного, и физиологию в широком смысле слова, с наличествующим субъективным.

Сходно со Спинозой, Плеханов утверждает, что субъективное есть особое свойство, которое не описывается и не объясняется физиологией.

Никто из видных представителей материализма, никто из материалистов нового времени «не объяснял или описывал душевные явления с помощью представлений или понятий, которые были развиты для объяснения или описывания движения»⁴.

¹ Плеханов, т. V, стр. 198—199.

² » » XVII, стр. 120.

³ » » V, стр. 208—209.

⁴ » » XVII, стр. 121—122.

Субъективное и физиологическое—два особых свойства, не тождественных между собой.

«Упрекать материалистов в отождествлении ощущения и мысли с движением значит навязывать им то «учение о тождестве», *несостоятельность* которого так хорошо обнаружил Фейербах, показав к тому же, что это учение является необходимой составной частью *идеалистической* «философии», так как оно представляет собой «бессознательное повторение одной из коренных ошибок идеализма», т.е. «*мнимое* разрешение антиномии между субъектом и объектом посредством устранения одного из ее элементов»¹.

Итак, психика не тождественна ни с движением, ни с протяженной частью материи, нет, психика—это *особое* свойство материи.

Единство, но не тождество субъективного и физиологического—вот точка зрения Плеханова.

Некоторые, Богданов например, расценивают эту точку зрения Плеханова как дуализм, параллелизм.

Но Плеханов не признает здесь никакого дуализма. Он соглашается с Чернышевским, что «двойственность явлений в организме отнюдь не свидетельствует против единства его природы», приведя при этом следующую цитату из последнего:

«Нет предмета, который имел бы *одно* качество. напротив, каждый предмет обнаруживает бесчисленное *множество* разных явлений, которые мы для удобства суждения о нем подводим под разные разряды, давая каждому разряду название качества, так что в каждом предмете очень много различных качеств».

«Например,—дерево растет, горит; мы говорим, что оно имеет два качества: растительную силу и удобосгораемость. В чем сходство между этими качествами. Они совершенно различны; нет такого понятия, под которое можно было бы подвести оба эти качества, кроме общего понятия—качество; нет такого понятия, под которое можно было бы подвести оба ряда явлений, соответствующих этим качествам, кроме понятия явление. Или, например, лед тверд и блестящ: что общего между твердостью и блеском. Логическое расстояние от одного из этих качеств до другого безмерно велико, или, лучше сказать, нет между ними никакого, близкого или далекого, логического отношения. Из этого мы видим, что соединение совершенно разнородных качеств в одном предмете есть общий закон вещей». Приведя это крайне интересное и важное место, Плеханов продолжает:

«То же и с тем качеством, которое мы называем способностью к ощущению и мышлению», его расстояние от так называемых физических качеств живого организма безмерно велико. Но это не мешает ему быть качеством того же организма, который в то же время обладает протяженностью и способностью к движению»².

¹ Плеханов, т. XVII.
² » » V, стр. 208—209.

Итак, *один* предмет, один организм обладает многими свойствами: он имеет: 1) протяженность, 2) способность к движению, к физиологическому функционированию и 3) способность к ощущению, психичность, субъективное свойство, образуя в то же время одно единое целое.

Наш мозг единственен (*в каждом* из нас),—и один, хотя он и обладает разными неотделимыми свойствами,—протяжен, физиологически функционирует, имеет свойство «субъективное», «психическое».

Плеханов—противник теории отождествления субъективного и физиологического, противник как идеалистического отождествления движения, физиологии с ощущениями (махизм), так и механистически-материалистического отождествления субъективного ощущения с движением, с физиологией, ведущего бессознательно к тому же идеализму.

Но он также противник теории психофизиологического параллелизма и психофизического взаимодействия, для которых субъективное и физиологическое есть две раздельности.

Мы не можем в аспекте данной статьи остановиться подробнее на последних двух теориях и на вопросе о том, как же одно субъективное состояние сменяется другим, но для иллюстрации мысли Плеханова отметим, что Плеханов считает каждое данное субъективное состояние с его физиологическим механизмом «двумя одновременно появляющимися свойствами одного и того же процесса», вызванного другим, предшествующим, в свою очередь тоже единым субъективно-физиологическим процессом.

Для Плеханова субъективное и физиологическое в человеческом мозгу—два разных, особых, но неотделимых свойства одного и того же тела—мозга.

И действительно, субъективное каждый наблюдает в себе непосредственно, а в другом каждый воспринимает только объективный процесс.

Вот почему, исходя из этого взгляда, мы в свое время формулировали:

I. Поскольку психика, субъективное, не есть материя, не есть такое выделение из мозга как желчь из печени,—она *не* материальна; поскольку же она является неотделимым свойством материальных мозговых процессов, неотделимым свойством материального мозга,—она материальна¹.

II. Поскольку субъективное не занимает места,—оно непротяженно, но поскольку оно совершается в пространстве,—оно пространственно².

Итак, Плеханов борется *против* отождествления субъективного с физиологическим, с протяжением, борется за своеобразность психики, как особого качества, борется за единство многообразных качеств в одном и том же, едином и единственном теле—мозгу.

Плеханов в этом вопросе выясняет два диалектических момента.

1. Признание особых, разных качеств.

¹ Франкфурт.—«Рефлекс и марксизм». Человек и природа за 1924 г. № 9.
² «Об одном извращен. маркс. в области психологии». Красная Новь. 1925 г. май. Рефлексология и марксизм, ч. II.

2. Единство многообразия, единство в смысле многообразия качеств в одном и том же предмете, в одном и том же процессе.

Борьбу за качество «психичность», за единство многообразия, за единство многообразных качеств Плеханов ведет еще в одном отношении, а именно по вопросу о том, можно ли отождествить субъективное с внешней, объективной, чувственной практической деятельностью.

Первый тезис Маркса о Фейербахе используется как для идеалистического, так и для механистически-материалистического отождествления субъективных переживаний и объективной, внешней чувственной практической деятельности.

Так, Г. И. Челпанов, ссылаясь на первый тезис Маркса о Фейербахе и утверждая, что «Маркс признавал изучение самосознания, субъективной стороны жизни центральной проблемой истории»¹, идеалистически отождествляет чувственную практическую внешнюю объективную деятельность с самосознанием, с субъективным.

С другой стороны, некоторые марксисты механического толка заявляют, что Маркс в этом своем тезисе признает только внешнюю объективную чувственную практическую деятельность, а не внутренние субъективные переживания. Они, следовательно, механистически-материалистически отождествляют субъективное с внешней, объективной, чувственной практической деятельностью.

Плеханов интерпретирует этот тезис Маркса следующим образом:

«Маркс заметил недостаток французского, и даже феербаховского, материализма и поставил себе задачей исправить его. Его «экономический» материализм является ответом на вопрос, как развивается конкретная деятельность человека, как, *в силу ее*, развивается его самосознание, как складывается субъективная сторона истории»².

Как мы видим, Плеханов понимает под субъективной стороной и конкретную деятельность человека и развивающееся в силу, вследствие этой деятельности, человеческое самосознание.

Плеханов различает процесс воздействия человека на внешний мир и те ощущения, которые человек в то время испытывает.

«Ощущения, вызванные в субъекте действием на него объекта, совсем *не похожи* ни на этот последний, ни на субъект»³.

Плеханов различает внутренние субъективные переживания, психофизический процесс в нервно-мозговой системе, и внешнюю деятельность, внешнее поведение.

«Противоречия, свойственные данной социальной форме, неизбежным и роковым образом отражаются *на образе мыслей и на поведении* ее сторонников»⁴, — заявляет Плеханов, а в этом поведении, в этих внешних проявлениях он различает слова и дела.

Плеханов отличает слова от мыслей⁵, дела от мыслей⁶, слова от дел⁷.

¹ Челпанов. — «Психология и Марксизм», тез. 3.

² Плеханов, т. VII, 228—229.

³ » т. XI, 129.

⁴ » т. II, 255.

⁵ » т. XI, 38; XVI, 132; IV, 85.

⁶ » т. II, 163.

⁷ » т. XVI, 363.

Но мысли (точнее, психофизиологический нервно-мозговой процесс), слова и дела, во-первых, не равноценны, так как, по Плеханову, приоритет принадлежит действиям¹, и, во-вторых, не изолированы между собой, а увязаны в единое целое.

Психика для Плеханова трехчленное единство—мысль, слово и действие, при приоритете последнего.

Единство в смысле увязки, связи различных элементов—мысль, слово, действие—в одно *единое целое*—вот диалектический взгляд Плеханова.

Борьба *против* как идеалистического, так и материалистически-механистического отождествления субъективных переживаний и внешних проявлений (слов, действий) за признание различий мыслей от слов и действий и за увязку, объединение—вот точка зрения Плеханова.

Перед нами вскрываются два диалектических момента:

1. Признание различий, качеств, различных качеств, в данном случае в 2 формах:

а) различные, раздельные субъективные переживания и внешние проявления—слова и действия,

б) качественно-различные, отдельно существующие слова и дела.

В этом смысле наиболее правилен употребляемый Плехановым термин субъективное как сторона, как нечто отделенное, раздельно существующее.

2. Объединение, увязка этих раздельно, отдельно существующих отличных друг от друга, различных элементов в цельное единство.

3. Диалектика в формулировке Плехановым отношения между биологическим и социальным «факторами» нашего поведения и нашей психики

Считая субъективное особым и неотделимым свойством материи, мозга, Плеханов учитывает, однако, роль и значение нашего организма в целом.

Анализируя заявление Фейербаха, что он идет с узкими материалистами «лишь до известной точки» на том основании, что «физиология все сводит к мозгу, а мозг есть не более, как физиологическая абстракция и что на самом же деле он лишь до тех пор является органом мышления, пока соединен с головой и с телом», Плеханов замечает, что «тут нет никакого разногласия», так как, разумеется, «никакой физиолог и никакой материалист не скажут, что умственная деятельность может продолжаться в голове, отрубленной от тела»².

Психика определяется состоянием не только нервной системы, но и состоянием всего организма.

Ощущение, как результат взаимодействия между объектом и субъектом, совершенно естественно «зависит не только от свойств познаваемого, но также от свойств познающего».

¹ Плеханов, т. II, 295, т. III, 39.

» т. VI, стр. 261.

«Если здоровому человеку мед кажется сладким, а больному — горьким, то из этого следует лишь тот вывод, что при известных обстоятельствах человеческий организм получает способность необычайным образом реагировать на определенное раздражение», способность, составляющую «объективное свойство»¹.

В зависимости от состояния всего организма меняется, следовательно, и характер ощущения.

Но этого мало. Организм является также и источником психических переживаний, так как «так называемые растительные процессы человеческого организма оказывают огромное влияние на психические явления, и то или другое настроение духа оказывается следствием того или другого физического состояния организма»².

Сижика, в известной своей части, является отражением, следствием органических процессов.

Плеханов учитывает также возрастные психические различия³, и половые различия между мужчинами и женщинами, сыгравшие, по его мнению, большую роль в истории первобытного общества⁴.

Но для нас сейчас важна другая сторона взглядов Плеханова, а именно вопрос о *соотношении* между биологией и социологией в человеческом поведении и психике.

Здесь прежде всего выдвигается вопрос о биопсихической наследственности.

Сравнивая точку зрения Дарвина, согласно которому «интеллектуальные и моральные свойства человека изменчивы и имеют свойство передаваться по наследству», с точкой зрения Гельвеция, по которому «все различие» людей лежит в их развитии, а не в их зародышах, не в их наследственности, так как при своем рождении мы все наделены одинаковыми свойствами и только воспитание делает нас непохожими друг на друга»⁵, Плеханов утверждает, что «новейший диалектический материализм стоит не на таком шатком основании: он охотно признает долю истины, скрывающуюся в обоих утверждениях и не имеет ни малейшей надобности отвергать, например, инстинкты и чувства, составляющие последствие физиологической наследственности»⁶.

Диалектический материализм признает, по Плеханову, и влияние современной окружающей среды и психическую наследственность.

Плеханов называет «интересным и справедливым» рассуждение Рейнке о том, что человек, составляя часть природы, «подлежит ее великому закону приспособления» вместе со своими «душевыми свойствами», что «если мы зададимся вопросом о том, как приобретены физическое и духовное свойство данным видом животных, то нам придется обратиться к истории развития земли, но если мы

¹ Плеханов, т. XVII, стр. 172.

² » т. II, стр. 50.

³ » т. XXII, стр. 193—194.

⁴ » т. XI, стр. 302.

⁵ » т. VIII, стр. 88.

⁶ » т. VIII, 46—47.

возьмем отдельную особь, — человека или какое-нибудь другое животное, — то все ее свойства, как физические, так и духовные, даны a priori¹, т.-е. «получаются человеком по наследству и развиваются по мере развития его из клеточки, в которой таких свойств совсем незаметно».

На этом основании Плеханов считает биологически-наследственными социальные чувства и вырастающее на основе последних самопожертвование².

Плеханов утверждает также, что «зоология передает истории homo уже обладающими способностями изобретать и употреблять наиболее примитивные орудия»³.

Такая установка на наследственность делает Плеханова сторонником биогенетического закона. Говоря о последнем, Плеханов замечает, что «нечто подобное справедливо и для умственного развития», что «*психическое развитие каждого человека является родом конспекта истории развития его предков*», добавляя, однако, «само собой разумеется, что *приспособление к среде, особенно социальной, требует существенных поправок к этому закону*, который, впрочем, и в биологии принимается не как безусловная картина»⁴.

Приемля биогенетический закон, Плеханов, следовательно, считает необходимым внесение в него поправки на среду в отношении ко всем животным, тем более в отношении человека, где поправка должна быть сделана не только на среду вообще, но и особенно на среду социальную.

В чем состоит, по Плеханову, эта поправка на социальную среду в вопросе о психической наследственности у человека? Она выражается в том, как Плеханов формулирует роль и значение психической наследственности, с одной стороны, и влияние окружающей современной социальной среды, с другой стороны.

Плеханов диалектически различает «происхождение человеческой способности к мышлению» и «происхождение человеческих понятий», «данных совершенно определенных взглядов на собственность, на отношение между мужчиной и женщиной, на взаимные отношения членов семьи и общества и на отношения людей к «первоначальным» языческим божествам».

«Этих взглядов, — заявляет он, — ни в каком случае нельзя считать продуктом биологической эволюции»⁵.

От своей биологической эволюции человек унаследовал только формальные способности к мышлению, конкретное же содержание нашего мышления, его происхождение определяется социальной средой.

Таковую же мысль Плеханов высказывает в отношении частных проблем. Так, об эстетических вкусах, эстетических переживаниях

¹ Плеханов, т. VIII, 389—390.

² » т. VIII, 402.

³ » т. VIII, 151—152.

⁴ » т. VIII, 48.

⁵ » т. VIII, стр. 203.

Плеханов пишет, что он не согласен с теми, которые из приводимых Дарвиным фактов, делают тот вывод, что происхождение чувств красоты должно быть объяснено биологией».

«Биология не объясняет нам происхождения наших эстетических вкусов, а тем менее может она объяснить их историческое развитие»¹.

На основании подробного разбора целого ряда примеров, Плеханов приходит, по вопросу о соотношении биологического и социального «фактора» эстетических вкусов и переживаний человека, к тому выводу, что «ощущения, вызываемые известными сочетаниями цветов или формой предметов, даже у первобытных народов *ассоциируются* с весьма сложными идеями», что «по крайней мере многие из таких форм и сочетаний кажутся им красивыми только благодаря такой ассоциации».

Ответить же на вопрос о том, «чем же она вызывается и откуда берутся те сложные идеи, которые ассоциируются с ощущениями, вызываемыми в нас видом предметов», «может не биолог, а только социолог»², так как биологически-унаследованная способность к эстетическим переживаниям наполняется конкретным содержанием ассоциациями социальной среды.

Интересен также анализ Плехановым биологической и социальной сторон другой нашей способности — музыкальности, в частности чувства ритма.

Предположение о том, что «когда проявляется эта способность, общая человеку с другими животными, то ее проявление не зависит от условий его социальной жизни вообще и в особенности от состояния его производительных сил», кажущееся «на первый взгляд весьма естественным», «не выдерживает критики фактов».

Плеханов считает, «что способность человека замечать ритм и наслаждаться им — ведет к тому, что первобытный производитель охотно подчиняется в процессе своего труда известному такту и сопровождает свои производительные телодвижения размеренными звуками голоса или конденсированным звоном различных привесок», но что «такт, которому подчиняется первобытный производитель, зависит от технологического характера данного производственного процесса, от техники данного производства».

«Природа человека (физиологическая природа его нервной системы) дала ему способность замечать музыкальность ритма и наслаждаться ею, а техника его производства определила собою дальнейшую судьбу этой способности»³.

Как мы видим, точка зрения Плеханова сводится к тому, что природа дает возможность, а окружающие социальные условия определяют переход возможности в действительность, в реальный факт.

Могут возразить, так как нет реального факта без и вне возможности, то нельзя установить грани между биологически-унаследованной

¹ Плеханов, т. XIV, стр. 5—6.

² » » XIV, стр. 69.

³ » » XIV, стр. 25—28.

возможностью и социально-определенным реальным конкретным содержанием, т.-е. биологически-унаследованная возможность и социально-определенная реальность наших переживаний тождественны.

Такая попытка отождествить эти два момента не верна. Плеханов ее категорически отвергает, анализируя законы ассоциации.

«Раз ум человеческий поставлен в известное положение, раз дает ему окружающая среда известные впечатления, он сочетает их по известным общим законам (при чем и здесь результаты до крайности разнообразятся разнообразием получаемых впечатлений). Но что же ставит его в такое положение. Чем обуславливается приток и характер новых впечатлений. Вот вопрос, которого не разрешить никакими законами мысли».

А так как «эти законы приводятся в действие внешними обстоятельствами, *не имеющими ничего общего* с этими законами»¹, то, следовательно, сам процесс и сами законы ассоциации, как биологически-унаследованные возможности, не имеют ничего общего с социально-обусловленным фактическим функционированием и конкретным содержанием связанных ассоциацией переживаний.

Это два ничего не имеющих между собой, принципиально-отличных, качественно-различных, а не тождественных момента.

Таким образом, биологически-унаследованные возможности, формальные способности и социально-определенные реальности в наших психических переживаниях представляют собой не два тождественных, а два качественно-различных момента единого целого.

Не тождество, а единство — вот диалектическая формула Плеханова в вопросе о соотношении между биологически-унаследованной возможностью и социально-определенной реальной конкретностью нашей психики, между формальной способностью и ее конкретным содержанием.

Но какова сравнительная ценность этих двух моментов?

Отношение Плеханова к этому вопросу видно из его взгляда на чувство симметрии у человека, которое, по его мнению, «само по себе еще *ровно ничего не объясняет* в истории искусства».

Биологически-унаследованная возможность ничего не объясняет. Объяснение дает социально-определенная конкретность.

Но этого мало.

Плеханов считает, что осталось бы *неизвестным*, «в какой мере *развилась бы эта способность, если бы она не укреплялась и не воспитывалась самим образом жизни* первобытных людей»².

Мы ничего не знаем о биологически-унаследованной формальной возможности без и вне социально-определенной конкретности психических переживаний.

Приоритет *качества* социально-определенной конкретности над *качеством* биологически-унаследованной возможности в нашей единой цельной психике — вот диалектическая формула Плеханова по

¹ Плеханов, т. VII, стр. 218—220.

² » » XIV, стр. 29.

вопросу о сравнительной ценности обоих качественных моментов нашей цельной единой психики.

Но, возражают, в чем же выражается тогда признаваемая Плехановым колоссальная роль биологически-унаследованных формальных психических возможностей?

Прав А. М. Деборин, что она выражается в ее роли—*предпосылки*.

У нас должны быть в наличии эти биологически-унаследованные формальные психические возможности, для того, чтобы мы могли воспринимать окружающее, отражать его в себе, наполнять свои формальные возможности конкретным содержанием и таким образом обнаружить, проявить их.

Каков же, с точки зрения Плеханова, основной подход к изучению человеческого поведения и психики при таком его диалектическом взгляде на сравнительную роль и значение двух качественно-отличных моментов единой цельной человеческой личности?

Указав на заявление Фейербаха, что он согласен с материалистами только, «идя назад», и расходится с ними, «идя вперед», Плеханов спрашивает: «о каком же именно материализме идет здесь речь?» у Фейербаха и отвечает, солидаризуясь тут же с Фейербахом:

«Фейербах не мог удовлетворяться материализмом, *не умевшим различать между человеком, как предметом биологии, и человеком общественной науки*. Но отсюда видно вовсе не то, что он был материалистом только отчасти, а, напротив, то, что он испытывал потребность в последовательном материалистическом миросозерцании»¹.

Поскольку *главным предметом* исследования Фейербаха являются «те создаваемые человеком *мысли и фантастические существа*, которые во мнении и преданиях людей принимаются за истинное», само собою понятно, — говорит Плеханов, — что «Фейербах *не мог изучать этого предмета, ограничиваясь точкой зрения биологии*»².

Признавая роль и значение биологии человеческого организма для нашего поведения и психики, роль и значение биологически-унаследованной формальной возможности психических переживаний—этого своеобразного качества нашей единой цельной личности, но признавая эту роль и значение в качестве предпосылки, наличие которой необходимо, предполагается для того, чтобы социальная среда могла превращать ее из возможности в реальность, Плеханов *различает* между биологическим и социально-историческим подходом, соглашаясь с Фейербахом, что создаваемые человеком мысли, образы фантазии надо изучать, главным образом, не с точки зрения биологии, а с точки зрения социологии.

Нельзя отождествлять биологический и социологический подходы человеку. Их надо различать.

Биологический подход ведет только назад, а нам надо идти вперед.

¹ Плеханов, т. XVII, стр. 176—177.

² » т. XVIII, 177, примеч.

Этот биологический подход назад не отрицается Плехановым, как и Фейербахом, он нужен и полезен, но только как предпосылка, точнее, как подсобное при изучении основного приоритетного главного, социально-обусловленного, конкретного, реального, фактического—человеческого поведения и психики.

Плеханов, таким образом, устанавливает два качественно-различных элемента нашей единой психики, а именно биологически-унаследованная возможность, социально-определенная конкретность и два качественно различных подхода к их изучению—биологический и социологический.

Во взглядах Плеханова на биологический фактор человеческого поведения и психики есть еще один очень важный диалектический момент.

Предостерегая от узко-биологического подхода к человеческому поведению и психике, Плеханов устанавливает *исторически-выросшую качественную разницу* между биологией человека и животных.

Прежде всего Плеханов устанавливает общую качественную разницу между поведением человека и животных.

«Приспособление животных к окружающей их естественной среде совершается посредством преобразования его органов, посредством изменения в его анатомической структуре».

Человек же, как производящее орудия животное, «приспособляется к окружающей его естественной среде, изменяя свои искусственные органы, при чем, по сравнению с этими изменениями, «изменения его анатомической структуры совершенно теряют свое значение»¹.

Животные производят действия и имеют, как их отражение, психические переживания, в зависимости от анатомической структуры их тела, от строения их отдельных органов, человек же производит все более и более сложные, все новые и новые действия и имеет, как их отражение, все новые и более сложные психические переживания, не в зависимости от анатомического строения его тела, а в зависимости от роста и развития его искусственных органов—орудий труда.

Не биологическое строение тела, а орудия труда определяют объем, характер, виды человеческих действий и их отражений—психических переживаний.

Поведение и психика животных ограничиваются биологическим строением их тела, поведение же и психика человека свободны от этого ограничения и определяются изобретаемыми человеком искусственными орудиями труда.

Условия социального бытия меняют поведение человека, физиологическое функционирование его организма.

Конечно, это измененное поведение приводит и к структурно-анатомическим изменениям. Но это последнее образуется как отраженный результат измененного поведения, во-первых, и, как это формулировал А. М. Деборин, оно—незначительно и образуется на протяжении веков, во-вторых.

¹ Плеханов, т. VIII, стр. 147—148.

Надо поэтому различать между двумя качественно-различными моментами; между социально-обусловленной колоссальной, безгранично-возможной (поскольку безгранично возможно развитие техники) *изменчивостью* поведения, действий, физиологического функционирования и психических отражений, психических переживаний человека, с одной стороны, и между отраженной от этого незначительной, накапливающейся только на протяжении веков анатомически-структурной *изменчивостью* тела, играющей главную определяющую роль в отношении поведения и психики животных, но имеющей почти ничтожную роль в отношении поведения и психики человека.

Такова общая диалектически-качественная разница между поведением и психикой животных и человека в зависимости от качественного различия роли и значения биологически-наследуемой анатомической структуры тела животных и человека.

Плеханов вскрывает далее качественную разницу между *общими* у человека и животных инстинктивными потребностями и переживаниями, анализируя семейные отношения и, следовательно, половое и родительское чувство, в связи с замечанием Дарвина, что «слоны отмахиваются иногда от мухи ветками. У самца-слона существует известное отношение к самке, у самца и самки существует известное отношение к детенышам,—говорит Плеханов,—но ясно, что не «ветками» созданы эти отношения: они созданы общими условиями жизни этого вида, условиями, в которых роль «ветки» так бесконечно мала, что ее без всякой ошибки можно приравнять к нулю».

Но иначе обстоит дело в истории человека.

«В течение очень долгого времени отношения человекоподобных самцов к человекоподобным самкам, равно как и отношения тех и других к их человекоподобным детенышам, определялись общими условиями жизни этого вида, не имеющими к орудиям труда никакого отношения».

Тогдашние «семейные» отношения наших предков «должны объяснить натуралисты. Историк тут делать пока еще нечего».

Но вот наступает, наконец, такой момент, когда орудия труда приобретают решительное влияние на весь склад общественных, т.-е., между прочим, и семейных отношений. Тут уже начинается дело историка: он должен показать, как и почему изменились семейные отношения наших предков в связи с развитием их производительных сил, как развилась семья в зависимости от экономических отношений.

Тут историк придется, во-первых, потребовать формальный список этого вида у натуралиста, сдающего ему с рук на руки дальнейшее изучение развития человека; ему придется, во-вторых, пополнить этот список «собственными средствами»¹.

Половые, родительские, семейные чувства у *исторического* человека, в отличие от таковых у животных и у человека на зоологической стадии его развития, являются, следовательно, социально измененными, социально пропитанными.

¹ Плеханов, т. VII, стр. 171—173.

Те инстинктивные биологические потребности, которые *общие* у человека и животных, оказываются *не тождественными, а качественно-различными*; отсюда необходимость различать между узко-биологическим подходом к их изучению и социологическим.

Последний не уничтожает первого, но изменяет его роль, снимает его в себе, включает его в себе, поскольку он берет его выводы как исходный момент для своего дальнейшего социологического анализа, поскольку он учитывает его при последнем.

Качественная разница *общих* у социального человека и животных биологических инстинктивных потребностей и переживаний (полового чувства в частности, о чем забывают некритически увлекающиеся реакционным биологическим пансексуализмом Фрейда), качественная разница между биологическим подходом к этим общим потребностям и социологическим подходом, включающим и учитывающим в правильной, снятой форме и биологический подход—вот взгляд Плеханова.

Качественная разница между биологией человека и животных сводится Плехановым не только к качественной разнице *общих* им потребностей.

Плеханов выдвигает еще одну качественную разницу между биологией человека и животных, состоящую в том, что животные имеют только биологически-определяемые потребности, у человека же исторически-обусловленно вырастают новые, социально-приобретенные потребности.

«Для удовлетворения своих физиологических потребностей люди должны производить определенные предметы, а прогресс этого производства вызывает *возникновение* новых потребностей, столь же действительных, как и первые»¹.

Далее, каково отношение между биологически-унаследуемыми и социально-приобретенными потребностями человека?

Разбирая работу Лакомба, который выделяет «телесные потребности и различные виды промышленности, направленные к их удовлетворению», в особую «экономическую», «самую влиятельную в истории» группу потребностей, Плеханов критикует его за то, что он «не имеет понятия о современном диалектическом материализме» и даже «не подозревает возможности *торжества* человеческого разума над слепой силой экономической необходимости». Как бы ни была справедлива мысль о том, что «экономические нужды человечества говорят *громче и повелительнее* всех других», «из нее еще вовсе не следует, что людям *навсегда* суждено оставаться рабами своей собственной общественной экономии. Разумная планомерная организация общественного производства обеспечивает удовлетворение «телесных потребностей» человека, как обеспечивается самая природа при всяких общественных отношениях удовлетворение потребности дыхания. Телесные потребности *перестанут* поэтому *играть* во взаимных отношениях людей *ту огромную роль*, какую они, несомненно,

¹ Плеханов, т. VIII, стр. 117.

играют теперь, когда удовлетворение их зависит от беспорядочной игры случайностей»¹.

Исторически роль телесных потребностей меняется. Плеханов намечает процесс нарастания приоритета социально-приобретенных потребностей над биологически-унаследованными.

Качественная разница между этими двумя видами человеческих потребностей и историчность при оценке их роли, значения и места, занимаемого ими в человеческой жизни, вот диалектические штрихи взгляда Плеханова на данную проблему.

Резюмируя сказанное о точке зрения Плеханова на отношение между биологическим и социальным «факторами» человеческого поведения и животных, мы можем сказать: Плеханов требует *исторического подхода* к этой проблеме и учета *качественной разницы* между биологическим и социальным в человеке, между биологией человека и животных.

«Человек количественно и качественно изменен своей искусственной средой»², — говорит Плеханов.

Неучет этих качественных моментов при анализе биологического и социального «факторов» поведения и психики человека и животных может повести, как и Лакомба, «в некотором смысле к *паксвиллю* на человеческий род»³.

Лучшей оценкой *смазывания* указанных Плехановым в интересующем нас сейчас вопросе качественных моментов является следующее замечание Плеханова:

«Буржуазные писатели, ссылаясь на Дарвина, в действительности рекомендовали своим читателям не научные приемы Дарвина, а только зверские инстинкты тех животных, о которых у Дарвина шла речь. Маркс сходится с Дарвином, буржуазные писатели сходятся со зверями и скотами, которых изучал Дарвин»⁴.

4. Диалектика в выяснении роли среды, как социального «фактора» поведения и психики

Среду некоторые психологи (Бехтерев, напр.) делят на две части: на естественно-географическую, непосредственно влияющую на поведение и психику не только отдельных индивидов, но и коллективов, и на среду социальную.

Плеханов вскрывает историческую ошибочность, абстрактный, не конкретно-исторический подход к вопросу со стороны теории непосредственного влияния естественно-географической среды на поведение и психику человека.

Плеханов считает, что сторонники этой теории путаются в вопросе, «как влияет» географическая среда, что для них «не ясен путь ее

¹ Плеханов, т. VIII, стр. 233.

² » » VIII, стр. 250.

³ » » VIII, стр. 233.

⁴ » » VII, стр. 266, примеч.

действия»¹, что они не различают двух *качественно различных* видов, форм, путей влияния географической среды на поведение и психику человека, а именно: 1) прямое, непосредственное и 2) косвенное, посредственное через производственно-экономические отношения².

Констатирование двух качественно-различных форм, видов, путей влияния географической среды—вот первый диалектический штрих, характерный для Плеханова.

Плеханов считает, что успехи «разума» явились следствием замечательного влияния человеческих рук, которые образовались в силу некоторых особенностей географической среды, сделавших полезными физиологическое разделение труда между передними и задними конечностями, что только благодаря некоторым особым свойствам географической среды наши антропоморфные предки могли подняться на ту высоту умственного развития, которая была необходима для превращения их в *toolmaking animals*³.

Таким образом, в доисторический период, когда не было еще искусственной среды, господствовало исключительно непосредственное влияние географической среды на человеческий организм, на его физиологию и через них и на его психику.

Картина меняется, когда человек доходит до пользования орудиями труда, когда вырастают его производительные силы.

Тогда, по мнению Плеханова, «зависимость человека от географической среды из непосредственной превращается в посредственную, географическая среда влияет на человека через общественную»⁴.

Таким образом, употребление орудий является *гранью*, водоразделом двух исторических эпох—*зоологической* с ее исключительно непосредственным влиянием географической среды на поведение и психику человека и *исторической*, когда появляется новая историческая форма посредственного, через социальную среду, влияния географической среды на поведение человека и психику.

Историчность при выяснении происхождения и роли двух форм влияния географической среды на поведение и психику человека—таков второй диалектический момент во взглядах Плеханова на интересующий нас сейчас вопрос.

Далее, в историческую эпоху влияние среды не постоянно, не неизменно.

«На каждой новой ступени развития производительных сил оно оказывается не тем, чем было прежде».

Изменчивость влияния географической среды на протяжении *истории*—вот 3-й диалектический штрих.

¹ Плеханов, т. XX, стр. 28—29.

² » » XX, стр. 3, 28—29; XVIII, стр. 209—210 VIII, стр. 155; XXII, стр. 17.

³ Плеханов, т. VII, стр. 165—167.

⁴ » » т. VII, стр. 2—25.

Далее, в первые периоды человеческой истории, поскольку человек овладел еще небольшой частью природы, посредственное влияние географической среды было очень незначительно, а непосредственное, наоборот, очень велико.

Но, по мере роста производительных сил, ширится та часть географической среды, которая охватывается человеком в его производительной деятельности, и растет посредственное влияние географической среды.

Вот почему Плеханов, имея в виду ближайшую к нам историческую эпоху, утверждает, что «теперь уже ясно, что «климат», т. е. географическая среда, влияет на отдельных членов общества, *главным образом, чтобы не сказать исключительно,* — через посредство среды общественной, обуславливающей собою стремления, чувства, взгляды, — словом, всю психику отдельных людей».

Соотношение между непосредственным и посредственным влиянием географической среды на поведение и психику человека — такое же историческое явление, как и самый факт происхождения этих двух форм влияния географической среды. Оно исторически изменчиво, и на данной ступени исторического развития мы имеем уже почти исключительно посредственное, через социальную среду, влияние естественно-географических условий.

Следовательно, по мнению Плеханова, для современного человека окружающая нас среда является средой социальной, поскольку естественно-географическая среда преломляется через призму социальную.

Взгляд Плеханова на роль и значение среды, как социального «фактора» нашей психики и нашего поведения, можно охарактеризовать как борьбу против абстрактно-социального подхода за дифференциальный конкретно-исторический подход.

Этот конкретно-исторический подход выражается в необходимости учитывать, во-первых, историческую эпоху и, во-вторых, классовый момент.

Психика и поведение людей разнятся от эпохи к эпохе, а в одной и той же эпохе — от класса к классу — вот точка зрения, красной нитью проникающая все сказанное Плехановым о поведении и психике исторического человека.

Кроме этих двух основных моментов, характеризующих диалектический, конкретно-исторический подход Плеханова к социальной стороне нашего поведения и психики, мы укажем еще на несколько моментов диалектики в его подходе.

Мы уже видели, что Плеханов, с одной стороны, приписывает субъективным переживаниям огромную роль непосредственной пружины человеческой общественной деятельности, а с другой — диалектически различает ум, чувства и волю, инстинктивные, бессознательные и сознательные переживания.

Спрашивается, имеет ли каждый из этих видов психических переживаний одно и то же, постоянное, неизменное значение.

И вот оказывается, что это последнее *изменяется* в зависимости от общественных условий.

Так, при одних условиях более важен инстинкт¹, при других — сознание², при третьих — чувства³, при четвертых — логика⁴.

Социально-обусловленная изменчивость, вернее, относительность роли и значения различных видов психики — вот новый штрих во взглядах Плеханова.

Далее, для Плеханова характерно еще подчеркивание *относительности* социальных оценок различных психических переживаний. Очень интересна в этом отношении оценка Плехановым индивидуализма.

В связи с указанием Зомбарта на то, что «в пролетарской среде — по самым условиям ее существования, — необходимость с ранних лет собственным трудом зарабатывать себе хлеб насущный, — должен распространяться свойственный нашему времени «сильный индивидуализм», Плеханов замечает:

«Это так, но *характер индивидуализма изменяется* в зависимости от того, в *какой среде* он пускает корни. *Пролетарский* индивидуализм совсем *не похож* на *буржуазный*. Пролетариат — индивидуалист преимущественно в том смысле, что жизнь рано и сильно развивает в нем *чувство самостоятельности*, буржуазный же индивидуализм равносителен развитию *чувства себялюбия, эгоизма*. Если бы Зомбарт задумался над этой параллелью, — пишет далее Плеханов, — «то он увидел бы, что в «опустошенной» душе пролетария много богатого содержания, а еще больше богатейших возможностей»⁵.

Одно дело индивидуализм пролетариата, и совсем другое дело индивидуализм буржуазии. Первый — прогрессивен, второй — реакционен. Да и психическое содержание их различно!

Так же дифференциально подходит Плеханов и к вопросу об оценке индивидуализма в возрождающейся, вернее, поднимающейся из-под крепостного ярма крестьянской деревне⁶, а также индивидуализма поэта, окруженного пошлой, загнившей средой⁷.

Не абсолютная, а конкретно-историческая, социально-изменчивая, дифференциально-классовая оценка того или другого психического переживания — вот еще один диалектический принцип, указываемый Плехановым.

Наконец остановимся на соотношении, устанавливаемом Плехановым между психикой индивида и психикой общественной, точнее, коллектива (класс, сословие и т. д.).

Критикуя Бергсона, Плеханов пишет, что «сверх-индивидуальное сознание есть миф, ссылка на который может удовлетворить религиозное чувство верующего человека, но решительно не в состоянии обосновать философию, в самом деле чуждающуюся догматизма»⁸.

¹ Плеханов, т. II, стр. 55.

² » » XVI, стр. 218.

³ » » V, 220.

⁴ » » V, 223; I, 23; II, 78; XVI, 256; XVII, 307.

⁵ » » XVI, 207.

⁶ » » X, 92—93.

⁷ » » X, 283.

⁸ » » XVIII, 128.

Реально есть *только* сознание, в головах *отдельных индивидов*.

Плеханов соглашается с Лабриолой, что чистейший мистицизм думать, что «существует какая-то общественная душа или какой-то коллективный народный «дух», развивающийся по своим особым законам и выражающийся в общественной жизни».

«Для материалиста в данном случае речь может идти только о *преобладающем* настроении чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени»¹.

Общественной, коллективной психикой, т. е. психикой, присущей данной общественной группе, данному общественному коллективу, Плеханов называет *те* психические переживания, которые преобладают среди индивидов данного общественного коллектива.

Общественная коллективная психика — это та *часть* психики *индивидов*, которая обща им всем, преобладает у них.

Кроме этой общей, преобладающей у всех индивидов части психики, у каждого из индивидов общественного коллектива остается еще непреобладающая, не общая, чисто-личная, чисто-индивидуальная, характерная только для данного индивида *часть* психики, т. е. личные психические особенности, играющие, по Плеханову, меньшую, в сравнении с общими чертами, но все же большую роль².

Таким образом, нет отдельной, вне индивидов существующей, коллективной психики. Есть *только* психика индивида, состоящая из двух частей: одной части — общей, преобладающей, присущей *всем* индивидам данного коллектива, и другой части — характерной только для *каждого* индивида.

Общей частью своей психики индивид является выразителем, представителем данного общественного коллектива³.

Но эта общая у данного индивида с другими индивидами его коллектива *часть* психики не отделима от чисто-личной части его психики.

Обе эти части составляют, по Плеханову, как мы установили это выше, единое, цельное «я».

Плеханов, следовательно, различает в психике каждого индивида две качественно различные части: общая с другими индивидами и чисто-личная и объединяет эти две качественно-различные части в цельное единство.

Вот почему Плеханов заявляет, что «великий поэт велик потому, что выражает собою великий шаг в общественном развитии, но, выражая этот шаг, он не перестает быть индивидуумом»⁴.

Таким образом, мы можем установить: 1) в отношении психики *каждого* индивида Плеханов признает ее единство из двух качественно-различных элементов, 2) основой же качественного

¹ Плеханов, т. VIII, 250—251.

² » » II, 341; VIII, 304—305.

³ » » VIII, 304—305; X, 299.

⁴ » » X, 299—300.

разделения является момент *количественного* преобладания психических переживаний и, наконец, 3) общественная психика — это увязка, единство, общность количественно-преобладающих психических переживаний.

5. Какие же элементы диалектики установил Плеханов в психологии человека

Проанализировав вопрос о диалектике в психологии в порядке самой системы психологии, мы теперь подытожим нашу статью, сгруппировав установленные Плехановым штрихи, элементы, принципы диалектики в порядке самой диалектики.

В психологических взглядах Плеханова можно установить следующие диалектические принципы:

1. Диалектическое соотношение между причиной и следствием, превращение следствия в причину, в свою очередь воздействующую на создавшую ее причину (обратное воздействие психики на создавшее ее бытие, базис).

2. Борьба за качество против отождествления (субъективное и физиологическое, субъективное и внешнее поведение — слова и дела; биологически-унаследованная формальная возможность и социально-обусловленная реальная конкретность психических переживаний; биологическое и социальное в человеческом поведении; человек как часть биологического мира и как член общества; биологический и социологический подходы к человеку; биология человека и биология животных; непосредственное и посредственное влияние географической среды на поведение и психику человека; психика индивида и психика коллектива).

3. Переход количества в качество (количество при определении ума, воли и чувств; инстинкт и сознание; бессознательное и сознание; неорганическое без-психическое и органическое психическое; психика индивида и психика коллектива).

4. Единство многообразных качеств в одном и том же предмете (трехчленное единство — ум, чувство и воля; единство неотделимых друг от друга субъективного и физиологического; единство биологически-унаследованной формальной возможности и социально-определенной реальной конкретности психических переживаний).

5. Единство отдельных элементов (трехчленное единство — мысль, слово и действие; единство в психике каждого индивида общих и чисто-личных психических переживаний).

6. Единство противоречий (одновременное уживание противоположных психических переживаний).

7. Развитие путем внутренних противоречий (закон социально-обусловленного антитеза, контраста).

8. Конкретность, дифференциальность, выражающиеся:

а) в историчности (инстинкт, бессознательное и сознание; психическая наследственность и влияние среды; биология человека и

жиготных; биологическое и социальное в человеке; две формы влияния географической среды на поведение и психику человека);

б) в классовом подходе к психике и поведению;

в) в исторической *относительности* (относительная действенность различных видов психических переживаний; относительность общественных оценок психических переживаний).

9. Изменчивость, исторически обусловленная (влияние факторов человеческого поведения, географической и социально-классовой среды).

10. И наконец, как следствие этого, пластичность, изменчивость самого человеческого поведения и психики.

Ю. Франкфурт

ДОМИНАНТА КАК ФАКТОР ПОВЕДЕНИЯ¹

Вероятно, многим известно исходное понятие, которое долгое время несло и продолжает нести такую ценную службу в области физиологии центральной нервной системы, понятие, возникшее еще в XVII столетии, особенно сильно развившееся в XVIII—XIX столетиях и продолжающее и в наше время играть такую оживленную роль,—понятие о рефлексе.

Когда мы анализируем какой-нибудь сложный процесс, конечно, нам хочется прежде всего уловить там какие-нибудь постоянства, от которых можно было бы отправляться в дальнейшем своем анализе, и вот рефлекторный акт и лежащая за ним рефлекторная дуга рисовались такими простейшими элементами в работе центральной нервной системы, достаточно постоянными в своих функциях, так что от них возможно было отправляться при анализе сложных актов, с таким расчетом, чтобы разложить последние на такие элементы и затем восстановить из этих элементов цельное. С этой точки зрения центральная нервная система рисуется нам как агрегат громадного количества таких рефлекторных дуг, каждая из которых представляет собой надежное постоянство в своем способе работы,—своем *modus operandi*.

Постоянство рефлекторной реакции считалось настолько необходимым отправным пунктом при анализах (а только постольку, поскольку дуга работает постоянно, она и была таким надежным элементом для анализа), что люди тенденциозно закрывали глаза на то, что фактические рефлекторные дуги, когда мы их экспериментально изучаем и раздражаем, могут давать чрезвычайно разнообразные эффекты, далеко не постоянные и иногда даже прямо противоположные тем, которые мы от них ожидаем спервоначала. Возникло учение о рефлекторных извращениях — «*reflex-reversal*», как говорят английские физиологи. Тема о *reflex-reversal*—одна из тех, которые чрезвычайно оживленно разрабатываются до наших дней. Здесь—вы чувствуете—идет речь о том, что рефлекторные дуги, которые мы считаем постоянно функционирующими аппаратами, в некоторых случаях—это принимается как *исключение и аномалия*—дают отклонение от того, что им по штату полагается, отклонения, доходящие даже до противоположности. Когда мы говорим о «*reflex-reversal*», то вы чувствуете, что принимается какая-то норма, и эта норма для каждой рефлекторной

¹ Стенограмма доклада 2 IV—27 г.

дуги берется за солидное, основное явление, которому противопоставляются аномалии и извращения.

Та школа, к которой я принадлежу, школа профессора *Введенского*, отнюдь не смотрит на извращения эффекта на одном и том же физиологическом субстрате, как на нечто исключительное и аномальное. Она считает их общим правилом, ибо ей известно, что постранные реакции на одном и том же субстрате получаются только в зависимости от определенных условий, в которых мы наблюдаем данный физиологический аппарат,—и нам также известно, что при перемене условий раздражения того же субстрата, как правило, совершенно как норма, мы получаем эффект, сильно отклоненный от первоначального или даже прямо ему противоположный, т.-е. явление возбуждения переходит в явление торможения. На одном и том же субстрате в зависимости от нескольких независимых переменных: во-первых, от количественной характеристики раздражителя, именно от частоты раздражителя и от силы его, затем, от того состояния функциональной подвижности, в котором сейчас реагирующий прибор находится,—мы имеем эффекты, закономерно переходящие от возбуждения к торможению. Под состоянием функциональной подвижности мы разумеем нечто совершенно определенное количественно, именно степень, с которой прибор в данных условиях, в единицу времени способен воспроизвести в виде возбуждения, без трансформации, ритмы входящих раздражений. Но есть и еще важная независимая переменная. Вот в свое время, когда я усиленно работал над рефлекторным аппаратом с той точки зрения, которую исповедует наша школа и о которой я только что вкратце упомянул,—когда я подошел к рефлекторному аппарату и к кортикальному аппарату в условиях электрического раздражения, то нельзя было бы не отметить еще нового условия, которое может весьма закономерно изменять работу первоначальной рефлекторной дуги, именно степени вовлечения в сферу реакции новых центральных областей. В зависимости от условий раздражения, от силы его, от частоты его и также от целого ряда других условий, ваш эффект может разражаться или на более или менее изолированном топографически отделе центральной нервной системы и зависящей от него периферической мускулатуры, или реакция может сделаться разлитой, т.-е. вы видите, что целый ряд мускулов, до сих пор не принимавших участия в работе, вовлекается в работу, и мы должны заключить, что целый ряд новых центров вовлечен в сферу реакции. И вот, в зависимости от того, что вовлечены в реакцию ряд новых центров, реакция на прежней рефлекторной дуге может изменяться чрезвычайно, до неузнаваемости. Очевидно, мы имеем здесь еще четвертое чрезвычайно важное условие, которое на центрах в особенности должно учитываться. Реагирующие приборы лежат здесь совсем рядом, более или менее связаны между собою, и, поэтому, возможность вовлечения в сферу реакции новых и новых центральных групп на ходу первоначальной реакции—это явление слишком легкое и слишком обычное. Так вот, с того момента, когда при одних и тех же условиях раздражения

в сферу наблюдаемой вами реакции ворвался этот новый фактор—вошел в сферу работы новый центральный аппарат,—работа наблюдаемой рефлекторной дуги может чрезвычайно трансформироваться, до неузнаваемости: возбуждение может переходить в торможение, ритмы возбуждения здесь совершенно изменяются. Для того, чтобы подчеркнуть особенность этого четвертого условия, очевидно, закономерно определяющего ход реакции на первоначальной дуге, я вырастил бы это следующим образом. В то время, когда в предыдущих более простых случаях, издавна разрабатываемых в нашей школе, дело можно формулировать так, что эффект является функцией от раздражения, входящего извне, $E=f(r)$, прежде всего от его частоты и силы, то во втором случае эффект, который мы наблюдаем, является величиной, зависящей не только от r , но еще от ряда других факторов, от ряда центральных групп, которые врываются в сферу возбуждения на ходу самой реакции. Я их обозначу— $A, B, C, D \dots$ и т. д. Тогда $E=f(r, A, B, C, D \dots)$. Я вспоминаю, когда я когда-то писал покойному *Введенскому* эту строку, он сказал: «пишите дальше, еще там до X». Его немножко сердило внесение этого нового обстоятельства, хотя оно несколько не противоречило его исходной точке зрения, ибо ведь естественно, что $A, B, C, D \dots$ и т. д.—это прежде всего величины, и, поэтому, их влияние на ход наблюдаемой реакции ничем принципиально не отличается от того, что мы видели в первом случае, связывая ход реакции с величиной внешних раздражителей. Разница только в том, что здесь определяющим фактором является возбуждение, лежащее внутри самого организма; теперь очень просто отдать себе отчет, что во всех тех случаях, когда в условиях, в которых течет эксперимент, величина r постоянна, A, B, C также варьируют очень мало, одним словом, во всех тех случаях, когда наиболее варьирующей величиной окажется величина D , т.-е., конкретно говоря, степень возбуждения определенного побочного центра, рядом с той рефлекторной дугой, которую вы изучаете, вы, естественно, и скажете, что вариации E , т.-е. эффекта, будут в первую голову определяться величиной D . Величина D будет господствующим определяющим аргументом для величины E , господствующей величиной среди прочих, которая, в особенности в этих условиях, и будет определять течение наблюдаемого рефлекса на той рефлекторной дуге, которая вами отпрепарована и находится непосредственно под вашим наблюдением. Иными словами, даже при тех же самых величинах внешних раздражителей, при той же степени распространения возбуждения по нервной системе, один из факторов, особенно по величине колеблющийся, особенно о себе заявляющий, он-то и будет доминирующим в определении хода реакции. Вот уже поэтому все проще назвать его *доминантой, т.-е. величиной, господствующей в смысле влияния на эффект.*

Возьмем конкретные примеры таких доминант. Лично мне еще в 1904 году в первый раз пришлось натолкнуться на подобное явление, с которым я, как сейчас помню, пришел к *Введенскому* для

того, чтобы рассказать ему о нем. Н. Е. занят был в то время исключительно теорией парабриоза и мало обратил на него внимания. Явление было следующее. При раздражении определенных областей коры головного мозга, по Фритчу, Гитцигу, Ферье и ряду других авторов, полагается совершенно определенная локальная реакция, положим, в мускулатуре ног. Так вот, в зависимости от некоторых изменений в центральных условиях животного, а именно, если подготавливается в животном акт дефекации, то замечательным и, очевидно, закономерным образом полагается по штату возбуждения конечностей из той же точки коры, о которой мы говорим, не получается, и мы должны сказать, что пути здесь испытывают торможение. Но почему? «Почему» — для науки значит «в зависимости от каких условий». Условия эти именно в возбуждении в данный текущий момент времени центров спинного мозга, в аппарате дефекационном. Теперь ваше раздражение, от которого вы ожидали движения в конечностях, дает движение по месту господствующего возбуждения, движение в хвосте, в сфинктерах прохода, частью в бедрах, но вообще совсем другого порядка, чем полагается по штату для раздражения точки коры, из которой иннервируются движения локомоторного характера. И вот, в тот момент, когда в одно из подобных раздражений, явно усиливающих дефекационный процесс, дефекация действительно совершится, сразу, как будто с центра снята какая-то узда, локомоторный центр вступает в работу, и попрежнему вы получаете штатные реакции, полагаящиеся для данной кортикальной точки, реакции, давно узаконенные в физиологической литературе. Можно было бы, конечно, встать на ту точку зрения, что это какая-то случайность, аномалия, но можно было встать и на такую точку зрения, что перед нами известная определенная закономерность, которая подлежит обследованию. Я встал на вторую точку зрения. Здесь именно важно решить, настаивать ли на постоянстве исходных зависимостей, так сказать, узаконенных физиологических предсказаний, и с этой точки зрения всякие отклонения от них рассматривать как аномалии и исключения, или встать на другой путь и выработать новое, уже более общее правило, которое предвидело бы и эти предполагаемые исключения, отнюдь уже не как исключения, а как частный случай общего правила. Наука, идя всегда по пути обобщения, который ей свойственен, рано или поздно должна и здесь встать на этот последний обобщающий путь, и прежде всего, как раз наш же учитель Введенский для периферической иннервации создал свое большое дело именно потому, что стал *учитывать исключения и аномалии из прежних правил* и стал *подыскивать более общие правила, в которых данные исключения укладывались бы, как совершенно законные, предвиденные, предсказываемые явления*.

Другой пример, на котором я долго задерживаться не буду — это глотание. Если на полном ходу идет процесс глотания или он подготовлен предварительным раздражением *laryngei superioris*, а также непосредственным появлением раздражающего предмета на слизистой оболочке глотки, то также можно наблюдать, что прежние корковые

точки теперь вызывают не по штату полагаящиеся им реакции на мускулатуре конечностей, там дело явно заторможено, но по поводу их раздражения усиливается акт глотания.

Теперь для того, чтобы перейти к чему-нибудь более новому, позвольте вас познакомить с недавно присланными мне работами из других лабораторий, где получены чрезвычайно красивые картины доминант.

Очень красивый пример получен в лаборатории Розенкова в Москве д-ром Евг. Бабским. Возьмите кишечный тракт, как нечто единое и анатомически и функционально, начиная с глотки и кончая прямой кишкой. Довольно давно уже известно было, что наилучший способ вызвать рвоту у животного — это ввести раствор сернокислой меди, скажем, в желудок или пищевод. У животного сразу появляется стремление освободиться от этого несомненно ядовитого материала (сернокислая медь сильно ядовита для наших тканей), и для вызова рвоты этот способ гораздо лучший, чем теплая вода и вставка пальца в рот. Рефлекс рвоты, оказывается, начинается гораздо дальше и в более глубоких отделах кишечного тракта, чем мы думали до сих пор. Мы полагаем, обыкновенно, что рвота материалов, попавших в желудок, по всей вероятности, из желудка и начинается. В действительности оказывается, что возвратная перистальтика начинается еще с тонких кишек, обратная цепь рефлексов поднимается выше, переходит в обратную псевдо-перистальтику пищевода, с обратными реакциями в глотке и ротовой полости, и, наконец, материалы из пищеварительного тракта выкидываются. И для того, чтобы вызвать рефлекс дефекации, точно так же один из лучших и самых простых приемов — это ввести раствор сернокислой меди в прямую или толстую кишку. Изучая эти явления, работники Розенкова напали на следующий, чрезвычайно интересный комплекс событий. Если раствор сернокислой меди в пищеводе или желудке почему-нибудь рвоты не успел вызвать, ну, может быть, раствор слаб был, может быть, центры немножко там угнетены, и если теперь в прямую кишку ввести сернокислую медь в ожидании, что здесь должна произойти картина дефекации, то дефекации не происходит, а произойдет рвота. Значит, при условии, что центр рвоты подготовлен и находится в состоянии повышенной возбудимости, тот стимул, который по штату должен был вызвать дефекацию, вызовет все-таки рвоту, которая перед тем была подготовлена. Подготовка слагается в центрах прежними раздражениями, и центры, в состоянии повышенной возбудимости, готовы уже к реакции и ждут только хотя бы далекого и неадекватного стимула для разрешения. Заметьте, что здесь стимул не только неподходящий, но, я бы сказал, по своему штатному эффекту *противоположный*, ибо, ведь, дефекация связана с перистальтикой в одну сторону — по направлению к прямой кишке, а рвота связана с перистальтикой в обратную сторону, с антиперистальтикой. Тут происходит такое явление, что тот стимул, который должен был бы вызвать перистальтику в сторону прямой кишки, теперь вызывает антиперистальтику — эффект обратный, с явным тормозом на дефекационном

акте, но зато со стимулированием уже подготовленного в предыдущее время акта,—акта рвота.

Другая работа, уносящая нас далеко из наших привычных областей и тем более заманчивая для нас, что мир беспозвоночных нас очень давно привлекает, но, опять-таки, мы покамест не имеем благоприятных данных, чтобы заняться им вплотную. Мы пробовали, правда, работать на моллюсках. Но сделано у нас мало. В данном случае работа проведена учеником проф. *Самойлова*, профессором *Ветохиным* на медузе *Aurelia*. У медузы имеется на периферии ее колокола целый ряд так называемых краевых телец, содержащих в себе нервные элементы и играющих роль весьма правильно расположенных нервных узлов. Около краевых телец признается присутствие контрактальных зон, т.-е. таких зон, от которых и отправляются процессы возбуждения в теле животного, как только возбуждение от краевых телец начнет передаваться вокруг. Краевые тельца могут в известных случаях возбуждаться одновременно, и в результате такого одновременного возбуждения их получается одновременное возбужденное состояние мягкой ткани *Aurelia*. В результате получается или под'ем по прямой линии кверху, или опускание по прямой линии вниз. Но, спрашивается, как же происходит движение в стороны? Вот здесь как раз *Ветохин* натолкнулся на доминантные явления. Одно определенное краевое тельце инициирует возбуждение. Возбуждение это распространяется от этого сейчас доминирующего пункта вдоль по телу. Волны возбуждения, распространяясь от одного пункта окружности и обегая тело *Aurelia*, естественно встречаются где-то там, на диаметрально противоположной точке. Они идут по телу очень равномерно, со скоростью около 30 сант. в секунду, и, обежав, таким образом, друг другу навстречу, должны столкнуться, а столкнувшись, уже не только не дают друг другу пройти насквозь, одна против другой, но загашают друг друга и в то же время уничтожают тонус мускулатуры на том месте, где они встретились. Иными словами, здесь появляется вполне четко выраженный процесс торможения. Значит, в то время, как один из пунктов инициирует и развивает возбуждение, там, на противоположном пункте, волны возбуждения сталкиваются и создают то, что мы здесь назовем конфликтом возбуждений. *Ветохин* выражается так, что там получается рефрактерное состояние, и подчеркивает, что, вместе с тем, выпадает местный тонус, т.-е. получается то самое, что мы называем торможением. Великолепная картина для обоих элементов, которые входят в симптомокомплекс доминанты: одностороннее возбуждение одного пункта с торможением других пунктов, в данном случае пункта, диаметрально противоположного в простом организме медузы. На этом простом организме особенно четко и просто складываются и рабочие последствия доминанты: в тех условиях, когда возбуждение появляется на одном конце диаметра *Aurelia*, движение *Aurelia* начинается в эту сторону. Я бы сказал, великолепный пример третьего признака доминанты—это определение вектора движения, который будет получаться, при данной кон'юктуре и при сложившихся

условиях в организме, вполне однозначно. *Векториальная определенность движения и является результатом доминанты*: возбуждение в одном, сопряженное с торможением в другом! Совершенно определенно нервная система и руководимые ею аппараты в данных условиях устремлены в одну определенную сторону. Вы видите здесь в крайне упрощенной, самой природой схематизированной форме тот самый симптомокомплекс, который мы в гораздо более сложной форме наблюдали на теплокровных животных. Смысл явления, конечно, тот же самый.

Каковы более общие признаки, из которых слагается доминанта? Это, во-первых, повышенная возбудимость, повышенная впечатлительность определенной центральной области к раздражителю. Вот и в тех случаях, с которых я начал, почему это под влиянием раздражения именно центр Д в особенности начинает резонировать на текущие раздражения и тем в особенности предопределять ход реакции? Да, очевидно, потому, что порог его возбудимости, как мы в физиологии привыкли говорить, очень низок. Поэтому, приходящий стимул, анатомически и не относящийся к данному центру, доходящий до него в порядке диффузной случайной волны, встречая в нем наиболее возбудимый, отзывчивый и впечатлительный орган в данный момент, в особенности получает ответ именно в нем. Данный центр первый вступает в работу, и уже тем самым, что он вступил в работу, он предопределил новый ход реакции, которую можно было бы постарому назвать аномальной, но о которой мы скажем: нет, это—*нормальный доминантный процесс, нормальный в смысле закономерности*. Очевидно, мы стоим здесь перед подлинной закономерностью, которую нужно только уточнить, с одной стороны, и потом как можно шире показать ее приложимость и общность последствий.

До сих пор, как видите, я даю вам отдельные факты, вырванные то отсюда, то оттуда. У нас нет еще с этой точки зрения систематически прослеженного пути через всю центральную работу. Покамест эта задача еще стоит перед нами.

Значит, *первый признак—это повышенная возбудимость*. Какой второй признак? Очевидно, способность данного центра при данных условиях достаточно интенсивно, достаточно продолжительно и стойко накапливать и поддерживать в себе возбуждение, ибо, а priori рассуждая, если центру не удастся сохранять при данной кон'юктуре достаточную степень возбуждения, то, ведь, он и не будет заявлять о себе в достаточной степени другим центрам, и, стало быть, его возбуждение пройдет без особенных последствий для течения других реакций. Значит, *способность суммировать, накапливать в себе возбуждение—это второй признак*. И третий—*способность поддерживать его во времени достаточно стойко, не сбываясь*. Наконец, еще как на *четвертый признак* я бы указал на *достаточную инерцию, с которой, однажды начавшись в данном центре, возбуждение продолжается далее*. Что я разумею под инерцией? Я хочу пояснить это несколько более конкретно на физиологическом примере. У нас в теле типическим явлением оказываются так

называемые кеттен-рефлексы, цепные рефлексы. Под ними мы разумеем такие группы рефлексов, которые тесно связаны между собою в определенном порядке, так что, однажды начав с рефлекса А, мы имеем последовательное возбуждение рефлекса В, рефлекса С и т. д. В простейшем случае эта связь может быть понята так: рефлекс А вызывает определенное мышечное возбуждение; мышечное возбуждение создает чувствующие стимулы для центров. Отсюда—новая рефлекторная дуга вступает в работу. Но эта новая рефлекторная дуга одновременно с этим возбуждает свою мускулатуру. Мускулатура эта опять дает для центров сенсорные стимулы,—и цепь, однажды сдвинувшись, продолжается далее надолго. Примером этого является рвота, с одной стороны, и дефекация, с другой стороны,—прямая и обратная перистальтика. Здесь можно проследить целую цепь рефлексов, которые, однажды начавшись, должны идти последовательно дальше. Так вот, когда такой кеттен-рефлекс пошел, то его остановить уже трудно. Если вы себе в глотку положите какой-нибудь катышек, совсем даже не съедобный, то уже поздно, вы его проглотите. Здесь возбуждается цепь рефлексов, и положенный предмет непременно окажется в желудке. Только до тех пор, пока этот предмет у вас на языке, вы можете его выплюнуть или проглотить, но раз он уже дошел до места выхода языкоглоточного нерва на слизистую оболочку, то вы его непременно проглотите,—и, повторяю, это—в порядке цепного рефлекса.

В последнее время указано еще много интересных деталей, могущих принимать участие в таких цепных рефлексах. Мы говорили сейчас о глотании и рефлексах пищеварительного тракта,—и нам сейчас же вспоминаются слюнные железы. Так вот, если мы слюнную железу, еще пока что не работавшую, смажем слюной, ее родной и хорошей знакомой, то железа начинает уже активно секретировать слюну. И точно так же, если вы альбумозой или пептоном смажете слизистую поверхность желудка, то этого достаточно, чтобы началась активная секреция. Так что здесь появляется дополнительно еще химический стимул: такие побудители химического характера должны для рефлексов играть громадную роль в смысле поддержания, укрепления и инерции, реакции, однажды пущенной в ход. Представим, что слюнная железа забеспокоилась. Следы слюны появились на ее поверхности. Этим самым поддерживается вновь ее возбуждение, усиливается дальше ее слюноотделение, и эта последовательность, очевидно, будет поддерживать в прежнем направлении однажды начавшуюся реакцию. Это—довольно типическое явление у нас. И вот совокупность подобных событий можно назвать в самом деле *физиологической инерцией*. Во всех четырех случаях, о которых я выше говорил, данный центр очень высоко возбужден, очень легко способен суммировать свои возбуждения, способен затем стойко их удерживать во времени и, наконец, может передавать свое возбуждение в определенном закономерном порядке и поддерживать инерцию однажды начавшихся реакций. Конечно, такой фактор легче всего будет влиять на течение идущих в теле процессов и всего легче станет доминантой.

Когда я стал на ту точку зрения, что здесь перед нами не аномалия, но правило, я затем стал думать, что перед нами не только правило, но, вероятно, *чрезвычайно важный орган жизнедеятельности центральной нервной системы*. Я хочу здесь немножко остановиться на этом понятии «орган».

Обычно с понятием «орган» наша мысль связывает нечто морфологически—отлитое, постоянное, с какими-то постоянными статическими признаками. Мне кажется, что это совершенно не обязательно, и в особенности духу новой науки было бы свойственно не видеть здесь ничего обязательного. *Органом может служить, по моему убеждению и с моей точки зрения, всякое сочетание сил, могущее привести при прочих равных условиях всякий раз к одинаковым результатам.*

Орган—это, прежде всего, механизм с определенным однозначным действием. Громадное многообразие морфологических черт, которое мы открываем в том или ином образовании нашего тела, впервые приобретает значение физиологического органа, после того как открывается значение этих морфологических деталей, как рабочих слагающих общей, однозначно определенной физиологической равнодействующей. Значит, именно физиологическая равнодействующая дает комплексу тканей значение органа, как механизма.

Было время, когда в самой механике полагали, что необходимо отправляться от статических данных системы, чтобы понять ее динамику. Механика строилась от статики к динамике. Первый Гаусс в 1829 г. поставил вопрос о том, не соответствовало ли бы обобщающему духу науки рассматривать, напротив, статику системы как частный и исключительный случай в ее непрерывном движении. Новая наука статику выводит из динамики.

Вот и новой физиологии естественно освещать смысл морфологических данных из динамики вещества, а не наоборот. Микроскоп ведь застаёт лишь один момент, искусственно зафиксированный и вырванный из непрерывно текущей истории, совершившейся в динамике ткани. Когда в текучей динамике вещества определенное сочетание действующих сил всякий раз дает однозначно определенный рабочий результат, мы и назовем это сочетание действующих сил—«органом», производящим данную работу. Ведь еще Декарт, а в XIX столетии Кельвин, допускали в основе вещества вихревое движение. Тогда вихревое движение было бы элементарнейшим механизмом или органом, производящим известные нам свойства вещества, в том числе и статические. Всякий раз, как имеется налицо симптомокомплекс доминанты, имеется и предопределенный ею вектор поведения. И ее естественно назвать органом поведения, хотя она и подвижна, как вихревое движение Декарта.

Определение понятия «орган», как, я бы сказал, динамического, подвижного деятеля или рабочего сочетания сил, я думаю, для физиолога чрезвычайно ценно. И с этой точки зрения можно сказать, что симптомокомплекс, который я вам описал, это—своеобразное рабочее сочетание тормозов и возбуждений, при чем текущие раздражения

только подкрепляют имеющийся тормоз и углубляют имеющееся возбуждение, т.-е., иными словами, помогают, подкрепляют, поддерживают ту обстановку, что уже и без того подготовлена в центрах. И его всего естественнее назвать таким подвижным физиологическим органом нервной системы, играющим важную роль в ее способе работы. Это тем более, мне кажется, можно сделать, что теперь мы знаем, что в специальных экспериментальных условиях и в спинном мозгу можно вызвать подобное доминантное явление. Если мы будем фармакологически вызывать усиленную возбудимость определенного центра, точно так же и спинной мозг будет особенно отзывчив той своей стороной, где подготовлена доминанта.

Если от таких чисто искусственных экспериментов перейти к более близким к природе,—то вот у моллюсков наши работники в свое время установили доминантные явления. Теперь *Чайльд* в Америке устанавливает их для протистов и планарий. Затем, я указывал их на медузе. Видимо, это явление—очень широко распространенное, очень типическое для работы центров, и тем более, казалось бы, можно на него смотреть, именно, как на принцип работы нервных центров.

Кстати, откуда я заимствовал этот термин—доминанта? Это кое-кого интриговало: почему так назвал, имел ли основание так назвать? Назвать, конечно, всячески можно, и это довольно угрюмый вопрос: почему назвали Неву—Невой? Почему так? Можно было назвать иначе или не называть, и так далее. В данном случае, лишь бы название достаточно ярко отмечало данный порядок явлений. Я думаю, что и того, что я здесь излагал, уже достаточно, чтобы считать, что доминанта—подходящее название. Но побудителем назвать это явление именно так—послужил для меня случайно привлеченный мое внимание термин из книги *Рихарда Авенариуса*: «Критика чистого опыта». Во втором томе этой книги вы встречаете чрезвычайно интересные указания на то, что иногда один иннервационный ряд при определенных условиях может совершенно изменять порядок явлений в другом, параллельно идущем, иннервационном ряде, и изменять так, что этот первый будет как бы питаться теми импульсами, которые обычно вызывают второй иннервационный ряд; а второй иннервационный ряд, которому, на эти импульсы полагалось бы реагировать, осуществляться при этом не будет. Когда я прочел это, я не мог не сказать, что здесь отмечается именно то, чем я был занят. И я, не задумываясь, назвал свои явления так, как назвал *Авенариус*. Надо сказать, что для нас, физиологов, *Авенариус* чрезвычайно интересен. Это—теоретик знания, воспитанный физиологической лабораторией, ученик *Карла Людвига*. Можно сказать (и где-то он сам об этом мимоходом говорит), что общий характер его мышления, в сущности говоря, воспитан впечатлениями, жившими в лаборатории *Карла Людвига*. Но, к сожалению, это представление о доминанте у *Авенариуса* имеет все-таки такой характер, что, дескать, вот какие бывают курьезы в мозговой работе. Все-таки, и для него это—нечто исключительное, нечто отходящее от нормы. Недаром изложение доминанты затерялось у него где-то во II томе. Я со своей стороны еще раз и еще

раз хочу подчеркнуть, что, по-моему, перед нами не нечто исключительное, не частность, тем более не аномалия, а нечто постоянное и характерное для нормальной работы нервных центров. Между прочим, *Авенариус* приводит несколько примеров из литературы и очень характерно подчеркивает признаки доминанты, с которыми нельзя не согласиться и с нашей точки зрения. Доминанта, с его точки зрения,—это преобразователь текущей реакции, фактор, направляющий поведение животного в данных условиях,—а затем, как он характерно выражается, подстерегатель, *подстерегатель импульсов и раздражителей со стороны*. Что он разумеет под этим? Маленький пример здесь надо привести. Вот всякий раз, как вы заняты очень большой и тяжелой для вас проблемой, ваша система С (как он называет центральную систему) напряжена, ждет поводов для того, чтобы разрядиться, и она подстерегает такие стимулы со стороны, которые могли бы фактически помочь разрешиться той проблеме, которая назрела и которую разрешить вы до сих пор не могли. Очень интересная характеристика, которая как раз подчеркивает чрезвычайную возбудимость, склонность в это время реагировать, может быть, на не очень подходящие стимулы, но в определенную сторону, и подбирать из этих подходящих стимулов те, которые в особенности, счастливым образом, связаны с данным направлением реакции, которые особенно для нее необходимы, родственны, адекватны,—назовите, как угодно. *Авенариус* дает здесь (эта книга выпущена в 1888—90 г.) намек и на то, что в пределах высших этажей центральной нервной системы подобный доминантный процесс может являться прогрессивным фактором, обогащающим нервную систему новыми осведомлениями, т.-е. тем, что после *И. П. Павлова* мы теперь назвали бы подпочвой для образования временных связей, для вылавливания новых и новых поводов из среды; для увязывания новых поводов с ранее протекавшими реакциями. Как будто это и есть та нервно-соматическая подпочва, которая лежит в основе образования новых рефлексов, новых связей, т.-е. условных рефлексов? Но это, с моей стороны, только, конечно, предположение. Могу сказать: если бы я стал с своей стороны писать теорию опыта, то доминанта у меня не затерялась бы в гуще второго тома, но я начал бы с нее, тогда как *Авенариус* начинает со схемы *Геринга*¹.

¹ Есть громадное затруднение для того, чтобы отождествить механизм доминанты, как я его понимаю, с механизмом, который приходится предполагать в основе условной связи *И. П. Павлова*. Я говорил об этом в работе: «О состоянии возбуждения в доминанте». (Новое в рефл. и физиол. н., с. 11. 1926, с. 12—14.)

Всякий раз, как при прочих равных условиях, поднимается возбудимость центра Д, а он, оказываясь, достаточно способен суммировать и поддерживать в себе возбуждение, Д будет неизбежно вмешиваться в текущие реакции и трансформировать их направление в определенную сторону. Тут все понятно с точки зрения нашей школы без всякого дополнительного допущения замыкания нервных путей, т.-е. в условиях непрерывной нервной сети. Понятны для нас и контрастные реакции в условиях непрерывной нервной сети, т.-е. относительно легкая тормозимость доминанты с переходом к контрастной установке. Всякий раз, как будут повторены прежние условия, необходимые для возникновения

Я думаю, что все, что я до сих пор говорил о доминанте, производит такое впечатление: да, ведь, здесь организм мыслится, как некая единица, реагирующая целиком, как интегральное целое. Это уже не агрегат более или менее случайно связанных в пачку рефлекторных дуг, а это—единица, способная на текущие раздражители действовать целиком. Но возможно также, что и каждый отдельный орган нашего тела, поскольку он может рассматриваться, как более или менее замкнутое однородное целое, мог бы дать основание для образования чего-то подобного тем явлениям, которые я описывал. Вот у нас в лаборатории возникли такие предположения. Много курчезов можно наблюдать, например, просто на нерве, если мы его выржем из тела. Поскольку нерв—гомогенный аппарат, он не реагирует по частям, особенно если он свежий. *Н. П. Резвяков* и до него еще покойный *Введенский* обратили внимание на такие явления, что если вы вызываете возбужденное состояние в определенном пункте нерва, то это тотчас вызывает своеобразные изменения раздражительности нерва по всей его длине, и не в порядке прохождения волн возбуждения, что признается классической физиологией, а в порядке какого-то стационарного функционального изменения, длящегося так долго, пока длится ваше раздражение. *Н. П.* стал говорить о сопряженных изменениях раздражительности нерва, и он их сближал также с доминантными явлениями, поскольку эти изменения можно в самом деле счесть напоминающими доминанту: повышенная возбудимость одного участка нерва закономерно связана с пониженной возбудимостью других пунктов нерва. И эта пониженная возбудимость в участках нерва связана здесь с тем, что в определенном другом месте нерва имеется, напротив, повышенная возбудимость. Можно было бы кое-что подобное почерпнуть и из старой классической физиологии. Если вы вызовете возбуждение в определенном месте ткани,

доминанты, будут даны и доминантные реакции, будет ли это в среднем мозгу, или в спинном, или в коре.

«Временная связь» *И. П. Павлова* ставит другой вопрос: как прежний доминантный процесс может возобновиться не при прежних, а при совершенно новых условиях? Вопрос в том, каким образом два местных возбуждения, не имевших между собою до сих пор ничего функционально-общего, кроме случайного факта, что они несколько раз втраивались в одновременную работу, приобретают отныне способность возобуждения в порядке «согласных рефлексов» *Шеррингтона*. Вы понимаете, что доминанты являются здесь уже не условием, а результатом как-то возникшей связи, которая в непрерывной нервной сети до сих пор не была дана. Что это? Новообразование нервных связей, как полагает *И. П. Павлов*,—или последствия взаимного влияния возбуждающихся центров по «*Fernsender theorie*», или последствия усвоения ритмов центрами, которые потом способны возобуждаться по резонансу *Липика*? Во всяком случае, вы видите, здесь требуется ряд дополнительных гипотез, выходящих из границ моего понимания доминанты. Все говорит о том, что кортикальные клетки, как никакие другие, способны улавливать и неизгладимо удерживать следы от однажды пронесшихся реакций. И тут перед нами совершенно новые проблемы, к которым научная мысль еще не готова.

Доминанта должна играть существенную роль при установке «временных связей», но остается открытым вопрос, как может кора восстанавливать прежнюю доминанту ab ovo без наличия прежних условий.

то все остальные места данной ткани, например, нерва, окажутся заряженными положительно на все время, пока возбужденный пункт является электроотрицательным по отношению к ним. С другой стороны, нам известно из классической физиологии, что электроположительный заряд связан с некоторым физиологическим угнетением ткани в тех местах, где этот положительный заряд имеется. Значит, выходит так, что возбужденный пункт ткани поддерживает в прочих пунктах той же ткани известную электроположительность, а стало быть, известное угнетающее влияние на раздражительность во всех остальных местах. Само собою понятно, это только отдаленные аналогии, тем более отдаленные, что те угнетения, которые мы здесь имеем, мы не можем с легким сердцем отождествлять с физиологическими тормозами. Тем не менее, все-таки, может быть, было бы интересно остановиться на этих сближениях. Я помню, что моей собеседнице в лаборатории я как-то в порядке фантазии рисовал такую картину: зачем говорить непременно о живом организме, как о загадочном целом? Возьмем что-нибудь более простое, напр., стакан с коллоидным раствором и с электролитом. Поскольку налитая в стакан жидкость представляет собой нечто отдельное от всего окружающего и в этом смысле—целое, то уже здесь внесение новых зарядов со стороны в одном определенном пункте жидкости и последующее изменение в распределении электричества и дисперсности коллоида не может не повлечь за собою изменения во всех прочих частях раствора. Там точно так же будут происходить перераспределения зарядов, изменения первоначальных свойств раствора, и стало быть, если в следующий момент в каком-нибудь другом пункте данной жидкости в стакане вы попытаете воспроизвести тот же процесс, вы найдете там жидкость не при прежних условиях, а измененный коллоид встретит прежний фактор, более или менее резко измененным эффектом. Отсюда можно говорить: раз перед нами некое замкнутое целое, значит, отсюда сама собою следует обязательная связь между его элементами; стало быть, можно уже здесь подыскать аналогии с доминантными процессами.

Если только мы начинаем говорить об организме, как о замкнутом целом, естественно, начинают вспоминаться нам принципы *Липмана* и *Ле-Шателье*: в системе, способной к устойчивому равновесию, внешнее воздействие и реакция на него со стороны системы находятся в положении противодествия. Во всех этих примерах, о которых я сейчас говорил, вспоминается, что, ведь, замкнутая в себе система должна реагировать так, что перемены, вызываемые в ней внешним фактором, будут направлены на то, чтобы поскорее устранить эффект от этого фактора, поскорее вернуться к успокоению, к первоначальному равновесию. В этом смысле можно сказать, что всякая изолированная система стремится к успокоению, и поэтому все эти разнообразные и двойственные изменения, которые мы вызываем в данной целой системе, раздражая, изменяя ее, так или иначе влияя на нее в определенном пункте, направлены по принципу наименьшего действия на возвращение системы опять к равновесию,

к покою, к удалению изменяющего, раздражающего, вообще действующего из среды фактора. Когда *Н. П. Резвяков* про нерв говорил, что там есть доминантные явления, когда я приводил пример с раствором в стакане, то тут в самом деле вполне естественно ожидать, и это наверно так,—что реакции идут по принципу наименьшего действия в направлении *Ле-Шателье*. Какая интересная аналогия! Нельзя ли будет к доминантным изменениям—нарастающее возбуждение в одном месте и сопряженное торможение в другом месте,—нельзя ли к этим двойственным реакциям, которые мы вызываем в целом организме, применить без затруднений принцип *Ле-Шателье* и тогда понять и предсказывать поведение человека с точки зрения тенденции нервной системы и организма, взятого в целом, к покою и к наименьшему действию? Надо сказать, что в 1903—1904 г. *Мак-Дугол*, психофизиолог в Оксфорде, развил представление о механизме внимания, т.-е. о физиологической подпочве акта внимания, с известной точки зрения близкое к тому, что мы видели здесь в доминантных явлениях и, в то же время, противоположное моим пониманиям доминанты, поскольку оксфордский автор слишком поспешно натягивал нервные реакции на схему наименьшего сопротивления. Вопрос несравненно более сложен и деликатен, чем кажется на первый взгляд.

Мак-Дугол представлял себе дело таким образом: между сенсорной и моторной половинами центральной нервной системы, дескать, всегда имеется сопротивление. Благодаря этому сопротивлению в сенсорной половине накапливается какой-то нервный потенциал. Надо сказать, что неврологи—не во гнев им будь сказано—ужасно полюбили с важным видом говорить о нервном потенциале, нервной энергии и т. д. Все это получается внешне очень учено, но когда с недостаточной критикой пробуют применять совершенно точные понятия о потенциале и энергии, то добра не выходит, потому что к ним безнаказанно подходить нельзя. Это совершенно четкие, точные, математические понятия, и когда с некоторой легкостью пробуют приложить их в областях, количественно еще не разобранных, получают утверждения не слишком полновесные.

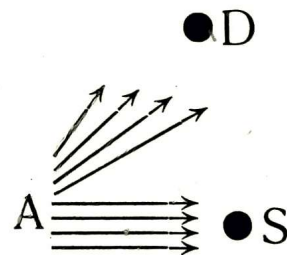
Так вот *Мак-Дугол* начал себе рисовать, что накапливается какой-то нервный потенциал, потому что нервной энергии деваться некуда, потому что из сенсорной половины в моторную ей не пробраться; но вот под влиянием раздражения в одном месте получается место наименьшего сопротивления, дырка что ли, между сенсорной и моторной половинами; сюда и устремляется весь потенциал, тут и получается одностороннее возбуждение, а так как потенциал разряжается сюда, то во всех прочих местах нервной энергии не будет, и там реакции будут заторможены. В результате,—односторонняя устремленность возбуждения в одну сторону, одностороннее стекание нервной энергии и отсутствие ее в полях торможения.

Вы чувствуете, что это, попытка схематически подойти к явлениям этого рода с точки зрения законов *Пуазейля* или *Ома*, с точки зрения наименьшего сопротивления и наименьшего действия. Что

касается меня, то из всего изложенного вы видите, что для моего понимания доминанты дело обстоит *не так*. Доминирующий центр может зареагировать совсем независимо от каких-нибудь наименьших сопротивлений в афферентных в отношении его путях: он зареагирует на данный текущий раздражитель просто потому, что его возбудимость в данный момент очень велика. Вот, допустим, у нас здесь станция отправления А, от которой вы посылаете импульсы, способные диффузно иррадиировать по нервной сети. В обычных условиях путь «наименьшего сопротивления», т.-е. ближайшая анатомическая связь, увязывает эту станцию отправления с совершенно определенной станцией назначения S, значит, проще всего эта станция и должна реагировать в первую голову; но я говорю, что если рядом имеется станция, соответствующая центру D, которая обладает чрезвычайно повышенной возбудимостью, способностью особенно бурно суммировать возбуждение, стойко его удерживать и инертно продолжать, то она, эта станция, тоже зареагирует на ваше раздражение, хотя бы ближайшей, упрощенной нервной связи здесь и не было. А раз D зареагирует в силу своей высокой возбудимости, то, в силу своей способности копить возбуждение, он будет, в меру своего возбуждения, трансформировать текущие реакции центра S, и тогда, к удивлению своему, вы начинаете видеть в S, вместо ожидаемого возбуждения, торможение, изменение ритмов и т. д.

Вы видите, что для принципа доминанты нет никакой необходимости толковать получающиеся эффекты столь упрощенно, по схеме наименьшего сопротивления. То, что я сейчас нарицал вам, сразу открывает возможность понять и то, почему на первый взгляд столь заманчивое правило—«уравновешенная нервная система действует в направлении наименьшего сопротивления»—фактически постоянно нарушается, и, к нашему счастью, поведение может быть направлено в сторону наибольшего сопротивления, когда это нужно. Фактически окончательная реакция будет идти не с расчетом непременно на минимум действия организма, а с расчетом использовать с той или иной полнотой те потенциалы, которые может развить станция назначения с ее рабочими эффекторами в мускулатуре в однажды начавшейся работе по заданному вектору.

Для экономии времени и места я буду отправляться от того рисунка, который уже имеется перед нами. Положим, что здесь перед нами спинальная рефлекторная дуга А—S, при раздражении которой полагаются определенные, по штату ожидаемые, реакции. Возьмем частный случай и положим, что центр D принадлежит более высокому этажу центральной нервной системы; если он будет сейчас обладать более высокой возбудимостью и большей мощностью возбуждения,

чем спинальный центр S, то попрежнему ему будет принадлежать дебу в возбуждении, а затем преобладание в качестве решающего определителя реакции. Но у центра D есть и своя рефлекторная дуга. Положим еще, что для того, чтобы эта рефлекторная дуга работала и достигала, так сказать, своего физиологического результата, спинальная дуга (это такой обычный типичный случай) должна быть заторможена. Возьмем нарочито такую спинальную рефлекторную дугу, которая мешает и нарушает работу этого центра высшего этажа. Будет происходить, обобщенно говоря, конфликт возбуждений, идущих из D, с возбуждениями, идущими из S. Будут налицо все условия для того, что лежит в качестве физиологической подпочвы под актом торможения. Основная мысль *Введенского*, как ее можно кратко всего формулировать, и заключается в том, что *торможение есть результат конфликта возбуждений*. И вот здесь перед нами неизбежный, весьма неэкономный процесс борьбы возбуждений между центрами. Кроме того, если от того раздражителя, которым вы пользовались, фактически реакция пойдет с вовлечением в работу этого центра, более высокого этажа D, то ведь разряд возбуждения получится более мощный *при прочих равных условиях*, чем в том случае, если дело ограничится местным спинальным рефлексом в S, ибо при прочих равных условиях более высокие этажи центральной нервной системы в одном и том же общем пути способны развить большую сумму возбуждения. В свое время *Горслей* и *Гоч* производили такие сравнительные определения и показали это правило. Вы понимаете, что если только ваш импульс вообще не достиг своего результата в S, вследствие того, что S заторможено, или, достигнув его, принужден был столкнуться здесь с импульсами, идущими сверху из D, и вступить с ними в конфликт, то здесь перед нами *борьба, стык*—процесс неэкономный, и, вдобавок, так как импульсы, образно выражаясь, «отклонились», оказались действительными в особенности в виде возбуждения центров высшего порядка, т. е. центров, способных дать большую сумму работы, то опять-таки реакция получилась не по принципу наименьшего действия. Жизнь здесь явно расточительна, экспансивна.

Таким образом, в центральной нервной системе мы то и дело будем иметь случаи, отклоняющиеся от схемы наименьшего действия. Очень вероятно, что однажды начавшийся отдельный разряд, будет ли он в отдельном нейроне, в изолированном нервном стволе, или в отдельной миофибрилле, нормально пойдет по принципу наименьшего действия. Но в следующий же момент за разрядом возникает вынужденный процесс восстановления потенциалов с привлечением энергии из среды, и суммарный рабочий эффект накопляется так долго, как угодно, пока не наступит утомление. С другой стороны, пока дело не дошло еще до исполнительного органа, до «исполкома» центральной нервной системы, дело решается не энергией станции отправления, а *впечатлительностью к стимулам станций назначения*. Что касается организма в целом, то, конечно, чем больше возбуждение, тем больше трата, падение потенциала, но,

при нормальных условиях, тем больше и насильственный процесс или, как его еще называют, вынужденный процесс, идущий с поглощением энергии извне. *Однажды начавши усиленно работать, нервная система на высоте своего действия вовлекает в сферу работы организма все новые и новые порции энергии со стороны*. Как далеко здесь от «наименьшего действия!» И прежде всего, организм на ходу своей работы является ли изолированной системой в строгом смысле слова? И если правда, что организм стремится к равновесию со своей средой, то как глубока и объемиста та среда, в равновесии с которой организм обретает свой покой? Не грозит ли здесь опасность, что «наименьшее действие» превратится в форму, лишенную содержания?

В условиях нормального взаимоотношения со своей средой организм связан с нею интимнейшим образом: чем больше он работает, тем больше он тащит на себя энергии из среды, забирает и вовлекает ее в свои процессы; тогда понятно, что как раз более сильный деятель, с мощной работой центральной нервной системы и всей аппаратуры, которая от нее зависит, способен за свою жизнь забрать и переработать большую сумму энергии из среды и вовлечь ее в сферу своей работы для того, чтобы дать в сумме мощный рабочий результат и длительные рабочие последствия, которые на долгое время заставят вспоминать эту центральную нервную систему и эту индивидуальность, когда ее самой более уже не будет...

Вот, еще раз возвращаясь к принципу наименьшего действия в приложении его к суммарной работе центральной нервной системы, позволяйте привести маленькую перспективу, которая, мне кажется, не будет вас затруднять.

Возьмем организм, фактически наиболее преуспевший на пути к наименьшему действию, организм, получивший счастливую возможность производить минимум работы в окружающей среде. Какие примеры из биологии мы имеем? Прежде всего—это сидящие, паразитные формы. У них редуцирована высшая рецепторная система, сведены до минимума органы чувств, и, в связи с их сидячим поведением, упрощена до крайности мышечная система, сокращена сфера рефлексов на среду, в известном смысле достигнута наибольшая изолированность от среды, расходуется и перерабатывается энергии, несомненно, меньше, чем у их родных братьев, перешедших от паразитной жизни к активному исканию вещей в среде. Очевидно, что мы никогда биологически не могли бы понять даже самой возможности развития высоко организованной рецептивной сферы—появления высших органов чувств, которые мы видим у высших животных, если бы мы допустили однажды, что рефлекторный аппарат раз навсегда, принципиально, только ограждает организм от внешних раздражителей, только старается удалить внешние раздражители от организма. Поэтому мы не будем повторять определения, которое, к сожалению, до сих пор еще встречается в учебниках физиологии, будто рефлекс—это акт, вызываемый раздражителем и направленный на удаление этого раздражителя. Вы чувствуете, что это перед нами в физиологических терминах выраженный принцип наименьшего действия. Тут—

скрытая тенденция перенести без критики принцип наименьшего действия в работу рефлекторного аппарата. Я еще раз скажу: если бы только организм принципиально пользовался своими рефлекторными дугами только для того, чтобы как-нибудь подалеже быть от влияний среды и при первой возможности от них отбояриваться, то совершенно ясно, что он, действительно, постепенно редуцировал бы свою рефлекторную работу и, прежде всего, свою высшую рецепторную систему и постепенно превратился бы в сидячую, по возможности, паразитную форму. Очевидно, что в общем и целом принцип *Ле-Шателье*, принцип наименьшего действия, сам по себе вел бы организм к редукации, но не к развитию и экспансии.

Если мы будем сравнивать центры высших этажей с обыкновенными спинальными центрами, то как еще можно образно характеризовать их особенность? Они — дальнорольные центры, центры, связанные с рецепторами на расстоянии, с глазами, с ушами; они прежде всего, как выражается *Шеррингтон*, — «предметные рецепторы», намечающие для поведения организма предмет в среде с тем, чтобы организм реагировал на него задолго до контактного соприкосновения с ним. В этом отличие церебральных рецепторов от спинальных, которые реагируют только на непосредственное соприкосновение, как наша кожа. В данном случае мы описательно и образно скажем: эти высшие рецепторы прежде всего — рецепторы более дальнорольные. Головные ганглии, со своими головными рецепторами у плавающих и ползающих форм, прежде всего встречаются с новыми раздражителями, с опасностью, и они прежде всего должны физиологически служить предупредительными органами для всех остальных сегментов тела, чтобы они не перли вперед, когда впереди предстоит еще разобраться в среде. В этом заключается то, что мы называем ориентирующим значением высших центров по отношению к низшим, сегментальным центрам.

Еще раз возвращаясь к принципу наименьшего действия в поведении человека, так часто можно слышать и чувствовать горький упрек: что ж, перед ним открыта дорога, все достижения перед ним, чего же он не идет, почему уклоняется и чего еще ждет? С точки зрения ближайших и контактных рецепторов, в самом деле, чего же ждать, когда перед нами путь наименьшего сопротивления, когда все дается в руки. Но вот высшие, эти наиболее дальнорольные в пространстве и времени (в хронотопе) этажи предупреждают: очень возможно, что этот путь наименьшего сопротивления приведет к весьма большим бедствиям для того, кто тебе дороже всего; они останавливают, тормозят, вступают, может быть, в весьма тяжелую борьбу, в конфликт с низшими центрами и, очевидно, далеко уклоняют поведение от пути наименьшего действия. То, что я сейчас вам сказал, начертил на моей схеме, это ведь общее место в работе центральной нервной системы. И вот высшие этажи, эти наиболее дальнорольные и наиболее ориентирующие нас в хронотопе органы предвидят предстоящую реальность задолго, у больших людей они могут предвидеть в истории за сотни лет, ибо хронотоп гения чрезвычайно обширен, и, именно, гениальные деятели *в своем индивидуальном поведении*

для себя чаще всего идут по пути наибольшего сопротивления, для того, впрочем, чтобы достичь намеченного предмета наилучшим способом и открыть другим это достижение с наименьшей затратой сил. Нервная система отнюдь не начинает с наименьшего действия, как заданного даром, она приходит к нему, как к достижению в конце. Наименьшее действие, когда оно задано с самого начала, приводит только к редукации и упадку; а когда оно достигается в конце, то только для того, чтобы началась новая текущая деятельность, новая задача, новая борьба с сопротивлениями. Все дело в том, насколько мощна та доминанта, которая владеет поведением, насколько она преобладает над отрицательной тенденцией к покою, к самоудовлетворению, к подушке. С общебиологической точки зрения мы понимаем, что доминанты с их экспансией и влекли к упражнению, к обогащению организма новыми возможностями, они и лежат в основе образования новых рефлексов.

Попутно, в связи с этим, сделаем несколько сопоставлений. Мы видели, что доминанта — подвижной орган, который принципиально не несет в себе обязательства наименьшего действия, и в этом смысле доминанта никак не может быть отождествлена с инстинктом, как мы обыкновенно этот термин понимаем. Бывает иногда опасно пользоваться избитыми терминами, потому что уж очень много на них навязло по мере того, как они употреблялись. Можно сказать, что эти старинные термины слишком захватаны руками. Но об инстинктах приходится говорить, ибо о них еще говорят другие, и им иногда приписывают значение чуть ли не исключительных определителей поведения.

Если бы инстинкты были главными определителями поведения человека, это значило бы, что доминанта и инстинкт одно и то же. Для того, чтобы сколько-нибудь уточнить понятие инстинкта, физиологи пробуют их сосчитать и приходят к тому, что инстинктивных факторов поведения, к счастью, не так много, около 6 или 7. Выступает на сцену принцип классификации, это своего рода наименьшее действие формальной логики, и подбирают минимум отдельных инстинктов, которые не сводились бы друг на друга, были более или менее ясно обособлены один от другого, например: пищевой, половой, исследовательский, мочеиспускательный и т. п. Если бы мы встали на этот путь, путь абстрактного упрощения в понимании определителей поведения, то опять дело сводилось бы к тому, что поведение всегда предопределено направлением наименьшего сопротивления. Инстинкт — это то, что идет так же легко, на мази, как все прирожденные рефлексы, среднемозговые и спинальные. По *Джемсу Селли* вся разница лишь в том, что инстинктивный акт, идущий сам собою, без вынуждения, вовлекает в работу высшие органы чувств.

Я уже не буду повторяться, что доминанта, как определитель поведения, отнюдь не предполагает непременно устремления к наименьшему действию. Затем я полагаю, что с шестеркой или семеркой инстинктов в руках мы не сможем разобраться в конкретных поступках, не сможем конкретно предсказывать поступки нормального

человека, каждого из нас,—я уже не говорю о поведении и поступках большого исторического деятеля. Ведь понять закономерности поведения—значит уметь детерминировать и предсказать его. Если вместо изучения конкретных доминант, которых у человека может быть многое множество, мы будем исходить из абстрактной схемочки о нескольких инстинктах, мы не скажем физиологически ничего содержательного о поведении *Ньютона* в его изысканиях. В конце концов не природное наследие рефлексов и инстинктов, но борьба текущих конкретных доминант с унаследованным и привычным поведением приводит к оплодотворению всей работы, к поднятию достижений высшей центральной нервной системы. И с этого момента уже не инстинкты будут иметь для нас значение конкретных определителей поведения, а как раз те новые надстройки, которые будут над ними возникать при столкновении с текущими доминантами, ибо эти надстройки будут действительно объективными достижениями, способными конкретно предопределять дальнейшее поведение. Если верно, что *Петрарка* и *Данте* перестали бы творить свои песни, если бы они достигли своих возлюбленных, как соловей замолкает среди лета, то для человечества было неизмеримо более объективным достижением, что «инстинкт отработал» так творчески, как он отработал у *Петрарки* и *Данте*. Теперь уже песни *Петрарки* и *Данте* стали определителями поведения для дальнейшего человечества.

Конечно, лишь предвзятость сказывается и в том, что из фонда инстинктов, как определителей поведения, унаследуемых родом, исключаются инстинкты пространства, времени, счисления, симметрии, с другой стороны, инстинкт социальный. И у нас нет несомненных доказательств того, что фонд инстинктов постоянен и неизменен. Я держу думать, что за всеми этими исканиями опереться на инстинкты, как на незыблемую почву, скрывается старинная тенденция видеть в „la Nature“ нечто благостно-незыблемое, а высшую мудрость поведения полагать в «laisser faire,—laisser passer». Это всего лишь доминанты, которыми жил *Ж. Ж. Руссо*. В известном смысле можно сказать, что вся задача человеческой культуры и человеческого самовоспитания и воспитания—в создании новых инстинктов, т.-е. в создании из очень трудно дающихся в начале новых выработок и навыков таких рефлексов, которые бы шли с легкостью и силой инстинктов. Всего лучше, быть может, последовать за *И. П. Павловым*, который в своем докладе в Америке с таким тактом попросту не поднимал вопроса об инстинктах, как таковых, отдельно от рефлексов, а говорил: «instincts or reflexes», инстинкт или рефлекс. Совершенно верно, ничего другого, как рефлекс, понятие инстинкта в себе не заключает. Это очень хорошо и отшлифовано идущий рабочий акт нервных центров, который в первое время, покамест он внове и еще не выработан, может даваться со страшным трудом, может быть, иногда стоить жизни; вторично из этого столь трудного прежде акта наступает все более и более гладкий, экономный, скользкий, незаметно идущий для нас рефлекс. Вот с этой точки зрения я полагаю, что конкретные определители поведения доминанты отнюдь

не составляют какого-нибудь незыблемого и постоянного фонда, они—расширяющееся достояние человека; с другой стороны, дело упражненный именно и заключается в том, что трудно дающийся новый пробный акт, новая выработка постепенно превращается в более и более экономно работающий аппарат. *Лишь как о вторичном, постепенном достижении можно говорить о прогрессирующей экономике каждой отдельной центральной функции, но она не есть нечто, данное с самого начала, как роковое последствие наименьшего действия; это достижение, дающееся, может быть, многими годами, может быть, иногда недостижимое в течение целой жизни.*

С той точки зрения, которую я излагал, симптомокомплекс доминанты заключается в том, что определенная центральная группа, в данный момент, особенно впечатлительная и возбудимая, в первую голову принимает на себя текущие импульсы, но это связано с торможениями в других центральных областях, т.-е. с угнетением специфических рефлексов на адекватные раздражители в других центральных областях, и тогда множество данных из среды, которые должны были бы вызвать соответствующие рефлексы, если бы пришли к нам в другое время, остаются теперь без прежнего эффекта, а лишь усиливают текущую доминанту (действуют в руку текущего поведения). Это и есть физиологическая, активная основа того, что мы у себя, в своем внутреннем хозяйстве, называем абстракцией, отбором одних частей раздражающей нас среды и игнорированием целого ряда других областей. За абстракцией, казалось бы такой спокойной и беспристрастной функцией ума, всегда кроется определенная направленность поведения мысли и деятельности.

Каждый раз, когда я заговариваю об абстракции, я вспоминаю красивую картину, которую по этому поводу когда-то нарисовал *Уильям Джемс*. Он выступал в одном обществе с докладом и, оставившись на вопросе о том, что такое абстракция, насколько она постоянный сопроводительный момент для нашего внутреннего мозгового хозяйства, он сказал: «Вот в этот самый момент, что я с вами сейчас говорю, а вы меня слушаете, над рекой Амазонкой пролетают стаи чаек. Это реальность, которую мы сейчас, однако, не принимаем в расчет, ибо она нам сейчас неинтересна». Несомненные компоненты сейчас протекающей живой реальности так или иначе сейчас не учитываются нами потому, говорим мы, что не думаем о них, потому, скажем мы сейчас, что главенствующая сфера возбуждений, векторы текущей нашей деятельности, устремлены на определенную, ограниченную группу фактов. И мы несем на себе все последствия одностороннего поведения, мы ответственны за свои абстракции в более или менее близком будущем.

Тем самым, что я настроен действовать в определенную сторону и работа моего рефлекторного аппарата поляризована в определенном направлении, во мне угнетены и трансформированы рефлексы на многие текущие явления, на которые я реагировал бы совсем иначе в других, более уравновешенных условиях. И чем исключительнее направлена и поляризована моя нервная система, тем более сужена

та сфера, которую определяется моя текущая деятельность, и тем обширнее область реальности, на которую я реагирую угнетенно и трансформированно — по сравнению с состоянием более или менее безразличного равновесия. Каждую минуту нашей деятельности огромные области живой и неповторимой реальности проскакивают мимо нас только потому, что доминанты наши направлены в другую сторону. В этом смысле наши доминанты стоят между нами и реальностью. Общий колорит, под которым рисуются нам мир и люди, в чрезвычайной степени определяется тем, каковы наши доминанты и каковы мы сами. Спокойному и очень уравновешенному кабинетному ученому, вполне удовлетворенному в своей изолированности, мир рисуется как спокойное гармоническое течение, или, еще лучше, как кристалл в его бесконечном покое, а люди, вероятно, надоедливими и несведущими хлопотунами, которые существуют для того только, чтобы нарушать этот вождельный покой. Делец, все равно — научный или биржевой, заранее видит в мире и истории всего лишь специально предоставленную среду для операций *sans gêne*, а людей разделяет в общем на умных, с которыми предстоит бороться, и на простачков, которыми предстоит пользоваться. Все это абстракции, предопределенные доминантами, и, как видите, все они более или менее ответственные. Ответственны они потому, что человеческая индивидуальность, если ее счастливым образом не поправит жизненное потрясение или всгрененное другое человеческое лицо, склонна впадать в весьма опасный круг: по своему поведению и своим доминантам строить себе абстрактную теорию, чтобы оправдать и подкрепить ею свои же доминанты и поведение. «Если бы на цветы да не морозы!..»

Доминанта всегда односторонняя, и тем более, чем более она выражена. Вот почему в истории науки столь типичное явление, что абстрактные теории периодически сменяют одна другую, возвращаясь опять к тем путям, которые были покинуты, казалось, навсегда. Чем более абстрактна руководящая точка зрения в данный момент, который мы переживаем, тем большие области конкретной реальности она перестает учитывать в их живом значении, и тем более данных для того, чтобы теперь же скрыто подготавливалась другая, может быть, прямо противоположная теоретическая установка, обреченная в своей абстрактности на ту же судьбу. Вспомним характерную периодику противоположных точек зрения в учении о животном электричестве или в воззрениях на природу растворов. Две противоположные абстракции соотносительны, и они вызывают одна другую.

Вот в таких периодических колебаниях доминанты можно было бы усматривать признак устойчивого равновесия в ее природе, а, стало быть, и применимость к ней принципа *Ле-Шателье*. Тогда, по примеру *Маха*, можно было бы сводить и развитие научной теории на принцип наименьшего действия. Но *Планк*, конечно, совершенно прав, когда говорил, что принцип наименьшего действия растекается здесь в неопределенность, ровно ничего предсказать не может, ибо всякая научная теория при некотором остроумии может быть объявлена *post factum*, как построенная на схеме наименьшего действия.

Учение о парабиозе дает нам ключ к пониманию обратимых переходов доминанты от возбуждения к торможению. Раздражитель, в данный момент приходящий, подкрепляет имеющееся возбуждение доминанты и сопряженное с нею торможение с тем, чтобы перевести их через кризис в состояние противоположное. С этой точки зрения раздражитель действует как катализатор, подкрепитель данного, но, вместе с тем, и как подготовитель обратного хода равновесной реакции.

Я не буду входить в большие детали, чтобы показать относительное разнообразие физиологических условий, при которых доминанты могут слагаться в нервной системе. Ограничусь несколькими сопоставлениями. Симптомкомплекс один и тот же, а конкретные условия чрезвычайно различны. Мы знаем, что и на лабораторном препарате условия, благоприятствующие суммированию, могут быть достаточно разнообразными. Гебфреник в состоянии глубокого нарушения нервно-соматической жизни, когда вы с ним заговорите, делает весьма однообразные бредовые заявления, все одно и то же. Мы можем догадываться: вероятно, здесь дело идет о том, что одна и та же центральная группа реагирует в особенности, а прочие реакции угнетены. Это связано здесь, наверно, с чрезвычайно малой лабильностью доминирующего фокуса, который достаточно возбудим, но уже стоит на пути к парабиозу. Мы застаем здесь доминирующий центр в том состоянии малой функциональной подвижности, когда, по *Введенскому*, должно ожидать именно в этом центре облегченного суммирования возбуждений.

Теперь другой, гораздо более сложный пример: какой-нибудь замкнутый в себе поэт, ученый или мыслитель того склада, который *Кречмер* удачно обозначил словом «аутизм», замкнутый субъект, с упором внимания на самого себя, склонный уже с самого начала изолироваться от среды, поменьше с ней соприкасаться, и в этом смысле являющийся более или менее верным последователем принципа наименьшего действия в своем поведении, — он опять будет предопределен в своей деятельности и творчестве. Из биографий талантливых аутистов так много примеров назойливого повторения одного и того же *modus operandi*, одной и той же, иногда очень сложной комедии, которую они повторяют, мучительно для самих себя, лишь бы торжествовала основная аутистическая тенденция, тогда как встречная историческая среда неистощима в своем изобилии и новизне. Опять одна же стационарная, монотонно господствующая установка, — гнездо, вокруг которого группируется вся остальная деятельность, поведение и творчество.

Ученый схоластического склада, который никак не может вырваться из однажды навязанных ему теорий, к стати и нех стати будет совать свою излюбленную точку зрения и исказить ею живые факты в их конкретном значении. Новые факты и люди уже не говорят ему ничего нового. Он оглушен собственной теорией. Известная бедность мысли, ее неподвижность, связанная с пристрастием к тому, чтобы как-нибудь не поколебались однажды уловленные руководящие

определения,—однажды избранные координатные оси, на которых откладывается реальность,—какой это типический пример в среде профессиональных ученых!

Вы видите, для будущего здесь громадное поле, чтобы раздифференцировать доминанты по конкретным условиям их возникновения. В случае аутиста и схоласта конкретные условия далеки от той носительной простоты, которую можно предполагать в случае гебефреника. Корни надо искать в общей конституции и в пережитой истории каждого конкретного лица.

Наиболее изобилующий жизнью тип,—это человек, открытый своим вниманием к текущей реальности, заранее готовый принять действительность, какова она есть, увлеченный искатель истины, который не цепляется за первоначально избранные координатные оси, понимая их относительность, и до конца, до последнего момента, не останавливается на тех положениях, на которых, казалось бы, с экономической стороны можно было бы уже успокоиться, а идет все дальше и дальше, назойливо учитывая недооцененные детали, с готовностью ради этих деталей, может быть, радикально изменить свой первоначальный путь. Вот опять доминанта, хотелось бы сказать,—доминанта юности, в которой еще нет ничего, подвергнувшегося склерозу и омертвлению, а жизнь широка и целиком открыта к тому, что впереди.

Итак, доминанты могут быть чрезвычайно различны и по конкретным условиям возникновения и по окончательным векторам. Достижения, которые они приносят, тоже могут быть чрезвычайно различны по своей ценности и по богатству результатов. Это и маховые колеса нашей машины; помогающие сцепить и организовать опыт в единое целое, но это же и навязчивая идея, предрассудок поведения. Один и тот же фактор дробит стекло, кует булат. Здесь все зависит от *относительной* величины возбудимости центров и от *относительной* способности их суммировать возбуждение. Если жизнь сильного и одаренного человека характеризуется высокодеятельной и подвижной доминантностью, то ведь и неподвижная «*idée fixe*» склеротического старика—тоже доминанта, и бредовое гнездо гебефреника—тоже доминанта. Доминанта, как общая формула, еще ничего не обещает. Нужно знать ее содержание и конкретные условия ее возникновения. Как общая формула, доминанта говорит лишь то, что и из самых умных вещей глупец извлечет повод для продолжения глупостей, и из самых неблагоприятных условий умный извлечет умное.

Человек склонен к тому, чтобы из своего поведения строить философию. Это для того, чтобы оправдать свое поведение себе самому и другим. Еще и гебефреник попытается, наверное, как-нибудь обосновать вая свой бред. Аутист и схоласт будет обосновывать свое поведение на тех или иных общих посылах. Трагизм человека в том, что у него нет никакого портативного, удобного и сподручного «критерия истины», *кроме реальной проверки своих ожиданий в прямом столкновении с конкретной действительностью*. Каждый из нас с вами в своих исканиях всегда—носитель проб, проектов, попыток, ожиданий, более или менее далеко уходящих в пространстве

и времени, но всегда мы остаемся при этом в положении экспериментатора, пробующего, так ли это в действительности, как он проектировал. Может быть, вы усмотрите трагизм именно в том, что подлинный в своей показательности критерий истины приходит слишком поздно тогда, когда мы чувствуем уже на своей коже, в самый последний момент, ошибочность первоначального пути: то, что мы издали принимали за плачущего ребенка, оказывается вблизи тоскующим крокодилом.

Тот путь, на котором мы строили свои проекты и предвидения, так часто оказывается в конце не таким, каким мы его предполагали. Если мы вспомним, что у более сильных из нас глубина хронотопа может быть чрезвычайно обширной, районы проектирования во времени чрезвычайно длинными, то вы поймете, как велики могут быть именно у большого человека ошибки. В сущности говоря, во всех случаях перед нами такое же положение, как и у экспериментатора в лаборатории, только несравненно более ответственное. Экспериментатор строит проект, ставит вопрос природе—так или не так, и природа в довольно скором времени ему отвечает, соответствуют ли вещам строившиеся предположения. Но вот в чем действительный трагизм: как раз в наиболее дорогих наших проектах и предположениях, которые определяют самое важное и драгоценное, фактическая проверка доминанты и векторов нашего поведения отставлена от нас далеко, и нам приходится исключительно на свой риск и ответственность брать то, что для нас дороже всего.

Таково положение, ничего с этим не поделаешь. Впрочем, может быть, здесь и хорошая сторона, ибо, опять-таки, если бы человек успокоился, хотя бы в далеком будущем, то, вероятно, с этого момента последовали бы все отрицательные последствия физиологического покоя, т.е. прекратилось бы развитие, прекратилось бы движение вперед. С этой стороны идеальный пункт покоя и совершенного удовлетворения остается и здесь только фикцией. У нас *нет решительно никаких оснований к тому, чтобы думать, что реальность и истина станут когда-нибудь подушкой для успокоения*. Подушкой для успокоения норвит быть каждая из теорий, но благодетельное столкновение с реальностью опять и опять будит засыпающую жизнь. Наша организация принципиально рассчитана на постоянное движение, на динамику, на постоянные пробы и построение проектов, а также на постоянную проверку, разочарование и ошибки. И с этой точки зрения можно сказать, что ошибка составляет вполне нормальное место, именно, в высшей нервной деятельности. «Волков бояться, в лес не ходить».

Напоследок я остановлюсь с тем, чтобы опять вернуться к мотивам, идущим из нашей лаборатории, на следующем. Я сказал вначале, что для нашей лаборатории процесс возбуждения самым интимным и непосредственным образом связан с процессом торможения, т.е. один, и тот же рефлекс, протекающий на наших глазах при тех же раздражениях, только несколько учащенных или усиленных, а также при изменившихся условиях лабильности в центрах, может

перейти в явления тормоза в этих же самых центрах. Это то, что носит название физиологического пессимума, исходя из которого покойный *Введенский* развивал теорию парабиоза. С этой точки зрения нужно ожидать, что возбуждение в доминантном очаге, перешагнув через известный максимум, тем самым предопределено перейти в свою противоположность, т. е. затормозиться. Значит, если вы хотите поддерживать определенный вектор поведения, определенную деятельность на одной и той же степени, вы должны все время в высшей степени тонко учитывать изменяющуюся конъюнктуру в раздражителях и в центрах, степень возбудимости доминирующего центра, отношение ее к возбудимости соседних центров, отсюда возможность или невозможность выявления доминантных очагов и, соответственно с этим, рассчитывать частоты и силы тех раздражений, которые продолжают вноситься в центры. Если вы хотите поддерживать один и тот же вектор на одной и той же высоте, нужно все время, а бы выразился, *воспитывать данную доминанту, тщательным образом обихаживать ее*, следить за тем, чтобы она не перевозбуждалась, не перешагнула известной величины, а все время соответствовала бы текущим условиям в центрах, с одной стороны, и в окружающей обстановке—с другой.

И, опять-таки, позвольте вернуться здесь на минуту к большому вопросу. Нужно ли было бы говорить о воспитании и обихаживании доминант, если бы поведение совершалось с самого начала и обязательно по принципу наименьшего действия, если бы все в нашем поведении так просто и гладко шло? Нужно ли было бы, если бы все сводилось к наличным инстинктам, как к норме, еще взывать к принципу наименьшего действия? Ведь он был бы дан уже заранее. Раз мы видим, как бережно приходится обихаживать текущие векторы поведения, как малейшая неосторожность, уже незначительное усиление тех же факторов, которые до сих пор их поддерживали, могут их сорвать, то ясное дело, что в вопросе об организации поведения дело не может ограничиться принятием того, что идет само собою, но требуется вмешательство принуждения, дисциплины, нарочитой установки на переделку своего поведения и себя самого. Данное ожидает от нас не пассивного принятия, но ревнивого искания того, что должно быть. *Мы—не наблюдатели, а участники бытия*. Наше поведение—труд.

Я думаю, с своей стороны, что одна из самых трудных, на первый взгляд, пожалуй, и недостижимых в чистом виде доминант, которые нам придется воспитать в себе, заключается в том, чтобы уметь подходить к встречным людям по возможности без абстракции, по возможности уметь слышать каждого человека, взять его во всей его конкретности независимо от своих теорий, предубеждений и предвзятостей. Нужно встать однажды на этот путь, поставить его решительно своей задачей, я бы теперь сказал, переклеститься на эту определенную доминанту, а затем неуклонно воспитывать ее в себе, чтобы это пошло хоть в отдаленном будущем сравнительно гладко и легко; это совершенно необходимая грядущая задача человечества,

в этом нельзя сомневаться. Человек ежечасно стоит на рубеже между своей теоретической абстракцией и вновь притекающей реальностью,—реальностью природы—во-первых, реальными человеческими лицами—во-вторых. Так вот,—уметь не задерживаться на своей абстракции и во всякое время быть готовым предпочесть ей живую реальность, уметь конкретно подойти к каждому отдельному человеку, уметь войти в его скорлупу, зажечь его жизнью, понять его точки отправления, которые его определяют, понять его доминанты, встать на его точку зрения—вот задача. Я думаю, что настоящее счастье человечества, если говорить вообще о счастье (счастье, в сущности говоря, у нас скверное слово; оно говорит тоже о каком-то наименьшем действии, о покое, о каком-то уюте, не знаю еще о чем), как о грядущем состоянии, как о чем-то, к чему стоит стремиться коллективно и всеми нашими слагающими, то, конечно, оно будет возможно в самом деле только после того, как будущий человек сможет воспитать в себе эту способность переклестения в жизнь другого человека, способность понимания ближайшего встречного человека, как конкретного, ничем не заменимого в природе, самобытного существа, одним словом, когда воспитается в каждом из нас доминанта *на лицо другого*. Скажут, что пока это только мечта. Ну, пускай мечта будет все-таки поставлена. Человек очень сильное существо: если он начинает серьезно мечтать, то это значит, что рано или поздно мечта сбудется. Только там, где ставится доминанта на лицо другого, как на самое дорогое для человека, впервые преодолевается проклятие индивидуалистического отношения к жизни, индивидуалистического миропонимания, индивидуалистической науки. Ибо ведь только в меру того, насколько каждый из нас преодолевает самого себя и свой индивидуализм, самоупор на себя, ему открывается лицо другого. И с этого момента, как открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили, как о лице.

Проф. А. Ухтомский.

Помещая интересный доклад о «доминанте», редакция, однако, считает своим долгом отметить, что учение о «доминанте» находится еще в эмбриональной стадии своего развития и нуждается в целом ряде методологических ограждений, способных удержать его от вторжения в такие области, в которых изучение проблем сознания, мышления, суждения и воли связано с познанием влияния социальной компоненты человеческого бытия, а не только со вскрытием законов голого физиологического порядка, будь то общие закономерности явления раздражения или специальные законы физиологии возбуждения и торможения, или даже их совокупности. Некоторые заключения А. Ухтомского представляются нам наивно-идеалистическими увлечениями специалиста, отождествляющего свою лабораторию со вселенной. Этим объясняется ряд слабо обоснованных и рискованных тезисов автора. Таков, например (не говоря уже о тезисах вроде «Человек очень емкое существо: если он начинает серьезно мечтать, то это значит, что рано или поздно мечта сбудется»), формулируемый

Ухтомским абстрактный принцип необходимости «воспитания в каждом из нас доминанты на лицо другого», в своей абстрактности вполне совместимый как с любой буржуазной философией лицемерного альтруизма, так и с любой практикой господствующей буржуазной морали. В эпоху, когда наука обладает столь мощным орудием познания, каким является теория классовой борьбы как двигателя общественного прогресса, выдвигать абстрактные факторы развития, взятые к тому же из узкой специальной области науки для объяснения закономерностей качественно совершенно иного порядка или же превращать эти факторы в обязательные элементы нашего нормативного сознания, иными словами,—в нормы нашего сознательного поведения—значит идти не вперед, а назад, назад, к домарксовской и досенсимоновской эпохе. Подобные поспешные обобщения талантливого, но увлекающегося ученого вредят и самой психофизиологии, в частности учению о «доминанте». В самом деле, неискушенный в марксистском мышлении читатель, пожалуй, подумает, что распространение учения о «доминанте» на этику и общественную жизнь вытекает из существа теории, диктуется последовательностью мышления. На самом деле это не так.

Приветствуя учение о «доминанте», как крупный шаг вперед в материалистическом изучении невродинамических процессов, мы в то же время должны напомнить проф. Ухтомскому, что даже в физиологии нервной системы и в психологии учение о «доминанте» охватывает далеко не все, а потому—не противореча развивающимся в последнее время новым направлениям вроде рефлексологии (Павлова), Behaviourism'a (Watson'a), Gestalttheorie (Wertheimer'a, Köhler'a; Drexler'a и др.), ионной теории возбуждения (Лазарева) и т. д.—оно не должно быть рассматриваемо, как универсальное психологическое или физиологическое учение.

Марксистски мыслящий читатель, надеемся, сумеет разобраться в том, что в печатаемом докладе, способствует развитию диалектического материализма и что им должно быть отвергнуто. Так, например, читая фразу вроде «Общий колорит, под которым рисуются нам мир и люди, в чрезвычайной степени определяется тем, каковы наши доминанты и каковы мы сами» — материалист невольно восклицает: Превосходно. Но ведь с точки зрения *будущего* человечества (ибо у проф. Ухтомского речь идет о *директивах* для поведения) ударение нужно ставить не на слове «доминанты», а на слове «каковы». На вопрос же, *каковы* наши доминанты, *каковы* мы сами—коль скоро мы говорим о содержании нашего сознания и мирозерцания—ответить нам должен не невролог, а социолог, вскрывающий при помощи изучения идеологии данной социальной среды в переплете ее прошлых, настоящих и предвидимых будущих факторов определяющую человеческие стремления силу. Для того, чтобы плодотворное учение о «доминанте» не превратилось в игру новыми научными терминами, как это еще недавно имело место с Рихардом Авенариусом и Рихардом Семоном, а вошло бы в учение об объективных закономерностях психологии в качестве составной части ее основного капитала, для этого необходимо, чтобы сторонники этого направления больше прониклись духом диалектического материализма, который в нашу эпоху вступает во все более решительную борьбу со всем метафизически-закостенелым и вульгарно-ограниченным.

Редакция

ВОИНСТВУЮЩИЙ ИДЕАЛИЗМ НА ФРОНТЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Новая книга Б. Эйхенбаума «Литература» (изд. «Прибой», 1927 г.) несомненно заслуживает внимания. В книгу вошли статьи автора за все годы революции (в том числе четыре статьи, появляющиеся впервые). Сам автор в предисловии говорит: «Для меня этот сборник имеет значение «итогов» (стр. 3). Каковы же эти *итоги* деятельности одного из вождей формальной школы в литературоведении? Этот вопрос тем более уместен, что сами формалисты ни на йоту не умерили своих дерзновений и попрежнему претендуют на *монополию в области литературной науки*. И в книге Эйхенбаума эта претензия сформулирована достаточно ярко: «Главная моя задача—показать, как формальный метод, постепенно эволюционируя и расширяя область изучения, совершенно выходит за пределы того, что обычно называется методологией, и превращается в особую науку о литературе, как о специфическом ряде фактов» (стр. 117). Итак, формализм—это *особая наука о литературе*, как о специфическом ряде фактов. Запомним это.

Но у творца этой науки на душе не спокойно. Он отмечает в предисловии «тревогу» и в раздумьи вопрошает: «Надо начинать новое десятилетие. Многое отшумело, многое изменилось. Назревает новая встреча поколений—какова-то она будет» (стр. 3). Тревога Эйхенбаума более чем основательна, только дело не во встрече поколений, а во встрече *классов*.

* * *

Эйхенбаум сознает, что острая полемика марксистов с формалистами вызвана не разногласиями в *частных* вопросах технической методологии, а резкой *противоположностью* взглядов по *основным* вопросам литературоведения (да и не только литературоведения). «Формальный метод,—пишет вождь формализма,—обратил на себя общее внимание и стал одним из злободневных вопросов, конечно, не по своим частным методологическим особенностям, а по своему принципиальному отношению к вопросу о понимании и изучении искусства» (стр. 118). Эйхенбаум видит заслугу формализма в «раскрепощении поэтического слова от оков философских и религиозных тенденций, все более и более овладевающих символистами» (стр. 120). Если бы речь шла действительно о «раскрепощении» литературы от мистических философствований Андрея Белого и Вячеслава Иванова, и только об этом, формалистов можно было бы лишь приветствовать. Но ведь борьба с *символистской* идейностью явилась для формалистов лишь частью борьбы с идейностью искусства *вообще*. Формалисты

ополчились на символистские теории искусства не потому, что эти теории превращали поэзию в специфический рупор для идеалистической и реакционной философии, а потому, что эти теории все же отказывались видеть, в искусстве самоцельную игру приемов. «Разрыв,—воскликает Эйхенбаум,—с философской эстетикой и с идеологическими теориями искусства диктовался самым положением вещей» (там же). Итак, не просто разрыв с эстетической теорией символистов, а разрыв с *«идеологическими» теориями искусства вообще*. Таков важнейший признак формализма, по компетентному свидетельству Эйхенбаума.

Первый принципиальный вопрос, являющийся исходной точкой всяких научных исследований, это—вопрос о *понимании предмета* данной науки, о понимании *объекта* изучения. Каково формалистское понимание предмета истории литературы? Как рассматривают формалисты литературный факт? Послушаем Эйхенбаума: «Понятие формы постепенно начинало совпадать для нас с понятием литературы, как таковой,—с понятием литературного факта» (стр. 129). В другом месте Эйхенбаум заявляет, что «стиховая форма» «понимается как подлинное содержание стиховой речи» (стр. 138). В полном соответствии с этими положениями находится и другое утверждение нашего теоретика: «Душа художника, как человека, переживающего те или другие настроения, всегда остается и должна оставаться за пределами его сознания. Художественное произведение есть всегда нечто сделанное, оформленное, придуманное—не только искусное, но и искусственное в хорошем смысле этого слова; и потому в нем нет и не может быть места отражению душевной эмпирики» (стр. 161). Если бы Эйхенбаум здесь говорил, что нельзя принимать каждое *логическое* высказывание в произведении за изложение подлинных мыслей и чувств автора, он был бы конечно, прав. Но не о том здесь речь! Эйхенбаум опровергает здесь ту беспорную мысль, что в художественном произведении выражается социально-детерминированное миропонимание и мировосприятие художника. Совершенно ясно, что это утверждение Эйхенбаума неразрывно связано с его *пониманием литературы, как чистой формы*. Не менее ясно, что это утверждение находится в *непримиримом противоречии* с положениями Плеханова о том, что всякое поэтическое произведение всегда выражает какие-нибудь идеи, и с мыслью Луначарского, что искусство есть пропаганда мироучувствования художника особо-выразительными средствами.

На ряду с вопросом о понимании природы объекта, центральной проблемой всякой науки является вопрос о *законах развития* данного ряда. Что думают формалисты о законах литературного развития? Возвращения их по данному вопросу вполне соответствуют их взгляду на литературу, как на чистую форму. Эйхенбаум видит в литературной эволюции *диалектическое самосоздание новых форм* и утверждает *самостоятельность литературной эволюции* (стр. 146).

«Эволюцию литературы,—пишет он далее,—мы изучаем в той мере, в какой она носит специфический характер, и в тех границах, в которых она представляется самостоятельной, не зависящей непосредственно от других рядов культуры. Иначе говоря, мы ограничиваем число факторов, чтобы не расплываться в бесконечном количестве неопределенных «связей» и «соответствий», которыми эволюция литературы, как таковой, все равно не уясняется» (стр. 145). Формулировка эта достаточно дипломатична, ниже мы встретимся с несравненно более откровенной формулировкой. Но и здесь весьма недвусмысленно сказано,

что «связи» и «соответствия» с внелитературной средой *«все равно не уясняют»* эволюции литературы, как таковой.

Таковы *основные принципы формализма* в изложении крупнейшего представителя этой модной и крикливой школы: литература есть чистая форма, литературная эволюция является процессом самообновления форм, независимым от внелитературных факторов.

* * *

Посмотрим теперь, как применяет Эйхенбаум эти принципы на практике. В статье «Путь Пушкина к прозе» Эйхенбаум останавливается на литературной «революции», произведенной Пушкиным. Критик начинает с яркой и правильной характеристики классицизма XVIII века: «Для повествования время еще не наступило—царит «витийственный» стиль, декламация господствует над сказом. Основной принцип композиции—красноречие, элоквиция. Преобладают монументальные формы, которые образуются движением больших словесных масс. Язык интимных эмоций, оттенки разговорного синтаксиса, игра мелкими смысловыми узорами—все это еще не существует. Перед нами—крупные формы «высокого» стиля, в котором фраза есть лишь элемент сложного, многоголосного контрапункта» (стр. 5). Далее Эйхенбаум переходит к характеристике пушкинской «революции»: «Разговорная речь постепенно начинает просачиваться в поэзию. Монументальные формы расшатываются. Является потребность выйти за пределы замкнутого в себе «славянорусского» языка. Сатира и басня вступают в соперничество с одой. Приближается момент образования интимной лирики. Поэтический язык определяется, как сочетание книжного «славянорусского» диалекта, созданного специально для поэзии, с «простонародным наречием» (там же). Все это описано чрезвычайно верно и близко к действительности. Задача историка, однако, *не только описать факты, но и объяснить их, вскрыть их внутреннюю закономерность и причинную обусловленность*. Мало констатировать факт появления потребности «выйти за пределы» классицизма. Надо еще выяснить, *откуда* взялась такая потребность. Между тем Эйхенбаум не только не отвечает на этот вопрос, но даже и *не ставит* его.

Нужно ли доказывать, что ответ на этот вопрос вполне возможен? Нужно было только задуматься над социальной природой классицизма. Еще Тэн в своих «Лекциях об искусстве» дал блестящий анализ классицизма, как искусства *приговорной аристократии*. Выводы Тэна, с соответствующими поправками и уточнениями, вполне применимы и к стилю русского классицизма, описанному Эйхенбаумом. Появление *буржуазной интеллигенции* из среды капитализирующегося или деклассирующегося дворянства с неизбежностью привело не только к декабристскому восстанию против крепостнической монархии, но и к пушкинскому бунту против классицизма. *Только* в этом свете понятны *содержание, характер и пути* пушкинской литературной «революции». Но это—единственно научное—объяснение *недоступно* Эйхенбауму, сводящему литературу к форме и утверждающему полную автономию саморазвития форм. Так, ошибочная методология превращает историка Эйхенбаума в *летописца*, регистрирующего отдельные подмеченные факты, но бессильного объяснить их.

Не менее характерна статья Эйхенбаума «Лев Толстой». Эйхенбаум касается вопроса о знаменитом *переломе*, произошедшем во взглядах и творчестве Толстого в 70-х годах: «Если ставить вопрос телеологически, то можно

утверждать, что история требовала от Толстого, как от художника этой эпохи ответа на эти вопросы,—на ином пути ему не могло быть спасения, или он должен был свернуть с большой исторической дороги, по которой все время шел, на узкую тропинку отжившего эстетического индивидуализма и укрыться от своей судьбы. Наивно было, как делал Тургенев, призывать Толстого к чистому искусству. Спасти свое творчество Толстой мог, только пронося его через «Исповедь» (стр. 64). И здесь Эйхенбаум ограничивается фиксированием фактов и не утруждает себя даже постановкой сакраментального для формализма и неизбежного в науке вопроса: «почему»? В самом деле, *почему* «эстетический индивидуализм» вдруг оказался «отжившим»? *Почему* «большая историческая дорога» пролегла *не там*, где она проходила во времена Тургенева? *Каким образом* тургеневская «большая историческая дорога» превратилась в «узкую тропинку»? Эйхенбаум на это не отвечает и ответить не в состоянии по той простой причине, что для ответа на все эти вопросы необходимо выйти за пределы литературного ряда и святотатственно посягнуть на автономность литературной эволюции. Превращение литературного пути «Дворянского гнезда» и «Войны и мира» из «большой исторической дороги» в «узкую тропинку отжившего эстетического индивидуализма»,—этот литературный сдвиг может быть объяснен *только* социологически. Сдвиг этот понятен лишь как функция *классовой* передвижки, функция отхода дворянства на узкую тропинку и выхода мелкобуржуазной демократии на большую историческую дорогу. И, может быть, гениальные мысли Ленина о приближении Толстого к точке зрения крестьянства лучше всего способны объяснить, почему закат дворянской литературы *не стал* закатом толстовского творчества.

Это бессилие Эйхенбаума объяснить подмеченные им факты, эта неспособность выявить подлинную закономерность литературной эволюции весьма наглядны в статье «Некрасов». В этой статье имеются отдельные формулировки, чрезвычайно *верные* и подводящие вплотную к правильным ответам на методологические вопросы. Такова очень неплохая формулировка проблемы свободы художественного творчества: «Свобода индивидуальности проявляется не в отъединенности от исторических законов, а в умении их осуществить—в умении быть актуальным, слышать голос истории. Индивидуальность и исторический закон—понятия, не противоположные и не исключающие друг друга. Творчество (а индивидуальность есть понятие творческой личности) вообще, есть акт осознания себя в потоке истории—оно ответственно» (стр. 79). Надо лишь уточнить эту формулировку, марксистски расшифровав слова «исторический закон»,—и всё в порядке. Но такое уточнение—за пределами возможностей Эйхенбаума. Наш теоретик *приближается* к истине с тем, чтобы, *не достигнув* ее, отскочить *еще дальше* назад. Как в статьях о Пушкине и Толстом, Эйхенбаум и в статье о Некрасове останавливается на возникшей в разбираемую эпоху потребности в обновлении литературных форм. «Надо было,—заявляет он,—искать новых приемов, новых методов и в области стиха, и в области жанра. Надо было создавать новый поэтический язык и новые поэтические формы, потому что искусство живо восприятием, а Тобальды и Вероники (баллада «Ворон») уже не ощущались» (стр. 81). «Необходимо было,—пишет наш критик в другом месте,—произвести сдвиг—и так, чтобы он ощущался как ликвидация высокой, «священной» поэзии» (стр. 83). Все это совершенно верно, но и здесь простого констатирования фактов *мало*, и здесь не лишне было бы объяснение. Эйхенбаум

делает шаг к этому объяснению, заявляя: «Некрасов, как Беранже, понимал, что в этот момент голос толпы, а не «избранных», был голосом истории» (стр. 81). Еще шаг—и загадка разгадана: надо только выяснить, *почему* в данный момент голосом истории стал голос толпы. Тут можно было бы опереться на замечательную статью Плеханова о Некрасове, выяснившую *классовое* содержание некрасовской поэзии. Но... тут вступает в свои права воистинствующий идеализм. Он берет Эйхенбаума за руку и выводит его такие бесподобные строки: «Искусство живет на основе сплетения и противопоставления своих традиций, развивая и видоизменяя их по принципам контраста, пародирования, смещения, сдвига. Никакой причинной связи ни с «жизнью», ни с «темпераментом» или «психологией» оно не имеет» (стр. 94). Ясно и определенно!

Читатель видит, что эта формулировка еще решительнее и категоричнее, чем приведенные выше. *Методологическое credo* вождя формалистов дано здесь с наибольшей обнаженностью. Требовать от критика, исповедующего подобные взгляды, выявления закономерности поэзии Некрасова—все равно, что требовать от глухого анализа музыкальной симфонии. Стиль пушкинской школы «перестал ощущаться», потому что... перестал ощущаться. Потребовалась некрасовская реформа, потому что... потребовалась реформа. Так выглядит закономерность литературного развития в «автономном» истолковании формалиста. Методологические пороки Эйхенбаума сказываются и на частных его выводах. «Совершенно естественно,—пишет Эйхенбаум,—что при своем полемическом отношении к канонизованным в литературе жанрам и стиховым формам Некрасов должен был обратиться к фольклору. Это—неизменный источник обновления художественных форм при крутых переломах в искусстве, при борьбе с канонами» (стр. 106). Построение, очень характерное для Эйхенбаума: Некрасов обратился к фольклору, потому что фольклор—вообще «неизменный источник» обновления форм. Но вот, например, не так давно произошел «крутой перелом в искусстве»,—разразилась «борьба с канонами». Я говорю о литературном перевороте, совершенном в 90-х годах *символистами*. Как будто Брюсов, Бальмонт, Сологуб, Мережковский, разрушая «каноны» народнической поэзии, *и не думали* прибегать к «неизменному источнику обновления художественных форм»—фольклору? Как будто пионеры символизма обратились к совсем другим источникам обновления—к поэзии французских символистов и к «младшей ветви» предшествующей русской поэзии (Тютчев, Фет)? И, наоборот, «восстание» акмеистов против символизма имело сильную фольклорную окраску (Городецкий, частушки у Ахматовой). Сильна была фольклорная струя и в литературной «революции» Пушкина. В чем же здесь дело? В том, что к фольклору поэты обычно обращаются *в эпоху расцвета националистических или народнических идей и настроений* (расцвет этот, конечно, в свою очередь обуславливается классовыми отношениями). Пушкинский интерес к фольклору не отделим от пушкинского буржуазно-революционного патриотизма. Фольклорный уклон некоторых акмеистов, по всей вероятности, находится в связи с формированием великодержавнической идеологии среди деревуляционизировавшейся интеллигенции третьеиюньской России. Совершенно очевидно, что обращение Некрасова к фольклору *неразрывно связано с его народнической идеологией, с его крестьянской тематикой*. Словом, фольклор—вовсе *не неизменный источник* обновления форм. К нему обращаются *тогда, когда этого требует социально-обусловленное содержание литературы*.

Перл эйхенбаумовской критики—его статья «О. Генри и теория новеллы». Эйхенбаум затрагивает вопрос о преобладании у Генри благополучных развязок и о соответствующей трансформации под пером Генри жизненных фактов, лежащих в основе некоторых рассказов американского беллетриста. «Благополучные концы,—пишет наш формалист,—у Генри... вовсе не вынужденный ответ на «заказ» американской публики, как об этом принято говорить, а естественное следствие принципа неожиданной развязки, несовместимого в сюжетной новелле с детальной мотивировкой» (стр. 201). «Законы новеллы,—утверждает Эйхенбаум в другом месте,—заставляли его (Генри. Г. Л.) не раз искажать действительность, делая, например, великодушным не себя, а сыщика, потому что иначе пришлось бы кончить гибелью героя» (стр. 169). Здесь решительно все *поставлено с ног на голову*. С легкостью в мыслях необыкновенной формалистский исследователь подошел к одной из самых показательных социально-психологических драм нашего века.

Сам Эйхенбаум говорит о «Генри-пародисте, почти отравленном своим литературным сознанием, острой своего ума, иронией своего отношения к читателю и даже к самому ремеслу беллетриста» (стр. 202). *Отравленный!*—возьмем это на заметку. Несколькими страницами далее Эйхенбаум сообщает, что Генри считал свои комические новеллы «баловством», «пробой пера», что «настоящим рассказом» он считал нечто иное—«рассказ без жаргона, простой по своему плану драматический рассказ» (стр. 208). Трагедия Генри—в том, что его имя навсегда связано с жанром, которому он сам *не придавал* серьезного значения. Эта трагедия имела глубокие социальные корни. В. Сольский («На литературном посту», № 7 за 1927 г.) в общем правильно охарактеризовал сущность этой трагедии. Раздавленный жизненными невзгодами, Генри сдался, сложил оружие перед капиталистическим строем. Генри горько говорил своему приятелю, «что правда в литературе не нужна: она, литература, должна развлекать читателя и на ряду с этим быть доходным делом для писателя» (Сольский, стр. 43). «Я не хочу бороться,—говорил американский писатель,—я хочу писать и развлекать людей, я хочу жить» (там же). О. Генри—человек и художник с *большим общественным темпераментом, сложенный чудовищной машиной капитализма и искалечивший себя, развлекая мещанство*. Роль потешника сытого стада причиняла Генри невероятные страдания. В угоду этому стаду писатель насиловал жизненные отношения. В угоду этому стаду писатель фабриковал без конца трюковые новеллы. В угоду этому стаду писатель душил бурлящий в нем протест и не брался за «настоящие рассказы», за вещи большого социального значения. Трагедия Генри-писателя—одна из основных причин гибели Генри-человека. Эта трагедия издательски *принижена* и безнадежно *затемнена* формалистским теоретиком, сведшим все дело к метафизическим, фетишизированным «законам новеллы». Чего ни касается рука формалиста, все превращается в бесцельное фокусничество!

Такова формалистская практика. Сведение литературы к чистой форме и провозглашение полной автономности эволюции форм лишают Эйхенбаума возможности вскрывать подлинную закономерность литературного развития. Отрывочное описание разрозненных фактов—*самое большее*, что может дать вождь формалистов. Он сам обычно *уклоняется* от объяснений описываемых фактов. Когда же он берется за такое объяснение, он принижает и выхолащивает разбираемые явления.

Но Эйхенбаум—не только историк литературы. Он—также *критик современной литературы*. Познакомимся с Эйхенбаумом в критическом амплуа. В речи «Судьба Блока» наш формалист пытается установить сущность драмы Блока: «Когда художник говорит об «обязанности», он изменяет искусству. А искусство этого не прощает. И Блоку не удалось спастись—наступило возмездие» (стр. 274). В этих строках Эйхенбаум проявляет предельную неспособность понять трагедию Блока и повторяет обычную *антиреволюционную клевету* людей, воспринявших «Двенадцать» как «измену» и «падение» Блока. Блок погиб не потому, что заговорил о революционном долге художника. Если бы он не пришел к осознанию этого долга («обязанности»), он духовно и художественно умер бы сейчас же после Октября, подобно Ходасевичу, Сологубу, Гиппиусу и др. Именно осознание этого долга позволило Блоку *подняться* на головокружительную высоту «Двенадцати». И «возмездие» наступило *не оттого*, что Блок заговорил об «обязанности», а оттого, что у поэта *не хватило сил творчески перековать всю свою психику в соответствии с этой «обязанностью»*. Критик Эйхенбаум еще бесцеремоннее обошелся с драмой Блока, чем историк Эйхенбаум—с трагедией Генри. Критик Эйхенбаум в оценке «Судьбы Блока» вполне сошелся с внутренними Чуковскими и зарубежными Айхенвальдами.

Критик, владеющий научным методом, обязан не только правильно характеризовать и расценивать факты литературного сегодня, но и верно улавливать тенденции *дальнейшего* литературного развития. Посмотрим, на какие прогнозы способен наш формалист. В 1925 г. в статье «Лесков и современная проза» Эйхенбаум предсказывал: «Захватившая современную повествовательную прозу тяга к сказу свидетельствует о неудовлетворенности традиционной литературной речью. Поэтому менее всего в ближайшее время можно ожидать развития романа» (стр. 223). Ай да пророк! Каковы характернейшие произведения как раз последних двух лет? «Гиперболюид инженера Гарина» и «Хождение по мукам» А. Н. Толстого, «Чертухинский балакирь» С. Клычкова, «Степан Разин» А. Чапыгина, «Города и годы» и «Братья» К. Федина, «Вор» Л. Леонова, «Колокола» И. Евдокимова, «Цемент» Ф. Гладкова, «Пятая любовь» М. Карпова, «У фонаря» Г. Никифорова и т. д.—*сплошь романы*. Таким образом, первая же попытка научного предвидения обнаружила, что астрономия Эйхенбаума—на деле беспомощная астрология. Корни этой ошибки совершенно очевидны: научное предвидение в области литературы немислимо, если исследователь отказывается выйти за пределы чисто-литературного ряда. Критики-марксисты в самом начале нэпа совершенно *правильно* наметили *предстоящее* развертывание в литературе больших эпических жанров. Это удалось им потому, что для них ясна *социологическая обусловленность* литературы.

* *

Как и всякая научная теория, формализм имеет свою *философскую* основу. В программной статье «Теория формального метода» Эйхенбаум провозглашает: «В своей научной работе мы ценим теорию только как рабочую гипотезу, при помощи которой обнаруживаются и осмысливаются факты, т.-е. осознаются как закономерные и становятся материалом для исследования. Поэтому мы не занимаемся определениями, которых так жаждут эпигоны, и не строим общих теорий, которые так любезны эклектикам. Мы устанавливаем конкретные принципы

и держимся их в той мере, в какой они оправдываются на материале. Если материал требует усложнения или изменения, мы их усложняем или изменяем. В этом смысле мы достаточно свободны от собственных теорий, как и должна быть свободна наука, поскольку есть разница между теорией и убеждением. Готовых наук нет—наука живет не установлением истин, а преодолением ошибок» (стр. 117). Это—заявление большого принципиального значения. Перед нами—законченный образец *релятивизма, выродившегося в агностицизм*.

Не в том дело, что Эйхенбаум готов изменить теорию, если этого требуют факты. Эта готовность *законна*. Дело в том, что, по Эйхенбауму, *наука не стремится к установлению объективных истин*, что она—только условная гипотеза для узкопрактических целей. Сознание относительности всякой истины приводит Эйхенбаума «к признанию одного лишь временного, ограниченного, условного и относительного предела, якобы не отражающего объективной реальности» (А. Деборин. Ленин, как мыслитель. 2-е изд., стр. 25). К приведенному положению вождя формалистов полностью применима следующая характеристика современной буржуазной науки: «Современной буржуазии выгоден «наплевизм», «эмпиризм», скептицизм. Поэтому мы видим во всех областях общественных и даже естественных наук со стороны буржуазных ученых и идеологов стремление довольствоваться «фактами», «деревьями», в ущерб теории, «лесу», «целому» (там же, стр. 64). Нет нужды доказывать, что тезис Эйхенбаума о невозможности и ненужности для науки устанавливать истины, о ненужности общих теорий,—что этот тезис резко враждебен марксизму. Вспомним классическую формулировку Ленина: «Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» («Материализм и эмпириокритицизм», Гиз, 1920 г., стр. 131). И точно так же, как формалисты исходят в своих построениях из принципов агностицизма, марксистское литературоведение базируется на философских положениях Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина. Изучение литературы, как чистой формы, и боязнь общих теорий у формалистов—*лишь частный случай* отмененной Марксом *плененности буржуазных ученых «миром внешней видимости»*. Но внешняя видимость, взятая отдельно от сущности, от закона, составляет то, что называют «несущественным»,—говорит Гегель (Деборин, стр. 66). Прием, взятый отдельно от сущности литературы, от подлинных законов литературного развития,—таков символ веры формалистов.

* И замечательно, что формализм *враждебно противостоит* не только марксизму, но и *научным традициям передовой буржуазной мысли прошлого*. Подобно тому, как современные буржуазные философы и ученые усильно пытаются назад и отрекаются от «наследства» французских материалистов XVIII века или Дарвина, и формалисты разрывают с лучшими достижениями буржуазной литературной науки: Эйхенбаум признает, что «взгляды формалистов на литературную эволюцию» определились «из столкновения» с общими воззрениями Веселовского» (стр. 130). Правильной формуле академика Веселовского: «новая форма является для того, чтобы выразить новое содержание», формалисты противопоставили свою формулу: «новая форма является не для того, чтобы выразить новое содержание, а для того, чтобы заменить старую форму, уже потерявшую

свою художественность» (там же). Нет никакой необходимости доказывать, что и научная ценность и общественная значимость *старой* формулы великого ученого несоизмеримо *выше* новейших ухищрений Шкловского и Эйхенбаума. И в области литературоведения наследниками лучших представителей буржуазной науки являются *пролетарские мыслители*, а не псевдо-ученые «загнивающего капитализма». Отречение формалистов от Веселовского и отречение эмигранта Айхенвальда от Салтыкова-Щедрина—факты одного и того же порядка.

Эйхенбаум не скрывает своей враждебности к марксизму. Специальная статья «В ожидании литературы» посвящена полемике с большинством представителей современной марксистской критики. Очень любопытны возражения против основ марксистского литературоведения, сделанные Эйхенбаумом в связи с книгой тов. Троцкого: «Ведь иногда остается даже неясным, как квалифицировать данное явление культуры—отвечающим социально-политическим потребностям момента или нет. Так не только в искусстве, но даже в науке. Троцкий сам указывает, что вопрос о том, примирима ли с материализмом теория относительности Эйнштейна или нет, не ясен и не решен, как и подобный же вопрос о психоаналитической теории Фрейда. Если так, то остается вопросом—плодотворно ли еще более сложные, по их связи с общественностью, факты искусства (ведь, кроме литературы, есть еще музыка, живопись, архитектура, балет) рассматривать с точки зрения их соответствия схемам социально-экономической теории?» (стр. 285). Агностицизм зло подшутил над Эйхенбаумом.

Что означают примеры с теорией относительности и с психоанализом? Только то, что марксизм *еще* не разрешил этих вопросов. Но разве когда-нибудь кто-нибудь из марксистов утверждал, что нами разрешены *все* вопросы? Агностик Эйхенбаум, видя сложность и, частью, неразработанность проблем социологии искусства, предлагает замкнуться в сфере описания внешних фактов. Марксист, пользуясь своим единственно научным методом, стремится постепенно преодолеть все трудности и решить не решенные еще вопросы. Невольно вспоминаются прекрасные слова Ленина: «Идя по пути Марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпываемая ее); идя же по *всякому другому пути*, мы не можем притти ни к чему, кроме путаницы и лжи» («Материализм и эмпириокритицизм», стр. 140).

* * *

«Материализм и эмпириокритицизм» Ленина замечателен, между прочим, тем, что эта книга вскрывает *классовую* сущность борющихся «партий» в философии. Но ведь и борьба «партий» в литературоведении *тоже* является своеобразным отражением *классовой борьбы*. Какова же классовая природа формализма?

Прежде всего бросается в глаза, что эйхенбаумовское положение об отсутствии какой бы то ни было причинной связи между жизнью и искусством, как две капли воды, похоже на дряхлую, заезжанную теорию *«искусства для искусства»*. Как известно, Плеханов давно и твердо доказал, что склонность к «искусству для искусства» появляется на почве *разлада с обществом*. Уже эти соображения наводят на мысль, что формализм является литературным знаменем какой-то социальной группы, интересы и устремления которой *находятся в противоречии* с интересами и устремлениями класса-гегемона революции—пролетариата.

В упоминавшейся статье «В ожидании литературы» Эйхенбаум пишет: «Русская литература долго имела своего верного читателя и поклонника—«русскую интеллигенцию». Этого читателя больше нет, потому что нет самой интеллигенции—по крайней мере в старом смысле этого слова. Как особый, самостоятельный слой, она была возможна только при той социальной неформальности, в которой жила старая Россия. Революция разрушила подобного рода иллюзии. Мы вторично «европеизировались». Вместо прежней интеллигенции, у нас теперь, как и на Западе, есть просто люди интеллигентных профессий—интеллигентные работники. Они уже не имеют особого, «интеллигентского облика, не чувствуют себя носителями миссионерского долга—они обедают, не решив и даже не решая вопроса о боге. Они просто специалисты—на большее и не претендуют» (стр. 278). Тут Эйхенбаум сказал много меткого и верного о той социальной прослойке, своеобразным выразителем которой он является. Та часть квалифицированной *спецовской интеллигенции*, которая не только не перешла на сторону пролетариата, но окончательно *разорвала* с социалистическими революционными традициями старого разночинца, *глубокобуржуазная* по своему внутреннему облику,—такова социальная база формализма. *Службизм*, отрицание идейных стимулов («они просто специалисты—на большее и не претендуют») — это их способ *защиты от попытки пролетариата превратить их в идейных участников пролетарской классовой борьбы и социалистического строительства*. Более смелые и политически-активные представители этого слоя «подымаются» до открытой формулировки своей политической программы. Таковы выступления профессоров Устрялова, Кондратьева и др., открыто призывающих к «мирному» сползанию в буржуазное болото. Их более пассивные собратья «тихо» работают «по специальности», выражая свои антипролетарские тенденции в теоретических выступлениях на «нейтральные» темы. Таковы литературоведческие упражнения формалистов. Выступает ли формализм в образе развязного анекдотчика Шкловского или в образе учено-подобного Эйхенбаума, классовая физиономия этого течения остается той же. Объективный социальный заказ, данный формализму, это—*защита от проникновения марксизма в литературоведение*, во-первых, и проведение «*независимости*» литературы от идеологии рабочего класса, во-вторых.

* * *

За последнее время принято говорить о сдвиге, происходящем якобы в среде формалистов. В доказательство ссылаются на то, что Эйхенбаум вышел за пределы литературного ряда и заговорил, что для объяснения некоторых фактов эволюции следует обратиться к изучению писательского быта. В этом склонны видеть чуть ли не поворот к социализму. Во-первых, усмотреть ключ к литературной эволюции в писательском быту, а не в общих социально-экономических отношениях, менее всего значит приблизиться к марксизму. Во-вторых, все говорит за то, что для Эйхенбаума его интерес к литературному быту вовсе не связан с какой-нибудь серьезной ревизией принципов. В той статье, в которой Эйхенбаум выдвинул проблему писательского быта («На литературном посту», № 9 за 1927 г.), мы читаем: «Историко-литературный факт представляет собой сложное образование, в котором основную роль играет сама «литературность», — элемент настолько специфический, что его изучение может быть

плодотворным только в плане собственно «эволюционном» («На лит. посту», стр. 51) Это говорит «новый» Эйхенбаум. Не ясно ли, что это—повторение старой теории полной автономности литературного развития? Замечу, между прочим, что и самая «новая» идея Эйхенбаума—необходимость изучения из числа внелитературных явлений *именно* писательского быта—очень характерна для общественного слоя, выдвинувшего Эйхенбаума: эта подмена общественного бытия бытом весьма типична для спецовской, «службистской» интеллигенции.

Каковы же *итоги* нашего рассмотрения программной книги вождя формалистов? Течение, представленное автором этой книги, вопреки претензиям его и его соратников, *менее всего* может претендовать на роль «науки о литературе». Эйхенбаум и его друзья *вытравливают* из литературы *ее сущность*, те ее свойства, которые делают искусство необходимым элементом человеческого общества. Эйхенбаум и его единомышленники бессильны постичь подлинную закономерность литературной эволюции. Все это обрекает их на разрозненное описание—иногда верно, иногда ошибочно—подмеченных внешних фактов, делая безнадежной всякую их попытку научного построения большого охвата и размаха. И—такова насмешка истории!—даже верно подмеченные формалистами отдельные факты приобретают исторический смысл и становятся понятными *лишь в отношении непримиримых врагов формализма—марксистов*. В философском отношении формализм—это *воинствующий идеализм, прикрывающийся защитным цветом агностицизма*. По своему классовому облику формализм—это литературная идеология антисоциалистических кругов спецовской интеллигенции.

Долг всех марксистов—литературоведов и критиков—вести непримиримую и систематическую идейную борьбу с формализмом.

Г. Лелевич

Д. Недович. «Задачи искусствознания».—«Вопросы теории пространственных искусств». ГАХН, стр. 93, 1927.

Заглавие книги Д. Недовича показывает, что автор поднимает наиболее важные вопросы изучения и значимости искусства. Нас интересует прежде всего теоретическая часть книги («Дифференциальное искусствознание»). С первых же строк автор устраняет какую-либо объективность в искусстве. Последнее для него нечто совершенно имманентное. Для него было бы смешным говорить о внешней закономерности, это искусство обуславливающей. Поэтому если и есть «науки об искусстве», то они едва ли имеют какую-либо объективную значимость. Здесь раскрывается то неизбежное противоречие, которое всегда заложено в идеалистическом искусствознании. С одной стороны, оно устраняет объективность, внешнюю закономерность. Какая же тут может быть наука? И Д. Недович утверждает, что «теоретизирование об искусстве (А. М.) нередко оказывается предприятием беспочвенным, а в силу этого бесплодным. Обобщающая формула, которая в устах одного исследователя звучит полностью и прегантно, будучи выражена другим, не звучит совсем. Здесь играют роль и глубина знания, и художественный вкус, и философская подготовленность, и, наконец, просто умелый подбор слов» (стр. 8). Перед нами исключительно субъективные признаки.

Но наука должна быть хоть какая-нибудь, — пусть она будет субъективной — это даст лишь повод говорить об ее «особенности». «Словом, — говорит наш автор, — каковы бы ни были художественные науки, они действительно суть науки, целая серия дисциплин, целая семья познаний, наблюдений и опытов. Произнося гордый девиз «наука об искусстве», мы скорее исповедуем некий символ веры, чем ссылаемся на твердый и общеобязательный базис. Вполне тверда только та наука, которую можно изучать по учебным пособиям... Науку об искусстве так изучать нельзя»... (ibid.). Таким образом, искусствознание отделяется китайской стеной от всех наук (даже общественных), отрицается возможность общей методологии искусствознания, и автор приходит к выводу о необходимости дифференциального искусствознания, т. е. существования ряда обособленных, независимых наук об искусстве. Как представляется ему познание искусства, видно из цитируемого: «но ведь всех искусств нельзя же знать хорошо: каждое из них требует эмпирического с ним знакомства, конкретного понимания, больше того, любви к нему. Только любовное познание имманентно искусству. Искусство, как онтологическое единство, есть предмет философии искусства и только ее» (стр. 9—10). Философия же — это созерцание. Итак, любовное проникновение и созерцание — вот в чем познание искусства. Излишне говорить, сколь неверно это с нашей точки зрения. Оценивая искусство, как активную классовую ценность идеологического порядка, мы и в познании его идем этим же путем.

Здесь интересно отметить, что раз искусство индивидуализируется и расценивается, как нечто совершенно особенное, то и познающий искусство становится человеком какого-то более высокого порядка. «Знание изучаемой культуры, с одной стороны, и вкус к познаваемому мастерству, с другой — придают крайнее своеобразие специалисту по искусствоведению и отличают его от представителей всех других наук особой закваской артистизма» (стр. 11). Это типично для буржуазного искусствознания, которое стремится сделать искусство чем-то по природе недостижимым для любого простого смертного, т. е. для представителей «нижних» классов. Рабочий должен лишь благоволенно взирать на него. Искусствоведы же — это жрецы, которые из искусства — орудия идеологического классового господства — делают нечто священное.

Но наиболее интересным представляется стремление автора к установлению множественности наук об искусстве, которые, не обладая уже отвергнутой объективностью, основанной на внешней закономерности, должны строить свое изучение и выводы на специфических особенностях каждого данного вида искусства. И с точки зрения последовательного формалиста (а формализм мы ни в коей мере не склонны отделять от идеализма) вполне понятно утверждение Недовича, что «именно во множественности своей, как предметов знания, и в многовидности своих методов заложена их жизнеспособность» (стр. 13). Типичное салто-мортале идеалистического искусствоведения, подкрепленное жреческими заклинаниями! Выводы из признания имманентности искусства с ясностью обнаруживаются в последующем изложении. Научное познание искусства (научное ли только?) объявляется имманентным. «Имманентно-научное познание искусства неизбежно предполагает свою чисто искусствоведную методологию... методы искусствоведения не должны были бы заимствоваться из других наук, они могут быть выработаны до конца только на изучении искусства» (стр. 14). В этом же смысле характеризуется и художественное творчество, которое, конечно, не зависит ни от чего внешнего, объективного. Вопросы социальной обусловленности

и общественной роли искусства не поднимаются. Мы не можем удержаться, чтоб не привести типичный образчик авторских на этот счет рассуждений, в которых все те же прищипывания и заклинания должны изображать научность. «Извечно повторяется в художнике творческий процесс, никогда не прекращается в художнике производство эстетических ценностей; но в то же время всякое народившееся произведение особенно, индивидуально и самодовлеюще. Человеку даны пространства природы и времена истории, но человек ищет иных пространств и других времен, вне природы и вне истории, — своих, искомым и чаемым. Самоосуществляя себя в мире, он исходит искусством, искушает себя в творчестве, им себя изживает и через него утверждает себя в мире», и далее: искусство «онтологически не подлежит» — ни природе, ни истории. «Область его автономна; но, как ряд феноменов, искусство имеет свою историю и в пределах истории переживает ритмическую смену разных стилей; вместе с тем искусство имеет свою природу, органически свойственную всякому его проявлению и подобообразную во всех его видах. Как все живое и становящееся, искусство растет, увядает и перерождается; в этом росте своем оно обнаруживает свойственную ему структуру» (стр. 15). Итак, по существу, искусство непознаваемо, стремление к историчности приводит автора лишь к шпенглеровской схеме механической смены 3 этапов развития культуры (рождение, расцвет и умирание). Искусство нечто самодовлеющее и саморазвивающееся. Это — некая вышняя и вечная ценность, никакое отношения, кроме факта потребления, не имеющая к меняющимся общественным формам. В чем же состоит общественная значимость потребления искусства, это, вероятно, и самому автору неясно. Но зато совершенно очевидно для него, что если искусство «велико и самобытно и импульсивно, — оно сохраняется в истории и пребывает вечно, как общекультурная ценность» (стр. 17). Каждое художественное произведение идет в мир «под своей особой звездой» (ibid.). Все те же знакомые «общекультурные», «общечеловеческие», «вечные ценности», без которых не может обойтись никакое идеалистическое искусствоведение. Само познание произведения искусства разбивается на части. «Его пребывание и его след в истории служат предметом истории искусства. Его онтологическое бытие в целом, экзистенциальность его идеи есть предмет философии искусства. Его природное становление, его генетика и рост являются предметом наук об искусстве, художественных наук» (стр. 17). Излишне доказывать, что это разрывание, вытекающее из общей концепции работы, так же не научно и так же противоречит всякому здравому смыслу, как и все, о чем говорилось выше.

Научное познание искусства автор располагает по 4 основным линиям: творчество, выражение, произведение и восприятие искусства. Нам предстоит разобрать теперь то основное, что дает автор в соответствующих разделах своего труда, следуя этим 4 линиям.

* * *

«Первая наука об искусстве — это эстетика. Ее предмет — связь произведения с потребителем» (стр. 19). Эстетика не может быть всеобщей, она должна дифференцироваться по родам искусства. Автор полагает, что лишь предлагаемая им эстетика единственно-настоящая. С его точки зрения одинаково непримлема и идеалистическая и материалистическая эстетика. Он заявляет: «Философы

идеалисты, психологи эксперименталисты, общественники социологи равно заявляют свои права на эту дисциплину. При этом идеалисты нередко выщелачивают эстетические категории до совершенного безвкусица, а психологи и социологи вязнут и тонут в чаще соседних ассоциаций» (стр. 20—21). Автор, как видим, высказывает явное стремление (словесно) отмежеваться от идеалистической эстетики. Однако и здесь он остается на прежних позициях и также решительно устраняет какую-либо объективность. Для него «эстетический факт... не только в самом художественном произведении, а в строе души воспринимающего его субъекта» (стр. 21). Для него вся объективность исчерпывается признанием факта необходимости потребления искусства, но, констатируя его, он стоит на идеалистической позиции, рассуждая о душе воспринимающего, о любовании, эстетическом звучании и т. д., и т. д. Его восприятие—это эстетическое любование изолированной формой, не осложняемое никаким социальным содержанием,—акт совершенно пассивный. В процессе потребления «совершается сексуально-интуитивное познание художественных ценностей, на нем сказывается качественный тон звучания произведения, в его душе воспроизводится искусство, воспитывающее его вкус» (стр. 21—22). И, несмотря на это, автор считает, что «эстетика есть дисциплина по преимуществу психологическая и социальная», и что к эстетике наиболее применимы методы психологии и социологии» (ibid.). Хороша будет эта социология, которая должна познавать, как «в душе воспринимающего» «эстета» (извиняемся, но так Недович называет потребителя, мы поставили лишь кавычки) воспроизводится искусство и сказывается «качественный тон звучания»!

Итак, вся эстетика сводится к рассмотрению акта потребления искусства с точки зрения взаимодействия между художественным произведением, как выражением творца (и только), не зависящим ни от чего вне его находящегося, и потребителем, рассматриваемым также изолированно. В этом мы тоже не находим ничего похожего на науку. Обратимся к следующим главам труда. Признаться, нас просто устрашает это юбилей «наук о искусстве», да еще столь специфичных и обособленных. И в то же время в этом видим мы залог научного банкротства идеалистическо-буржуазного искусствознания, которое не находит ведь лучшего занятия, как творить множество субъективных «наук», особенных и самодовлеющих, даже об отдельных художниках. И если в результате этого получается история художников, а не искусства, то и из теоретических предпосылок нашего автора можно построить лишь историю изолированных, творящих и воспринимающих, субъектов, которая будет столь же необоснованной и ненаучной.

Следующая за эстетикой морфология имеет дело с самим художественным произведением, и именно с его формой. Ибо «художественная форма—это наиболее существенный и центральный признак произведения искусства» (стр. 23), «и художником может быть назван лишь тот, кто носит в себе динамическую волю к форме» (ibid.); и далее: «искусство сонаты или новеллы, рельефа или гравюры, некий самодовлеющий и законченный художественный организм, изолированный из истории и замкнутый в собственной природе—раскрывает свою специфическую форму для изучения искусствоведа» (ibid.). Итак, форма—продукт художественной воли (вот тоже типичный образец идеалистического западно-

европейского искусствознания, хоть в художественной воле пытающегося найти опору,—предельное выражение субъективизма), вот что важно в искусстве, вот в чем его значимость. Развитие этой формы не нуждается в каком-либо, вне ее заложенном, оправдании. Эта форма представляет собою опять-таки нечто самодовлеющее, в самой себе замкнуто развивается, и она-то только должна изучаться. В соответствии с этим строит Недович и схему изучения художественного факта. Изучение это начинается с художественной формы. Формальное описание—его основная часть—получается из синтезирования первоначально аналитически разложенных элементов формы. При этом изучении не принимается во внимание ни окружение этого искусства (его социальное бытие и обусловленность), ни его движение (диалектика) в условиях развития общественной жизни,—оно берется, как нечто совершенно изолированное. Формальному описанию предшествует некоторое подготовление, заключающееся в необходимости знания формальных особенностей и элементов данного вида художественного творчества (стр. 24). И лишь за этим идет заключительная часть работы—воссоздание облика стиля, которое исчерпывается опять-таки синтезом формальных элементов. Автор называет эти три ступени: искусствознание, искусствовиспытание (т. е. описание, формальный анализ) и стилирование. «Но центральным ядром морфологии, конечно, всегда будет текущая по множеству русл средняя ее часть (т. е. формальный анализ, описание. А. М.). И славная плеяда основоположников морфологии, главным образом, поработала именно над этой колоннадой особых искусств. Имена их слишком известны: это наши авторитетнейшие западные учителя» (стр. 26).

Не стоит говорить о том, что игнорирование содержания, идеологической значимости искусства идет вразрез с марксистским искусствознанием. Гораздо интереснее вопрос об изучении искусства. Ясно, что мы не можем согласиться с псевдо-научной постановкой этого вопроса. Марксистское искусствознание в изучении художественных фактов исходит прежде всего из признания объективных, вне искусства лежащих, причин, его определяющих, а не объясняет значимость и развитие данного художественного факта из него самого,—оно принимает во внимание его окружение и момент взаимодействия с ним; оно видит в искусстве, в конечном результате, лишь тот или иной момент диалектического развития общественной идеологии, в тех или иных формах, имеющих значение функции и не более. Совершенно обратно, как видим, поступает идеалистическое искусствознание, которое ищет лишь элементы формы, руководствуясь в их оценке, в конце концов, субъективными представлениями. Именно поэтому неотложной задачей марксистского искусствознания является генеральный просмотр всей истории искусства, с точки зрения материалистического подхода к искусству и может быть ее значительная перестройка. Ибо, в большинстве случаев, для нас совершенно неприемлемо само освещение данной художественной эпохи или даже данного художественного факта, а вместе с тем и понятие стилистических групп, их границы и характеристика. Это вполне понятно всем, кто когда-либо занимался конкретной социологией искусства.

Как уже указывалось, центр научного познания художественного факта, отправная точка, на базе которой идеалистическое искусствознание строит дальнейшую работу, это—формальный анализ. Но что такое формальный анализ в границах идеалистического искусствознания (или формальной школы)? Это фиксация индивидуально-вкусовых (как говорят, на-глазомер) впечатлений от

данного художественного произведения. В это первоначальное изучение не вносится ничего объективного; что позволило бы рассматривать это произведение, как оформление известного идеологического факта, имеющего свою закономерную оправданность и свое точно определенное место в ряду развития искусства—идеологии. Здесь встает вопрос, что же раньше рассматривать: «что оформлено» или «как оформлено». Для марксистского искусствознания, думается, не может быть и сомнения. Поскольку оно рассматривает искусство, как идеологию (общественное содержание), а не как форму, прежде всего, и исследование должно начинаться с моментов содержания. Конечно, очень трудно разграничить эти моменты совершенно, это почти невозможно, поскольку художественное произведение есть единство, но акцент все же должен быть поставлен.

Что же касается до рецептуры, рекомендуемой автором, то всегда получается при ее использовании, что исследователь в первую очередь отмечает в художественном произведении те формальные особенности, которые он считает важными, исходя из признания примата формы над содержанием. Правда, многие работы формалистов представляют значительную ценность, но здесь чаще всего дело объясняется интуитивным угадыванием значимости той или иной формы, а не объективными данными. В общей же массе субъективизм идеалистического искусствознания делает для нас часто непримлемой даже первую часть его работы—формальный анализ.

Излишне говорить, что с точки зрения Д. Недовича истолкователь художественного произведения не имеет иных заданий, кроме раскрытия формы и облика творца (стр. 28). С точки зрения марксистского искусствознания истолковать художественное произведение—это значит поставить его в ряд диалектического развития и понять его общественную значимость.

Мы переходим к третьей из выдвигаемых автором искусствоведных наук, которая именуется им экфразикой. Ее предмет «искусство как выражение и раскрытие замысла художника; объектом ее служит та связь, что соединяет произведение искусства с его мастером, т. е. своеобразное проявление личной художественной воли, обнаруживающей качество творческой интенции» (стр. 29). Далее дается обоснование, мотивировка этой науки: «ведь плоть искусства—не одна только плоть; она бывает овевана и пропитана импульсом духовности, придающим произведению аромат неповторимого настроения»...

«В этой области, чрезвычайно своеобразной, исследователю нужно быть самому хоть немного художником, художнику хоть на минуту стать диллетантом (в лучшем смысле слова). Здесь необходимо вчувствование уже не только в вещь, а и в мастера и его искусство; нужно специфическое чутье валёров, нужна интимная настроенность на ту же тему, что облюбована автором. Возвращаясь к той символике, которую мы применяли,—ученому нужно стать мамкой и самым нежным образом лелеять предмет своего созерцания и изучения» (ibid.), и наконец: «из всех художественных дисциплин эта характеризуемая нами наука наиболее артистична и, пожалуй, аристократична среди других. Идеал ее—знаточество» (стр. 30)...

Нет нужды отрицать значение личности художника и возможности и нужности учитывать нити, связующие его с произведениями. Однако, марксистское

искусствознание всегда полагало, что не в индивидуальных приемах мастерства заключается значимость художественного произведения. Хотя эти особенности творческих приемов и являются принадлежностью данного художника, однако, они раскрываются в нем лишь постольку, поскольку заданием его является оформление того или иного общественно-обусловленного переживания. И если валёры имеют свой запах, то это не запах «души художника», как уверяет Д. Недович, а аромат определенной социальной группы. И на смену субъективной атрибуции художественной формы (или произведения), связывания его лишь с художником, его «душой» и не более,—а в этом, как мы знаем, заключается основное задание всякого искусствоведа-идеалиста,—марксистское искусствознание выдвигает другую проблему—вопросы социальной атрибуции художественной формы (это обозначение мы заимствуем у А. А. Острецова, впервые, насколько нам известно, им примененное и поставленное в качестве теоретического вопроса). И здесь уж, конечно, нужно не вчувствование или знаточество, а объективные знания, лишь исходя из которых можно понять художественный факт в отношении к породившей его эпохе и социальному окружению, которое и определяет целиком мастера. Само знаточество, диллетантизм и вчувствование характерны именно для западно-европейского искусствознания последнего времени, все более субъективирующегося. Д. Недович—лишь эпигон этого искусствознания.

* * *

Четвертая и последняя (пока) наука, раскрываемая нам автором—это праксеология. «Предметом этой науки служит сам художник, как носитель активных творческих возможностей» (стр. 35). В праксеологии «мы имеем дело с дисциплиной вполне сложившейся и методологически самостоятельной» (стр. 37). В чем же заключаются задачи этой науки, что должно служить ее оправданием? Автор дает нам целую поэму по этому поводу, которую мы считаем не лишним привести. Это доведенный до конца «имманентизм», субъективизм, идеалистическое понятие творческого духа, самодовлеющего и саморазвивающегося и т. д. «Конечно,—говорит он,—не только формальная и внешняя сторона творчества интересует праксеологию: в ее научный комплекс входят вопросы также и внутреннего его содержания, и эти вопросы еще более важны» (стр. 38). Уж не значит ли, что мы ошиблись, и что автор скажет нам что-либо о взаимодействии художника и социальной среды, об обусловленности его творчества внешними объективными причинами, а не душевными качествами? Послушаем: «Отцовство и материнство художника, который зачинает, вынашивает и порождает свое произведение, как любимое дитя, так же есть существенная тема этого отдела художественных наук. Здесь нужна уже не психология и не история, а своего рода эмбриология и даже эротология (!А. М.) творчества. Это объясняется тем, что как раз художественным натурам, на ряду с философскими, преимущественно присуще то состояние эротности, о котором поведено в диалогах Платона. Быть художником—значит обладать тем даром мании и той способностью к экстазу, которые выводят своего носителя за черту общедоступного понимания в царство фантазии, до конца непередаваемой. Художник уходит в себя, в свою грезу, доступную ему одному, и в глубине духа оплодотворяется приоткрывающимися ему образами; в творческом процессе он пытается стать выразимым и доступным в своей идее и для других людей. Ведь состояние

творческое есть своеобразнейшее состояние духовного одиночества среди окружающего мира, сопровождаемое в то же время сознанием избыточествующего богатства внутренних сил; эти силы неведомо как и откуда растут, заполняют весь внутренний горизонт художника и служат качественным фоном для всего его душевного потока... Его переживание принимает космический характер, и творец чувствует в себе биение пульса вселенной, который он хочет передать человечеству» (стр. 38). И это называется научным познанием искусства! Это какая-то мистерия «одинокой души», старающейся противопоставить себя внешнему миру. Недаром сам автор говорит, что «праксеология, как теория художественного творчества, довольно близко граничит с теорией всякого вообще творчества, например, религиозно-философского» (стр. 40)... Вот именно, что религиозно-философского! Что можно сказать по поводу этих заклинаний у дверей святилища, за которыми скрывается нечто таинственное—творчество? И автор еще утверждает, что только «праксеология... непосредственно касается искусства» (ibid.). Приведенные выше фразы ведь как будто взяты из какого-то богословского трактата,—даже самые крайние идеалисты не всегда доходят до них. «Духовное одиночество», «силы» внутренние, «неведомо как и откуда» вырастающие. Если мы протестуем против утверждения об аполитичности искусства или художника, то что же делать, если человек совершенно выключает художника из его социального окружения. Не только Робинзон, но и еще без Пятницы. Но достаточно этих откровений! Поистине мертвый хватает живого. Автор последователен, когда он считает наиболее дорогими для праксеологии работы... Н. Бердяева (стр. 40). Мы можем лишь пожаловаться, что нашему вниманию предложены лишь четыре, а не четыреста наук: ведь, по мнению автора, наук об искусстве может быть сколько угодно.

В последней главе общей части работы («Дифференциальное искусствоведение») автор с удовлетворением констатирует, что ему удалось доказать, будто научное познание искусства возможно лишь с указанных им точек зрения. «Повидимому,—говорит он далее,—удалось нам показать и то различие методов в науках об искусстве, которое вызывается специфическими оттенками их предметов» (стр. 41). Он признает возможность и дальнейшей дифференциации истории и теории искусств—уже по видам искусства. Получается «дифференциальное искусствоведение», лишь от которого возможно восхождение к системе искусствоведения всеобщего» (стр. 43). Новое противоречие—то совершенное отрицание общего искусствознания, то попытка все же добраться до него. Здесь мы разрешим себе процитировать несколько заключительных выводов автора. «Искусствоведение, поскольку оно стремится к наукообразию, никак не может избежать плюралистичности. Когда искусствоведение, в поисках рационального монизма, выражает желание стать всеобщим, т.е. покрыть весь предмет, во всей его полноте, оно просто впадает в изъясн. трансцендентности, и предмет его—ни целый, ни частный—становится тем самым иллюзорным. Чтобы не терять имманентности искусству, искусствоведение непременно должно плюрализироваться и ограничиться частными смыслами искусства. Науке следует быть скромной, особенно, когда она подходит к такому текущему феномену, как искусство. Ведь все равно: бытие в себе искусства останется недоступным ни

для какой науки... искусство, как единство, является для науки предметом недостижимым и до конца непознаваемым... Объектом науки вообще может быть только искусство, как становление, т.е. как текущий поток динамичных феноменов (этого-то как раз и нет в работе Недовича. А. М.), и каждый из этих феноменов должен изучаться отдельно. Поэтому-то мы и не можем питать доверия к тому искусствоведению, которое объявляет себя всеобщим, т.е. монистичным» (стр. 43—44). Здесь позиция автора становится наиболее понятной. Она полна блужданий и противоречий, свойственных наиболее последовательному идеалисту-метафизику, она есть логическое (и оттого такое никчемное) завершение принципов буржуазного, индивидуалистического и отнюдь не научного искусствоведения. С одной стороны, искусствоведение не наука,—общее искусствоведение вообще миф; с другой—есть все же ряд наук об искусстве, основания которых покоятся на имманентных особенностях каждого данного вида искусства, и от них можно даже добраться и до какого-то синтеза, т.е. до того же общего искусствоведения. Типичная беспринципность и ненаучность. С одной стороны, каждая из рассматриваемых автором «наук» аттестуется, как данному виду искусства имманентная, с другой, «искусство, как таковое, научно-непознаваемо, как непознаваемо научным путем все качественное и все интенсивное» (стр. 41).

Автор отрицает возможность познания явления в его становлении, движении. Далее он утверждает, что «нет искусства для никого» (стр. 45), а рядом одиночество творца. Почему-то «для философа искусство есть и пребывает вечно» (ibid.). Мы могли бы привести еще целый ряд подобных примеров, но, нам кажется, и без того уж достаточно внимания уделено рассматриваемому труду. Что касается его специальной части («Пластическая экфатика»), то она построена по тому же принципу и рассматривает более частный вопрос о тео-этических основах атрибуции скульптуры. Она не представляет, поэтому, для нас особого интереса.

Мы полагаем, что имеем полное основание считать все покушения автора на создание теории художественных наук совершенно неудачными, лишний раз показывающими банкротство идеалистического искусствознания, которое, подобно Недовичу (или он подобно ему), идя от наук об отдельных искусствах, переходит к науке об отдельных художниках и даже отдельных произведениях, как самодовлеющих ценностях, и тем самым уничтожает себя, как науку. Оно способно лишь шептать мистически о высоких внесоциальных и надклассовых ценностях, да фиксировать субъективные впечатления об отдельных художественных произведениях или мастерах. Оно само себя отрицает. Об этом говорят и заключительные слова Д. Недовича: «Но мы не можем не признать, что наука об искусстве самому искусству не адекватна, она измеряет и исследует, но не дает реальной интуиции искусства в целом; а искусство требует целостной интуиции, ждет любовного проникновения и вживания в себя, т.е. в конце концов совсем не научного отношения. Искусство в своей идее подобно играющему дитяти: оно не нуждается ни в каких конструкциях, и ему совсем не нужны наши художественные науки» (стр. 47). Дальше идти некуда. Мы совершенно согласны с автором: его искусствоведение никому и ни для чего не нужно. Нам было лишь интересно проследить, как он, пройдя свой сложный танец по кругу, возвратился на прежнее место, из круга не выйдя. Это лишний раз доказывает, что только объективно-научный марксистский подход к художественным фактам дает возможность познать и объяснить их до конца.

А. Михайлов.

Борис Рудаев: *На путях к материализму XX века. Маркс и Аристотель. Маркс и Эйнштейн.* Харьков. Издательство не указано. 1927 г.

Книжка Б. Рудаева наполнена целым рядом великих и малых открытий. Главнейшее из них и определяющее собой все остальные находится на первой странице «Предисловия». «Материализм,—говорит автор,—находится в одной из тех стадий своего развития, когда, по завету Энгельса, он должен «изменить свою форму» применительно к состоянию научного знания эпохи. На этот раз *изменение формы* должно состоять в прояснении теоретико-познавательных основ материализма и в их частичном обновлении» (стр. 5, курсив автора, так же и в дальнейшем, если это не оговорено).

Марксист, сколько-нибудь дорожающий своей теорией, не может не заинтересоваться, конечно, таким открытием, тем более, что автор мнит себя выполняющим «заветы Энгельса». Предварительное указание Б. Рудаев дает уже в заголовке книги, когда сопоставляет Маркса и Аристотеля, Маркса и Эйнштейна. Очевидно, в Аристотеле надо искать «прояснение» теоретико-познавательных основ марксизма, а в Эйнштейне—«их частичное обновление». «Интересная» задача!

Путь решения ее указывается в том же «Предисловии» (стр. 5—6). Рудаев цитирует известный первый тезис Маркса о Фейербахе и, поняв его в смысле чистого субъективизма, хочет сочетать последний «со столь же категорическим требованием безусловной *объективности* и полного *беспристрастия*». Раз отмечены эти две противоположности, автор поступает формально правильно, когда хочет объединить их в некоторой общей категории. «Такой категорией является,—продолжает он,—... *возможность*, которая уже в своей первичной и простейшей форме... совмещает в себе субъективную природу с объективностью содержания». Нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что уже Гегель высмеял чистую возможность, как «простую форму *тождества с собой*», а не диалектическое исследование ее, как «пустую болтовню», Б. Рудаев требует обнаружить ее «путем *феноменологического* (в духе Гуссерля) *анализа* в сердцевине каждого высказывания» (6). Это дает ему основание заявить: «Таким образом (?!), путь к разрешению основной для данной эпохи познавательной задачи материализма лежит через Гуссерля и Аристотеля» (6).

Автор занимается прежде всего отношением марксизма к предшествующей философии.

Сначала делается открытие, что «вся гегелевская диалектика и все его учение о развитии—не что иное, как *поставленная на голову диалектика* Аристотеля» (8). Произвести после этого «сведение» Маркса к Аристотелю нет ничего легче: «совершенно естественно, что, когда Маркс решил *поставить на ноги* диалектику Гегеля, он сам оказался стоящим обними ногами на почве учения *Аристотеля*»... (9). Простой, ясный и, как будто, новый способ доказательства. Он облегчен автору тем, что когда у всех трех мыслителей—Аристотеля, Гегеля и Маркса—найлены одни и те же термины: потенциальный и актуальный, и попутно извращено понимание и значение этих понятий у двух последних, остается лишь переворачивать всех трюх с головы на ноги и

обратно¹. Соответствующие цитаты придадут этому цирковому занятию научно-образную форму.

В первом томе «Капитала» Маркс, как известно, называет Аристотеля «великим исследователем, впервые анализировавшим форму стоимости на ряду с многими формами мышления, общественными формами и естественными формами». Но можно ли на этом основании отождествить Маркса с Аристотелем? Разумеется, нет, если не грешить против «истин самоочевидных». Когда Б. Рудаев заставляет историю мысли совершать двойное *salto mortale*, то в основе этого лежит, очевидно, убеждение, что либо Аристотель был материалистом, либо Маркс не был им. Мы увидим в дальнейшем, как «понимает» наш автор Маркса. Что же касается Аристотеля, то относительно его достаточно отметить следующее. Конечно, Аристотель ни минуты не сомневается в существовании материального мира и в противовес Платону считает даже необходимым объяснить мир, исходя из него самого. Это—материалистическая струя в философии Аристотеля. Но одновременно он оценивает материю, как чистую возможность (кстати, не отсюда ли заимствовал Б. Рудаев свою теорию «критического материализма», о которой он говорит в предисловии?), приписывает ей инертность и вынужден поэтому выдвинуть еще категорию «формы», которая (форма) придает материи вид и свойства. Тем самым материя превращается Аристотелем в простое и пустое понятие. Ясно поэтому, что отождествлять Маркса с Аристотелем по этой линии совершенно нельзя, сколько его ни переворачивай.

Но, может быть, вся суть дела заключается для Б. Рудаева в диалектике? Последуем за ним и сюда.

Чтобы иметь возможность говорить о диалектике, ее нужно понимать. Последней способностью, однако, у Б. Рудаева нет ни в потенциальном, ни в актуальном состоянии. Так, например, на стр. 8 автор заявляет, что «гегелевское «*an sich—für sich*» (в себе и для себя) есть *краеугольный камень* всей диалектики Гегеля». Однако какую бы роль ни играло различие *an sich—für sich* в диалектике Гегеля, *краеугольным камнем*, да еще *всей* его диалектики, оно не является. Даже больше: взятое само по себе, это положение может отнюдь не являться каким бы то ни было «камнем» диалектики. Оно приобретает смысл и значение лишь тогда, когда выяснена действительно основная категория и закон диалектики Гегеля. А это есть, как говорит Ленин, «раздвоение единого» и тождество противоположностей. И только с этой точки зрения «в себе и для себя» имеют какой-нибудь диалектический смысл. Только тогда между ними не может быть разрыва, как это было в философии Канта. С точки зрения диалектики «в себе» и «для себя» суть моменты единого. И только исходя отсюда, мы правильно можем понять соотношение возможности (в себе) и необходимости (для себя). Это будет не отвлеченная возможность формализма, когда все настолько же возможно, насколько и невозможно, а *реальная* возможность, *переходящая в необходимость*. Последняя же совершенно теряет всякий мистический оттенок, приданный ей идеализмом и механистами, и становится конкретной необходимостью. И все это только потому, что, как учит Гегель, обе эти категории суть моменты

¹ Мы не считаем нужным упоминать, что в этой концепции автора нет ничего общего с известной мыслью Энгельса и Ленина, что Гегель есть поставленный на голову материализм.

единого—действительности. Но так учит Гегель, и мы сомневаемся, чтобы Б. Рудаев мог это понять. Поэтому вернемся к Аристотелю.

Вскрывая диалектику у Аристотеля, не нужно обращать внимания на то, что он сам называет диалектикой, это очень близко к техническим правилам спора. Диалектику у Аристотеля надо искать в его «Метафизике».

Аристотель был систематизатором и продолжателем основных тенденций древне-греческой философии. Его философия выросла из осколков разрушенных систем предшественников. Зародыши диалектики у Гераклита и вечно спокойное, самому себе равное «бытие» у элеатов; механический материализм Демокрита и идеализм Платона; наконец, неумение Платона, непосредственного учителя Аристотеля, связать «бытие» и «бывание»—все это заставило Аристотеля дать попытку синтеза борющихся начал. Это стремление обусловило его приближение к диалектике. Общую его позицию нельзя характеризовать короче и яснее, чем это сделано Лениным. Последний говорит, что «Аристотель в своей «Метафизике» постоянно *бьется около*» диалектического закона раздвоения единого и тождества противоположностей¹. «Бьется около», но не приходит к этому важнейшему и определяющему остальные закону диалектики. У Аристотеля мы встречаем ряд важнейших диалектических категорий: сущность и форма, качество и количество, возможность и действительность и т. д. Он доходил даже до понимания того, что все это есть противоположности, и пытался уже синтезировать некоторые из них. Однако система его, взятая в целом, остается дуалистической. Этот дуализм затрагивает не только всю цепь категорий, но и исходный вопрос философии,—вопрос об отношении мышления к бытию. Именно из Аристотеля выросли две противоположные школы—средневековый реализм и номинализм. Эти противоречия, как в основе, так и во всех производных категориях, на идеалистических путях разрешил Гегель. Материалистически и потому с единственно правильной точки зрения они разрешены Марксом и в Энгельсом. Но это значит, что попытка механически «свести» Маркса к Аристотелю, игнорируя двухтысячелетнее развитие философии и в особенности Гегеля, есть стремление приписать марксизму дуализм, неумение диалектически разрешить наивное противоречие между реализмом и номинализмом. Однако именно так и «понимает» марксизм Б. Рудаев.

Он различает в материализме «две души». «Перед нами,—говорит он об Энгельсе,—одно из проявлений общей для всей науки теоретико-познавательной невязки между чувственным источником и отвлеченным идейным завершением» (18). Поэтому «в основе традиционной марксистской гносеологии» (17) «под оболочкой внешней уравновешенности кипит неустанная глухая борьба противоположных устремлений и тлеют готовые вспыхнуть во всякий момент головешки неразрешенных противоречий» (19).

Для их разрешения автору понадобилось на 20 страницах пересказать историю философии от Демокрита до Беркли, прибавив сюда три-четыре страницы о Марксе вперемежку с Аристотелем и Абэляром. При этом Б. Рудаев щедрой рукой раздает свои открытия. Стр. 21: «Едва ли не единственно удивительным с точки зрения требований науки,—а, следовательно, и с точки зрения познавательных нужд материализма,—предлагается решение проблемы (т.-е. *распри между мыслью и ощущением*). К. М.), предлагаемое *Аристотелем*».

¹ К вопросу о диалектике. «Под зн. марксизма», № 5—6, 1925 г.

Это несколько неясное «едва ли» на 24 странице объясняется совершенно исчерпывающим образом в следующих выражениях: учение Аристотеля о природе общего («отвлеченное, идейное завершение») «является вершиной теоретико-познавательных достижений древности и в основных своих положениях сохраняет до настоящего времени свое значение *непревзойденных Гималаев* научно-философской мысли» (курсив наш). Но еще яснее говорится на стр. 44—45: «Необходимость согласовать «простоту», т.-е. *логическую первичность* абстрактных категорий с «действительностью», т.-е. с *объективной природой вещей*, остро чувствуется Марксом; и поэтому, после пространного рассуждения на тему о том, что «мысленная целостность, мысленная конкретность» есть не что иное, как «переработка созерцания и представления в понятия» и т. п., Маркс неожиданно ставит вопрос: «однако эти простые категории не имеют ли независимого исторического или естественного существования до более конкретных?» Древний, предвечный вопрос. И даже на формулировке, какую дает ему Маркс..., лежит сумрак седых готических сводов». И Б. Рудаев приводит нам соответствующую выписку из Абэляра (XI в.), долженствующую демонстрировать эти «седые готические своды».

Но не подумайте, что автор отождествляет Маркса со схоластикой. Совсем нет! Он пишет: «если бы на поставленный вопрос Маркс ответил *положительно*, это означало бы *капитуляцию перед гегелевским или платоновским идеализмом*. Напротив, категорически *отрицательный* ответ был бы равносильным тому, что Маркс солидаризируется с общераспространенным (до настоящего времени) *вульгарно-номиналистическим* истолкованием материализма. Что же отвечает Маркс.

«Çа depend» (это смотря как).

Положение оказывается настолько «тонким», что приходится даже прибегнуть к другому языку (остальной текст «Введения»—немецкий). И что бы ни имел Маркс в виду своим ответом, одно ясно уже сейчас: что мы имеем дело с положением, при котором приходится учитывать—«с одной стороны» и «с другой стороны» (45).

Прочитав эту длинную выдержку и насладившись прекрасным стилем автора, мы можем вслед за ним сказать: «Что бы ни имел в виду он своим ответом, одно ясно уже сейчас»,—Б. Рудаев не понял Маркса или не захотел его понять.

Общезвестно, что диалектика Маркса, сколь бы ни было «тонко» положение, не сводится к «с одной стороны—с другой стороны». Сам Маркс в своем письме о Прудоне показал, что это есть методология эклектизма, ничего общего не имеющего с марксизмом.

Но не это, хотя и сильнейшее извращение марксизма, интересует нас сейчас. Б. Рудаев, как мы видели, берет действительность в иронические кавычки и противопоставляет ее абстрактным, логически первичным категориям. При этом он делает, конечно, правильно, когда указывает на возможность двух, друг друга исключающих решений проблемы: идеалистического и «вульгарно-номиналистического», т.-е. материалистического. Можно даже подумать, что он защищает Маркса от обвинения в гегельянстве. Однако ведь недаром же Марксу пришлось «даже прибегнуть к другому языку». Оказывается, Маркс сам говорит: это—смотря как. Поэтому Б. Рудаев считает необходимым сказать: «общее («простые категории») обладает реальностью не только *в вещах* (in re),... но и

в известном смысле—даже *ante rem*—как условия возможности этих конкретных вещей» (46). И только теперь мы полностью понимаем, для чего нужен был Б. Рудаеву весь его «подход тактический», все его восхваления Аристотеля («непревзойденные Гималаи»), путешевие по средневековью и такие украшения слога, как «сумрак седых готических сводов» на Марксе. *Маркс является средневековым реалистом, Маркс—схоласт. Современный материализм не вынес борьбы двух раздирающих его начал и превратился в схоластический реализм понятий, существующих «в известном смысле» до вещей.* Это открытие занесено ныне в анналы истории Б. Рудаевым.

Правда, он, на сорока страницах подготавливавший этот вывод, вдруг испугался своей смелости и в пяти-шести последних абзацах статьи пытается вернуть дело так, что «и здесь мы не имеем еще окончательного разрешения вопроса» (43). «Теоретико-познавательный меч» еще «должен разубить узел всех вскрытых выше трудностей и противоречий» (43). Но мы позволим себе не поверить в добрые желания автора: слишком уже «убедителен» был он во всей своей статье, чтобы в двух-трех словах разрушить это впечатление. Да, впрочем, ему нечего и разрушать: в самом конце статьи он называет всеобщность—реальной «в духе Гуссерля».

Пытаясь одеть Маркса в схоластически-гуссерлянскую одежду, Б. Рудаев забывает, что «Введение к критике политической экономии» Маркса не дает и не может дать для этого абсолютно никаких оснований.

Проблема общего и частного давно занимала философскую мысль. Уже греки исследовали ее, хотя и исходили в большинстве случаев из ложных предпосылок. На ней же сосредоточили почти все свое внимание схоласты. Наконец, новое время также подвергло ее основательному изучению. И тем не менее правильно будет сказать, что только в двух случаях мы имеем научное ее решение: у Гегеля, давшего ее исследование со стороны формы, и у Маркса, вскрывшего ее материальное содержание.

Гегель был, конечно, неправ, когда видел в общем и частном моменты саморазвивающегося понятия. Но уже он, несмотря на свой идеализм, понимал, что это суть категории действительности. Эта скрыто-материалистическая постановка вопроса была разъяснена Марксом, при чем он не считал, конечно, возможным отбросить найденную Гегелем диалектическую связь данных категорий.

Мы не можем сейчас ставить себе задачу растолковывать Б. Рудаеву всю диалектико-материалистическую теорию общего и частного. Если он способен еще видеть что-нибудь, кроме Аристотеля и Гуссерля, мы хотим ему в ряде цитат показать, что Маркс гораздо сложнее, чем он думает.

Маркс пишет: «хотя простая категория может исторически существовать до конкретной, но в своем полном внутреннем и внешнем развитии она может встречаться только в сложных (?) общественных формах, между тем как более конкретная категория является вполне сложившейся и в менее развитой общественной форме»¹. Здесь совершенно ясно видно, что нет никаких оснований говорить о том, что общее существует *ante rem*, как интерпретирует Маркса Рудаев. Но последний мог бы поломать себе голову над другой чрезвычайно

¹ «К критике политической экономии». Введение, стр. 21, изд. 1922 г.— Знак вопроса поставлен Каутским.

важной проблемой: как эта простая категория может существовать в сложных общественных формах, и наоборот, более конкретная вполне сложилась уже в менее развитой общественной форме? А ведь именно это, а не цирковое занятие с перевертываниями, вскрывает сущность марксистской методологии... Или еще: «пример труда убедительно показывает, как даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей отвлеченности они применимы ко всем эпохам, в самой определенности этой абстрактности являются в такой же мере продуктом исторических отношений и обладают полной обязательностью только для этих отношений и внутри их» (24). И т. д. Достаточно поставить все эти вопросы, чтобы видеть, что никакие Аристотели и Гуссерли не могут помочь для их разрешения. И тут невольно приходит в память слова Маркса об А. Ланге в одном из писем к Кугельману. «Во-первых, он ничего не понимает в гегелевском методе и поэтому, во-вторых, имеет еще гораздо меньше представления о моем критическом способе его применения»¹. Вспоминаются сейчас эти слова потому, что они применимы не только к Ланге, но и к Б. Рудаеву.

* * *

Не удовольствовавшись открытием в материализме «двух душ» и сведением марксизма к логическому реализму и Аристотелю, Б. Рудаев хочет подойти к учению Маркса с точки зрения современности. Вторую главу своей книжки он посвящает «современной науке и философским задачам материализма наших дней» (стр. 47—70).

Если прежде в уме нашего автора безраздельно царствовал Аристотель и «тактический подход», то теперь—Эйнштейн и полная откровенность.

Спеша откликнуться на «Диалектику природы» Энгельса, Б. Рудаев критикует последнего за его отождествление энергии и движения. При этом взгляд Энгельса низводится до степени «более элементарной попытки», чем даже приравнивание энергии к работе (49). Указывая, что то же самое говорит уже Аристотель (опять он!), Б. Рудаев поощрительно похлопывает Энгельса по плечу: «о заимствовании в данном случае говорить не приходится; мы имеем дело безусловно с самостоятельным ходом мыслей»... (50). И эта самостоятельность настолько не нравится Рудаеву, что он противопоставляет Энгельса Марксу, прямо указывает на ошибочность Энгельса (54). И мы сбережем, конечно, много времени и сил, если только бегло отметим, что истина, по Рудаеву, находится в категориях потенциальное и актуальное.

Да и не в вопросе о понимании движения состоит теперь цель нашего автора. На стр. 61 он сам говорит, что «в сущности речь все время шла до сих пор» о другом—об объективной реальности. Автор пишет: «основное затруднение,—а именно, неуловимость объективной реальности для чувственного восприятия,—содержится уже в полной мере в самом понятии материи, поскольку имеется в виду научно-физическое содержание этого понятия. С точки зрения такого научно-физического понимания, материя тождественна с массой; масса же есть не что иное, как мера сопротивления, или, в конечном счете, обратное отношение ускорений. Таким образом, непосредственно осязаемая, как будто,

¹ Письма к Кугельману. ГИЗ, 1920 г., стр. 102.

материя оказывается растворенной в понятии *отношения* и к тому же *обратного* отношения. Правда, уже лет восемнадцать тому назад против этого вывода было выдвинуто с материалистической стороны возражение в том смысле, что скорость... предполагает носителей, а такими носителями в данном случае являются опять-таки «*тела, т.-е. материя*»; и, таким образом, *масса* уже предполагает *материю* и логически и фактически. Ко всему этому автор предпретительно делает сноску, указывая, что это «лет восемнадцать тому назад» высказывал материалистическую точку зрения. Это был — Ленин.

Ничем не смущаясь, автор продолжает: «... к этому обычно присоединяется замечание общего характера, что-де нельзя говорить об отношении, как о чем-то само по себе существующем; что речь может идти лишь об отношении чего-то к чему-то, т.-е. определенных элементов друг к другу, а такими элементами в рассматриваемом случае являются, в конечном счете, материальные тела».

Поскольку автор впал в откровенность и, в общем верно излагая материалистический взгляд на отношение, прямо не соглашается с ним, мы можем его не разубеждать, а просто регистрировать важнейшие его мысли.

Оказывается, что Маркс «предвосхищает Эйнштейна в релятивировании вещных категорий» (66). Таким образом, Маркс фигурирует уже во втором уравнении: 1) Аристотель = Маркс; 2) Маркс = Эйнштейн, только в первом он был величиной искомой, а теперь уже окончательно отысканной.

Мы не будем повторять всей той бездны премудрости, которую приводит по поводу «эйнштейнианства» Маркса Б. Рудаев. Мы перевернем сразу несколько страниц, чтобы прочесть только окончательный результат рудаевских исследований. Они «несколько причудливы на вид, но по существу не заключают в себе ничего экстравагантного и нарочито замысловатого» (69), как сообщает сам автор. «Законченная формулировка» гласит: «1) чтобы *бытие* растворить в *отношении*, не превращая его при этом в *ничто*, необходимо, очевидно, самое *отношение* познать и логически закрепить, как *бытие*... 2) Чтобы согласиться с *идейной* природой *объективной* реальности, не впадая в *идеализм*, необходимо показать *реальный объект* самой *идеи*».

Эти формулировки могут показаться чуть ли не диалектическими. Беда лишь в том, что это пустая софистика, усвоенная автором в школе Гуссерля.

Если бытие растворить в отношении, то оно, к сожалению, превратится в ничто. Вещные категории будут релятивизированы, как говорит сам Рудаев в другом месте. Подобно этому, что бы ни открыл «в себе и для себя» Б. Рудаев, если *объективная* реальность имеет *идейную природу*, то тогда прав только *идеализм*, но никак не *материализм*.

Третья «законченная формулировка» требует создания материалистической логики. Вещь нужная и хорошая, только отнюдь не на тех путях, по которым идет Б. Рудаев к материализму XX века. Указанные им пути ведут *от него*, а не к нему...

К. Милонов.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ КОММУНИСТОВ в 1926 г.

Библиографические материалы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Указатель теоретических работ авторов-коммунистов выпускается уже в третий раз Коммунистической академией (см. «Теоретическая работа коммунистов в 1924 г.», отд. издание и «Теоретическая работа коммунистов в 1925 г.», «Вестник Коммунистической академии», кн. XVII).

По сравнению с прошлым годом общие цифры теоретической продукции несколько понизились; однако это понижение не отражает действительного упадка теоретической работы, но характеризует лишь более строгий отбор и более тщательный метод составления указателя в текущем году. Редакционная комиссия поставила своей задачей отсеять только те произведения, которые действительно представляют собой теоретическую ценность, устранив все компилятивные и полунаучные, чисто-публицистические по своему характеру работы.

При таком строгом отборе уменьшение общей цифры работ на 150 с небольшим, по сравнению с прошлым годом, никак не может характеризовать ослабление теоретической деятельности в рядах нашей партии.

Распределение работ по отделам¹ дает такую картину. Литература, посвященная вопросам ленинизма (сочинения самого Ленина и о Ленине), дает в 1926 г. 56 названий; в прошлом году было 115. Наиболее значительное сокращение падает на комментарии.

Из сочинений самого Ленина мы имеем в истекшем году две части дополнительного XX тома полного собрания сочинений, содержащие статьи и речи,

¹ Работы распределены по следующим отделам: I. Ленин, о Ленине, Ленинизм; II. Маркс и Энгельс. О Марксе и Энгельсе; III. Экономика; IV. Труд; V. Хозяйство советского периода; VI. Мировое хозяйство; VII. Политика советского периода; VIII. Международная политика; IX. Коминтерн; X. I и II Интернационал; XI. Мировое, рабочее, профессиональное и революционное движение. Крестьянское движение; XII. История России. История рабочего, крестьянского, профессионального и революционного движения в России; XIII. История Запада; XIV. Философия. Исторический материализм. Общие вопросы естествознания; XV. Право; XVI. Литература и искусство; XVII. Учебники и учебные пособия; XVIII. Собрания сочинений авторов-коммунистов; XIX. Издания ИМЭ.

не вошедшие в полное собрание, а также ряд впервые публикуемых статей и отрывков, появившихся в периодической печати. Кроме того, надо отметить выход двух очередных Ленинских сборников—IV и V.

Литература о Марксе и произведения самого Маркса и Энгельса охватывают 20 названий. Здесь на первом месте стоят издания Института Маркса и Энгельса, которые выходят параллельно на русском и немецком языках. Богатейшее наследство основоположников научного социализма только теперь становится полностью доступным для мирового пролетарского движения. В этом неувядаемая заслуга тов. Рязанова и основанного им Института.

В разделе экономики обращает на себя внимание рост числа работ по мировому хозяйству: 38 против 21 в прошлом году. Работы Варги, Лапинского, Спектатора, Осинского освещают целый ряд важнейших проблем мирового хозяйства. Ряд ценных теоретических исследований на эту тему был помещен на страницах журнала, издаваемого Институтом мировой политики и мирового хозяйства.

Из вопросов экономики большое внимание уделялось в истекшем году аграрному и крестьянскому вопросам. Им посвящены работы Милютин, Крицмана, Ларина, Меерсона и др.

Из работ, посвященных проблемам теоретической или абстрактной экономики, можно назвать исследование т. Крицмана «Падение нормы прибыли и прогресс техники».

Продолжается изучение русской дореволюционной экономики под углом зрения развития в ней тенденций, свойственных империализму. В этой области надо отметить работу тов. Ронина.

В литературе, посвященной мировому пролетарскому движению и проблемам Коммунистического Интернационала, видное место, как и следует ожидать, занимают статьи и работы, посвященные Востоку и в частности революционному движению в Китае.

Богато представлен в истекшем году отдел истории России и истории русского революционного движения. 20-летний юбилей революции 1905 г., столетний юбилей декабристов послужили поводом к появлению ряда исторических работ, из которых многие были опубликованы только в 1926 г.

Наши исторические журналы «Пролетарская революция» и «Историк-марксист» дали на своих страницах немало ценных исследований.

Зато слабо в количественном отношении представлена была в истекшем году история Запада (всего 6 названий). По философии мы имеем ряд работ, посвященных различным проблемам диалектического материализма. Дискуссия между механистами и диалектиками дала сильный толчок нашей философской мысли, вызвав к жизни ряд работ не только полемиического, но и исследовательского типа. Методология естествознания, диалектический материализм и естествознание— вот основные темы, которые разрабатывались за истекший год на страницах «Вестника Коммунистической академии», «Под знаменем марксизма» и других журналов. По праву 1926 г. дал количественно, примерно, такую же продукцию, как и прошлый год (28 и 32). По литературе замечается довольно значительное уменьшение (15 против 41 названий). На первом месте в этом разделе стоят проблемы социологии искусства (статьи В. Фриче в «Вестнике

Коммунистической академии»). Ряд работ был посвящен спорным вопросам нашей политики в области художественной литературы.

Указатель теоретических работ коммунистов, подводя итоги каждого года, дает не только общее представление о достижениях нашей партии на фронте теоретической борьбы, но указывает также направление теоретических интересов.

Мы можем поэтому рекомендовать внимательное изучение этих итогов всем товарищам, желающим проследить развитие коммунистической научной мысли последних лет.

Е. Пашуканис.

1. Ленин. О Ленине. Ленинизм.

1. Бухарин Н. К вопросу об изучен. ленинизма. (Заметки). «Правда», 1926, № 17.
2. Бухарин Н. Ленин, как тип мыслителя. «Правда», 1926, № 93.
3. Зиновьев Г. Ленинизм и нэп. Л. «Прибой», 1926, 66 стр.
4. Каменев Л. Б. Ленинизм. См. Энциклопедический словарь Русск. библиографич. института, «Гранат». Изд. 7-е, т. 40, стр. 599—624.
5. Крупская Н. Воспоминания. Гос. изд. М. 1926 г. 120 стр., с портр.
6. Ксенофонтов Ф. А. Основные вопросы стратегии и тактики ВКП (б). Гос. изд. М.—Л. 1927 (1923), II, 190 стр.
7. Ленин Н. (В. Ульянов). Империализм як новітній етап капіталізму. (Популярний нарис.) Переклад М. Х. Щербака. За редакцією Анд. Ричицького. Харків, Держ. Вид-во України, 1926, 99 стр.
8. Ленин Н. (Ульянов В.). Початок революції (1905 року) в Росії. Переклад за редакцією Анд. Ричицького. Харків, Держ. Вид-во України, 1926, 21+3 стр.
9. Ленин Н. (Ульянов В.). Про кооперацію. Переклад за редакцією Е. в. Касяненко. Харків: Держ. Вид-во України, 1926, 15+1 стр.
10. Ленин В. И. Сочинен., изд. 3-е, перепеч. без изменений со 2-го испр. и дополн. издания. Под ред. Л. Б. Каменева. (Т. I, 1893—1896. Подготовлен к печати И. П. Товстухой). Гос. изд. Л. 1926, XXXIII+570+(6) стр. + 1 вкл. л., портр. (Инст. Ленина при ЦК ВКП).
11. Ленин В. И. Сочинения, изд. 3-е, перепеч. без изменений с 2-го испр. и доп. изд. Под ред. Л. Б. Каменева. (Т. II. 1897—1899. Подготовлен к печати И. П. Товстухой). Гос. изд. Л. 1926, XLVIII+704 стр. (Институт Ленина при ЦК ВКП).
12. Ленин В. И. Сочинения, изд. 3-е, перепеч. без измен. со 2-го испр. и дополн. изд. Под ред. Л. Б. Каменева. М.—Л. Гос. изд. 1926. Т. III. Развитие капитализма в России. 1926, VII, 1+659 стр.
13. Ленин В. И. Собрание сочин. Т. XX. Дополнит., ч. I. 1895—1915. М.—Л. Гос. изд. 1926, IV+576 стр. Предисловие Л. Каменева.
14. Ленин В. И. Собрание сочин. Т. XX. Дополн., ч. II, 1917—1922 гг. М.—Л. Гос. изд. 1926.
15. Ленин В. И. О пролетарской культуре (из неопубликов. материал.). «Красная Новь». М.—Л. 1926. 3 стр. 225—228. Приложение: речь А. В. Луначарского на Всероссийском съезде Пролеткульта (в изложении «Известий», от 8 октября 1920, № 224).
16. Ленин В. И. Письмо Аркадию от Ленина. «К. Л.». 1926, № 6, стр. 6—9. Письмо из Лондона от 22/VII—1902. Письмо В. И. сопровождается припиской Н. К. Крупской от того же числа.
17. Ленин В. И. План речи Владимира Ильича на IV Конгрессе Коминтерна (13 ноября 1922). «Правда», 1926, № 17, 1, 90.
18. Ленин В. И. О Парижской коммуне. «Правда», 1926, № 63, 1, 200. Один из первоначальных кратких конспектов о коммуне, служивших для докладов. Из документов инст-та Ленина. Относится, повидимому, к 1904 г.

19. Ленин В. И. Маленькая картинка для выяснений больших вопросов. «Известия», 1926, № 258. («Неопубликованная статья В. И. Ленина»). По поводу книги А. Тодорского «Год с винтовкой и плугом». Статья относится к концу 1918 или началу 1919 г.

20. Ленин В. И. Письмо о задачах революционной молодежи. «Комсомольская Правда», 1926, № 17.

21. Ленин В. И. План речи 27/III 1922. «Б», 1926, № 4, стр. 85—87.

22. Ленин В. И. Неопубликованный отрывок статьи В. И. Ленина «Правда» от 3/VII 1926. Повидимому, часть первоначального наброска статьи «Очередные задачи Советской власти». Отрывок относится к 28/III 1918. Сопровожден несколькими вступительными строками от инст-та Ленина.

23. Ленин В. И. Неизданная рукопись В. И. Ленина «Бакинский Рабочий» от 5/II 1926. Факсимиле и текст первоначального проекта резолюции X Съезда РКП о единстве партии, от марта 1921 г.

24. Ленин В. И. Письмо Н. Ленина ученикам Каприйской школы. «П. Р.», 1926, № 2, стр. 177—184. Письмо из Парижа, от 10/VIII 1909, в ответ на запрос «о мотивах объявления школы новой фракцией».

25. Ленин В. И. Три письма В. И. Ленина «К. Л.», 1926, № 5 (20), стр. 76—79. Два письма за границу т. Карпинскому, от 12/IV и 21/IV 1917, и письмо за границу т. Ганецкому и Радеку, от 12/VI 1917 г.

26. Ленин В. И. Письма В. Ленина «Правда», 1926, № 92. Несколько писем В. Карпинскому (1914—1917 гг.).

27. Ленин В. И. Неопубликованные статьи В. И. Ленина. «Правда», № 17, 1. Под этим заголовком помещены: а) «люди с того света»; б) ответы Ленина на вопросы Рансома (ноябрь, 1922 г.); в) план речи Владимира Ильича на IV Конгрессе Коминтерна (13 ноября 1922 г.).

28. Lenin. Zwei Taktiken der Sozialdemokratie in der demokratischen Revolution. Geschr. in d. I. en Hälfte Juni 1905. Als Brosch. gedr. im Juli 1905; «Wpered» (Deutsch v. A. Klein). M. Zentralverlag d. Völker d. Bundes d. SSR. 1926.

29. Lenin. Beginn der Revolution in Russland. Deutsch v. A. Klein.

M. Zentralvölkerverl. d. Bundes d. SSR. 1926.

30. Lenin. A la mémoire de la commune. «Cahiers du Bolchévisme». Paris. 1926, 31 mai, 50, pp. 1179—1183.

31. Lenin. Wibor pism. T. VI. O kwestji narodowosciowej. Czesc II. Powybuchy wojny.

Przekład z rosyjskiego i przypisy A. Krajewskiego. M. Centralne Wydawnictwo Ludow SSSR, 1926.

32. Lenin. Як робітничая партія до релігії ставиться? Переклад М. Наконечного. За редакцією Анд. Річицького. Харків, Держ. Вид-во України, 1926.

33. Lenin. O Kooperaciji. (O kooperasi). Przekład z rosyjskiego i przypisy St. Helmana. Moskwa. Centralne Wydawnictwo Ludow SSSR.

Книжная фабрика Центриздата народов Союза ССР. 1926. 102 стр.

34. Lenin. Ausgewählte Werke (Wien). Verlag f. Literatur u. Politik, 1926. Sammelbd. Der Kampf um d. soziale Revolution. (Übers. v. Frida Rubiner). XVI+783 S.

35. Lenin. Das Jahr 1905. (Aus d. Schriften Lenins). Pokrowsky. Wolgadeutscher (Deutscher) Staatsverlag «Nemgosisdat». Komm. O. Klemm, Leipzig, 1926.

36. Lenin. Der Imperialismus als jüngste Etappe des Kapitalismus. (Vom Lenin Institut autoris. Ausg. Neue, durchges. erg. u. bericht. Aufl. Wien. Berlin. Verl. f. Literatur u. Politik). Komm. O. Klemm. Leipzig, 1926.

37. Lenin. Die Kinderkrankheit des «Radikalismus» im Kommunismus. 2. ber. Aufl. Berlin. Vereinig. Internat. Verlagsanstalt. 1926.

38. Lenin. Lage und Aufgaben der Sozialistischen Internationale. «Die Internationale». Berlin, 1926. 15 Aug. 449—452.

39. Lenin. Staat und Revolution. Die Lehre d. Marxismus v. Staat u. d. Aufgabe d. Proletariats i. d. Revolution. Berlin. Vereinig. International. Verlagsanstalten, 1926.

40. Lenin. Über den Krieg. Teil. I. Berlin—Schönenberg. Verl. d. Jugendinternationale, 1926. Bibliothek d. jungen Leninisten, Bd. 2.

41. Lenin. A letter to the american workmen. «The Workers monthly». Washington, 1926. Febr. 4, pp. 147—150.

Письмо относится к 1918 г.

42. Lenin. La tactique du prolétariat dans la lutte des classes. Cahiers du Bolchévisme. Paris, 1926, déc. 63, pp. 2431—2434.

43. Lenin. Lessons of Moscow uprising. «The Workers monthly». Washington, 1926, July 9, pp. 397—400.

44. Lenin. Our party's press and literature. «The Workers monthly». Washington, 1926, apr. 6, 268—269.

45. Lenin. The relation of the workers, party to religion. «The Labour monthly». London, 1926, december, 12, pp. 745—755.

46. Lenin. Two tactics. «The Workers monthly». Washington, 1926. September, 11, pp. 496—499.

47. Ленинский сборник IV. Под ред. (и с введением) Л. Б. Каменева. Гос. изд. Л. (1925.) 462 стр. + (2) с обьявл. + (5), вкл. л., портр. и факсимиле (Институт Ленина при ЦК ВКП).

48. Ленинский сборник V. Под ред. (и с введением) Л. Б. Каменева. Гос. изд. Л. (1926). МСМXXXVI.

II. Маркс и Энгельс. O Марксе и Энгельсе

1. Marx Karl. Arbeitslohn. «Unter dem Banner der Marxismus», Jahr. I. Heft. 1. SS. 141—160.

2. Маркс Карл. До критики политической экономии. З 9-го немецкого издания переклад Мик. Порш. Ред. Евг. Касьяненко. Видання другие. Харків, Держ. Вид-во України, 1926, 197+3 стр.

3. Marx Karl. Über Indien und China. «Unter dem Banner des Marxismus». Jahr. I. März 1925 bis Januar 1926. Wien—Berlin. Verlag für Literatur und Politik.

4. Marx Karl. On political indifference. «The Workers monthly». Washington, 1926, october, pp. 565—567.

5. Marx Karl. The revolution in China and in Europe. «The Labor monthly». London, 1926, march 3, pp. 145—152.

6. Marx Karl. Selected essays. New York, International publishers, 1926, 208 pp.

7. Маркс Карл. Письмо Маркса Франклю и Варлену. «Летописи марксизма». М.—Л., 1926. I, стр. 68.

8. Marx et Engels. Le problème de la construction du socialisme au lendemain de la révolution. «Cahiers du

610 стр.+ (4), вкл. л., портр. и факсимиле (Инст. Ленина при ЦК ВКП(б)).

49. Мещеряков Н. Ленин о революционной роли крестьянства. «Печать и Революция». М., 1926, 1, стр. 16—31; 2, стр. 1—16.

50. Разумовский И. К воззрениям Ленина на государство и право. «Под. зн. м.», 1926 1—2, стр. 31—35.

51. Сорин Вл. О философских тирадах Ленина. «Правда», № 175, 1926 г.

52. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Сборник. М.—Л. Гос. изд., 1926, 432 стр.

53. Сталин И. В. До проблем ленинизму. З російської переклад Анд. Річ, Харків, Держ. Вид-во України, 61 стр.

54. Стучка П. И. Ленинизм. «Энциклопедия государства и права», т. II, вып. 3, столб. 711—720.

55. Стучка П. И. Ленинизм и аграрный вопрос. «Под знаменем марксизма». М. 1926, 1—2, стр. 5—30.

bolchévisme». Paris, 1926, octobre, 59, pp. 1881—1888.

9. Marx—Engels Archiv. Zeitschrift d. Marx—Engels Instituts in Moskau. Hrsg. von D. Rjazanov. Bd. I. Frankfurt a. M.—Marx—Engels Archiv. 1926, VII, 550 S.

10. Mehring Franz. Karl Marx et Frédéric Engels. «Cahiers du bolchévisme». Paris, 1926, 6 novembre, 60, pp. 1951—1959.

11. Рязанов Д. Военное дело и марксизм. (Доклад). «Летописи марксизма». М.—Л. 1926, Л., стр. 5—18.

12. Rjazanov D. Karl Marx on China. «The Labour monthly». London, 1926, february, 2, p. 86—92.

13. Rjazanov D. Eine neue Arbeit von Marx über den Arbeitslohn. «Unter dem Banner des Marxismus». Jahr. I. Heft I., SS. 134—141.

Перев. ст. Рязанова из журн. «Под знаменем марксизма».

14. Rjazanov D. Einleitung zu Karl Marx: «Über China und Indien». «Unter dem Banner des Marxismus». Jahr. I. März, 1925, bis Januar 1926. Wien—Berlin. Verlag für Literatur und Politik.

15. **Rjazanov D.** Engel's Einleitung zu Marx: «Klassenkämpfe in Frankreich». «Unter dem Banner des Marxismus». Jahrgang I. Heft 1, SS. 160—166.
16. **Timirjasev.** Engels Naturdialektik und die moderne Physik. «Unter dem Banner des Marxismus». Jahrgang I. Heft 3, SS. 459—973.
17. **Энгельс Ф. К.** Маркс о капитале. С предисл. ред. Д. Рязанова. «Летописи марксизма». М.—Л., 1926, I, стр. 45—60.
18. **Энгельс Ф.** Из неизданных писем Энгельса. «Летописи марксизма».

III. Экономика

1. **Адоратский В. В.** Капитализм. «Энциклопедия государства и права», т. II, вып. 3, столб. 372—335.
2. **Анисимов Я., Верменичев И., Наумов К.** О погрешности подворного метода обследования крестьянского хозяйства. «На Аграрном фронте». М., 1926, 11—12, ноябрь-декабрь, стр. 57—72.
3. **Беленко В.** Рикардо и Маркс. как теоретики стоимости. Харьков, «Пролетарий», 1926, 76 стр.
4. **Берзтыс Я. К.** Теория земельной ренты. (Ответ т. Лаптеву). «На Аграрном фронте». М., 1926, 7—8, июль—август, стр. 127—143. По поводу рецензии Лаптева на книгу Я. Берзтыса: «Теория земельной ренты». («На Аграрном фронте», 1926, 3).
5. **Берзтыс Я.** Теория земельной ренты. (В связи с этапами развития капитализма в земледелии). М.—Л. Центр. упр-ние печати ВСНХ СССР, (1925), 1926, 156 стр. с диаграмм.
6. **Бессонов С. А.** К вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме. «Плановое хозяйство». М., 1926, 11, ноябрь, стр. 121—138. Об успехах европейской техники.
7. **Боголепов Д. П.** Кредит государственный. «Энциклопедия государства и права», т. II, вып. 3, столб. 607—622.
8. **Bucharin N.** Die politische Oekonomie des Rentners. (Die Wert- und Profittheorie d. östereich. Schule). (Einzige vom Verf. autoris. Uebers. von Anna Lifschitz). Wien, Berlin. Verlag für Literatur und Politik. (Komm. O. Klemm. Leipzig, 1926). 194 SS.

- М.—Л., 1926, I, стр. 71—73. Письма Энгельса к Лампле.
19. **Engels Frederick.** On the principle of authority. «The Workers monthly». Washington, 1926, octobre, pp. 563—564.
- Статья направлена против итальянских бакунистов, впервые напечатана в 1874 г.
20. **Engels Frédéric.** Principes du communisme (trad. par M. Ollivier). «Cahiers du bolchévisme». Paris, 1926, 31 mai, pp. 1249—1257; 15 juin, pp. 1295—1304.

9. **Graziadei Antonio.** Die Werttheorie und das Problem des «Konstanten» (technischen) Kapitals. Übers. von Elisabeth Salomon Bosen. Liberia Editrice Italiana; Berlin (R. L.); Prager, 1926, 84, 111 S.
10. **Дволайцкий Ш. М.** Баланс платежный. «Большая советская энциклопедия», т. VI, столб. 464—474.
11. **Крицман Л. Н.** Капитализм и прогресс техники. (К вопросу о движении производительных сил капитализма). «Вестник Коммунистической академии» М. 1926, 16 стр. 3—48.
12. **Крицман Л. Н.** О статистическом изучении классовой структуры советской деревни. (Статья первая). «На Аграрном фронте». М., 1926, 2, стр. 3—10.
13. **Крицман Л. Н.** Падение норм прибыли и прогресс техники. «Вестник Коммунистической академии». М., 1926, 18, стр. 203—241. Доклад и прения на объединенном заседании эконом. секции и секции научной методологии Коммунистической академии, 24 ноября 1926 (стенограмма).
14. **Кузовков Д.** Бюджет государственный. «Энциклопедия государства и права», т. I, вып. 1, столб. 299—339.
15. **Кузовков Д.** Деньги и государство. «Энциклопедия государства и права», т. I, вып. 1, столб. 812—814.
16. **Кузовков Д.** Кредит (теория). «Энциклопедия государства и права», т. II, вып. 3, столб. 589—607.

17. **Ларин Ю.** Экономика досоветской деревни. М.—Л. Госуд. изд., 1926, 216 стр.
18. **Люксембург Роза.** Введение в политическую экономию. Перевод с проверенного немецкого текста. М.—Л. Гос. изд., 1926, 358 стр. Вступительные статьи: А. Тальгеймер, Розы Вольштейн, д-р Ганс Гляубауф.
19. **Меерсон Г.** Семейно-трудовая теория и дифференциация крестьянства в России. С предисл. Л. Крицмана. М. «П. Х.», 1926, 91+(1) стр.
20. **Милютин В.** Аграрный вопрос. «Большая советская энциклопедия». М., 1926, столб. 506—515.
21. **Пашков А.** Органический состав капитала. «Вестник Коммунистической академии». М., 19 16, 18, стр. 85—102.
22. **Петров Н.** Аграрный протекционизм. «Большая советская энциклопедия». М., 1926, столб. 519—529.
23. **Позняков В.** Гильфердинг или Маркс? (К критике теории денег Гильфердинга). «Под знаменем марксизма». М., 1926, 1—2, стр. 245—267.
24. **Преображенский Е. А.** Аграрная политика. «БСЭ». М., 1926, столб. 455—464.
25. **Раевич Г.** Объем крестьянского хозяйства и теория факторов. «На аграрном фронте». М., 1926, 1, стр. 10—21, с 2 столб.

26. **Раевич Г. О** вульгаризированном применении коэффициентов корреляции в работах Прокоповича и друг. «Проблемы статистики». М., 1926, 2, стр. 46—52.
27. **Ронин С.** Иностраный капитал и русские банки. К вопросу о финансовом капитале в России. Предисловие Л. Крицмана. М. Коммунист. ун-т им. Свердлова, VII+144 стр.+2) вклад. листа (табл. и схем).
28. **Сарабьянов Вл.** История русской промышленности. Краткий очерк. Харьков, «Пролетарий», 1926, 290 стр.
29. **Смит М. Н.** Экономические основы калькуляции. М.—Л. Гос. изд., 1926 (1925), 152 стр. (Ассоциация научн.-исследоват. институтов. Инст. экономики).
30. **Сулковский М.** Проблема интенсивности у Бринкмана. «На Аграрном фронте». М., 1926, 9, сентябрь, стр. 11—21. По поводу книги Бринкмана «Экономические основы организации с.-х. предприятий».
31. **Шанин Л.** Экономические проблемы валютного паритета. «Плановое хозяйство». М., 1926, 5, май, стр. 91—106.
32. **Шахновская С.** Движение дивиденда и проблема регулирования его. «Плановое хозяйство». М., 1926, 11, ноябрь и декабрь, стр. 81—104. Теория и практика в европ. странах и в России.

IV. Труд

7. **Каплун С.** Женский труд. «Энциклоп. госуд. и права», т. I, вып. 1, столб. 1112—1122.
8. **Каплун С.** Инспекция труда. «Энциклоп. госуд. и права», т. II, вып. 3, столб. 214—222.
9. **Каплун С.** Теория и практика охраны труда. Часть 2-я; 3-е совершенно переработанное изд. книги «Охрана труда и ее органы». М. «Вопросы труда» (1927), 1926, 262 стр.
10. **Рубинштейн М.** «Непрерывная работа». (Конвейер в капиталистических государствах). «Мировое хозяйство и мировая политика». М., 1926, 10—11, стр. 75—88.
11. **Сборник.** Подготовка квалифицированной рабочей силы. Под ред. и с предисл. Ольги Аникст, Н. Крупская, В. Шмидт,

И. Ходоровский, Я. Гиндин, А. Каменский, А. Рабинович, Ю. Милейковский, Разведчик, Д. Будняк, И. Зайдель, А. Михайлов. М. «Вопросы труда», 1926, 128 стр.

12. **Смолянский Г.** Мировая эмиграция и иммиграция. М. «Профинтерн», 1926.

13. **Струмилин С. Г.** Динамика оплаты промышленного труда в России за 1900—1914 гг. «Плановое

V. Хозяйство советского периода

1. **Анисимов Я., Верменичев И., Наумов К.**—О социальном составе Московской деревни. «На Аграрном фронте». М., 1926, 5—6, май—июнь, стр. 52—76.

2. **Астров В.** Тов. Преображенский «отвечает». «Большевик». М. 1926, 21—22, ноябрь, стр. 25—40. По поводу предисл. ко 2-му изд. книги: «Новая экономика» Е. А. Преображенского.

3. **Беленко В.** Об индустриализации. М.—Л., 1926, 5, стр. 141—158.

4. **Беленко В.** О товарном голоде. «Большевик». М., 1926, 17, сентябрь, стр. 44—61.

5. **Бронский М.** Основные вопросы нашей экономической политики. Итоги XIV Съезда ВКП(б). М.—Л. Гос. изд., 1926, 53 стр.

6. **Бронский М.** Современные проблемы денежного обращения и кредитной политики. «Социалистическое хозяйство». М., 1926, 111, стр. 8—32.

7. **Бронский М.** К экономической платформе оппозиции. «Соц. хозяйство». М., 1926, 5, стр. 5—32.

8. **Бухарин Н.** Критика экономической платформы оппозиции. Л. «Прибой», 1926, 91+(2) стр.

9. **Варьяш Э.** Международное кооперативное движение и советская кооперация. М. «Город и деревня», 1. 26, 95+(2) стр.

10. **Глухов И. К.** От патриархальщины к социализму. (Политический и экономический очерк Казмыцкой области). Астрахань, Агитотдел Калмыцкого ВКП(б), 1926, 267+VIII стр. +1 вклад. лист, (портрет).

11. **Гольденберг Э.** Запоздалый рефлекс. «Большевик». М. 1926, 7—8,

хозяйство». М. 1926. сент., стр. 239—252.

14. **Струмилин С. Г.** Оплата и производительность труда в сельском хозяйстве (статья первая). «На Аграрном фронте». М., 1926, 1, стр. 41—52, с приложением таблиц.

15. **Шмидт В.** Вопросы зарплаты в СССР. Доклад на собрании актива Моск. организации ВКП(б), 30 сентября 1926 г. М.—Л. Гос. изд. 1926. 32 стр.

стр. 24—32. По поводу статьи Е. А. Преображенского «О законе ценности в советск. хозяйстве». «Вестник Ком. академии», 14.

12. **Гольденберг Э.** Ответ т. Преображенскому. «Большевик». М., 1926, 15—16, авг., стр. 84—95. Ответ на статью Е. Преображенского «Экономические заметки», помещенную в том же номере «Большевика».

13. **Гринберг Б.** Внешняя торговля и сельское хозяйство. Л. «Прибой», 1926, 51 стр.

14. **Djerjinski.** Le développement industriel et les difficultés économiques de l'Union Soviétique. «Cahiers du bolchévisme». Paris, 1926, mars, 44, pp. 739—747.

15. **Дзержинский Ф.** На командных высотах (промышленность СССР в 1925 г.). Л. «Прибой», 1926, 36 стр.

16. **Дзержинский Ф.** О хозяйственном строительстве СССР. Доклад на XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б). М.—Л. Гос. изд., 1926, 52 стр.

17. **Дзержинский Ф.** Промышленность СССР—основа социалистического строительства. (Доклад на XIV Московской Губернской, партийной конференции РКП(б). М.—Л. Центр. упр. печати ВСНХ СССР, 1926, 55 стр.

18. **Дзержинский Ф.** Промышленное строительство и хозяйственные затруднения СССР. Доклад на пленуме ВЦСПС 9 II—1926 г. М.—Л. Гос. изд., 1926, 32 стр.

19. **Кантор Х. Н.** Пути индустриализации и новая оппозиция. 2-е изд. М.—Л. «Московский рабочий» 1927, (1926), 104 стр.

20. **Кржижановский Г. М.** К идеологии социалистического строительства. «Плановое хозяйство». М., 1926, 1, стр. 15—31.

21. **Кржижановский Г. М.** Пять лет борьбы за план. «Плановое хозяйство». М., 1926, 3, стр. 7—46.

22. **Кржижановский Г. М.** Текущие проблемы планирования (доклад). «Плановое хозяйство». М., 1926, 4, стр. 10—30.

23. **Леонтьев А. и Хмельницкая Е.** Советская экономика. Опыт теоретического анализа. М. «Плановое хозяйство». 1926, 102 стр.

24. **Майзлин.** Тов. Бухарин в борьбе против «оппозиционного» блока. «Б.» М., 1926, 18 сент., стр. 103—118.

25. **Марецкий Д. М.** Хозяйственная платформа объединенной оппозиции. М. «Правда» и «Беднота». 1926.

26. **Мендельсон А.** Планирование промышленности. «Плановое хозяйство». М., 1926, 3, стр. 88—100.

27. **Мендельсон Л.** Покушение с негодными средствами. «Большевик». М., 1926, 9—10, стр. 8—21.

28. **Месьаев П. С.-х.** колхозы Сибири (к конурсу колхозов). «Жизнь Сибири». Новониколаевск, 1926, 4, стр. 32—38.

29. **Милютин В.** Аграрная политика СССР. М. Л. Гос. изд., 1926, 308 стр.

30. **Милютин В.** Ближайшие экономические задачи. М. Изд. Комму. акад., 1926, 108 стр.

31. **Милютин В.** О проблеме диспропорции и темпе хозяйственного развития СССР (доклад). «Вестник Коммунистической академ.». М. 1926, 16, стр. 216—260.

32. **Милютин В.** Перспективы хозяйственного развития СССР. (Контрольные цифры Госплана). Доклад В. П. Милютина 26—27 сент. М., Комму. акад. (1926), 181—276 стр. Стенограммы докладов, читаемых в Комму. акад.).

33. **Преображенский Е. А.** Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. Т. I, часть 1-я. М. Изд. Ком. акад., 1926, 275 стр.

34. **Преображенский Е. А.** Проблема хозяйственного равновесия при конкретном капитализме и в советской системе. «Вестник Коммунистической академии». М., 1926, 17, стр. 34—76. Глава из II тома работы «Новая экономика».

35. **Преображенский Е. А.** Экономические заметки. III. О пользе теоретического изучения советского хозяйства. «Большевик». М., 1926, 15—16, август, стр. 68—83. Ответ Е. Преображенского к критикам его книги «Новая экономика», вышедшей в 1926 г. в издании Коммунистической академии, в том числе и Э. Гольденбергу, поместившему статью «Запоздалый рефлекс» в «Большевик», № 7 8, 1926.

36. **Преображенский Е. А.** Хозяйственное равновесие при конкретном капитализме и в системе СССР. «Вестник Коммунистической академии». М. 1926, 18, стр. 63—84.

37. **Рыков А. И.** Хозяйственное положение страны и задачи партии (доклад). Заключительное слово. Резолюция. М.—Л. Гос. изд. 1927 (1926), 128 стр.

38. **Сарабьянов Вл.** Кооперация в системе советского хозяйства. М.—Л. Книгосоюз, 1926.

39. **Сарабьянов Вл.** Основные проблемы нэпа. План, регулирование, стихия. М.—Л. «Московский Рабочий», 1926, 193 стр.

40. **Сборник.** На путях социалистического строительства. Сборник под ред. В. Милютина и А. Свицерского. М.—Л. Гос. изд. 1927 (1926), 164 стр. с график. Авторы статей: В. Милютин, А. Рыков, А. Гольцман, Э. Квириг, А. Свицерский, Ш. Дволайчик, З. Зангвиль.

41. **Сборник.** Хозяйственный рост и хозяйственные затруднения. По материалам НК РКИ СССР. Под ред. В. Милютина и А. Гольцмана. М. НК РКИ СССР, 1926, 104 стр.

42. **Сборник.** Экономическая политика партии и оппозиция. Сборник статей под редакцией: Ш. Дволайцкого, А. Кактынь и С. Струмилина. М.—Л. «Московский Рабочий», 1927 (1926), 70+(2) стр.

43. **Смилга И.** Восстановительный процесс. Пять лет новой экономической политики (март 1921 г.—март 1926 г.). Статьи и речи. М. «Плановое хозяйство», 1927 (1926), XX + 447 стр.

44. **Смирнов В.** К вопросу о наших хозяйственных затруднениях. «Красная Новь». М.—Л. 1926, 5, стр. 156—173.

45. **Смит М.** Проблемы промышленной статистики в период реконструкции хозяйства (доклад). «Проблемы статистики». М. 1926, 2, стр. 59—76.
46. **Сокольников Г. Я.** Финансовая политика революции. Том II. М. НКФ СССР, 1926, 186+(3) стр.
47. **Stalin I.** Die Wirtschaftslage der Sowjetunion. «Die Internationale». Berlin, 1926, 10, S. 294—301.
48. **Сталин И.** О хозяйственном положении Советского Союза. (Доклад активу Ленинградской организации 13 апреля 1926 г.). Л. «Прибой», 1926, 48 стр.
49. **Стецкий А.** Выход из затруднений или обострение затруднений. «Большевик». М. 1926, 9—10, стр. 45—60.
50. **Струмилин С. Г.** Народный доход СССР. К методике изучения вопроса. «Плановое хозяйство». М. 1926, 8, август, стр. 140—163.
51. **Струмилин С. Г.** О судьбах частного капитала в СССР. «Плановое хозяйство».

- М. 1926, 9, сентябрь, стр. 7—32.
52. **Струмилин С. Г.** Перспективная ориентировка Госплана. «Плановое хозяйство». М. 1926, 5, май, стр. 30—58.
53. **Троцкий Л.** Борьба за качество. М. «Плановое хозяйство», 1926, 84 стр.
54. **Шанин Л.** Вопросы экономического курса. «Большевик». М. 1926, 2, стр. 65—87.
55. **Шанин Л.** Рента в условиях советской экономики (по поводу главы из книги т. Преображенского «Новая экономика»). «На Аграрном фронте». М. 1926, 9, сентябрь, стр. 34—49.
56. **Эвентов Л.** СССР и мировое хозяйство. «Плановое хозяйство». М. 1926, 12, декабрь, стр. 139—158.
57. **Яковлев Я. А.** Сельское хозяйство и индустриализация. (Доклад в Комм. академии). М.—Л. Гос. изд., 1927 (1926), 64 стр.

VI. Мировое хозяйство

1. **Berlioz I.** Le cartel européen de l'acier. «Cahiers du bolchévisme». Paris, 1926, octobre, 59, pp. 1870—1881.
2. **Ваксов В.** Континентально-европейский металлургический трест и задачи рабочего класса. М. ЦК ВСРМ, 1927 (1926), 68 стр.
3. **Варга Е.** Мировое хозяйство и хозяйственная политика в 1926 году. Обзор за первую четверть года. Перев. с рукописи М. Диканского. Под ред. С. Швердина. М.—Л. «Московский рабочий», 1926, 136 стр.
4. **Варга Е.** Мировое хозяйство и хозяйственная политика в 1925 г. Обзор за третью четверть года. Перев. с немецк. рукописи М. Диканского. Под ред. С. Швердина. М.—Л. «Московский рабочий», 1926, 136 стр.
5. **Варга Е.** Мировое хозяйство и хозяйственная политика в 1925 г. Обзор за последнюю четверть года. Перев. с рукописи М. Диканского. Под ред. С. Швердина. М.—Л. «Московский рабочий», 1926 г., 127 стр. (Мировая экономика и политика. Конъюнктурные обзоры, 338 В 18).

6. **Варга Е.** Противоречия германского капитализма. «Большевик». М., 1926, 21—22, ноябрь, стр. 81—101.
7. **Варга Е.** Хозяйственное положение Германии. «Пл. хоз.». М. 1926, 7, стр. 117—127.
8. **Варга Е.** Хозяйственные проблемы Германии. «Пл. хоз.». М. 1926, 11, ноябрь, стр. 139—154.
9. **Волин М.** Основные вопросы экономики сельского хозяйства Китая. «На Аграрном фронте». М. 1926, 10, октябрь, стр. 57—68.
10. **Грановский Е. Л.** Угольный кризис в Англии. С предисл. генерального секретаря федерации горнорабочих Великобрит. А. Дж. Кука. Л. «Прибой», 1926, 138 стр., с карт.
11. **Диканский Матвей.** Новейшая концентрация германской промышленности. М.—Л. «Московский рабочий», 1926, 234 стр., с диаграмм.
12. **Иоффе А. А. (Крымский В.).** Япония в наши дни. М. Науч. ассоциация востоковедения, 1926, 77 стр. Библиография.
13. **Канторович А. Я.** Система общественных отношений Китая докапиталистической эпохи (в порядке

- гипотезы). «Новый Восток». М. 1926, 15, стр. 67—93. Приложение: указатель важнейшей литературы по Китаю.
14. **Кленович С.** Мировой рынок капиталов. «Соц. Х.» М. 1926, 1, стр. 166—193.
15. **Ляпинский П.** Мировой кризис угля. Итоги и перспективы. С предисловием К. Радека. М.—Л. Гос. изд., 1926, 43 стр.
16. **Нахимсон М. (Спектатор).** Мировое хозяйство до и после войны. М.—Л. ЦУП ВСНХ, 1926. (Серия «Мировое хозяйство»). Т. II. Мировое хозяйство за годы 1914 по 1918, 226 стр.
17. **Нахимсон М. (Спектатор).** Структура американского сельского хозяйства. «М. Х. и М. П.» М. 1926, 2, стр. 24—40.
18. **Осинский Н.** Мои лжеучения о Соединенных Штатах Северной Америки (к вопросу об Америке и Европе). М. «Правда» и «Беднота», 1926, 40 стр., с график.
19. **Осинский Н.** Первые итоги американской сельскохозяйственной переписи 1925 г. «А. Ф.». М. 1926, 3, стр. 131—139.
20. **Осинский Н.** По сельскохозяйственным штатам Северной Америки. Экономический дневник. Прилож.: Л. С. Марголин. Материалы по сельскому хозяйству западных штатов Америки. М. Комм. академия, 1926, 264 стр., с иллюстр.
21. **Пеппер Джон.** Соединенные Штаты социалистической Европы. М.—Л. Гос. изд., 1926, 57 стр.
22. **Преображенский Е.** Экономика и финансы современной Франции. М. Комм. акад., 1926 (1925), 158 стр., с график.
23. **Радек К.** Стабилизация капитализма. (Доклад в Институте Мирового хозяйства и мировой политики, 13 ноября 1926 г.) «Мировое хозяйство и мировая политика». М., 1926, 10—11, стр. 11—74. Доклад и прения.
24. **Сборник.** Исторический кризис английского капитализма. Сборник статей: Н. Осинского, М. Спектатора, М.

- Смит и Политакуса. М.—Л. Гос. изд., 1926, 127 стр. (Инст-т Мирового хозяйства и Мировой политики при Комму. академ.).
25. **Сен-Катайма.** Китай (экономический очерк). Пер. с англ. под ред. А. Д. Попова. М.—Л. ВСНХ СССР, 1926, 59 стр.
26. **Сerratи Джиацинто Меллотти.** Современная Италия. Экономические заметки. Авторизированный перев. (и предисл.) А. Н. Колпинской. Л. «Прибой», 1920, 138+(2) стр.
27. **Спектатор.** Кризис в угольной промышленности Англии. «К. И.». М. 1926, 5—6, стр. 160—180.
28. **Троцкий Л.** Европа и Америка. М.—Л. Гос. изд., 1926, 112 стр.
29. **Trotzky Leon.** Europe et Amérique. «Cahiers de bolchévisme». Paris, 1926, 15 juin, 51, pp. 1304—1311.
30. **Троцкий Л. Д.** Европа и Америка (доклад). «Мировое хозяйство и Мировая политика». М. 1926, стр. 5—32.
31. **Trotzki L. D.** Wohin treibt England? Einzige autor. deutsche ausg. Hrsg.: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, Berlin, Volksausg. (1—5 Tsd). Berlin: Neuer Deutsch Verlag, 1926, VII, 143 S.
32. **Троцкий Л.** Куда влет Англия? Вып. II. М.—Л. Гос. изд., 1926, 96 стр.
33. **Угаров А.** Экспорт капитала из С.-А. С. Штатов. «Мировое хозяйство и Мировая политика». М. 1926, 9, стр. 9—50.
34. **Финк Г.** Проблема рационализации в Германии. М. 1926, июль, стр. 144—149.
35. **Ходоров А. Е.** Чжан Цзо-лин и Кит.-Вост. жел. дор. «Международная жизнь». М. 1926, 10, стр. 20—36.
36. **Ходоров А. Е.** Китай и мировое хозяйство. «М. Ж.». М. 1926, 4, стр. 47—61.
37. **Ходоров А. Е.** Народное хозяйство Китая. С предисл. М. П. Павловича. М. «Прометей», 1926, XII+420 стр.
38. **Шляпников А. Г.** По заводам Франции и Германии. Л. «Прибой», 1926, 129+(2) стр.

VII. Политика советского периода

1. **Бухарин Н.** Борьба за кадры. Речи и статьи. М.—Л. «Молодая Гвардия», 1926, 3+348+(2) стр.

2. **Бухарин Н.** Итоги XIV Съезда ВКП(б). Доклад на собрании активных работников Московской органи-

зации 5 января 1926 года. Н. Новгород, газ. «Нижегородская коммуна». 192, 95 стр.

3. **Бухарин Н.** К итогам дискуссии. Доклады на XXIII чрезвычайной Ленинградской губернской, Выборгской и Московско-Нарвской районных конференциях ВКП(б). Л. «Прибой», 1926, 114 + (2) стр.

4. **Бухарин Н.** О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР. «Б.» М., 1926, 19—20, октябрь, стр. 28—59.

5. **Бухарин Н.** О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР. Л. «Прибой», 1926, 80 стр.

6. **Бухарин Н.** Партия и оппозиционный блок. (Доклад активу Ленинградской организации ВКП(б) 28 июля с. г.) Л. «Прибой», 1926, 132 стр.

7. **Бухарин Н.** Три речи. (К вопросу о наших разногласиях). М.—Л. Гос. изд., 1926, 69 + (1) стр.

8. **Bucharin.** The party and the opposition bloc. «The Communist review». London, 1926, september, 5, pp. 208—218, october, 6, pp. 267—281, november, 7, pp. 326—336.

Доклад тов. Бухарина на собрании Ленинградского актива партработников об итогах пленума ЦК партии.

9. **Бухарин Н.** Шлях до соціалізму та робітничо-селянська спілка. Перекл. т. Кардиналовської за редакцією П. Довгого. Харків, Держ. Вид-во України, 1926, 92 стр. + (4).

10. **Бухарин Н.** К вопросу о закономерности переходного периода. Критическ. замечания по поводу книги т. Преображенского «Новая экономика». «Правда», 1926, №№ 148, 150 и 153.

11. **Зиновьев Г.** Нащи разногласия. Доклад по политотчету ЦК на XIV съезде ВКП(б) и заключитель-

ное слово по содокладу. М.—Л. Гос. изд., 1926, 112 стр. + (1) стр.

12. **Зиновьев Г.** О выдуманных и подлинных разногласиях в нашей партии. (Перераб. содоклад на XIV съезде ВКП(б). Л. «Прибой», 1925 (1926), 61 стр.

13. **Карпинский В.** Новое течение в нашей политике (к вопросу о расширении круга избирателей). «Большевик». М., 1926, 13, стр. 23—44.

14. **Молотов В.** Политика партии в деревне. Статьи и речи. М.—Л. Гос. изд., 1926 (1925), 284 стр.

15. **Скрипник Н.** О теории борьбы двух культур. Основные линии национальной политики на Украине. Харьков. Гос. изд. Украины, 1926, 32 стр.

16. **Слепков А.** Платформа оппозиционного ликвидаторства. (Ответ на статью Оссовского «Партия к XIV съезду»). М.—Л. Гос. изд., 1926, 63 стр.

17. **Сталин И.** Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Изд. 2-е. М.—Л. Гос. изд., 1926, 47 стр.

18. **Сталин И.** О социал-демократическом уклоне в нашей партии. Доклад, заключительное слово на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) 1—3 ноября, 1926 г. и резолюция, принятая конференцией по докладу. М.—Л. Гос. изд., 1927 (1926), 176 стр.

19. **Сталин И.** Политический отчет Центрального Комитета XIV Съезда Российской коммунистической партии (большевиков). Изд. 7-е. М.—Л. Гос. изд., 1926, 112 стр.

20. **Яковлев Я.** Советы, как форма пролетарской демократии «Большевик». М., 1926, 5, стр. 9—27.

21. **Ярославский Ем.** Завершенный круг. (Итоги фракционной деятельности оппозиции за 1926 год). Л. «Прибой» (1926), 110 + (2) стр.

22. **Ярославский Ем.** Новая оппозиция и троцкизм. Л. «Прибой», 1926, 159 стр.

3. **Бухарцев Дм.** Гарантийный договор. М. Л. «Плановое хозяйство», 1926, 78 стр., с илл.

4. **Варга Е.** Мексика. «Плановое хозяйство». М. 1926, 9, сент., стр. 137—154. Об экономическом и внешне-политическом положении Мексики.

VIII. Международная политика

1. **Анбор Г.** Социальная сущность консервативной партии в Англии. «Международная жизнь». М. 1926, 10, стр. 37—56.

2. **Bucharine.** Les principales perspectives de la révolution chinoise. «Cahiers du bolchévisme». Paris, 1926, décembre, 63, pp. 2423—2431.

5. **Венгров А.** Танжер и итало-испанский договор. «Международная жизнь». М. 1926, 9, стр. 51—62.

6. **Wittfogel Karl August.** Das erwachende China. Ein Abriss d. Geschichte und d. Gegenwärt. Problem Chinas. Wien, Agis-Verlag. Komm. Otto Klemm, Leipzig, 1926, 174 S.

7. **Висанов И.** Персия Реза-шаха. «Новый Восток». М. 1926, 15, стр. 1—16.

8. **Геллер Л.** Борьба на Тихом океане. М., 1926, 5 (64), май, стр. 627—644.

9. **Грэг.** Кризис Малой Антанты. «Международная жизнь». М. 1926, 9, стр. 38—50.

10. **Далин Сергей.** В рядах китайской революции. С предисл. Карла Радека. М.—Л. «Московский рабочий», 1926, 144 стр.

11. **Диманштейн С.** Социально-политические корни антисемитизма. (К постановке вопроса о борьбе с антисемитизмом). М. 1926, 20 окт., стр. 25—82.

12. **Ерусалимский А.** Германо-американские отношения в конце XIX в. «Мировое хозяйство и Мировая политика». М. 1926. 10—11, стр. 110—131.

13. **Ирандуст.** Заметка о смене режима в Персии. «Новый Восток». М. 1926, 15, стр. 35—63.

14. **Исмаил-Заде.** Ислам, халифат и Англия. «Н. В». М. 1926, 13—14, стр. 43—57.

15. **Michel Rosa.** Pourquoi luttons-nous contre la rationalisation capitale?—«Cahiers du bolchévisme». Paris, 1926, novembre, 61, pp. 2019—2031.

16. **Павлович М. П.** Капитуляция Абд-эль-Керима и трагедия Риффа. «Н. В». М., 1926, 13—14, стр. III—XXXII.

17. **Пеппер Джон.** На пути ко второму рабочему правительству. Англия в 1926 г. М.—Л. Гос. изд., 1927 (1926), 40 + 1 стр.

18. **Петрин В.** Турция перед мосульским соглашением. «М. Ж». М., 1926, 6, стр. 3—15.

19. **Пэри Габриэль.** Лига Наций. Ее слова и дела. С предисловием А. Ма-

ти. Перев. А. Н. Карасика. Л., «Прибой», 1926, 165—(2) стр.

20. **Раковский Х.** Лига Наций и СССР. Приложение: Г. В. Чичерин—Лига Наций и СССР. М., Коммунист. акад., 1926, 82 стр.

21. **Раковский Х.** Факторы международной политики, капиталистические государства и Советский Союз. Харьков, Гос. изд. Украины, 1925, 62 стр. + 2.

22. **Рафаил М.** Ближний Восток. (Политические положения). Вступит. статья Х. Г. Раковского. Изд. 3-е, заново перераб. и значительно дополн. М.—Л. Гос. изд., VIII+266 стр.

23. **Савдер.** Забастовка бомбейских текстильщиков. «Новый Восток». М., 1926, 13—14, стр. 32—42.

24. **Савельев Л.** Молодежь восточных колоний. М.—Л., Гос. изд., 1926, 124 стр.

25. **Семенов Б. (Мельников).** Япония и паназиятская конференция. «Международная жизнь». М., 1926, 9, стр. 3—24.

26. **Сталин И.** О перспективах революции в Китае (речь). «Большевик». М., 1926, 2—24, декабрь, стр. 13—21.

27. **Сталин И.** О перспективах революции в Китае. «Коммунистический Интернационал». М., 1926, 13 (71), декабрь, стр. 9—19.

Речь в Китайской комиссии ИККИ, 30/XI—1926 г.

28. **Trotsky L.** Encore le pacifisme et la révolution (réponse à Bertrand Russel). Traduit par Victor Serge. «Cahiers du bolchévisme». Paris, 1926, 15, juillet, 53, p. 1435—1444.

29. **Франкль Ф.** Америка и Филиппинские острова. «Н. В». М., 1926, 12, стр. 89—104.

30. **Ходоров А. Е.** Рабочий класс в Китае. «Н. В.» М., 1926, 13—14, стр. 17—31.

31. **Ходоров А. Е.** Китайская конституция 1923 г. «Н. В.» М., 1926, 12, стр. 52—67.

32. **Ходоров А. Е.** Классовая борьба в Китае. «Новый Восток». М., 1926, 15, стр. 94—113.

IX. Коминтерн

1. **Брандлер Г.** Пути послевоенного капиталистического развития (Англия и Германия). «Красный Интернационал профсоюзов». М., 1926, 12, декабрь, стр. 550—561.

2. **Bucharin N.** Die kapitalistische Stabilisierung und die proletarische Revolution. Bericht an des VII erweiterten Plenum des Exekutivkomitees der Komintern zum I Punct der Tagesordnung.

«Die Weltlage und die Aufgaben der kommunistischen Internationale». Moskau, EKKI, 1925, 129 S.

3. **Bucharin N.** Capitalist stabilisation and proletarian revolution. Report to the VII enlarged plenum of the E. C., of the Comintern on point I on the agenda. «The world situation and the tasks of the Comintern». Moscow, the Executive Committee of the Comintern. 1926, 109 p.

4. **Boucharine N.** Stabilisation capitaliste et revolution prolétarienne. Rapport présenté à la VII-e Session du Comité Exécutif Elargi de l'Internationale Communiste sur le premier point de l'ordre du jour. La situation mondiale et les tâches de l'Internationale Communiste. Moscow, Service d'Édition du Comité Exécutif de l'Internationale Communiste, 1926, 105 p.

5. **Bucharin N.** Bucharins Antwort an sozialdemokratische Arbeiter. Berlin, Vereinigung internationaler Verlagsanstalten, 1926, 31 S.

6. **Бухарин Н. И.** Капиталистическая стабилизация и пролетарская революция. Доклад VII расширенному пленуму Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала по первому пункту порядка дня. «Мировое положение и задачи Коминтерна». М.—Л. Гос. изд. (1927), 1926, 213 + 3 стр.

7. **Варга Е.** Мировое значение революционной борьбы английского пролетариата. «Коммунистический Интернационал». М., 1926, 7, стр. 5—27.

8. **Вуйович В. Д.** Международное рабочее движение и Коммунистический Интернационал. М.—Л. Гос. изд., 1926 (1925), 8 стр. (Б-ка партийца). Под общ. ред. Н. Бухарина, И. Варейкиса и Е. Ярославского.

9. **Dutt R., Palme,** Trotsky and his english critics. «The Labour monthly». London, 1926, april, 4, pp. 223—241.

10. **Зиновьев Г.** Коминтерн в борьбе за массы. Политический отчет VI расширенному пленуму ИККИ (февраль—март 1926 г.). Доклад, заключительное слово и резолюция. М. Гос. изд., 1926, 112 стр.

11. **Кленович С.** Итоги стабилизации европейских валют. «К. И». М., 1926, 1, стр. 131—149.

12. **Лапинский П.** Вверх ногами. (К теории фашистского развития).

«Коммунистический Интернационал». М., 1926, 9 (58), сентябрь, стр. 28—44. К теории фашистского развития в Польше.

13. **Ленцнер Н.** Новый этап рабочего движения. К итогам VI расширенного пленума ИККИ. М.—Л. Гос. изд., 1926, 68 стр.

14. **Лозовский А.** Коминтерн и продвижение. (Доклад на VI расширенном пленуме ИККИ 1 марта 1926 г.). М. Профинтерн, 1926, 99 + (1) стр.

15. **Рой М. Н.** Новая экономическая политика британского империализма и ее влияние на индийский национализм. М. 1926, 1, стр. 173—191.

16. **Смолянский Г.** Стабилизация капитализма и рабочий класс. Положение рабочего класса и профессиональное движение. «К. И». М.—Л. Гос. изд., 76 стр.

17. **Спектатор М. И.** К вопросу о «стабилизации капитализма» (критический этюд). М. «Плановое хозяйство». 1926, 184 + 8 стр. + (1) вклад. лист. табл.

18. **Сталин И.** Дві стабилізації. Допвід на зборах активу Московської організації РКП(б) про підсумки роботи XIV конференції РКП(б) Харків, Держ. Вид-во України. 1926, 53 + 3 стр.

19. **Стэн Ян.** Стабилизация капитализма и ближайшие перспективы классовой борьбы. М. Изд. «Правда» и «Беднота». 1926.

20. **Стэн Ян.** Стабилизация капитализма и ближайшие перспективы классовой борьбы. «Коммунистический Интернационал». М. 1926, 9 (58), сентябрь, стр. 5—27.

21. **Тальгеймер А.** Место английской всеобщей стачки в истории. «Коммунистический Интернационал». М. 1926, 5—6, стр. 202—215.

22. **Троцкий Л. Д.** К вопросу о тенденциях развития мирового хозяйства. «П. Х.». М. 1926, 1, стр. 185—200. Стенограмма речи 18/1—1926 г. по докладу о тенденциях развития мирового хозяйства за 1919—1925 г., сделанному профессорами: Букшпаном, Кондратьевым, Спектатором и Фалькнером.

23. **Форстер В.** Новейшие формы классовой сотрудничества в Америке. «Коммунистический Интернационал». М. 1926, 8 (57), стр. 147—155.

24. **Фрейлих П.** Хозяйственная демократия. «Коммунистический Интернационал». М. 1926, 7, стр. 67—88.

25. **Эрколи.** Какова была социальная база фашизма? «Ком. Интерн.». М. 1926, 4 (53), стр. 67—77.

Х. I и II Интернационал

1. **Bucharin N.** Karl Kautsky und Sowietrussland. Eine Antwort. Wien, Verlag für Literatur und Politik. 1926, 163 S.

2. **Бухарин Н.** Новая программа австрийской социал-демократии. «Коммунистический Интернационал». М. 1926, (159), сент., стр. 11—23.

3. **Зайдель Г.** Организационные принципы II Интернационала. «Под знаменем марксизма». М. 1926, 12, стр. 185—214.

4. **Карев Н.** Адлер Макс. «БСЭ». М. 1926, столб. 601—603.

5. **Лапинский П.** Расслоение реформизма. «Большевик». М. 1926, 17, сентябрь, стр. 8—30.

6. **Лейкин Э.** Каутскианство в теории империализма. «Под знаменем марксизма». М. 1926, 11, стр. 172—201; 12, стр. 144—184.

7. **Леонтьев А.** Послевоенная социал-демократия и проблема государства. «Вестник Комму. академ.». М. 1926, 18, стр. 103—145.

8. **Мартынов А.** Бауэр и Дан лицом к деревне. О новой аграрной программе австрийской социал-демо-

кратии. М.—Л. Гос. изд., 1926, 24 стр.

9. **Рывлин Е.** Борьба течений в германской социал-демократии в первые годы после падения исключительного закона (1890—1895). «Под знаменем марксизма». М. 1926, 11, ноябрь, стр. 142—171.

10. **Стеклов Ю.** Существовал ли тайный Альянс? (К истории исключения Бакунина из Интернационала). «Красная Новь». М.—Л. 1926, 12, декабрь, стр. 183—206.

Извлечение из III тома печатающейся книги Ю. М. Стеклова «М. А. Бакунин».

11. **Тальгеймер А.** Крестьянский вопрос в Австрии и аграрная программа австрийской соц.-дем. «Б.». М. 1926, 15—16, август, стр. 12—25.

12. **Тальгеймер А.** Новое экономическое обособление социал-реформизма. «Большевик». М. 1926, 3, стр. 10—23.

По поводу книги: К. Реннер. «Хозяйство, как целостный процесс и социализация в популярном изложении по системе Карла Маркса». Берлин, 1924.

XI. Мировое рабочее, профессиональное и революционное движение. Крестьянское движение

1. **Ансельми И.** Фашистское государство и итальянский рабочий класс. «Красный Интернационал профсоюзов». М. 1926, 11 (70), ноябрь, стр. 475—484.

2. **Arnot R. Page.** Introduction to the study of the General Strike: «The Labor monthly». London, 1926, June 6, pp. 337—251.

3. **Ваксов В.** Континентально-европейский металлургический трест и задачи рабочего класса. «Красный Интернационал профсоюзов». М. 1926, 12, дек., стр. 571—586.

4. **Waksov Victor.** Sieben Tage, die Japan erschütterten. Mit dem Vorw. von A. Losovsky. Berlin, Führer-Verlag. 1927 (1926), 56 S.

5. **Виленкин Я. Д.** Де Лиони, его деятельность. «Под знаменем

марксизма». М. 1926, 3, стр. 161—192.

6. **Виленский-Сибиряков Вл.** Гоминдан — партия китайской революции. М.—Л. «Молодая Гвардия». 1926, 107 + (1) стр.

7. **Виноградская П.** Фердинанд Лассаль (жизнь, деятельность, учение). М.—Л. Гос. изд., 1926, 249 + (1) + (4) стр. + (1) вклад. лист, портр.

8. **Де-Виссер.** Продвижение в Голландии и задачи голландской компартии. «Коммунистический Интернационал». М. 1926, 15 (73), декабрь, стр. 20—28.

9. **Wolf Bertram D. and Stachel Jack.** Lenin, the american workingclass and it's party. «The Workers monthly». Washington, 1926, february, 4, p. 154.

10. **Геллер Л.** Национальное и рабочее движение на Тихом океане. М. «Профинтерн». 1926, 67 стр.
11. **Дэни Роберт, Вильям.** Профсоюзы классового сотрудничества. Компанейские союзы. С предисловием Вильяма Форстера. Перев. с англ. О. В. Шаргородской. М. «Профинтерн». 1926, 56 стр. + 1 стр.
12. **Докукин Владимир.** Меньшевизм и большевизм в профессиональном движении. Л. «Прибой», 1926.
13. **Лозовский А.** Английский пролетариат на распутии. Сборник статей. М. «Профинтерн». 1926, 312 стр.
14. **Лозовский А.** Англо-советский комитет единства. Л. «Прибой», 1926, 71 стр.
15. **Losowsky A.** Wie kann die Einheit der Gewerkschaftsbewegung hergestellt werden? Rede, nebst d. anschließenden Aussprache mit d. Delegation. Im anh.: Einige Dokumente aus d. Kampfe um d. Gewerkschaftseinheit. Moskau—Rote Gewerkschafts-Internationale: ausliefg. Berlin, Führer-Verlag, 1926, 55 S.
16. **Лозовский А.** После всеобщей забастовки в Англии. «Красный Интернационал профсоюзов». М. 1926, 6, стр. 729—744.
17. **Лукин Н.** Амстердамский конгресс. «БСЭ». М. 1926, т. II, столб. 545—553.
18. **Marcu Valeriu Wilhelm Liebknecht.** 1826—29. März—1926. Ein Bild d. deutschen Arbeiterbewegung. Berlin. E. Laub. Komm. O. Klemm, Leipzig, 1926, 46 S.
19. **Мартынов А.** Диалектика английского рабочего движения. «Коммунистический Интернационал». М. 1926, 5—6, стр. 181—201.
20. **Мерфи Дж. Т.** Новый этап в английском рабочем движении. Великая стачка 1926 года. М. «Правда». 1926, 112 стр.
21. **Миф.** Крестьянский вопрос в Китае. «Коммунистический Интернационал». М. 1926, ноябрь, 10—11 (68—69), стр. 26—37; декабрь, 13 (71), стр. 20—22.
22. **Пионтковский С.** Большевизм и вопрос о буржуазно-демократической революции. «Коммунистическая революция». М. 1926, 24, декабрь, стр. 10—22.
23. **Разумовский И. П.** Ласаль. «Энциклопедия государства

- и права», т. II, вып. 3, столб. 701—707.
24. **Радек К.** Всеобщая забастовка и социальный кризис в Англии. Н.-Новгород. «Нижегородская Коммуна». 1926, 61+(1) стр.
25. **Рубинштейн М.** Рабочие акции и участие в прибылях. «Красный Интернационал профсоюзов». М. 1926, 1, стр. 65—75.
26. **Рубинштейн М.** Социальные корни реформизма. М. «Профинтерн». 1926, 174 стр.
27. **Сборник.** Борьба за крестьянство. Сборник статей, составленный отделом печати Крестинтерна. М. Коммунист. академия. 78 стр.
28. **Сборник.** Вопросы китайской революции. Сборник статей и материалов. Т. I. Положение пролетариата и развитие рабочего движения в Китае. Под общей редакцией и со вступительной статьей Карла Радека. М.—Л. Гос. изд. (1927), 1926, 4+256 стр. Авторы статей: К. Радек, Эдди Шервуд и др.
29. **Рабочая Америка.** Сборник статей. М. «Профинтерн». 1926, 147 стр. Авторы статей: А. Лозовский, В. Форстер, А. Биттельман, И. Броудер, Т. Мандалаян, Я. Вилленкин, Л. Зубок.
30. **Selikman M. und Schumann Georg.** Weltarbeitslosigkeit. Moskau. Verlag d. Roten Gewerkschafts-Internationale, Auslfg. d. deutschen ausg. Berlin, Führer-Verlag, 1926, 56 S.
31. **Сен-Катаяма.** Последние события в крестьянском движении Японии. «На Аграрном фронте». М. 1926, 9, сентябрь, стр. 60—73.
32. **Сен-Катаяма.** Работница и крестьянка в Японии. М.—Л. Гос. изд., 1926, 48 стр.
33. **Сен-Катаяма.** Родо Номин Го (рабоче-крестьянская партия в Японии) и пролетарское движение. «Коммунистический Интернационал». М. 1926, 9 (58), сентябрь, стр. 115—129.
34. **Тани Г.** Капитал и труд в Японии. «Профинтерн». 1926, 107 стр.
35. **Троцкий Л. Д.** Вопросы английского рабочего движения. (Изо дня в день). «Коммунистический Интернационал». М. 1926, 5—6, стр. 57—75.
36. **Чекин А. (Яроцкий В.)** Силуэты рабочей Англии. М. ВЦСПС. 1926, 152 стр.
37. **Эркнер С.** Новая форма эксплуатации рабочего класса в Соед.

- Штатах (рабочие банки и рабочие акции). «Красный Интернационал профсоюзов». М. 1926, 8 (67), август, стр. 156—164.
38. **Эрколи.** Идеалистические основы бордизма. «Коммунистический

ХII. История России. История рабочего, крестьянского, профессионального и революционного движения в России

1. **Алуф А.** Профессиональное движение в России в период февраль—октябрь 1917 г. Пособие для лекторов и кружков профдвижения. Составлено по заданиям Культотдела ВЦСПС. М. РИО ВЦСПС. 1926 г., 174+2 стр.
2. **Аросев А.** Казанские очерки о революции 1905 г. Казань. «Гажур». 1925 (1926), 90 стр. (Комиссия при ЦИК Советов Тат. ССР по празднованию 20-летия революции 1905 г.).
3. **Ауссем В.** К истории повстанчества на Украине (о двух партизанских дивизиях). «Летопись революции». Харьков. 1926, 5 (20), сентябрь—октябрь, стр. 7—21.
4. **Бухарин Н. И.** Пролетарский якобинец. Памяти Ф. Э. Дзержинского. М. Яч. «Московский рабочий», 1926, 14 стр.
5. **Ваганов В.** Две заметки по спорным вопросам истории ВКП(б). М. Гос. изд., 1926, 67 стр.
6. **Верменичев И.** Аграрное движение в 1917 г. «На Аграрном фронте». М. 1926, 2, стр. 46—61. С 3 диагр.
7. **Ветошкин М.** Большевики и меньшевики в 1905 году на Дальнем Востоке. (По поводу сборника «Революционное движение в 1905 году на Дальнем Востоке». Издание Дальневосточной краевой комиссии по организации юбилея 20-летия 1905 года и Истларт отдела Дальбюро ВКП(б). Владивосток, 1925 г.). «Пролетарская революция». М.—Л. 1926, 4 (51), стр. 158—192.
8. **Ганецкий Я. Феликс Дзержинский.** Его жизнь и деятельность. М.—Л. «Молодая Гвардия». 1926, 48 стр.
9. **Горин П. О.** Чем же были Советы Рабочих Депутатов в 1905 году (доклад). «Историк-марксист». М. 1926, 1, стр. 201—235.
10. **Граев Б.** К истории классовой борьбы в России в годы империали-

- стической войны. Июль 1914 г.—февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.—Л. Гос. изд. 1926, VIII+414 стр., с график.
11. **Дзержинский Феликс.** Биографические материалы. Статьи и речи. Фото-иллюстрации. Собрание материалов. М. Изд-во «Угол» К. Ленина. 1926, 49 стр., с иллюстр.+ (5), отдельно вкладн. лист., иллюстр.
12. **Дубровский С.** Аграрное движение в России. «Большая советская энциклопедия». М. 1926, столб. 476—483.
13. **Дубровский С. М.** Крестьянство в революции 1905 г. (конспект доклада). «Историк-марксист». М. 1926, 1, стр. 257—279.
14. **Ибрагимов Галимджан.** Татары в революции 1905 г. Перев. с татар. и предисл. Г. Мухамедовой. Под ред. Г. Ф. Линсера. Казань. Гос. изд. ТССР, 1926, IV+259+IV стр., с илл.+6 вклад. лист., портр. и факсимиле.
15. **Залежский В.** Апрельская конференция. «Большая советская энциклопедия». М. 1926, т. II, столб. 178—183.
16. **Затонский В.** Килька зауважень до статті тов. Рубача. «Летопись революции». Харьков, 1926, 1, стр. 75—89. По поводу статьи М. А. Рубача «До истории украинской революции». («Лет. рев.», 1926, 1).
17. **Кинд.** Кирстовщина и меньшевики. «Пролетарская революция». М.—Л. 1926, 4 (51), стр. 125—157.
18. **Кокнев Г.** Очерки по истории Осетии. Часть 1-я Владикавказ. 1926, 150+(5) стр.+ (4) вклад. лист., карт.
19. **Красный Юз.** Состояние организации социал-демократии Польши и Литвы в 1905—1907 гг. «Пролетарская революция». М. 1926, 5 (62), стр. 110—149.
20. **Красный Юз.** Ф. Э. Дзержинский. 12/IX 1877—20/VII 1926.

(Материалы о жизни и подпольной деятельности). «П. Р.» М. 1926, 9 (56), сентябрь, стр. 5—54.

21. **Кривошеина Е.** О втором Петербургском Совете Рабочих Депутатов. «Пролетарск. революция». М.—Л. 1926, 6 (53), стр. 181—196.

22. **Кривошеина Е.** Советы Рабочих Депутатов в революции 1905 г. Проблема образования революционной власти. Л. «Прибой», 1926, 224 стр.

23. **Куделин П.** Ленин и старая «Искра». «Красная летопись». Л. 1926, 1, стр. 5—20.

24. **Левцнер Н.** Троцкизм накануне первой революции. «Пролетарская революция». М.—Л. 1926, 12, декабрь, стр. 14—69.

25. **Либерман Лев.** В стране черного золота. Очерк развития заработной платы и революционного движения горнорабочих Донбасса. М.—Л. Гос. изд., 1926, 194 стр.

26. **Львов А.** 1905 г. в Баку. «Новый Восток». М. 1926, 13—14, стр. 132—157.

27. **Майорский Н.** К вопросу о расколе «искровцев». «Пролетарская революция». М. 1926, 5 (62), стр. 150—175.

28. **Милонов Ю.** Партия и профессиональные союзы в 1905 году (сводка важнейших фактов и документов). «Пролетарская революция». М.—Л. 1926, 1 (48), стр. 93—118.

29. **Милиц И.** Эсеры в Архангельске. «Пролетарская революция». М. 1926, 11 (58), ноябрь, стр. 56—81. Выдержки из печатающейся книги: «Английская интервенция и северная контр-революция».

30. **Пирошевский В.** История КИМ. Переклад О. П. Ра в д и. Харьков. Держ. Вид-во України, 1926, 45 стр.

31. **Полонский Вяч.** Жизнь Михаила Бакунина. 1814—1876. Популярный очерк. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Л. «Прибой», 1926, 211 + 13 стр.

32. **Полонский В. П.** Бакунин. «Большая советская энциклопедия», т. IV, столб. 440—451.

33. **Полонский Вяч.** Бакунин в Первом Интернационале. «Историк-марксист». М. 1926, 2, стр. 5—43. Приложение: «Фрагменты испанских писем Бакунина об Интернационале и Альянсе».

34. **Полонский Вяч.** Тайный Интернационал Бакунина. «К. и С.» М. 1926, 5 (26), стр. 67—92. В статье приводится заключительная часть устава «тайного Интернационала», написанная Бакуниным.

35. **Покровский М.** Александр II. «Б. С. Э.» М. 1926, т. II, столб. 156—161.

36. **Покровский М.** Александр III. «Б. С. Э.» М. 1926, т. II, столб. 161—165.

37. **Покровский М.** Александр I. «Б. С. Э.» М. 1926, т. II, столб. 153—156.

38. **Покровский М.** Внешняя политика России в XX веке. М. Ком. Ун-т им. Свердлова, 1926, 95+II стр.

39. **Покровский М.** Задачи общества историков-марксистов (речь). «Историк-марксист». М. 1926, 1, стр. 3—10.

40. **Покровский М.** Крестьянская реформа. Харьков. «Пролетарий», 1926, 148 стр.

41. **Покровский М.** Новая книга по новейшей истории. Н. Рожков — «Русская история в сравнительно-историческом освещении. (Основы социальной динамики). Т. XII. Финансовый капитализм в Европе и революция в России». «Большевик». М. 1926, 12, стр. 12—80.

42. **Покровский М.** О Бакунине в русской революции (к юбилею). «Правда». М. 1926, июль, 148, стр. 2.

43. **Покровский М.** Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. Лекции, читанные на курсах секретарей уездных ком-тов ВКП (б) зимою 1923/1924 г. Изд. 2-е, перераб. М.—Л. Гос. изд. (1927), VIII + 200 стр.

44. **Покровский М.** Декабристы. Сборник статей. М.—Л. Гос. изд. (1927), 1926, 95 стр.

45. **Покровский М.** «Казанская» демонстрация 6—18 декабря 1876 г. «Правда». М. 1926, декабрь, 293 (3522), стр. 2.

46. **Покровский М.** Вступительная статья в сборнике: Пугачевщина. Т. I. Из архива Пугачева (манифесты, указы и переписка). Подготовлен. к печати С. А. Голубцевым. Под ред. С. Г. Томсинского и Г. Е. Меерсона, со вступ. статьей М. Н. Покровского. М.—Л. Гос. изд. 1926, 288 стр. (Центроархив. Материалы по истории революционного движения в России XVII и XVIII вв. Под общ. ред. М. Н. Покровского).

47. **Покровский М. Н.** Царизм и революция. Харьков. Изд-во «Пролетарий», 1926, 63+(1) стр.

48. **Рейснер Л.** Портреты декабристов. «Красная Новь». М.—Л. 1926, 2, стр. 119—137. Характеристики бар. Штейнгеля и Каховского.

49. **Риш А.** Очерки по истории украинской социал-демократической «Спілки». Харьков. «Пролетарий», 1926 г. 141 + (3) стр.

50. **Ротенберг Н.** Первая русская революция 1905 г. Л. «Прибой», 108 + (3) стр.

51. **Рубач А.** До історії української революції. (Замітки і документи; грудень 1917—січень 1918). «Летопись революции». Харьков. 1926, 1, стр. 41—84.

52. **Сборник. 1905.** Материалы и документы под общ. ред. М. Н. Покровского. Боевая группа при ЦК РСДРП (б) (1905—1907 гг.). Статьи и воспоминания. Составила С. М. Познер. М.—Л. Гос. изд. 1926, (МСМХ XVII) VIII + 284 стр.

53. **Сборник.** Советская печать и литература о советах. Составил В. И. Невский. XIII + 532 стр. с илл. + 8 вклад. лист., факсимиле. (Комиссия ЦИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 г. и Истпарт ЦК РКП(б)).

54. **Сборник.** Московское профессиональное движение в годы первой революции. К двадцатилетию 1905 года. Под ред. Ю. Милонова. М. МГСПС. 1926, 448 + 2 стр., с илл. (Истпроф. МГСПС. Сборник 1-й). Авторы статей: Ю. Милонов, С. Никитин, С. А. Айзнафт, А. М. Никитин, Ш. Стулин.

55. **Сборник.** 1905 год в Сормове. Очерк Сормовского Истпарта (Н.-Новгород). Сорм. Истпарт. 1926, 152 + (2) стр., с илл.

56. **Сборник.** Спор о Бакунине и Достоевском. Статьи Л. П. Гроссмана и Вяч. Полонского. Л. Гос. изд. 215 стр., 1926.

57. **Сборник.** Первая русская революция и международное рабочее движение. Сборник статей. Л. «Кубуч». 1926, 89 стр.

Авторы статей: Сен-Катайма, Г. Балов, Ф. Платтен, И. Фрелех, И. Штрассер, К. Цетקיца, Ф. Меринг, Р. Люксембург.

58. **Стеклов Ю.** Бакунин в лиге мира и свободы. «Звезда». М.—Л.

1926, 3, стр. 151—167; 4, стр. 135—161.

59. **Стеклов Ю.** Бакунин и подготовка Нечаевского дела. «Историк-марксист». М. 1926, 2, стр. 44—83.

60. **Стеклов Ю. М. А.** Бакунин в сороковые годы. «Красный архив». М. 1926, 1 (14), стр. 50—83.

61. **Стеклов Ю. М. А.** Бакунин в Швеции в 1863 году. «Кат. и С.» М. 1926, 5 (26), стр. 20—66.

62. **Стеклов Ю.** Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность 1814—1876. В трех томах. Том I—1814—1861. Изд. второе, испр. и дополн. М. Комму. акад., 1926, 565 стр.

63. **Файзулла Ходжаев.** О младобухарцах. «Н. м.» М. 1926, 1, стр. 123—141.

64. **Флеровский И.** «Кронштадтская республика». «Пролетарская революция». М. 1926, 2 (58), ноябрь, стр. 29—55; 12 (59), декабрь, стр. 113—143.

65. **Фридлянд Ц. М.** Бакунин о Коммуне 1871 г. (к 50-летию со дня смерти). «Под знаменем марксизма». М. 1926, 6, стр. 5—36.

66. **Чекин А. (Яроцкий В.).** Происхождение и развитие профдвижения в России. М.—Л. Гос. изд. 1926, 109 стр.

67. **Черномордик С. И.** Декабрьское вооруженное восстание (доклад). «Историк-марксист». М. 1926, 1, стр. 236—255.

68. **Чужак Н.** Правда о Пугачеве. Опыт литературно-исторического анализа. М. «Мосполиграф». 1926, 80 стр., с илл. + (4), вклад. лист., илл.

69. **Шаумян С.** Бакинская коммуна 1918 г. «Пролетарская революция». М.—Л. 1926, 12, декабрь, стр. 10—112.

70. **Шестаков А. В.** Восстание в Средней Азии в 1916 г. (к десятилетию событий). «Историк-марксист». М. 1926, 2, стр. 84—114.

71. **Шестаков А.** Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России. М.—Л. Гос. изд. 1926, 120 + 1 стр.

72. **Шляпников А.** Июньское наступление. «Пролетарская революция». М.—Л. 1926, 3 (50), стр. 5—50.

73. **Шляпников А.** Июль на фронте. «Пролетарская революция». М.—Л. 1926, 6 (53), стр. 16—59.

74. **Шляпников А.** Июльские дни в Петрограде. «Пролетарская революция». М.—Л. 1926, 4 (51), стр. 46—88.

75. **Шляпников А.** Керенщина. «Пролетарская революция». М. 1926, 7(54), июль, стр. 9—56; 8(55), август, стр. 5—54.
76. **Шляпников А.** Революция 1905 г. М.—Л. Гос. изд. (1925), 1926, 160 стр.
77. **Шляпников А.** Семнадцатый год. Кн. III. М.—Л. Гос. изд., 1927 (1926), 380 стр.
78. **Шляпников А.** Февральская революция и европейские социалисты (материалы о международной конференции). «Красный архив». М.—Л. 1926, 2 (15), стр. 61—85.

XIII. История Запада

1. **Волгин В. П.** Бабеф. «Большая советская энциклопедия», т. IV, 1926, столб. 258—262.
2. **Зайдель Г.** Вокруг Великой французской революции. «Под знаменем марксизма». М. 1926, 9—10, стр. 139—152.
3. **Лукин В. (Антонов).** Новітні Т. Кардиналовський. Випуск І. Харків. Держ. Вид-во України, 1926, 466 стр.
4. **Покровский М. Н.** Балканские войны XX в. (1912—1913). «Большая

XIV. Философия. Исторический материализм. Общие вопросы естествознания

1. **Агол И.** Метафизика и диалектика в биологии: «Под знаменем марксизма». М. 1926, 3, стр. 118—150.
2. **Адоратский В. В.** Класс. «Энциклопедия государства и права». Т. II, вып. 3, столб. 396—406.
3. **Адоратский В. В.** Марксизм. «Энциклоп. госуд. и права». Том II, вып. 4, столб. 823—842.
4. **Болотников А.** Социологическая доктрина Гумпловича. «Под знаменем марксизма». М. 1926, 7—8, июль—август, стр. 135—162.
5. **Ваганян В.** По боевым вопросам марксизма. Полемическое. М.—Л. Гос. изд. 1926, VIII+203 стр.
6. **Варьяш А.** История новой философии. Том I, часть 1-я. Рационалистический идеализм и материализм. М.—Л. Гос. изд. 1926 г., VIII+341 стр.
7. **Варьяш А.** История новой философии. Том I, часть 2-я. Системы

79. **Шойжелов Сирен.** Монголия и царская Россия. «Новый Восток». М. 1926, 13—14, стр. 351—363.
80. **Щап З.** Московские металлисты в профессиональном движении. Очерки по истории Московского Союза металлистов. М. Моск. район. ком-т Всесоюзного Союза рабочих металлистов. 1927 (1926), 26 стр.
81. **Эльцин В.** Крестьянское движение в Сибири в период Колчака. «Пролетарская революция». М.—Л. 1926, 2(49), стр. 5—48.
82. **Ярославский Ем.** Вооруженное восстание в декабре 1905 г. М.—Л. Гос. изд. 1926, 81+2 стр.

советская энциклопедия», т. IV, столб. 501—510, 1926.

5. **Фридлянд Ц. Ж. П.** Марат до Великой французской революции (исторический очерк). М. Изд-во Ком. у-та им. Я. М. Свердлова. 1926, 66 стр.
6. **Фридлянд Ц.** Классовая борьба в июне—июле 1793 г. (якобинцы против Ж. П. Марата, Ж. П. Марат против Жака Ру). «Историк-марксист». М. 1926, 1, стр. 48—95.

эмпиризма, материализма и сенсуализма. М.—Л. Гос. изд. 1926, V+242 стр.

8. **Выропаев Б.** Еще об эмпиризме и современном естествознании. «Под знаменем марксизма». М. 1926, 11, ноябрь, стр. 110—141.
9. **Деборин А.** Новый поход против марксизма. «Летопись марксизма». М.—Л. 1926, 1, стр. 19—37.
10. **Деборин А.** Очерки по теории материалистической диалектики. Очерк первый. Предмет философии и диалектика. «Под знаменем марксизма». М. 1926, 11, ноябрь, стр. 5—23.
11. **Деборин А.** Философия и марксизм. Сборник статей. М.—Л. Гос. изд., 1926, 307 стр.
12. **Деборин А.** Энгельс и диалектика в биологии. «Под знаменем марксизма». М. 1926, 1—2, стр. 51—89, 3, стр. 29—52.

13. **Дмитриев Г.** Философия Спинозы и диалектический материализм. «Под знаменем марксизма». М., 1926, 9—10, стр. 26—43.
14. **Егоршин В.** Естествознание и классовая борьба. «Под знаменем марксизма». М., 1926, 6, стр. 108—136.
15. **Залманзон А.** В защиту объективного направления в психологии. «Вестн. Коммунист. акад.». М., 1926, 18, стр. 189—201.
16. **Капелюш Ф.** Новые поправки к историческому материализму. «Под знаменем марксизма». М., 1926, 9—10, стр. 153—177.
17. **Карев Ник.** О наших естествоиспытателях, «путешествующих в диалектическом». «Под знаменем марксизма». М., 1926, 11, стр. 24—58.
18. **Карев Ник.** Тектология или диалектика. (К критике «Тектологии» А. Богданова). «Под знам. марксизма». М., 1926, 1—2, стр. 90—114; 3, стр. 29—52, 4—5, стр. 16—44.
19. **Каценбоген С. З.** Марксизм и социология. Саратов, правл. Саратов. гос. у-та, 1926, 51 стр.
20. **Кирпотин В.** Классовые и методологические основы социологии Тарды. «Под знам. марксизма». М., 1926, 6, стр. 158—178.
21. **Куразов И.** Учение о доминанте в оценке диалектического материализма. «Под знам. марксизма». М., 1926, 9—10, стр. 108—138.
22. **Lukacs Georg.** Moses Hess und die Probleme in der idealistischen Dialektik. Leipzig. C. Z. Hirschfeld, 1926, 515. Aus Archiv f. Geschichte d. Social. u. d. Arbeit.
23. **Луппол И.** Атеизм. «Больш. советск. энциклоп.». М., 1926, т. II, столб. 731—748.
24. **Луппол И.** Ленин и философия. К вопросу об отношении философии к революции. М.—Л. Гос. изд., 1927 (1926), 208 стр.+1 вкл. лист., портр.
25. **Луппол И.** Новое средневековье (к характеристике современного феодального социализма). «Под знам. марксизма». М. 1926, 12, декабрь, стр. 117—143. По поводу критической оценки марксизма в книгах и статьях русских эмигрантов (С. Франка, Н. Бердяева, С. Булгакова и др.).
26. **Луппол И.** Падение социализма от науки к утопии. «Под знам. марксизма». М., 1926, 4—5, стр. 88—111.

27. **Максимов А.** Об источниках и результатах упрощения в естествознании. «Под знам. марксизма». М., 1926, 1—2, стр. 189—212.
28. **Миловнов К.** Против механического миропонимания. «Вестн. Ком. акад.», 1926, 16, стр. 140—185.
29. **Разумовский И.** Аристотель. «Энци. госуд. и права», т. I, вып. 1, столб. 172—179.
30. **Разумовский И.** Гегельянство. «Энци. госуд. и права», т. I, вып. 1, столб. 561—566.
31. **Разумовский И.** Кантианство. «Энци. госуд. и права», т. II, вып. 3, столб. 364—369.
32. **Разумовский И.** Философия и юридическая теория. «Под зн. марксизма». М., 1926, 12, декабрь, стр. 50—71.
33. **Рожицын В.** Раннее христианство в освещении его современников. М.—Л. Гос. изд., 1926, 151+(1) стр.
34. **Сапир И.** Фредизм и марксизм. «Под зн. марксизма». М., 1926, 11, стр. 59—87.
35. **Сборник.** Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания (сборник № 1). Вологда. «Северный печатник», 1926, 153+(1) стр. Авторы статей: Д. Аросин, А. Варьяш, С. Васильев, А. Болотников.
36. **Сережников В.** Гегель. «Энци. госуд. и права», том I, вып. 1, столб. 555—561.
37. **Сережников В.** Кант. М.—Л., Гос. изд., 1926, 255 стр.+(1) стр. объявлен+(1), вкладн. лист., портр.
38. **Сережников В.** Кант. «Энци. государства и права», т. II, вып. III, столб. 351—364.
39. **Слепков Вас.** Витализм, механизм и диалектика. «Под знам. марксизма». М. 1926, 9—10, стр. 89—107.
40. **Столяров А.** Субъективизм и марксизм. «Под знам. марксизма». М., 1926, 1—2, стр. 114—136.
41. **Столяров А.** Философия «качества» и качество философии некоторых механистов. «Под зн. марксизма». М., 1926, 6, июнь, стр. 76—107; 7—8, июль—август, стр. 24—46.
42. **Танхилевич О.** Эпикур и эпикуреизм. «Новая Москва», 1926, 147 стр. (Труды Ин-та Красной Профессуры. Философская серия. Под ред. А. М. Деборина).
43. **Тележников Ф.** Об одном буржуазном социологическом направлении во Франции (социологическое

учение Дюркгейма). «Под знаменем марксизма». М. 1926, 4—5, стр. 112—128.

44. **Тимирязев А.** Воскрешает ли современное естествознание механический материализм XVIII столетия? «Вестн. Комму. акад.». М. 1926, 17, стр. 116—168.

45. **Троцкий Л.** Философия и марксизм. М.—Л. Гос. изд. 1926, 39 стр.

46. **Спиноза Б.** Принцип философии Декарта. Перев. с латинск., с предисловием Г. С. Тымянского. М. «Новая Москва». 1926, 16+104 стр.

XV. Право

1. **Адоратский В.** Диктатура. «Энциклопедия государства и права», т. I, вып. 1, столб. 927—937.

2. **Александровский В.** Национализация. «Энци. госуд. и права», т. II, вып. 4, столб. 1287—1308.

3. **Бранденбургский Л.** Народн. суд. «Энци. гос. и пр.», т. II, вып. 4, столб. 1263—1276.

4. **Вышинский А.** Адвокатура. «Энци. гос. и пр.», т. I, вып. 1, столб. 55—62.

5. **Вышинский А.** Верховный суд. «Энци. гос. и пр.», т. I, вып. 1, столб. 361—369.

6. **Гурвич Г.** Декларация прав. «Энци. гос. и пр.», т. I, вып. 1, столб. 794—804.

7. **Крыленко Н. В.** Контр-революционные преступления. «Энци. гос. и пр.», т. II, вып. 3, столб. 541—558.

8. **Крыленко Н. В. и Яхонтов В. И.** Статьи о революционной законности. М. НКЮ РСФСР, 61 стр.

9. **Лисицын А.** Двор. «Энци. госуд. и права», т. I, вып. 1, столб. 773—783.

10. **Пашуканис Е.** Договор международный. «Энци. гос. и пр.», т. I, вып. 1, столб. 972—984.

11. **Покровский М.** Абсолютизм. «БСЭ», т. I, столб. 84—90.

12. **Покровский М.** Антанта. «Большая советская энциклопедия». М., 1926, т. II, столб. 23—32.

13. **Пруицкий С.** Арбитражные комиссии (при СТО и ЭКОСО). «Энци. госуд. и права», т. I, вып. 1, столб. 155—164.

14. **Пруицкий С.** Иск. «Энци. гос. и пр.», т. II, вып. 3, столб. 239—260.

15. **Раевич С.** Гражданский кодекс (история система и оценка). «Энци.

(Труды Ин-та Красной профессуры. Секция философии. Под общ. редакц. А. М. Деборина).

47. **Франкфурт Ю. Г. В.** Плеханов о психофизическ. проблеме. «Под знаменем марксизма». М. 1926, 6, стр. 37—60.

48. **Ярославский Ем., Швабе М.** Антирелигиозная пропаганда. «БСЭ». М. 1926, т. II, столб. 60—68.

49. **Ярославский Ем.** Мораль и быт пролетариата в переходный период. Л. «Прибой», 1926, 74 стр.

гос. и права», т. I, вып. 1, столб. 699—713.

16. **Разумовский И.** Материализм и право. «Энци. гос. и права», т. II, вып. 4, столб. 843—857.

17. **Разумовский И.** К воззрениям Ленина на государство и право. «Под знаменем марксизма». М. 1926, 1—2, стр. 31—53.

18. **Разумовский И.** Устряловщина в праве. «Революция права». М. 1926, 1, стр. 48—73.

19. **Разумовский И.** Философская ревизия и вопросы права. «Под знаменем марксизма». М. 1926, 7—8, стр. 5—23.

20. **Стучка П.** Аренда. «Энци. гос. и права», т. I, вып. 1, столб. 164—172.

21. **Стучка П.** Социалистическое хозяйство и советское право. «Р. П.». М. 1926, 1, стр. 5—47.

22. **Фридлянд Ц.** Аграрии. «БСЭ». М. 1926, столб. 428—430.

23. **Фридлянд Ц.** Антисемитизм. «БСЭ». М. 1926, т. II, столб. 68—76.

24. **Челяпов Н.** Автономия. «Энци. гос. и пр.», т. I, вып. 1, столб. 23—45.

25. **Ширвиндт Е.** Исправительно-трудовой кодекс. «Энци. гос. и пр.», т. II, вып. 3, столб. 274—299.

26. **Шульц А. И.** Лесной кодекс. «Энци. гос. и пр.», т. II, вып. 3, столб. 720—728.

27. **Эстрин А.** Взятничество. «Энци. гос. и пр.», т. I, вып. 1, столб. 413—419.

28. **Эстрин А.** К вопросу о принципах построения системы уголовной репрессии в пролетарском государстве. «Р. П.». М. 1926, 1, стр. 74—98.

XVI. Литература и искусство

1. **Авербах Леопольд.** За пролетарскую литературу. О политике ВКП(б) в области художественной литературы. Л. «Прибой». 1925 (1926), 91 стр.

2. **Горбачев Г.** На переломе. (Эволюция русской литературы за 1924—1925 г.). «Звезда». М.—Л. 1926, 1, стр. 211—240.

3. **Кирпотин В.** Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики. «Звезда». М.—Л. 1926, 6, стр. 244—267.

4. **Лелевич Г. В. Я.** Брюсов. (Очерк жизни и творчества). М.—Л. Гос. изд. 1926, 256+(2) стр.+(1), вкладн. лист, портр.

5. **Лелевич Г.** Классовая борьба в литературе и воинствующий эклектизм. «Большевик». М. 1926, 9—10, стр. 86—93.

6. **Лелевич Г.** Русская поэзия и рабочая революция 1905 г. «Пролетарская революция». М.—Л. 1926, 1 (48), стр. 158—186.

7. **Луначарский А.** Один из сдвигов в искусствоведении. «Вестн. Комм. академии». М. 1926, 15, стр. 85—107.

8. **Луначарский А.** О театре. Сборник статей. Л. «Прибой», 1926, стр. 237.

XVII. Учебники и учебные пособия

1. **Кушнер П. (Кнышев).** Очерк развития общественных форм. 2-е переработ. и дополненн. изд., учебное пособие для вузов, комвузов и совпартшкол. Доп. ГУС'ом. М. Изд-во Комму. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926, 580 стр.

2. **Мотылев В. Е.** Краткий курс политической экономии. Вып. I. Ростов н/Дону. «Севзавкнига», 1926, 100 стр.

3. **Попов Н. Н.** Очерк истории Российской Коммунистической партии (большевиков). М.—Л. Гос. изд., 1926, 336 стр.

4. **Сборник.** Основы советской экономической политики. Под ред. В. П. Милютина. Пособие для комвузов, вузов и преподавателей совпартшкол. М., изд-во Комму. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926, 368+(2) стр., с диаграмм. Авторы статей: В. Милю-

9. **Ольминский М.** О печати. (Статьи о положении печати и законодательстве о ней в России в XIX и начале XX вв.). Л. «Прибой», 1926, 131 стр.

10. **Родов Семен.** Организация пролетарской литературы. Сборник статей. М. Всесоюзная Ассоциация пролетписателей. 1925 (1926), 79 стр.

11. **Сборник.** В борьбе за новый тюркский алфавит (к I Всесоюзному тюркологическому съезду). Сборник статей С. Агамалы-Оглы, Г. Бройдо, Л. Жиркова, З. Навширвана, М. Павловича, М. Тюракулова, Н. Яковлева. Под общ. ред. М. Павловича. М. Научн. ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. 1926, 70 стр.

12. **Фриче В. М.** Вильям Шекспир. М.—Л. Гос. изд. 1926, 114 стр.

13. **Фриче В. М.** Задачи и проблемы социологии искусства. «Вестн. Комм. академии». М. 1926, 15, стр. 3—17.

14. **Фриче В. М.** Западно-европейская литература XX в. в ее главнейших проявлениях. М.—Л. Гос. изд. 1926, 183 стр.

15. **Фриче В. М.** Проблемы социологической поэтики. «Вест. Комм. академии». М. 1926, 17, стр. 169—180.

тин, М. Савельев, А. Халатов, Р. Арский, Б. Штейн, Д. Боголепов, Л. Зиман.

5. **Сборник.** История ВКП(б). Том I, вып. I. Составили: Ем. Ярославский, Г. Крамольников, Н. Эльвов и О. Римский. Под общ. ред. Ем. Ярославского. С прилож. 46 табл. М.—Л. Гос. изд. 1926, 394 стр., с диаграмм.+(2) стр., объявлен.+(48), вкладн. лист., портр, иллюстр. и факсимиле.

6. **Смушков Вадим.** Экономическая политика СССР. Пособие для вузов. Изд. 3-е, совершенно переработанное и дополненное. Харьков. «Пролетарий». 1926, 312 стр.

7. **Ярославский Ем.** Краткие очерки по истории ВКП(б). Часть I-я. От народничества до периода ликвидации. М.—Л. Гос. изд., 1926, 204 стр.

XVIII. Собрания сочинений авторов-коммунистов

1. **Зиновьев Г.** Сочинения, т. IV. Борьба за большевизм. Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1913—1914 гг.). Л. Гос. изд. 1926, 615 стр.
2. **Каменев Л.** Статьи и речи. 1925, т. XII. (На социалистических релясах). М.—Л. Гос. изд. 1926, 632 стр.
3. **Ольминский М.** 1915—1916 гг. (Статьи до революции). М. Изд-во Коммунист. ун-та им. Я. М. Свердлова. 1926, 117+(2) стр.
4. **Ольминский М.** 1917 год. Полное собрание статей из «Правды» и «Социал-демократа». М. Коммунист. ун-т им. Свердлова, 248 стр.
5. **Павлович Михаил (Вельтман М.).** Собрание сочинений, т. VII. Французский империализм (Франция до и после войны). М.—Л. 1926, 260 стр.
6. **Троцкий Л.** Сочинения, т. IV. Политическая хроника. (Ред. И. М. Павлов.) М.—Л. Гос. изд. 1926, XII+647 стр.
7. **Троцкий Л.** Сочинения, т. VI. Балканы и Балканская война. (Ред. и вводная статья И. М. Павлова.) М.—Л. Гос. изд. 1926, XXIV, 503 стр.
8. **Троцкий Л.** Сочинения, т. XIII. Коммунистический Интернационал. (Ред. Красный и В. Эльцин.) М.—Л. Гос. изд. VIII+247 стр.
9. **Троцкий Л.** Сочинения, т. XVII. Советская республика и капиталистический мир. Ч. 1-я. Первоначальный период организации сил. (Ред. Е. Б. Солнцев.) М.—Л. Гос. изд. 1926, XV+748 стр.+(1), вкладн. лист.
10. **Троцкий Л.** Сочинения, т. XVII. Советская республика и капиталистический мир. Ч. 2-я. Гражданск. война. М.—Л. Гос. изд., 1926, XII+662 стр.+(8), вкладн. листов, портр. и схем.
11. **Троцкий Л.** Сочинения, т. VIII. Политические силуэты. (Ред. И. М. Павлов.) М.—Л. Гос. изд. 1926, VIII+373 стр.

XIX. Издания ИМЭ

Библиотека научного социализма

1. **Архив Маркса—Энгельса**, I и II. М. 1926.
 2. **Плеханов Г. В.** Сочинения, т. XV. Под ред. Д. Рязанова. Гос. изд. М. 1926, стр. 471.
 3. **Плеханов Г. В.** Сочинения, т. XIII. Под ред. Д. Рязанова. Гос. изд. М., 1926, стр. 350.
 4. **Плеханов Г. В.** Сочинения, т. XXIII. (Б-ка научного социализма.) Под общ. ред. Д. Рязанова. Гос. изд. М., 1926, стр. 457.
- Библиотека материализма**
1. **Гоббс Томас.** Избранные сочинения. Перев. А. Гутермана с предисл. А. Деборина. Гос. изд. М. 1926, стр. XXVIII+276.
 2. **Дидро Дени.** Избранные сочинения, т. I. Гос. изд. М., 1926, стр. IVI+360.
 3. **Дидро Дени.** Избранные сочинения, т. II. Гос. изд. М. 1926, стр. 342.
- Библиотека марксиста**
1. **Летописи марксизма**, т. I. Ответственный редактор Д. Рязанов. М. 1926, стр. 137.
 2. **Летописи марксизма**, т. II. Ответственный редактор Д. Рязанов. М. 1926, стр. 179.
 3. Вып. IX. **Либкнехт Вильгельм.** «Никаких компромиссов». С предисл. Д. Рязанова. С введением и примечаниями Э. Цобеля. Гос. изд. М. 1926, стр. 146.
 4. Вып. X. **Либкнехт Вильгельм.** Социализм и культура. С введением и примечаниями Тальгеймера. Гос. изд. М. 1926, стр. 158.
 5. Вып. VII. **Маркс К.** Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. С предисл. Д. Рязанова. Гос. изд. М. 1926, стр. XIV+152.
 6. Вып. VIII. **Маркс К.** Гражданская война во Франции в 1871 г. С введением Ф. Энгельса. Гос. изд. М. 1926, стр. 163.
 7. Вып. VI. **Плеханов Г. В.** Основные вопросы марксизма. Гос. изд. М. 1926, стр. 134.
 8. **Штейн Г. К.** Маркс и мозельские крестьяне. «Летописи марксизма». М.—Л. 1926, 1, стр. 38—44.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК АВТОРОВ-КОММУНИСТОВ

На русском языке

А. 1. Авербах Л. 2. Агол И. 3. Адоратский В. 4. Александровский В. 5. Алуф А. 6. Анисимов Я. 7. Арборе-Ралли 8. Аросев А. 9. Ауссем В. Б. 10. Беленко В. 11. Белкин Г. 12. Берзтыс Я. 13. Берман Я. 14. Боголепов Д. 15. Болотников А. 16. Бранденбургский 17. Брандлер 18. Бронский М. 19. Бухарин Н. 20. Бухарцев Д. В. 21. Ваганян В. 22. Ваков В. 23. Варга Е. 24. Варьяш Э. 25. Венгров А. 26. Верменичев И. 27. Ветошкин И. 28. Висанов И. 29. Де-Виссер 30. Волгин В. 31. Вуйович В. 32. Выропаев Б. 33. Вышинский А. Г. 34. Ганецкий Я. 35. Геллер Л. 36. Глухов И. 37. Гольденберг 38. Горбачев Т. 39. Горин П. 40. Граве Б. 41. Грановский Е. 42. Грэг 43. Гурвич Т.	Д. 44. Далин С. 45. Дволайцкий Ш. 46. Дзержинский Ф. 47. Диканский М. 48. Диманштейн. 49. Дмитриев Т. 50. Докукин В. 51. Дубровский С. 52. Дэнн Р. Е. 53. Егоршин В. 54. Ерусалимский А. З. 55. Зайдель Г. 56. Залезский В. 57. Залманзон А. 58. Затонский В. 59. Зеликман М. 60. Зиновьев Г. И. 61. Ибрагимов Т. 62. Иоффе А. 63. Ирандуст 64. Исмаил-Заде К. 65. Каменев Л. 66. Канторович А. 67. Кантор Х. 68. Капелюш Ф. 69. Каплун С. 70. Карев Н. 71. Карпинский В. 72. Каценбоген С. 73. Кирпотин В. 74. Кинд. 75. Кленович С. 76. Красный Юз. 77. Кржижаковский Г. 78. Кривошеина Е. 79. Крицман Л. 80. Крупская Н. 81. Крыленко Н. 82. Ксенофонт Ф. 83. Куделли П.

- 84. Кузовков Д.
- 85. Куразов И.
- 86. Кушнер Л. (Кнышев)

Л.

- 87. Лапинский Л.
- 88. Ларин Ю.
- 89. Лейкин Э.
- 90. Лелевич Г.
- 91. Леонтьев А.
- 92. Ленин Н. (Ульянов В.).
- 93. Ленцнер Н.
- 94. Либерман Л.
- 95. Лисицын А.
- 96. Лозовский А.
- 97. Лукин Н.
- 98. Луначарский А.
- 99. Луппол И.
- 100. Люксембург Р.
- 101. Львов А.

М.

- 102. Майзлин
- 103. Майорский Н.
- 104. Максимов А.
- 105. Марецкий Д.
- 106. Мартынов А.
- 107. Маркс К.
- 108. Мендельсон А.
- 109. Мендельсон Л.
- 110. Мерфи Д.
- 111. Месяцев П.
- 112. Мещеряков Н.
- 113. Милютин В.
- 114. Минц И.
- 115. Мирошевский В.
- 116. Миф.
- 117. Молотов В.
- 118. Мотылев В.

О.

- 119. Ольминский М.
- 120. Осинский Н.

П.

- 121. Павлович М. (Вельтман Мих.)
- 122. Пашков А.
- 123. Пашуканис Е.
- 124. Пеппер Д.
- 125. Петрин В.
- 126. Петров Н.
- 127. Пионтковский С.
- 128. Позняков В.

- 129. Покровский М.
- 130. Полонский В.
- 131. Попов Н.
- 132. Преображенский Е.
- 133. Прушицкий С.

Р.

- 134. Радек К.
- 135. Раевич Г.
- 136. Раевич С.
- 137. Разумовский И.
- 138. Раковский Х.
- 139. Рафаил М.
- 140. Рейснер Л.
- 141. Родов С.
- 142. Рожицын В.
- 143. Рой М.
- 144. Ронин С.
- 145. Ротенберг.
- 146. Рубач А.
- 147. Рубинштейн М.
- 148. Рывлин Е.
- 149. Рыков А.
- 150. Рязанов Д.

С.

- *151. Савдер.
- 152. Сапир И.
- 153. Сарабьянов С.
- 154. Семенов Б. (Мельников).
- 155. Сен-Катаяма
- 156. Сережников В.
- 157. Серрати Д.
- 158. Скрыпник Н.
- 159. Слепков А.
- 160. Смилга И.
- 161. Смирнов В.
- 162. Смит М.
- 163. Смолянский Г.
- 164. Смушков В.
- 165. Сокольников Г.
- 166. Сорин В.
- 167. Сталин И.
- 168. Стеклов Ю.
- 169. Стецкий А.
- 170. Столяров А.
- 171. Струмилин С.
- 172. Стучка Л.
- 173. Стэн Я.
- 174. Сулковский

Т.

- 175. Тальгеймер А.
- 176. Танхилевич О.
- 177. Тележников Ф.
- 178. Тимирязев А.
- 179. Троцкий Л.

Ф.

- 180. Финк Г.
- 181. Флеровский И.
- 182. Форстер В.
- 183. Франкель Ф.
- 184. Франкфурт Ю.
- 185. Фрейлих Л.
- 186. Фридлянд Ц.
- 187. Фриче В.

Х.

- 188. Хмельницкая Е.
- 189. Ходжаев Ф.
- 190. Ходоров А.

Ч.

- 191. Чекин А. (Яроцкий В.)
- 192. Челяпов Н.
- 193. Черномордик С.
- 194. Чужак Н.

Ш.

- 195. Шанин Л.
- 196. Шахновская С.
- 197. Шестаков А.
- 198. Ширвиндт Е.
- 199. Шляпников А.
- 200. Шмидт В.
- 201. Шойжелов С.
- 202. Шуман С.

Щ.

- 203. Щап З.

Э.

- 204. Эвентов Л.
- 205. Эльцин В.
- 206. Энгельс Ф.
- 207. Эркнер С.
- 208. Эрколи

Я.

- 209. Яковлев Я.
- 210. Ярославский Е.

На иностранных языках

- 1. Arnot
- 2. Berlioz I.
- 3. Bertram W.
- 4. Bucharin N.
- 5. Djerjinski F.
- 6. Dutt
- 7. Engels F.
- 8. Graziadei A.
- 9. Lenin W.
- 10. Losowski A.
- 11. Marcu V.
- 12. Marx K.
- 13. Mehring F.
- 14. Michel R.
- 15. Page R.
- 16. Rjazanov D.
- 17. Selikman M.
- 18. Stachel J.
- 19. Stalin I.
- 20. Timirjazew A.
- 21. Trotzki L.
- 22. Waksow V.
- 23. Wittvogel K.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МК ВКП(б) И МОССОВЕТА
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

МОСКВА, Центр, Кузнецкий Мост, 1-в.
Адрес для телеграм: МОСКВА ИМРАБ.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 2-е ПОЛУГОДИЕ 1927 ГОДА**

СПУТНИК АГИТАТОРА

(ДЛЯ ГОРОДА)

Двухнедельный орган агитпропов ЦК и МК ВКП(б). III год издания.

Ответственный редактор К. Мальцев.

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ: Е. Коган, С. Крылов, З. Лаврентьев, Л. Леонидов.

В 1926 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ БЫЛИ НАПЕЧАТАНЫ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ СЛЕДУЮЩИХ ТОВАРИЩЕЙ:

Бахутова, В. Белоусова, В. Белобородова, М. Березкина, Бела-Кун, С. Буранова, М. Боровой, М. Бронского, И. Вейцера, В. Виленского, Сибирякова, П. Войтинского, Я. Гиндина, А. Гинзбурга, Л. Глезарова, С. Гусева, И. Гордеева, Д. Гросмана, Х. Гютера, Ш. Двоайцкого, С. Друяна, Евгеньева, С. Ицной, Х. Кантора, А. Кактынь, Э. Квиринга, В. Кнорина, С. Кузнецова, А. Кузнецова, Д. Курского, А. Курелла, А. Курбатова, С. Корочкина, З. Лаврентьева, И. Лазьяна, Л. Леонидова, М. Лифшица, Я. Ломинадзе, А. Лозовского, К. Мальцева, И. Матвеева, А. Маймина, Д. Марецкого, Г. Мельничанского, Дж. Мерфи, В. Межлаук, Ф. Нюриной, А. Орлинского, М. Пановко, И. Петрякова, Дж. Пепер, П. Поспелова, А. Попова, Ф. Раскольников, М. Рафеса, Н. Семашко, Н. Сонова, З. Соловьева, С. Струмилина, С. Сырцова, Г. Точильникова, М. Фрумкина, Арт. Халатова, Е. Херсонской, И. Шмидта, Г. Шибайло, М. Эпштейна, С. Яворского, В. Яроцкого, Я. Яковлева, Е. Ярославского.

**В 1927 ГОДУ ЖУРНАЛ ДАЕТ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ
БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:**

с № 11, 12 всем подписчикам было разослано бесплатно:

XIII СЪЕЗД СОВЕТОВ РСФСР — статьи и доклады; IV СЪЕЗД СОВЕТОВ СССР — статьи и доклады; **НОВЫЙ ЗАКОН О ЕДИНОМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ НАЛОГЕ.**

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 6 мес. — 2 р. 70 к. Цена отдельного номера — 30 к.
3 » — 1 » 40 »

ПОДПИСКА И ЗАКАЗЫ принимаются издательством «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ» (Москва, Центр., Кузнецкий Мост, 1-в), отделениями и магазинами издательства, уполномоченными издательства, снабженными соответствующими удостоверениями, всеми почтовыми конторами и отделениями, всеми партийными, государственными и профессиональными книжными магазинами по указанным в проспектах издательства ценам.

В гор. Москве подписка принимается также письменносцами.

Продажа отдельных номеров во всех книжных магазинах.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Коммунистической Академии

Москва 19, Волхонка, 14. Тел. 1-25-81 и 3-59-48.

Открыт прием подписки на 1928 год
НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„Вестник Коммунистической Академии“

6-й год издания

(Выходит раз в 2 месяца книгами размером в 20 печатных листов)

Научно-исследовательский журнал, выходящий под редакцией т. т.: Бухарина, Н. И., Дволайцкого, Ш. М., Деборина, А. М., Крицмана, Л. Н., Милютин, В. П., Покровского, М. Н., Преображенского, Е. А., Ротштейна, Ф. А.

Журнал ставит своей задачей разработку вопросов методологии и исследования отдельных проблем в области общественных и точных наук в свете марксизма. Являясь органом Коммунистической Академии, журнал отражает на своих страницах ее работу, как научно-исследовательского коллектива.

Помимо статей и исследований, в приложениях к журналу даются систематические библиографические указатели по различным вопросам.

СПИСОК СОТРУДНИКОВ

Адоратский, В., Аксельрод, Л. (Ортодокс), Базаров, В., Баммель, Г., Блюмин, И., Богданов, А., Бровский, М., Бухарин, Н., Вайнштейн, И., Варьяш, А., Вейц, В., Виноградская, П., Волгин, В., Горев, Г., Дволайцкий, Ш., Деборин, А., Дубровский, С., Ерманский, О., Каплун, С. Кон, А., Кривцов, С., Крицман, Л., Кузовков, Д., Ларин, М., Леонтьев, А., Литвинов, И., Лозовский, С., Лукин, Н., Луначарский, А., Меерсон, Г., Мещеряков, Н., Милонов, К., Милютин, В., Моносов, С., Мороховец, Е., Мотылев, В., Нахимсон, М. (Спектатор), Никольский, В., Осинский, Н., Орлов, И., Павлович, М., Пашуканис, Е., Переверзев, В., Позняков, В., Покровский, М., Преображенский, Е., Разумовский, И., Рейснер, М., Ротштейн, Ф., Рудащ, Д., Рязанов, Д., Смит, М., Степанов-Скворцов, И., Стучка, П., Тальгеймер, А., Тимирязев, А., Троцкий, Л., Тюменев, А., Харязов, Г., Удальцов, А., Фриче, В., Фогараш, А., Шмидт, О. и др.

Адрес редакции: Москва 19, Волхонка, 14, тел. 3-64-63.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ.

на 1 год (с 1/I по 31/XII)—14 р.; на полгода (с 1/I по 1/VII и с 1/VII по 31/XII)—7 р. 50 к.

Для годовых подписчиков допускается рассрочка: при подписке—6 руб.

Остальная сумма равными частями: 1/IV—4 руб. и 1/VI—4 руб.

В случае неуплаты в срок делается наложенный платеж при посылке очередных номеров журнала.

Подробные проспекты „Вестника Комм. Академии“ высылаются по первому требованию бесплатно.